РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

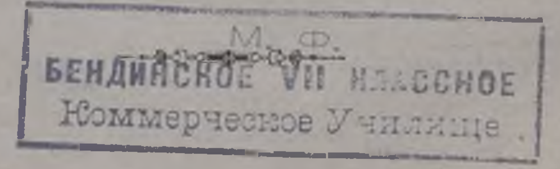
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 11.

НОЯБРЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Книга 11-я. Ноябрь 1893 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 г.

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

научно-популярный журналъ, предназначаемый для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) **Оригинальныя и переводныя статьи.** — 2) **Критика и библіографія.**—3) **Мелкія сообщенія** (рефераты). — 4) **Хроника.** — 5) **Приложенія** — литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) **Объявленія.**

Въ «Приложеніяхъ» имѣется въ виду, между прочимъ, напечатать: 1) **Воображеніе и его разновидности у ребенка.** (Этюдъ по экспериментальной психологіи). *Фридриха Кейра*, проф. философіи въ Колледжѣ Моріака. Перев. съ франц. Лебедевой.—2) **Душевныя разстройства дѣтей, обучающихся въ школахъ, и 13 исторій болѣзней.** *Ф. Уфера.* Перев. съ нѣмец. Г. К.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода **ВОСЕМЬ** разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.; кромѣ того допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-издатель д-ръ **А. Е. Покровскій.**

Въ вышедшихъ №№ за 1893 г., между прочимъ, напечатано:

Письмо къ интеллигентной матери (Воспитаніе дѣтей до шестилѣтняго возраста). **Д-ра Герта.**—О педагогическихъ взглядахъ В. Г. Бѣлинскаго. **В. Александрольской-Балталонъ.**—Образованіе, а не ученость! **Г. Вольтеръ.** — Къ вопросу о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ въ земскихъ школахъ. **Тихова.**—Капризы и раздражительность дѣтей (До пяти лѣтъ по преимуществу). **Н. Карцева.**—Мертвыя цыфры. (Замѣтка по вопросу о баллахъ за поведеніе). **М. Старковскаго.**—Жизненный вопросъ нервной гигіены. **Проф. И. А. Сикорскаго.**—Поэтъ-педагогъ (Мильтонъ). **И. Иванова.** — Что такое школьный врачъ и какимъ онъ долженъ быть? **М. О. Перфильева.**—О такъ-называемой научной гимнастикѣ въ Англіи. **Броше.**—Недостатки физическаго развитія и способы борьбы съ ними. **В. А. Будзько.**—Педагогическое значеніе А. В. Кольцова. **Н. Василькова.**—Воззваніе къ читателямъ съ умомъ и чувствомъ. (Къ вопросу о недостаткахъ современной школы). Перев. **Нейфельдъ.**—Фатальный вопросъ нашей средней школы. **П. Головачева.**—Не о хлѣбѣ единомъ. (Мысли о нравственномъ воспитаніи въ школахъ). **П. Курочкина.**—Воспитатель и воспитанникъ. (Педагогическія варіаціи на старую тему). **М. Старковскаго.**—Что говоритъ старый педагогъ. (Три урока въ женскомъ училищѣ Е—скаго купеч. общ.). **Стараго педагога.**—Учебное дѣло въ духовныхъ училищахъ и желательныя измѣненія въ постановкѣ его. **Ст. Никольскаго.**—Зобная железа въ школахъ. **А. Вирениусъ.**—Кто виноватъ? **В. И.**—Значеніе педа-

гогическихъ идей для матерей. П. А. Котлярова.—Къ вопросу о школьной нравственности Г. П. — Къ вопросу о статистикѣ воспитанія. А. Нейфельдъ. — Роль воспитанія въ борьбѣ съ суевѣріемъ. Х. Цинкъ.—Школьная страда. (Къ вопросу объ экзаменахъ). Л. Е. — Къ вопросу о постановкѣ школокъ грамоты. Н. Синицына. — Санитарная гимназія съ интернатомъ на южномъ берегу Крыма. Д-ра Гребнеръ. Искривленіе позвоночнаго столба у учащихся дѣтей. А. Виреніусъ.— Роль современной философіи въ дѣлѣ воспитанія. Проф. Р. Хохэгтера.—Типы воспитателей и воспитаніе по произведеніямъ Гоголя. Н. Василькова. — Антоній Мартинъ Сломшекъ, словенскій епископъ, педагогъ и патріотъ. П. М.—Кто виноватъ? П. Головачева.—Къ вопросу о психологіи идіота. Бр—скаго. — Принципіальное условіе въ защитѣ страждущаго дѣтства.—П. Н. Обнинскаго. — Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. А. Бендціула.—Объ эстетическомъ воспитаніи молодежи. Д-ра Е. Дреэра. — Н. В. Шелгуновъ, какъ педагогъ. Н. Василькова.— Факторы воспитанія. К. Ельницкаго. — Смѣшеніе цѣлей и средствъ въ средней школѣ. Л. Е.—Физіологія и психологія привычекъ. М. Перфильева.—Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи. Е. Покровскаго.— Учебники не какъ пособіе учащимся, а какъ новая отрасль промышленности и торговли. К. Томасъ. — Роль чувствъ въ воспитаніи и образованіи дѣтей. Д-ра Пероне.—Дѣтскіе типы современной беллетристики. М. К. Николаевой.—Литература «маленькаго народа». Критическія бесѣды. VI—VIII. А. В. Круглова. Въ Приложеніяхъ напечатаны: 1) Матери великихъ людей. Мориса Блока. Переводъ съ франц. Н. М. Дементьева. 2) Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. (Руководство къ воспитанію въ школѣ и дома). Д-ра Шольца.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 11.

НОЯБРЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го октября 1893 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Объ условіяхъ открытія начальныхъ училищъ на средства городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденій.

Въ дополненіе къ циркулярному предложенію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 31-го октября 1888 г., за № 16002, припечатанному въ № 1 цирк. по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ за 1889 г., на стр. 13—16, припечатывается при семъ, для свѣдѣнія, копія съ препровожденной ко мнѣ при отношеніи Департамента Народнаго Просвѣщенія отъ 26-го истекшаго іюля, за № 13466, копіи съ циркуляра Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 21-го іюня сего года за № 15, объ обязательности для городскихъ, земскихъ и сословныхъ учрежденій представлять, при возбужденіи ходатайствъ объ учрежденіи начальныхъ училищъ, состоявшіяся по сему предмету постановленія съ точнымъ указаніемъ размѣра и срока отпуска назначаемыхъ училищамъ пособій.

Въ виду неоднократно возникавшихъ недоразумѣній относительно обязательности для мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, отпуска суммъ на содержаніе начальныхъ народныхъ училищъ, учреждаемыхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго, 25-го мая 1874 г., положенія, по ходатайствамъ означенныхъ учрежденій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 31-го октября 1888 г. было сдѣлано распоряженіе, чтобы училищные совѣты и чины инспекціи народныхъ училищъ, при разсмотрѣніи ходатайствъ городскихъ, земскихъ и сословныхъ установленій объ открытіи училищъ съ отпускомъ суммъ отъ сихъ учрежденій, непремѣнно имѣли въ виду постановленія о томъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и сословныхъ установленій, изложенныя съ надлежащей опредѣлительностью относительно какъ размѣра, такъ и продолжительности отпуска ассигнуемыхъ на училища суммъ.

Между тѣмъ, общественныя и земскія учрежденія при заявленіи подобныхъ ходатайствъ нерѣдко не только не представляютъ копій своихъ постановленій, но даже не сообщаютъ инспекторамъ народныхъ училищъ требуемыхъ въ этомъ случаѣ свѣдѣній.

Вслѣдствіе сего, статсъ-секретарь графъ Деляновъ проситъ меня предложить губернскимъ начальствамъ поставить городскія и земскія учрежденія въ извѣстность, что ходатайствамъ ихъ объ учреждени начальныхъ училищъ будетъ дано дальнѣйшее движеніе лишь въ случаѣ подкрѣпленія упомянутыхъ ходатайствъ постановленіями, въ коихъ были бы точно указаны какъ размѣръ, такъ и срокъ отпуска назначаемыхъ училищамъ пособій.

Объявляется по округу (Циркуляръ С.-Петербургскаго Учебн. Окр. 1893 г., № 9).

О немедленномъ увѣдомленіи контрольныхъ учрежденій о растратахъ суммъ и казеннаго имущества.

Канцелярія государственнаго контроля обратила вниманіе на то обстоятельство, что въ настоящее время, въ случаѣ обнаруженія растраты казеннаго имущества самими отчетными управленіями, управленія эти не увѣдомляютъ о семъ мѣстное ревизіонное учрежденіе, которое, такимъ образомъ, узнаетъ о растратѣ чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время изъ ревизуемой имъ отчетности.

Вслѣдствіе сего, и принимая во вниманіе, что въ подобныхъ случаяхъ является существенно необходимымъ скорѣйшее заключеніе кассовой ревизіи отчетности того управленія или лица, которое допустило растрату, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 14-го минувшаго августа, за № 14536, проситъ меня предложить подвѣдомственнымъ мнѣ учрежденіямъ, объ обнаруженныхъ ими растратахъ суммъ и казеннаго имущества, немедленно увѣдомлять подлежащее контрольное учрежденіе.

Объявляется по округу (ib.).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Изданіе «Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ. Подписная цѣна за 10 портретовъ, по два въ пяти выпускахъ, имѣющихъ выйти въ 1893 году: безъ доставки 1 руб. 50 коп., съ доставкой 2 руб. Издатель и редакторъ *К. А. Бороздинъ.* Спб.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Римскіе писатели въ біографіяхъ и образцахъ для чтенія и перевода въ среднихъ и старшихъ классахъ. Часть I. Прозаики. Составили *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и 4-й гимназіи, и *В. Соколовъ*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и 6-й гимназіи. М. 1893. Стр. XXX+545. Цѣна 1 руб. 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій Министерства.

— Книги: 1) «Краткая этимологія греческаго языка. Составилъ *Я. Моръ*, директоръ Спб. 8-й гимназіи. Спб. 1893. Стр. X+208. Цѣна 1 руб.» и 2) «Книга упражненій по греческой этимологіи. Составилъ *Я. Моръ*, директоръ Спб. 8-й гимназіи. Спб. 1893. Стр. VIII+223. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить первую въ качествѣ учебнаго руководства, а вторую въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. *А. Ребьера*, профессора математическихъ наукъ. Перевелъ *Н. де-Жоржъ*, преподаватель математики 8-й Спб. гимназіи. Спб. 1893. Стр. IV+219+V. Цѣна 1 руб.» — одобрить какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Астрономія для любознательныхъ людей. *Иліодора Фелькнера*, дѣйствительнаго члена русскаго астрономическаго общества. Съ картою неба и 306 рисунками въ текстѣ. Кіевъ. 1892. Стр. XV+639. Цѣна 3 руб. 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: «Физико-математическія науки въ настоящемъ и прошедшемъ. Журналъ частной и прикладной математики, астрономіи и физики, издаваемый *В. В. Бобынинымъ*, приватъ-доцентомъ Императорскаго Московскаго университета. Годъ пятый, 1889 (четыре книжки), стр. 292+159.—Томъ девятый. Годъ шестой, 1890 (три книжки), стр. 168+161+52+61. Подписная цѣна по 6 рублей за каждый томъ»—одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ физики для среднеучебныхъ заведеній. Составилъ *П. Фроловъ*. Полтава 1891—1893. Выпускъ I. Статика, 157 стр.; выпускъ II. Движеніе. Теплота. Звукъ, 246 стр.; выпускъ III. Свѣтъ. Электричество, 247 стр.; итого 650 стр. Цѣна 3-хъ выпусковъ съ пересылкой 3 руб. 50 коп. Для учебныхъ заведеній при требованіи отъ автора не менѣе 25 экз., цѣна понижена до 2 руб. 60 коп.»—одобрить какъ учебное руководство для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей для класснаго и домашняго чтенія, *С. А. Манштейна*. *Friedrich von Schiller*, Maria Stuart (*Шиллеръ*, Марія Стюартъ). Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Объяснилъ *Н. Г. Розенбергъ*. преподаватель Императорской гимназіи. Царское Село. 1892. Стр. 187+54. Цѣна со словаремъ 40 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Ѳ. К. Андерсона*. Марія Стюартъ *Шиллера*. Спб. 1893. Стр. XV+222. Цѣна 40 к., въ папкѣ 50 к.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книги: «Нѣмецкая хрестоматія. Составилъ *Р. Гретманъ*. Часть I, для младшихъ и среднихъ классовъ. Пятое, дополненное изданіе. Москва. 1892. Стр. XIV+213+83. Цѣна 85 коп.—Часть II, для среднихъ и

старшихъ классовъ. Третье, исправленное изданіе. Москва. 1891. Стр. XXIV+420. Цѣна 1 руб. 20 коп.—Словарь къ II и III части нѣмецкой хрестоматіи. Третье, дополненное изданіе. Москва. 1892. Стр. VIII+295. Цѣна 90 коп.»—первую часть хрестоматіи одобрить, а вторую часть и словарь допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія для соотвѣтствующихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Сочиненія: 1) «Premières leçons de français à l'usage des établissements russes, par *S. Boulanger*. Saint-Pétersbourg. 1893. Стр. 99+III» и 2) «Exposé de la méthode des premières leçons à l'usage des établissements russes. Livre du maître. Par *S. Boulanger*. Saint-Pétersbourg. 1893. Стр. 50»—рекомендовать въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Архіепископъ Никаноръ, какъ педагогъ. Директора Новобугской учительской семинаріи *А. Крылова*, Новочеркаскъ. 1893. Стр. 113» — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Краткіе очерки исторіи Россіи. Составилъ *А. Мостовскій*. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Рига, 1892. Стр. 54. Цѣна 28 коп.» — допустить какъ руководство для учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края и Финляндіи.

— Книгу: «Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Составилъ и издалъ *А. Сапуновъ*. Витебскъ. 1893. Стр. IV+512+LXIX. Цѣна 4 руб.»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для раздачи въ видѣ награды ученикамъ.

— «Контуры географическихъ картъ для классснаго черченія по всему курсу II, III и IV классовъ. Составилъ *И. Поддубный*. 1893. Цѣна каждой карты 1 коп.»—одобрить къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства.

— Книгу: «Записки по педагогикѣ. Часть I. Общая педагогика. Изданіе третье, дополненное и исправленное. Составилъ *И. Скворцовъ*. Спб. 1891, стр 184»—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для женскихъ гимназій.

— Книжку: «Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія съ задачами для упражненія. Составилъ учитель *И. К. Ганъ*. Изданіе 5-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Вильна. 1893. Стр. 75. Цѣна 30 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ физики. Курсъ реальныхъ училищъ. Составилъ *А. Бердниковъ*. Москва. 1892. Стр. 343. Цѣна 2 руб.»—допустить въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи физики въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу: «Поэзія. Poësie. Сборникъ избранныхъ стихотвореній, пѣсенъ, пословицъ, загадокъ, скороговорокъ и т. п., съ приложеніемъ правилъ нѣмецкаго стихосложенія и краткихъ жизнеописаній выдающихся нѣмецкихъ поэтовъ. Съ примѣчаніями и словаремъ издалъ *Максъ Фи-*

шеръ. Часть I. Изд. 2-е. Москва. 1892. 414 стр. Цѣна 1 руб.»—одобрить какъ полезное пособіе при изученіи нѣмецкаго языка во всѣхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «*Іоанна Амоса Коменскаго* Уставъ материнской школы. Съ чешскаго подлинника «Informatorium školy matěrske» (1628) перевелъ *Ѳ. В. Ржига*. Нижній-Новгородъ. 1893. Стр. XIV+109. Цѣна 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Разсказы про дикаго человѣка. *Д. А. Коропчевскаго*. Съ политипажами въ текстѣ. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1893. Стр. 334. Цѣна 2 руб.» — одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: «Русскіе глаголы. Составилъ *И. Пахманъ*. Вильно. 1893. Стр. 72. Цѣна 40 коп.» — одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго, Виленскаго, Варшавскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ.

— Книгу: «Учебникъ латинскаго языка для трехъ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *А. Поспишилъ*, преподаватель древнихъ языковъ при Кіевской 1-й гимназіи. Часть I. Курсъ перваго класса. Изд. 4-е. Кіевъ. 1892. Стр. II+62. Цѣна 50 коп.—Часть II. Курсъ второго и третьяго классовъ. Изд. 3-е. Кіевъ. 1893. Стр. III+232. Цѣна 1 рубль»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Д-ръ *Августъ Шейндлеръ*, директоръ гимназіи въ Вѣнѣ. Методика преподаванія грамматики греческаго языка. Перевелъ съ измѣненіями и дополненіями примѣнительно къ русскимъ гимназіямъ преподаватель 3-й Казанской гимназіи *Н. Корниловъ*. Казань. 1893. Стр. VIII+130»—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Ньютонъ. Его жизнь и труды. Составилъ *Н. Н. Маракуевъ*, преподаватель физики и математики. Изданіе 2-е. Москва. 1892. Стр. XIII+205. Цѣна 40 коп.» — одобрить для библіотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ старшаго возраста.

— Книгу: «Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка. Томъ II. Составилъ *В. Потто* при участіи въ сборѣ матеріаловъ князя *В. П. Долгорукова*. Спб. 1894. 4-е. Стр. VI+186» — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Краткій учебникъ географіи *Н. Раевскаго*, директора втораго Петербургскаго реальнаго училища. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1893. Три части: Часть I. Описаніе земнаго шара. Съ 65 рисунками и 3-мя окрашенными картинами. Стр. 61. Цѣна 50 коп.—Часть II. Внѣевропейскія страны. Съ 4-мя раскраш. картами и 48 фиг. въ текстѣ. Стр. 86. Цѣна 65 коп. — Часть III Западная Европа. Съ 4-мя раскрашенными картинами и 43 фиг. въ текстѣ. Стр. 95. Цѣна 65 коп.»—одобрить въ видѣ руководства по географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Избранныя педагогическія сочиненія *Яна Амоса Коменскаго*. Часть I. Великая дидактика. Переводъ съ латинскаго *Андрея Адольфа* и *Сергѣя Любомудрова*. Москва. 1893. Стр. XXVIII+308. Цѣна 1 руб. 50 коп.» — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: «Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Иванъ Аллендорфъ*, преподаватель Кишиневскаго реальнаго училища. Изданіе 6-е. Одесса. 1893. Стр. X+172. Цѣна 80 коп.»—одобрить въ качествѣ руководства для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Deutsche Grammatik. Ein Leitfaden für den Unterricht in der deutschen Sprache. Bearbeitet und mit zahlreichen Uebungsaufgaben versehen von *J. Bach*. Riga. 1885. Стр. VIII+175» — одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства въ тѣхъ низшихъ и среднихъ заведеніяхъ, въ которыхъ обучаются преимущественно дѣти, коихъ родной языкъ нѣмецкій.

— Книгу: «*Th. Billroth.* Die Krankenpflege im Hause und im Hospitale. Проф. *Бильротъ*. Домашній и госпитальный уходъ за больными. Русское изданіе второе. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія (1892) съ примѣчаніями и дополненіями д-ра *Г. М. Герценштейна*, прив.-доц. Воен.-Мед. академіи. Спб. 1893. Стр. 372. Цѣна 1 р. 50 к.» — рекомендовать для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: «Какъ отбыть воинскую повинность. Справочная книжка для лицъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній — студентовъ, гимназистовъ, реалистовъ и др. Составили *Висковскій* и *Лилюхинъ*. Москва. 1893. Цѣна 75 коп. Стр. 1—143. Съ особо отпечатаннымъ листкомъ, въ коемъ помѣщены измѣненія, послѣдовавшія по Высочайше утвержденному 19 января 1893 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, объявленному въ приказѣ по военному вѣдомству сего-же года за № 46»—одобрить для пріобрѣтенія въ библіотеки учебныхъ заведеній Министерства, высшихъ, среднихъ и низшихъ.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Министромъ, постановлено:

— Книгу: «Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Составилъ *Д. Тихомировъ*. Изд. 7-е. М. 1893. Въ 12 д. л., 126 стр. Ц. 15 коп.»—одобрить для употребленія въ видѣ руководства въ начальныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены указанныя Комитетомъ неточности.

— Книгу: «Ариѳметика на счетахъ. Составилъ *М. Н. Кудрявцевъ*. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М. 1892. Въ 8-ку, 76 стр. Цѣна

45 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ учебнаго пособія и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Составленныя *А. Барановымъ* книги: 1) «Наше родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. *Первый годъ* обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Изд. 15-е. Спб. 1892. Въ 8-ку, 95 стр. Цѣна 30 коп.—2) Наше родное. Книга для класснаго и домашняго чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. *Второй годъ* обученія. Сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи съ матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Изд. 6-е. Спб. 1892. Въ 8-ку, 142 стр. Цѣна 40 коп. и 3) то же, *Третій годъ* обученія. Изд. 4-е. Спб. 1891. Въ 8-ку, 238 стр. Цѣна 60 коп.»—одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— «Русскія прописи для городскихъ, сельскихъ и церковно-приходскихъ училищъ. Составилъ *А. Твалчрелидзе.* Изд. 2-е. Ставрополь. 1893. Цѣна 15 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Составилъ *А. Гусевъ.* М. 1892. Въ 8 д. л., 144 стр. Цѣна 25 коп.»—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «*К. Ельницкій.* Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. Спб. 1893. Въ 8 д. л., 26 стр. Цѣна 20 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ.

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I.

(Окончаніе).

Раввинскія училища, о которыхъ мы мелькомъ уже упоминали, въ 1849—1855 гг. окрѣпли, развились и стали давать спеціально подготовленныхъ для еврейскихъ училищъ 1-го и 2-го разрядовъ учителей еврейскихъ предметовъ: Виленское—съ 1852 года, Житомірское—съ 1854 года *).

Учебный курсъ раввинскихъ училищъ состоялъ: 1) изъ общаго семилѣтняго курса, который обязательно проходили всѣ ученики, 2) изъ однолѣтняго спеціально-педагогическаго курса—для готовившихся въ учителя, и 3) трехлѣтняго спеціально-раввинскаго—для готовившихся къ занятію должностей раввиновъ.

Въ теченіе семилѣтняго общаго курса воспитанники раввинскихъ училищъ проходили общіе и спеціально-еврейскіе предметы. Изъ предметовъ общаго образованія преподаваемы были въ объемѣ гимназическомъ всѣ тѣ-же предметы, какіе проходимы были тогда въ гимназіяхъ, кромѣ естествовѣдѣнія, французскаго и латинскаго языковъ. Первые два предмета вовсе не были преподаваемы въ раввинскихъ училищахъ въ 1848—1855 г.: латинскій языкъ былъ преподаваемъ съ 1850 г. по 1853, а въ этомъ году приказано было прекратить преподаваніе его. По еврейскимъ предметамъ ученики первыхъ трехъ классовъ раввинскаго училища проходили тотъ-же самый курсъ, какой указанъ былъ училищамъ 2-го разряда; въ старшихъ-же классахъ подробно изъясняемы были псалтирь и книги пророческія, проходимы были избранные отдѣлы Мишны и Вавилонскаго талмуда и была преподаваема исторія евреевъ **). Педагогическій

*) См. Истор. свѣдѣнія о Вилен. равв. училищѣ. Вильна, 1873 г., стр. 10.

**) Программа преподаванія еврейскихъ предметовъ въ раввинскихъ училищахъ въ первые годы существованія этихъ училищъ нѣсколько разъ была перемѣняема. Окончательно она установлена въ 1853 г. 5 авг. Ист. свѣдѣнія о Вилен. равв. училищѣ, стр. 10.

курсъ, говоря словами Положенія (§ 23), имѣлъ цѣлью обученіе воспитанниковъ правиламъ и способамъ преподаванія, на какой конецъ они должны были пріучаться давать уроки въ разныхъ учебныхъ предметахъ, въ присутствіи своихъ товарищей и подъ надзоромъ учителей и инспектора, въ одномъ изъ еврейскихъ училищъ; но приведенный § Положенія не исполнялся въ разсматриваемомъ періодѣ и курсъ педагогическаго отдѣленія, исключительно теоретическій, былъ продолженіемъ общаго курса. Курсъ спеціально-раввинскій былъ частью теоретическій, частью практическій.

На первыхъ порахъ своего существованія раввинскія училища, какъ и училища 1-го и 2-го разрядовъ, не пользовались симпатіями евреевъ. На эти училища евреи смотрѣли подозрительно, и поступали въ нихъ почти исключительно бѣдняки, привлекаемые сюда правительственными стипендіями *) Но по мѣрѣ того какъ училища эти развивались, евреямъ стало уясняться, что они могутъ имѣть для нихъ болѣе важное и цѣнное значеніе, чѣмъ спеціальныя заведенія для подготовленія кандидатовъ на учительскія и раввинскія должности. И скоро эти училища стали дороги для евреевъ тѣмъ. что дѣти евреевъ могли пройти здѣсь курсъ средняго учебнаго заведенія, не надѣвая гимназическаго мундира. Обязательность для учившихся въ гимназіяхъ носить мундиръ очень смущала евреевъ и была не послѣдней помѣхой для опредѣленія евреями своихъ дѣтей въ гимназіи: гимназическій мундиръ, надѣтый евреемъ, для еврейской массы служилъ яснымъ доказательствомъ того, что родители поступившаго въ гимназію не уважаютъ старины, что они не тверды въ вѣрѣ, ибо позволяютъ своему сыну нарушать святость субботняго дня ношеніемъ книгъ и писаньемъ въ классѣ. Раввинскія-же училища были не гимназіи: здѣсь половина учителей — свои люди, здѣсь еврейская почва подъ ногами. Вотъ почему въ раввинскія училища, уже спустя лѣтъ 6 — 7 по открытіи ихъ **), и особенно послѣ того, какъ ученикамъ этихъ училищъ въ 1856 г. разрѣшено было поступать въ университеты по выдержаніи повѣрочнаго испытанія въ латинскомъ и французскомъ языкахъ ***), многіе родители-евреи стали охотно отдавать

*) Въ 1849 г., когда въ Вил. раввинскомъ училищѣ было уже 6 классовъ, учащихся было только 88. Ibidem, стр. 45.

**) Въ 1852 году въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ было уже 208 учениковъ, въ 1853—251. Ibidem.

***) Право это предоставлено ученикамъ раввинскихъ училищъ предложеніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія на имя попечителя Казанскаго Учебнаго Округа отъ 26 марта 1856 г. за № 2.519.

своихъ дѣтей. Но они вовсе не имѣли въ виду готовить своихъ дѣтей въ учителя или раввины: въ раввинскихъ училищахъ они хотѣли дать своимъ дѣтямъ то образованіе, какое давала гимназія. И такого рода ученикъ, окончивъ общій курсъ, обыкновенно оставлялъ раввинское училище, не переходя въ спеціальные классы. Силой обстоятельствъ раввинскія училища скоро получали такимъ образомъ въ глазахъ евреевъ значеніе не спеціально-учебныхъ заведеній, а среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, ведущихъ къ университету. Съ этой стороны, главнымъ образомъ, и стали цѣнить ихъ евреи.

Было и другое обстоятельство, точно также сильно повліявшее на отклоненіе раввинскихъ училищъ отъ выполненія ими прямой ихъ задачи—подготовлять кандидатовъ на учительскія и раввинскія должности. Обстоятельство это состояло въ томъ, что преподаваніе общихъ предметовъ (оно возложено было большею частью на учителей гимназій) пошло въ раввинскихъ училищахъ несравненно живѣе и лучше, чѣмъ преподаваніе еврейскихъ предметовъ, находившееся въ первое время существованія раввинскихъ училищъ въ рукахъ евреевъ-автодидактовъ. Внутри раввинскихъ училищъ, говоритъ бывшій ученикъ одного изъ нихъ *),—не все обстояло благополучно. Въ циклѣ преподаванія общіе предметы взяли верхъ; на ихъ сторонѣ были симпатіи воспитанниковъ. Будучи преподаваемы людьми, получившими высшее образованіе, общіе предметы пришлись по вкусу молодежи. Еврейскіе-же предметы, преподаваемые людьми стараго покроя **), изъ которыхъ большая часть не владѣла отечественнымъ языкомъ, не привлекали вниманія учащихся, не видѣвшихъ въ способѣ преподаванія ихъ ничего новаго: тутъ практиковались тѣ-же хедерные пріемы, употреблялся тотъ-же жаргонъ при объясненіи. Были даже преподаватели, которые, объясняя ученикамъ библію, проходили трудныя мѣста философскимъ замѣчаніемъ: «здѣсь никто не знаетъ». Плохое преподаваніе дало себя чувствовать еще болѣе при изученіи талмуда, гдѣ отъ учителей требовалась особая эрудиція и мастерское изложеніе, чтобы заинтересовать учащихся. Всѣ преподаватели должны были быть на высотѣ своей задачи, чтобы выдержать конкурренцію съ преподавателями общихъ предметовъ, а этого-то и не было. Та-

*) «Разсвѣтъ». 1880 г. № 37. Статья Перельштейна, стр. 1463.

**) Справедливость требуетъ однако-же сказать, что въ числѣ этихъ учителей-автодидактовъ были люди очень развитые и талантливые; нѣкоторые изъ нихъ, особенно Берко Лебензонъ, пользовались за свои литературные труды уваженіемъ и заграничныхъ евреевъ.

кимъ образомъ, главная задача раввинскихъ училищъ—приготовлять людей, которые посредствомъ научнаго еврейскаго образованія (въ качествѣ учителей и раввиновъ) вырвали-бы народъ изъ тенетъ нѣвѣжества и фанатизма, не могла быть достигнута. Сами воспитанники чувствовали это и бросились на изученіе общихъ предметовъ, и въ особенности на изученіе нѣмецкаго языка и нѣмецкой литературы. Но чѣмъ больше увлекались они изученіемъ общихъ предметовъ, тѣмъ менѣе заманчивой представлялась имъ перспектива быть учителями или раввинами, и тѣмъ сильнѣе разгоралось въ нихъ желаніе — добраться до университета. Многимъ изъ нихъ, даже и изъ числа получавшихъ стипендіи, и удалось дѣйствительно оставить раввинскія училища и перейти сначала въ общія среднія учебныя заведенія, а потомъ и въ университеты.

Непосредственнымъ результатомъ указанныхъ явленій былъ тотъ фактъ, что хотя число учащихся въ раввинскихъ училищахъ съ начала пятидесятыхъ годовъ достигло значительной высоты, эти спеціальныя заведенія давали мало кандидатовъ на учительскія должности и еще меньше на раввинскія должности. До 1855 г. вышли изъ Виленскаго раввинскаго училища *два* кандидата на должности раввиновъ; на педагогическихъ отдѣленіяхъ кончило курсъ ученія въ Виленскомъ раввинскомъ училищѣ 18 и въ Житомірскомъ 6.

Что касается вопроса о томъ, насколько оказалось подготовленнымъ къ исполненію учительскихъ должностей небольшое количество кончившихъ курсъ ученія въ педагогическихъ отдѣленіяхъ раввинскихъ училищъ, то факты даютъ намъ слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Со стороны общаго развитія питомцы училищъ оказались вообще достаточно подготовленными къ занятію учительскихъ мѣстъ. Всѣ они горячо принялись за дѣло и немало содѣйствовали подъему уровня развитія учащихся; многіе изъ нихъ немало поработали и для распространенія между евреями болѣе правильныхъ воззрѣній на необходимость не ограничивать образованіе дѣтей предѣлами религіознаго обученія.

Никакъ нельзя упрекнуть воспитанниковъ раввинскихъ училищъ и въ какомъ-бы то ни было проявленіи религіознаго фанатизма. Своею дѣятельностью въ училищахъ они показали, что образованіе, полученное ими въ раввинскихъ училищахъ, изгладило въ нихъ тотъ духъ еврейской исключительности, которымъ отрицается всякая возможность усвоенія евреями воззрѣній и обычаевъ нееврейскихъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не помянуть добрымъ словомъ и первыхъ

учителей еврейскихъ предметовъ въ раввинскихъ училищахъ. Хотя это были автодидакты, но они дѣйствовали и вели преподаваніе въ духѣ ново-іудейской школы. Это настроеніе они передали и своимъ ученикамъ *).

Но специально-педагогической подготовкѣ раввинскія училища не давали своимъ питомцамъ. Усиленно занимая учащихся изученіемъ въ особенности еврейскихъ предметовъ, раввинскія училища на первыхъ порахъ своего существованія не знакомили ихъ съ педагогикой и дидактикой и не предоставляли имъ возможности попробовать свои силы въ искусствѣ преподаванія въ начальныхъ училищахъ. Поэтому-то и обнаружилось вскорѣ, что лишь тѣ изъ воспитанниковъ раввинскихъ училищъ могутъ стать хорошими учителями, которые при природномъ педагогическомъ талантѣ сами могутъ выработать методы и пріемы преподаванія. «Становится жаль,—говорится въ отчетѣ Постельса по обозрѣнію еврейскихъ училищъ въ 1864 и 1865 годахъ,—этихъ учителей, большею частью развитыхъ и полныхъ доброй воли и энергіи, ибо, отъ незнанія раціональныхъ способовъ обученія, труды ихъ не могутъ увѣнчаться удовлетворительнымъ успѣхомъ».

Недостатокъ педагогической подготовки, конечно, съуживалъ размѣры пользы, какую могли принести воспитанники раввинскихъ училищъ дѣлу обученія своихъ единовѣрцевъ въ казенныхъ училищахъ. Но и въ этихъ съуженныхъ размѣрахъ многимъ изъ нихъ не удалось сдѣлать то, къ чему они стремились. Крайне невыгодно отозвалось на судьбѣ этихъ новыхъ дѣятелей на поприщѣ просвѣтительнаго ихъ служенія то прискорбное обстоятельство, что имъ скоро пришлось вступить въ борьбу отчасти съ своими прямыми начальниками-смотрителями, отчасти съ товарищами-учителями, а отчасти и съ обществомъ. Смотрителя (многіе изъ нихъ были изъ канцелярскихъ служителей или изъ приходскихъ учителей) и учителя-евреи изъ меламдовъ, увидѣвъ превосходство надъ собой молодыхъ товарищей въ воззрѣніяхъ и знаніяхъ, скоро начали обращаться съ ними недружелюбно, а партія фанатиковъ, вездѣ отыскивая поводы для недовѣрія къ училищамъ, упрекала ихъ, когда представлялась къ тому хоть малѣйшая возможность, въ пренебреженіи обрядами вѣры и обычаями, освященными вѣками. Особенно меламды поддерживали и подкрѣпляли такія обвиненія, видя въ молодыхъ учителяхъ соперниковъ, готовящихся современемъ ихъ вытѣснить. Тяжкая служба выпала такимъ

*) Нагляднымъ выраженіемъ такого настроенія служитъ фактъ, что ученики раввинскихъ училищъ вмѣстѣ съ своими преподавателями-евреями посѣщали не общую, а *берлинскую* синагогу.

образомъ на долю воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, и удивительно-ли, что нѣкоторые изъ нихъ, послѣ безплодныхъ попытокъ стать выше житейскихъ невзгодъ, поспѣшили при первой возможности уйти изъ училищъ, чтобы на другихъ поприщахъ службы или частной дѣятельности найти средства къ болѣе обезпеченной жизни, а нѣкоторые не вынесли жизненныхъ невзгодъ и покончили съ собой.

Въ разсматриваемомъ періодѣ начали возникать и женскія частныя училища. Первымъ такимъ училищемъ по времени возникновенія было, какъ мы знаемъ, Одесское женское училище. Затѣмъ, когда признано было нужнымъ прекратить выдачу субсидій содержателямъ виленскихъ мужскихъ частныхъ еврейскихъ училищъ Шевелю Перелю и Гермайзе, они преобразовали свои училища въ женскія. Впослѣдствіи до конца разсматриваемаго періода возникли еще училища: въ Вильнѣ (третье), Пинскѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Житомірѣ и Херсонѣ *).

Такъ какъ евреи вообще не считаютъ нужнымъ давать своимъ дочерямъ сколько-нибудь широкое религіозное образованіе, то въ женскихъ еврейскихъ училищахъ еврейскіе предметы были проходимы въ ограниченномъ размѣрѣ, и преподаванію общихъ предметовъ было дано преобладающее значеніе. Что-же касается программы преподаванія, то въ каждомъ училищѣ она опредѣлялась содержателемъ училища, съ утвержденія учебнаго начальства Министерство Народнаго Просвѣщенія, вполнѣ понимавшее важность распространенія образованія между еврейками, не хотѣло затруднять открытія этихъ училищъ требованіемъ отъ содержателей ихъ, чтобы они выполняли одну опредѣленную программу. Эти двѣ особенности устройства женскихъ еврейскихъ училищъ, выработавшіяся подъ вліяніемъ требованій самой жизни и предоставлявшія содержателямъ училищъ полную возможность сообразоваться въ устройствѣ училищъ съ потребностями евреевъ, весьма выгодно отозвались на судьбѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ этихъ заведеній. Вотъ, что говорится о виленскомъ женскомъ училищѣ Переля въ отчетѣ профессора Мухлинскаго по осмотру имъ еврейскихъ учебныхъ заведеній въ 1852 году: «дѣвичій еврейскій пансіонъ, содержимыіі Перелемъ, состоитъ изъ 3-хъ классовъ и, сверхъ того, есть приготовительный классъ. Въ приготовительномъ классѣ было 56 учениць, въ 1-мъ 30, во 2-мъ 11, въ 3-мъ 8, всего 105 дѣвочекъ. Предметы обученія суть слѣдующіе: Законъ Божій, языки еврейскій, русскій, нѣмецкій и французскій, географія, исторія, ариѳметика, чисто-

---

*) Всеподданнѣйшій отчетъ Мин. Нар. Пр. за 1855 г. «Журн. Мин. Н. П.» іюль, 1856 г., стр. 140.

писаніе на всѣхъ четырехъ языкахъ, музыка и рукодѣлье. По всѣмъ этимъ предметамъ я произвелъ, вмѣстѣ съ директоромъ училищъ Виленской губерніи, испытаніе, и съ истиннымъ удовольствіемъ мы были свидѣтелями успѣховъ дѣвицъ, особенно замѣчательныхъ въ 3-мъ классѣ. По русски произносятъ слова совершенно чисто, пишутъ по диктовкѣ и переводятъ совершенно безошибочно; тоже и по нѣмецки. Исторію отечественную знаютъ превосходно. И въ низшихъ классахъ видны результаты ревности содержателя, не жалѣющаго своихъ усилій и трудовъ». По свидѣтельству профессора Мухлинскаго, училище это пользовалось довѣріемъ евреевъ. Доказательствомъ, говоритъ онъ, служитъ то, что раввинъ Гордонъ посылаетъ туда свою внучку, а цензоръ Тугенгольдъ—свою дочь. Симпатичный отзывъ сдѣланъ Мухлинскимъ и о другихъ женскихъ еврейскихъ училищахъ Виленскаго учебнаго округа *).

Министерство Народнаго Просвѣщенія, въ предвидѣніи пользы, какую могли принести эти училища образованію евреевъ, съ 50-хъ годовъ признало съ своей стороны нужнымъ давать нѣкоторымъ изъ этихъ училищъ субсидіи. Это были виленскія училища Переля и Гермайзе. Въ заключеніе настоящаго отдѣла статьи считаемъ нужнымъ упомянуть, что Министерство Народнаго Просвѣщенія не сочло возможнымъ воспользоваться въ разсматриваемомъ періодѣ предоставленнымъ ему правомъ—«по учрежденіи въ достаточномъ количествѣ школъ по всѣмъ мѣстамъ жительства евреевъ войти съ особымъ чрезъ Комитетъ Министровъ представленіемъ объ объявленіи обученія евреевъ въ казенныхъ училищахъ обязательнымъ и опредѣленіи понудительныхъ мѣръ къ исполненію сего предположенія».

Видимо, оно не считало еще благовременнымъ входить съ такимъ представленіемъ.

V.

Въ продолженіе царствованія Императора Николая I русское правительство не щадило усилій для распространенія образованія между евреями. Оно широко раскрыло евреямъ двери общихъ учебныхъ заведеній; оно создало для ихъ образованія цѣлую сѣть особыхъ учебныхъ заведеній и—чего не дѣлалось нигдѣ—не щадило усилій для того, чтобы привлечь въ общія и спеціально устроенныя для евреевъ училища возможно большее количество учениковъ. Ни одно правительство христіанскаго міра не заботилось столько объ образованіи

*) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 627, № 5434.

евреевъ, сколько русское правительство въ 1825—1855 годахъ. Каковы-же были результаты этихъ напряженныхъ усилій, этихъ неустанныхъ заботъ?

У насъ нѣтъ въ распоряженіи цыфровыхъ данныхъ, которыя далибы возможность точно опредѣлить, въ какой мѣрѣ евреи воспользовались предоставленнымъ имъ въ царствованіе Императора Николая I правомъ учиться въ общихъ заведеніяхъ. Въ отчетахъ по отдѣльнымъ заведеніямъ тогда не существовало отдѣльной графы для показанія числа евреевъ, посѣщавшихъ эти заведенія: часто евреи числились въ общемъ количествѣ мѣщанъ, или учениковъ податныхъ сословій, а въ министерскихъ отчетахъ число евреевъ, обучавшихся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, и вовсе не показывалось. Но всетаки есть основаніе сказать, что въ концѣ царствованія Императора Николая I число евреевъ, обучавшихся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, начало увеличиваться. Такъ, въ Ковенской губерніи мы встрѣчаемъ 4 евреевъ въ Россіенскомъ дворянскомъ училищѣ, 3 въ Поневѣжскомъ дворянскомъ училищѣ и 1 въ Ковенской гимназіи. Въ Гродненской губерніи къ 1-му января 1856 года обучались въ различныхъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ 11 евреевъ *).

Болѣе полныя данныя имѣются относительно количества евреевъ, обучавшихся въ особыхъ еврейскихъ училищахъ.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета Министра Народнаго Просвѣщенія **) за 1855 годъ мы видимъ, что въ этомъ году существовало 104 мужскія еврейскія училища, въ томъ числѣ два раввинскихъ училища, 13 училищъ 2-го разряда, 88 училищъ 1-го разряда и одно общественное училище въ Ригѣ (Шлоккское), состоявшее на степени училищъ 1-го разряда. Въ нихъ учащихся было 3.363 ***).

По учебнымъ округамъ эти 104 училища распредѣлялись такъ: въ Петербургскомъ учебномъ округѣ было (въ губерніяхъ Витебской и Могилевской) 18 училищъ съ 471 ученикомъ, въ Дерптскомъ 6 съ 318 учениками, въ Виленскомъ 26 училищъ съ 805 учащимися, въ Кіевскомъ 38 училищъ съ 1.006 учащимися и въ Одесскомъ 16 училищъ съ 763 учащимися.

---

*) Отчетъ по Вил. у. округу. Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 690, № 6448.

**) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856, іюнь.

***) Въ министерскомъ отчетѣ показано учащихся 3.487; у насъ показывается 3.363 ч. Разница объясняется тѣмъ, что въ числѣ 3.487 заключаются и 124 дѣвочки, обучавшіяся въ двухъ виленскихъ женскихъ училищахъ, получавшихъ субсидію.

Въ описываемое время въ чертѣ еврейской осѣдлости, по даннымъ ревизіи 1851 года, было 567.227 евреевъ мужского пола *). Раздѣливъ это число на число учившихся въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ мальчиковъ, увидимъ, что одинъ учившійся приходился на 168,87 евреевъ мужского пола. По учебнымъ округамъ это число распредѣлялось такъ:

Названіе учебныхъ округовъ и входившихъ въ ихъ составъ губерній.	Количество евреевъ мужского пола.	Количество учившихся.	Сколько среднимъ числомъ приходилось на школу.	На сколько евреевъ приходился 1 учившійся.
Петербургскій.				
Витебская губернія	27.410	—	—	—
Могилевская губернія	49.443	—	—	—
Итого . .	76.853	471	26,16	163,17
Дерптскій.				
Курляндская губернія	12.305	—	—	—
Лифляндская »	289	—	—	—
Итого . .	12.594	318	45,43	39,60
Виленскій.				
Виленская губернія	27.231	387	55,28	70,36
Гродненская »	43.178	114	16,28	378,75
Ковенская »	37.203	137	22,83	271,55
Минская »	45.760	167	21,33	272,81 **)
Итого . .	153.372	805	30,96	190,52
Кіевскій.				
Кіевская губернія	78.182	—	—	—
Волынская »	86.477	—	—	—
Подольская »	84.910	—	—	—
Черниговская »	13.525	—	—	—
Полтавская »	10.829	—	—	—
Итого . .	273.923	1.006	26,47	272,09
Одесскій.				
Херсонская губернія	21.113	—	—	—
Таврическая губернія	5.002	—	—	—
Екатеринославская губернія	5.846	—	—	—
Бессарабская область.	18.524	—	—	—
Итого . .	50.485	763	47,7	66,29

---

*) Данныя взяты изъ изслѣдованія Кеппена: «Девятая ревизія». Изслѣдованіе о числѣ жителей въ Россіи въ 1851 г. Спб. 1857 г., стр. 182—187, 194, 215 и 221, прим. 19.

**) Данныя взяты изъ отчета по Виленскому уч. округу за 1855 г.

Приведенныя данныя наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что евреи, жившіе на сѣверо-западной и южной окраинахъ черты еврейской осѣдлости съ наибольшею готовностью шли въ основанныя для нихъ правительственныя школы. Въ Дерптскомъ округѣ одинъ учащійся приходился на 39,60 евреевъ, и въ каждомъ училищѣ состояло среднимъ числомъ 45,43 учащихся; въ Одесскомъ округѣ одинъ учащійся приходился на 66,29 евреевъ и въ каждой школѣ среднимъ числомъ состояло 47,7 учащихся. Особенно значительно было число учащихся въ Одессѣ и Кишиневѣ. Изъ вѣдомостей, приложенныхъ къ отчету Постельса, видно, что въ 1854—1855 учебномъ году состояло учениковъ: въ кишиневскихъ училищахъ 1-го и 2-го разряда 134, въ одесскихъ училищахъ—221 *). Но въ глубинѣ черты еврейской осѣдлости дѣло распространенія образованія между евреями шло, очевидно, гораздо медленнѣе. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ одинъ учащійся приходился на 272,09 евреевъ, и на школу приходилось среднимъ числомъ только по 30,96. Если-же принять во вниманіе, что въ Житомірскомъ раввинскомъ училищѣ обучалось обыкновенно до 150 человѣкъ, то среднее число обучавшихся въ остальныхъ школахъ округа опустится до 23. Внутри черты еврейской осѣдлости число учащихся евреевъ было, сравнительно, велико въ Виленской губерніи, или, лучше сказать, въ Вильнѣ. Изъ отчета по округу видно, что изъ числа 387 евреевъ, обучавшихся въ училищахъ Виленской губерніи, 320 состояли учениками виленскихъ учебныхъ заведеній.

Указанное явленіе достаточно объясняется вышеизложенными фактами. Евреи, жившіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ и на югѣ Россіи какъ мы видѣли, почувствовали нужду въ образованіи и стали создавать для своихъ дѣтей общеобразовательныя училища значительно раньше, чѣмъ Уваровъ представилъ въ еврейскій комитетъ свою первую записку объ образованіи евреевъ. Разъ возникнувъ, эта потребность уже настойчиво требовала себѣ удовлетворенія, и число еврейскихъ училищъ несомнѣнно стало-бы увеличиваться здѣсь даже безъ всякаго воздѣйствія на еврейскія общества со стороны правительства. Правительственныя мѣры къ умноженію еврейскихъ училищъ, безъ сомнѣнія, должны были возбудительно дѣйствовать на евреевъ сѣверо-западной и южной окраинъ и ускорить процессъ возникновенія новыхъ училищъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ (изданіе для школъ руководствъ по еврейскимъ предметамъ, увеличеніе числа уроковъ по этимъ предметамъ на счетъ уроковъ по общимъ предметамъ и особенно

*) Отч. стр. 99, 112, 113 и 115.

преобразованіе частныхъ училищъ въ казенныя, съ назначеніемъ смотрителями этихъ училищъ христіанъ), безспорно, явились мѣрами, не содѣйствующими образованію евреевъ, а пріостанавливающими его. Безъ этихъ мѣръ число учившихся въ Дерптскомъ и особенно въ Одесскомъ округахъ могло-бы быть больше, чѣмъ показано ихъ въ министерскомъ отчетѣ за 1855 годъ.

Иначе стояло дѣло на другихъ окраинахъ и во внутреннихъ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости. Здѣсь, кромѣ Вильны, почти не было ни одного города или мѣстечка, гдѣ нашлось-бы болѣе или менѣе значительное количество евреевъ, чувствовавшихъ до начала сороковыхъ годовъ потребность въ образованіи, и было очень мало евреевъ, которыми правительство могло-бы пользоваться, какъ орудіями для проведенія въ жизнь еврейскихъ обществъ просвѣтительныхъ своихъ плановъ. Здѣсь-же, особенно со времени изданія первыхъ распоряженій, направленныхъ къ ограниченію дѣятельности меламдовъ, возникла и горячая оппозиціи старо-еврейской партіи правительственнымъ планамъ относительно образованія евреевъ. Въ такихъ обстоятельствахъ правительству, для достиженія своихъ цѣлей въ указанныхъ пунктахъ еврейской осѣдлости, пришлось принять на себя такую сложную и хлопотливую работу, какой не знало ни одно правительство. Здѣсь правительству пришлось хлопотать не о томъ только, чтобы создать училища, но и о томъ, чтобы для устроенныхъ школъ пріискать возможно большее число желающихъ учиться въ нихъ. Дивиться-ли послѣ этого, что въ школахъ указанныхъ мѣстностей обучалось въ 1855 году очень незначительное число учениковъ. 26—30 учениковъ—число небольшое и для одноклассной школы, а въ 1855 году приходилось довольствоваться такимъ числомъ учениковъ не только 2-хъ-класснымъ школамъ (1-го разряда), а и 3-хъ и 4-хъ-классным училищамъ (2-го разряда).

Но если приведенныя цыфры даютъ достаточно твердыя основанія для указанія тѣхъ мѣстностей (въ чертѣ еврейской осѣдлости), гдѣ стремленіе евреевъ къ образованію было сильнѣе и гдѣ оно было слабѣе, то, съ другой стороны, едва-ли можно на основаніи этихъ данныхъ точно опредѣлить количество дѣйствительно учившихся въ еврейскихъ училищахъ. Показанія всеподданѣйшаго отчета за 1855 г. о количествѣ учившихся въ еврейскихъ училищахъ основаны на данныхъ, представленныхъ смотрителями училищъ, а полагаться на эти данныя очень трудно. Данныя эти говорятъ лишь о числѣ учениковъ-евреевъ, записанныхъ въ списки учениковъ, но число записанныхъ въ списки далеко не совпадало съ числомъ дѣйствительно учившихся,

т.-е. болѣе или менѣе аккуратно посѣщавшихъ училища. Донесенія завѣдывавшихъ училищами и отчеты Мандельштама, Мухлинскаго и Постельса даютъ полное основаніе утверждать, что въ огромномъ большинствѣ училищъ обучались, главнымъ образомъ, бѣдняки, которые не имѣли возможности пріобрѣсти ни учебныхъ книгъ для занятій, ни даже одежды и обуви, чтобы постоянно посѣщать училища. Такіе ученики, очевидно, не могли систематически проходить курсъ ученія и часто лишь числились въ спискахъ учениковъ, не состоя въ дѣйствительности ими. «Къ намъ въ училище,—доноситъ, напримѣръ, учитель Брестскаго еврейскаго училища,—съ перваго его открытія поступаютъ изъ самобѣднѣйшаго класса, дѣти родителей, не предвидящихъ средствъ платить меламдамъ и неспособныхъ учить своихъ дѣтей; такіе родители въ отчаяніи, отдать-ли ихъ въ училище, или обучать какому-либо ремеслу. Въ то время, когда ученикъ долженъ быть порядочно одѣтъ, имѣть хорошую квартиру и все нужное, наши ученики все то не имѣютъ, а суть и таковые, которые не имѣютъ чѣмъ пропитываться, выступаютъ изъ училищъ и работаютъ на заводахъ» *). «Казенныя училища 1-го и 2-го разрядовъ въ Вильнѣ,—говоритъ проф. Мухлинскій въ своемъ ревизіонномъ отчетѣ,—находятся еще въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Въ этихъ училищахъ нѣтъ даже постоянныхъ учениковъ, т.-е. такихъ, которые оканчивали-бы курсъ и переходили изъ одного училища въ другое; во все продолженіе года являются новые ученики, а прежніе исчезаютъ, такъ что учителя должны безпрестанно имѣть нѣсколько отдѣленій въ одномъ классѣ и всегда начинать учить снова» **). Въ отчетѣ Т. С. Постельса читаемъ, между прочимъ: «Въ дѣйствительности является на уроки нерѣдко менѣе учениковъ, чѣмъ половинное число ихъ противъ списка, а случаются и такіе дни, въ которые классы остаются пустыми. Иные ученики не приходятъ на уроки по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ сряду, и, явившись на день или на два, опять отсутствуютъ: смотрители-же училищъ, не считая себя въ правѣ исключать изъ списковъ учениковъ, долго отсутствовавшихъ, во избѣжаніе ропота и нареканія со стороны родителей, все продолжаютъ вести имъ счетъ. Бываетъ нерѣдко такъ, что въ одинъ день является извѣстное число учениковъ, а на другой день они замѣняются другими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умышленно записываютъ дѣтей въ ученики—съ цѣлью показать такое число ихъ, которое не позволяло-бы закрыть училища и тѣмъ самымъ отвратить

---

*) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 627, № 5432.

**) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр., св. 627, № 5434.

подозрѣніе правительства въ совершенномъ отчужденіи отъ училищъ; евреи дѣлаютъ это по общему между собой соглашенію, избирая для того самыхъ бѣдныхъ дѣтей» *).

Всѣ эти авторитетныя свидѣтельства не позволяютъ признать, чтобы въ 1855 г. болѣе или менѣе аккуратно посѣщали еврейскія училища всѣ тѣ 3.363 еврейскіе мальчика, о которыхъ говоритъ министерскій отчетъ. Такихъ учениковъ было гораздо меньше. Но если уменьшить ихъ число только на $^1/_3$, то и въ этомъ случаѣ на школы Петербургскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ будетъ приходиться по 18 и Виленскаго по 20 учениковъ.

Пансіоновъ и частныхъ школъ, въ которыхъ обучались дѣвочки-еврейки, въ концѣ 1855 г. состояло въ чертѣ еврейской осѣдлости 9, въ томъ числѣ 3 въ Вильнѣ и по одному въ Пинскѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Житомірѣ, Херсонѣ и Одессѣ. Два изъ этихъ училищъ (Виленскія) получали субсидіи отъ Министерства и давали образованіе 124 дѣвочкамъ. Въ 3-мъ Виленскомъ училищѣ (Шрейбера) обучались немногія дѣвочки, въ Пинскомъ 17. Число обучавшихся въ прочихъ училищахъ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, можно сказать, что число ихъ по отношенію къ общему числу евреекъ было ничтожно.

Таковы имѣющіяся у насъ данныя о количествѣ евреевъ и евреекъ, обучавшихся въ концѣ 1855 года. Они указываютъ, что число учившихся въ еврейскихъ училищахъ въ 1855 г. было не велико, но на основаніи ихъ мы все-таки имѣемъ полное право сказать, что, не смотря ни на какія препятствія, какія противопоставляли правительственнымъ планамъ по части еврейскаго образованія еврейскій фанатизмъ, опасавшіеся за свой карманъ меламды и главари-евреи, боявшіеся потерять, при распространеніи между евреями образованія, свое значеніе въ еврейскомъ обществѣ, не смотря на то, что въ устройствѣ особыхъ училищъ для евреевъ были допущены нѣкоторыя особенности, ясно обнаруживавшія намѣренія правительства воздѣйствовать на измѣненіе религіозныхъ понятій евреевъ и сильно смущавшія евреевъ,—все-таки нашлось въ еврейскомъ обществѣ нѣкоторое количество такихъ разумныхъ евреевъ, которые признали нужнымъ дать дѣтямъ своимъ общее образованіе въ той или другой мѣрѣ. А для начала дѣла этого было и достаточно.

Но qui bene coepit, уже dimidium facti habet. Эта старая истина нашла себѣ примѣненіе и въ данномъ случаѣ. Разъ правительству удалось вызвать къ жизни въ еврейскомъ обществѣ хоть небольшую

*) Отч., стр. 30 и 31.

партію, которая поняла необходимость для евреевъ общаго образованія и, не смотря ни на какія препятствія, рѣшилась отдавать своихъ дѣтей въ правительственныя школы, распространеніе между ними образованія не могло уже пріостановиться. Напротивъ, оно должно было идти все быстрѣе и быстрѣе. И дѣйствительно, уже въ царствованіе Императора Николая I начала все болѣе и болѣе усиливаться въ еврейскомъ обществѣ партія горячихъ ревнителей распространенія между евреями образованія. Пополнялась эта партія преимущественно изъ евреевъ, вкусившихъ въ тѣхъ или другихъ школахъ отъ плода образованія. Не велико, конечно, говоря безотносительно, было число евреевъ, учившихся въ царствованіе Императора Николая I, и еще болѣе ограничено было число молодыхъ евреевъ, оканчивавшихъ полный курсъ ученія; тѣмъ не менѣе съ каждымъ годомъ расло и увеличивалось въ еврейскомъ обществѣ число лицъ, получившихъ болѣе или менѣе полное образованіе и способныхъ оцѣнить его пользу и значеніе для евреевъ. Эти лица естественно и являлись въ кругу своихъ единовѣрцевъ поборниками и горячими защитниками идеи необходимости для евреевъ давать своимъ дѣтямъ общее образованіе или, по крайней мѣрѣ, обучать ихъ русской грамотѣ. Особенно ревностными проповѣдниками этой идеи въ еврейскомъ обществѣ явились питомцы раввинскихъ училищъ. «Хорошо помнится,—вспоминаетъ одинъ изъ нихъ,—то блаженное время, когда въ центрѣ еврейства Юго-западнаго края, Бердичевѣ, раввинисты были героями дня. Пріѣздъ на каникулы нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей съ новымъ взглядомъ на жизнь, воодушевленныхъ самыми свѣтлыми надеждами, производилъ цѣлый переворотъ въ общественной жизни. Раввинисты были приняты въ лучшихъ домахъ, задавали тонъ и направленіе своему кругу. И въ маленькихъ городахъ раввинисты являлись вѣстниками чего-то лучшаго и мало-по-малу разсѣевали въ еврейскомъ обществѣ боязнь къ образованію. Этотъ горячій призывъ еврейству со стороны его собственной молодежи—воспользоваться благами образованія—не могъ остаться безъ результата. Ихъ страстныя рѣчи находили себѣ откликъ особенно въ душахъ молодыхъ ихъ слушателей; но невольно поддавались имъ и взрослые, такъ какъ практическая польза обученія дѣтей хотя-бы одной русской грамотности была ужъ слишкомъ очевидна: вѣдь и изученіе одной лишь русской грамоты сулило дать евреямъ средства вѣрнѣе и успѣшнѣе жить на счетъ темной, безграмотной толпы христіанскаго населенія, жившаго бокъ-о-бокъ съ евреями. Нужно-ли прибавлять къ сказанному, что эти молодые проповѣдники усвоенія евреями общаго образованія, сами ставъ родите-

лями и главами семействъ, уже не могли ограничить образованія своихъ дѣтей предѣлами хедерной программы?» Такимъ образомъ въ концѣ царствованія Императора Николая I создались условія, въ высшей степени благопріятствовавшія быстрому распространенію образованія въ средѣ еврейскаго общества. Подъ воздѣйствіемъ ихъ число учащихся евреевъ, вѣроятно, въ скоромъ времени стало-бы увеличиваться даже въ томъ случаѣ, если-бы правительствомъ въ началѣ царствованія Императора Александра II не было принято въ этомъ отношеніи никакихъ особыхъ мѣръ. Когда-же въ началѣ царствованія Императора Александра II приняты были новыя мѣры къ привлеченію евреевъ въ общія учебныя заведенія и устранены были препятствія, въ извѣстной мѣрѣ мѣшавшія евреямъ пользоваться особыми, устроенными для нихъ заведеніями (смотрителями еврейскихъ училищъ стали назначать евреевъ, а обученіе еврейскимъ предметамъ въ училищахъ объявлено было необязательнымъ), число учащихся евреевъ быстро поднялось до почтенной цыфры. Въ 1864 году число еврейскихъ дѣтей, обучавшихся въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ, дошло уже до 5.711, а посѣщавшихъ общія учебныя заведенія до 1.561 *).

II. Читая и перечитывая сотни документовъ, въ которыхъ оффиціальныя лица царствованія Императора Николая I излагали свои воззрѣнія на образованіе евреевъ, мы тщетно искали въ нихъ указанія на то, приходила-ли этимъ лицамъ въ голову мысль, что заботы объ образованіи евреевъ дадутъ очень нежелательный для жизненныхъ русскихъ интересовъ результатъ, если одновременно съ принятіемъ мѣръ по образованію евреевъ не будутъ приняты энергическія мѣры и для распространенія образованія среди низшаго христіанскаго населенія черты еврейской осѣдлости, по крайней мѣрѣ, не состоявшихъ въ крѣпостной зависимости, что безъ выполненія этого условія распространеніе образованія среди евреевъ будетъ могущественнымъ образомъ содѣйствовать усиленію вреднаго вліянія евреевъ на христіанъ? Повидимому, этотъ вопросъ и не возникалъ въ сознаніи ревнителей и радѣтелей еврейскаго образованія. Повидимому, тогда думали, что вопросъ объ образованіи евреевъ можетъ быть разрѣшенъ и независимо отъ вопроса объ образованіи населенія черты еврейской осѣдлости вообще, что вредное вліяніе евреевъ на христіанъ можетъ быть прекращено и независимо отъ распространенія образо-

*) «Русскій Вѣстникъ» 1865 г., ноябрь и декабрь, ст. Бинштока: «Вопросъ объ еврейскихъ училищахъ».

ванія между христіанскимъ населеніемъ, что для достиженія этой прекрасной цѣли нужно лишь дать еврею кое-какое общее образованіе и предоставить ему возможность изучить законъ еврейской вѣры по руководствамъ, созданнымъ начальствомъ. Только такимъ предположеніемъ и можно объяснить тотъ поразительный фактъ, что въ то время, когда отъ мѣстныхъ учебныхъ начальствъ настоятельно требовалось открывать какъ можно болѣе еврейскихъ училищъ и привлекать въ нихъ возможно большее количество учащихся, когда устройство училищъ, изысканіе средствъ для ихъ существованія составляли предметъ такихъ усиленныхъ заботъ правительства, для образованія низшаго христіанскаго населенія черты еврейской осѣдлости лишь кое-гдѣ устроялись приходскія училища, при чемъ вовсе не употреблялось никакихъ особенныхъ мѣръ для привлеченія въ эти школы возможно большаго количества учениковъ, доступъ-же христіанамъ низшихъ сословій въ среднія учебныя заведенія къ концу разсмотрѣннаго періода былъ почти совершенно закрытъ. Печальные результаты такой неправильной постановки вопроса объ образованіи и не замедлили сказаться. Уже въ 1855 г. % евреевъ, обучавшихся только въ особыхъ еврейскихъ училищахъ, превысилъ % дѣтей христіанъ, обучавшихся во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ какого рода несомнѣнныя данныя имѣемъ мы по этому предмету.

	Число лицъ податныхъ сословій (безъ евреевъ) по ревизіи 1851 г.	Число учившихся въ 1855 г. дѣтей лицъ податныхъ сословій.	Насколько лицъ приходился одинъ учившійся.	Число лицъ податныхъ сословій безъ евреевъ и крѣпостныхъ крест.	Насколько приходился одинъ учившійся?	Насколько евреевъ приходился одинъ учивш. еврей?
Въ губерніяхъ Дерптскаго учебнаго округа	847.133	8.655	98	847.133	98	39,60
Въ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа	1.376.763	1.985	693	854.653	249	190,52
Въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа	3.225.414	3.113	1.036	1.271.618	408	272,09
Въ губерніяхъ Одесскаго учебнаго округа	1.434.458	5.666	254	1.100.983	194	66,29

Данныя этой таблицы говорятъ сами за себя и не нуждаются въ объясненіяхъ. Въ послѣдующее-же время это неравенство между числомъ евреевъ и христіанъ, обучавшихся въ учебныхъ заведеніяхъ, должно было расти все болѣе и болѣе. Среднія учебныя заведенія съ 1844 г. были вполнѣ открыты для евреевъ; свободный доступъ

въ эти заведенія для дѣтей христіанъ не привиллегированныхъ сословій открытъ былъ только въ 1864 году. Для образованія евреевъ въ царствованіе Императора Николая I созданы были особыя учебныя заведенія, и заведеній этого рода устроено столько, что въ нихъ безъ затрудненій могло быть помѣщено болѣе 10.000 еврейскихъ дѣтей; для матеріальнаго обезпеченія этихъ училищъ созданъ былъ особый опредѣленный фондъ; для образованія контингента дѣльныхъ учителей въ еврейскихъ училищахъ были открыты два спеціальныя учебныя заведенія, которыя, съ начала пятидесятыхъ годовъ, и начали снабжать эти училища подготовленными учителями. Для распространенія-же образованія среди низшаго христіанскаго населенія черты еврейской осѣдлости нужно было еще подумать и о созданіи школъ, и объ изысканіи средствъ на ихъ существованіе, и, что важнѣе всего, о возбужденіи въ нихъ сознанія необходимости обучать своихъ дѣтей, т.-е. предстояло сдѣлать то, что для образованія евреевъ сдѣлано было въ царствованіе Императора Николая I. Разумѣется, при такихъ условіяхъ христіане непривиллегированныхъ сословій, жившіе въ чертѣ еврейской осѣдлости, должны были далеко отстать отъ евреевъ въ школьномъ образованіи...

III. Правительства западно-европейскихъ государствъ, гдѣ жили евреи, не знали тѣхъ сложныхъ и тягостныхъ трудовъ по распространенію между евреями образованія, какіе выпали на долю русскаго правительства. Евреи западно-европейскихъ государствъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на нихъ окружающей христіанской среды, уже оцѣнившей необходимость образованія для всякаго человѣка и въ извѣстной степени пріобщившейся къ нему, въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія и сами поняли невозможность ограничить образованіе своихъ дѣтей предѣлами религіознаго, спеціально еврейскаго знанія и мало-по-малу стали заводить частныя училища. Существенно-важнымъ признакомъ организаціи всѣхъ такого рода училищъ было преобладаніе въ нихъ общихъ предметовъ образованія и замѣна жаргона, какъ языка преподаванія, языкомъ того народа, среди котораго они жили. Такъ, во Франціи явились еврейскія училища съ французскимъ языкомъ преподаванія, въ Германіи и Австріи—съ нѣмецкимъ. Совершенно иное положеніе дѣлъ было въ Россіи. Лишь ничтожная горсточка русскихъ евреевъ въ началѣ царствованія Императора Николая I считала нужнымъ давать своимъ дѣтямъ общее образованіе, вся-же остальная масса еврейства довольствовалась прежними еврейскими школами и рѣшительно чуждалась общеобразовательной школы. Въ Россіи дало евреямъ

школу правительство. Правительство-же взяло на себя и мало благодарный трудъ—всячески привлекать евреевъ въ основанныя для нихъ школы. Это обстоятельство имѣло чрезвычайно важное значеніе для постановки всего дѣла еврейскаго образованія въ Россіи. Задумавъ устроить для образованія евреевъ школы, правительство первоначально намѣрено было дать имъ такія-же общеобразовательныя училища, какія существовали тогда у заграничныхъ евреевъ. Но эту мысль пришлось скоро оставить: масса евреевъ рѣшительно высказалась противъ общеобразовательной школы. Тогда, чтобы расположить евреевъ къ школьному образованію, признано было нужнымъ сдѣлать всѣ возможныя уступки ихъ предубѣжденіямъ противъ общеобразовательной школы и дать школьному ихъ образованію такой характеръ, который въ возможно большей мѣрѣ располагалъ-бы евреевъ идти на встрѣчу правительственнымъ мѣропріятіямъ относительно ихъ образованія. Въ этихъ видахъ остановились на мысли—не требовать, чтобы въ тѣхъ изъ существовавшихъ у евреевъ школахъ, гдѣ обучались дѣти, не достигшія 8-лѣтняго возраста, а равно и въ ешиботахъ, были преподаваемы общіе предметы. Въ прочихъ старыхъ еврейскихъ школахъ и во всѣхъ новыхъ правительственныхъ еврейскихъ училищахъ общіе предметы обязательно должны были входить въ программу преподаванія, но они должны были занять здѣсь второстепенное мѣсто, уступая вездѣ первенство еврейскимъ предметамъ. При этомъ, чѣмъ ниже былъ разрядъ заведенія, тѣмъ незначительнѣе былъ объемъ преподаванія общихъ предметовъ, и тѣмъ меньше назначалось времени для преподаванія общихъ предметовъ. Въ перворазрядныхъ еврейскихъ училищахъ изъ 16 недѣльныхъ уроковъ (по $1^1/_2$ часа каждый) назначалось на преподаваніе общихъ предметовъ лишь 7; во второстепенныхъ-же талмудъ-торахъ и хедерахъ обязательно должно было вводиться лишь преподаваніе русскаго языка, причемъ назначеніе количества уроковъ предоставлялось усмотрѣнію содержателей этихъ заведеній. Наконецъ, что еще важнѣе, преподаваніе всѣхъ еврейскихъ предметовъ предоставлено вести на жаргонѣ. Но разъ сдѣланы были евреямъ подобныя уступки, волей-неволей приходилось поступиться достиженіемъ именно той цѣли, которую еврейскія училища и должны были-бы преслѣдовать, и отказаться отъ мысли поставить учившихся въ казенныхъ училищахъ подъ возможно болѣе сильное воздѣйствіе русской науки, русской цивилизаціи. Нельзя-же было, въ самомъ дѣлѣ, требовать даже отъ учениковъ раввинскаго училища, учебный курсъ котораго (безъ спеціальныхъ классовъ) продолжался семь лѣтъ, чтобы они овладѣли русскимъ языкомъ, при-

выкли излагать на немъ свои мысли правильно и точно, если уже не изящно, оцѣнили-бы и полюбили литературныя произведенія русскаго генія, когда большинство ихъ поступало въ училище съ плохимъ знаніемъ русскаго языка, когда число уроковъ по русскому языку было сравнительно мало (даже съ гимназіями), когда въ теченіе большеії части учебнаго времени (на урокахъ по еврейскимъ предметамъ, по нѣмецкому языку) имъ не приходилось слышать ни одного русскаго слова. Нельзя было требовать и того, чтобы дѣти евреевъ, съ дѣтства предубѣжденныя противъ всего христіанскаго и русскаго, могли въ раввинскомъ училищѣ болѣе или менѣе основательно познакомиться съ прошлыми судьбами Россіи, проникнуться уваженіемъ къ русскому народу, оцѣнить богатство и мощь Россіи, полюбить ее, какъ свою родину, когда на преподаваніе исторіи и географіи не дано было и того количества уроковъ, какое назначено было на преподаваніе этихъ предметовъ въ гимназіяхъ. Тѣмъ менѣе, конечно, можно было требовать, чтобы другія, низшія заведенія могли воспитывать ввѣренныхъ имъ дѣтей въ національно-патріотическомъ духѣ и уравнять для нихъ путь къ сердечному, искреннему сближенію съ русскимъ народомъ.

Таковъ былъ коренной, органическій недостатокъ въ устройствѣ еврейскихъ училищъ, вызванныхъ къ жизни въ царствованіе Императора Николая I. Этотъ недостатокъ и не замедлилъ дать знать о себѣ въ жизни. Училища давали евреямъ въ большей или меньшей степени возможность получить—хоть и ограниченное—общее образованіе, и это образованіе было достаточно для того, чтобы получившій его могъ продолжать свое образованіе или устроиться для пріобрѣтенія средствъ къ жизни въ какомъ-либо частномъ, общественномъ или казенномъ учрежденіи и т. п. Но оно было совершенно недостаточно для того, чтобы подъ воздѣйствіемъ его еврей могъ переродиться, чтобы изъ его характера исчезли, если не совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени, тѣ несимпатичныя черты, которыя создали евреямъ репутацію «вредныхъ» людей, чтобы у него могли возникнуть, окрѣпнуть и развиться силы и охота послужить на благо отечества рука объ руку съ согражданами-христіанами.

А. Бѣлецкій.

Епархіальныя женскія училища за первое 50-лѣтіе ихъ существованія.

II.

По Высочайше утвержденному уставу 20-го сентября 1868 г. и нынѣ дѣйствующему епархіальныя женскія училища имѣютъ цѣлью «воспитаніе дѣвицъ въ правилахъ благочестія по ученію православной церкви и въ русскомъ народномъ духѣ, съ тѣмъ, чтобы воспитанницы могли впослѣдствіи имѣть благотворное вліяніе на окружающую среду строгою нравственною жизнью и дѣятельнымъ исполненіемъ семейныхъ обязанностей». Въ епархіальномъ женскомъ училищѣ полагается шесть классовъ, съ годовымъ курсомъ въ каждомъ. Но, въ случаѣ недостатка средствъ къ содержанію шести классовъ, допускаются въ училищѣ, до изысканія необходимыхъ для сего суммъ, три класса, съ двухгодовымъ курсомъ въ каждомъ. Находясь подъ высшею властью Св. Синода, епархіальныя женскія училища подчиняются тремъ мѣстнымъ органамъ — епархіальному архіерею, мѣстному духовенству и совѣту училища. Всѣ эти три органа принимаютъ участіе въ завѣдываніи училищемъ въ той или другой степени. Мѣстный преосвященный по отношенію къ епархіальнымъ женскимъ училищамъ пользуются тою-же властью, какая предоставлена попечителямъ учебныхъ округовъ по отношенію къ гимназіямъ. Онъ, какъ главный начальникъ училища, утверждаетъ въ должности всѣхъ служащихъ при училищѣ лицъ, окончательно разсматриваетъ и утверждаетъ всѣ дѣла по училищному управленію, даетъ училищу предписанія, клонящіяся къ его благосостоянію, увольняетъ въ отпускъ начальницу и членовъ Совѣта, награждаетъ или ходатайствуетъ о награжденіи служащихъ лицъ, наконецъ, по окончаніи учебнаго года, представляетъ Святѣйшему Синоду отчетъ о состояніи училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Такова оффиціальная сторона дѣятельности епархіальныхъ архіеревъ, въ дѣйствительности-же, судя по отчетамъ, многіе архипастыри проявляютъ самое сердечное отно-

шеніе ко ввѣреннымъ ихъ попеченію училищамъ. Они жертвуютъ и завѣщаютъ значительные капиталы на содержаніе училища, имѣютъ въ немъ по нѣсколько своихъ стипендіатокъ, отпускаютъ изъ личныхъ своихъ средствъ деньги на улучшеніе стола воспитанницъ и ихъ праздничныя удовольствія, а нѣкоторыя училища обязаны своимъ основаніемъ исключительно инициативѣ и капиталамъ преосвященныхъ. Они-же нерѣдко настоятельно побуждаютъ епархіальные съѣзды духовенства къ изысканію матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, клонящихся къ благоустройству и совершенствованію заведеній для дѣвочекъ. Во всѣхъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ архипастыри считаютъ своею нравственною обязанностью посѣщать уроки, экзамены и акты, произносить назидательныя проповѣди во время своего служенія въ домовыхъ училищныхъ церквахъ и вообще принимаютъ самое горячее участіе въ жизни заведенія. Столь отеческое, христіанское и гуманное отношеніе нашихъ архипастырей къ воспитанницамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ не можетъ не поселить въ нихъ самаго отраднаго воспоминанія о заведеніи, въ которомъ они получаютъ свое образованіе.

Мѣстному духовенству, при посредствѣ ежегоднаго епархіальнаго съѣзда, принадлежитъ попеченіе въ изысканіи средствъ къ содержанію училища и въ наблюденіи за благосостояніемъ училища по всѣмъ частямъ хозяйственной, учебной и нравственной. Съ этою цѣлью съѣздъ избираетъ изъ своей среды двухъ членовъ въ училищный Совѣтъ на трехлѣтній срокъ—для постояннаго наблюденія за благосостояніемъ училища и участія въ засѣданіяхъ Совѣта; съѣздъ-же избираетъ и начальницу заведенія. Онъ повѣряетъ правильность расходовъ, разсматриваетъ смѣту, назначаетъ жалованье начальницѣ и всѣмъ служащимъ, но не ниже той нормы, которая опредѣлена въ уставѣ, опредѣляетъ число воспитанницъ, обсуждаетъ всѣ вопросы, которые не входятъ въ компетенцію училищнаго Совѣта. Всѣ опредѣленія съѣзда получаютъ силу лишь съ окончательнаго утвержденія епархіальнаго архіерея. Замѣчательна энергія, съ которой изыскивались и изыскиваются духовенствомъ разные источники для содержанія епархіальныхъ женскихъ училищъ. Въ составъ этихъ источниковъ прежде всего входитъ извѣстный сборъ съ церквей и монастырей, отчисленіе извѣстной доли чистой прибыли отъ операцій свѣчныхъ епархіальныхъ заводовъ и пансіонерскіе взносы. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, сверхъ того, въ пользу училищъ отчисляется извѣстный процентъ (10—20%) съ суммъ, поступающихъ въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія; деньги, вырученныя при хожденіи

съ чудотворными иконами; часть прибыли отъ изданія епархіальныхъ вѣдомостей; полагается извѣстный взносъ отъ духовныхъ лицъ при полученіи ими наградъ; производится продажа крестиковъ и вѣнчальныхъ перстней и колецъ, брать которые исключительно изъ училища вмѣняется въ обязанность всѣмъ церквамъ епархіи; учреждаются при училищахъ просфоропекарни для продажи просфоръ городскимъ церквамъ и ближайшимъ сельскимъ и т. под. Очевидно, что православное русское духовенство отлично сознаетъ теперь и цѣнитъ необходимость образованія женскаго пола своего званія.

Непосредственное и ближайшее завѣдываніе училищемъ принадлежитъ Совѣту епархіальнаго женскаго училища. Совѣтъ состоитъ изъ двухъ членовъ отъ духовенства, изъ которыхъ старшій предсѣдательствуетъ, начальницы и инспектора классовъ. При обсужденіи вопросовъ по учебной части приглашаются въ засѣданія Совѣта съ правомъ голоса преподаватели и преподавательницы, за исключеніемъ воспитательницъ, учителей чистописанія, пѣнія и врача. Это очень жаль, такъ какъ воспитаніе физическое, нравственное и художественное должно быть гармонически связано съ умственнымъ, должны восполнять другъ друга. Учебныя занятія той или другой воспитанницы не могутъ быть въ точности оцѣнены безъ мнѣнія ближайшей воспитательницы и врача. Обсужденіе педагогическихъ вопросовъ сообща благодѣтельно повліяло-бы на общій духъ заведенія и на педагогическія воззрѣнія каждаго члена въ отдѣльности. Требованіе устава, чтобы Совѣтъ собирался въ теченіи учебнаго времени, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ, а въ случаѣ надобности и чаще, — прекрасно. Судя по отчетамъ, во многихъ училищахъ это такъ и дѣлается, тѣмъ болѣе, что вѣдѣнію Совѣта принадлежатъ дѣла не только учебнаго характера, но и хозяйственнаго. Вообще Совѣту уставомъ придано подобающее значеніе. Даже выборъ инспектора, законоучителя и преподавателей предоставленъ Совѣту, а не лично кому-бы то ни было, чѣмъ и уничтожается всякій произволъ. Даже начальница, которой, при содѣйствіи классныхъ воспитательницъ, ввѣрено преимущественно религіозно-нравственное воспитаніе, и та обязана о всѣхъ дѣлахъ по училищу входить съ своими предположеніями въ Совѣтъ; ему-же она представляетъ двухмѣсячныя и годовыя вѣдомости о поведеніи воспитанницъ. Соотвѣтственно особенной цѣли заведенія, законоучитель епархіальнаго женскаго училища занимаетъ выдающееся положеніе и по своему образовательному цензу, и по своему вліянію на учебно-воспитательное дѣло. Законоучитель избирается училищнымъ Совѣтомъ и утверждается епархіальнымъ архіе-

реемъ, но онъ долженъ имѣть степень магистра или кандидата. Преподавая Законъ Божій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдываетъ учебною частью въ училищѣ, т.-е. исполняетъ должность инспектора. Онъ наблюдаетъ за направленіемъ и способомъ преподаванія и о замѣченныхъ недостаткахъ входитъ въ объясненіе съ преподавателями, а въ случаѣ безуспѣшности такихъ объясненій представляетъ о томъ училищному Совѣту; о замѣченныхъ-же имъ недостаткахъ въ надзорѣ за воспитанницами въ классахъ или во время приготовленія уроковъ сообщаетъ начальницѣ; онъ вноситъ въ Совѣтъ двухмѣсячные отмѣтки преподавателей объ успѣхахъ воспитанницъ и годовой отчетъ по учебной части. Вообще во всемъ строѣ заведенія строго проведенъ коллегіальный принципъ, чему нельзя вполнѣ не сочувствовать.

При училищѣ полагается еще почетный блюститель по хозяйственной части и врачъ—по медицинской. Почетный блюститель содѣйствуетъ возможно лучшему содержанію училища въ матеріальномъ отношеніи денежными и другими пожертвованіями, за что имѣетъ право осматривать училище и наблюдать за содержаніемъ живущихъ въ немъ воспитанницъ и участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта по хозяйственной части съ правомъ голоса. Въ средѣ почетныхъ блюстителей въ исторіи епархіальныхъ женскихъ училищъ должно быть съ признательностью выдѣлено имя графа Павла Сергѣевича Строганова. Въ теченіи свыше 20-лѣтняго своего попечительства (съ 1881 г.) графъ пожертвовалъ на Тамбовское училище болѣе 40.000 р. Особенно цѣнно крупное его пожертвованіе (17.000 р.) на постройку отдѣльнаго флигеля для больницы и ея обстановку, а также ежегодная субсидія въ 1.200 р. на улучшеніе пищи воспитанницамъ. Упомянемъ также почтенныя имена слѣдующихъ блюстителей: С. П. Оконѣшниковъ пожертвовалъ на нужды Полоцкаго епархіальнаго училища въ теченіи 24-хъ лѣтъ болѣе 20.000 р.; попечительница Кіевскаго училища Елена Петровна Демидова княгиня Санъ-Донато учредила стипендію имени митрополита Платона на внесенный ею капиталъ въ 3.000 р.; попечительница Владимірскаго училища Ю. И. Каретникова жертвуетъ училищу ежегодно и деньги, и чай, и сахаръ, и матеріи на платья воспитанницамъ; калужскій городской голова И. К. Ципулинъ, помимо ежегодныхъ денежныхъ взносовъ, устроилъ на свои средства прекрасную домовую церковь при Калужскомъ училищѣ и др.

Забота о физическомъ здоровьи воспитанницъ, кромѣ начальницы, лежитъ на обязанности врача, который избирается Совѣтомъ и утверждается епархіальнымъ архіереемъ. Врачъ ежедневно посѣщаетъ учи-

лищную больницу—для леченія больныхъ и осмотра заболѣвающихъ. Онъ также надзираетъ за чистотою и порядкомъ въ больницѣ, а равно наблюдаетъ и по училищу за тѣмъ, все-ли, касающееся помѣщенія, содержанія и вообще образа жизни воспитанницъ, соотвѣтствуетъ охраненію ихъ здоровья. Свои наблюденія и соображенія по санитарной части заведенія, смотря по важности, онъ передаетъ или начальницѣ, или училищному Совѣту. Въ помощь врачу при больницѣ полагается надзирательница. И за такую-то отвѣтственную обязанность врачу по штату полагается жалованья всего 100 руб. въ годъ, а потому въ дѣйствительности его вознагражденіе повышается до 300 и даже 500 руб., смотря по средствамъ заведенія.

Что касается до педагогическаго персонала епархіальныхъ училищъ, то его нельзя признать устойчивымъ. Отдѣльныхъ преподавателей имѣютъ весьма немногія училища. Большинство изъ нихъ приглашается для занятія свободныхъ уроковъ изъ мѣстной духовной семинаріи или гимназіи. Даже безмѣстные кандидаты академіи идутъ въ преподаватели епархіальныхъ женскихъ училищъ не съ большою охотою и, при полученіи мѣста на службѣ епархіальной или въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, оставляютъ женскія училища. Причины тому—крайне ограниченное вознагражденіе за трудъ, а вовторыхъ, что епархіальныя женскія училища не даютъ никакихъ правъ ни служебныхъ, ни на пенсію.

Вообще, всѣмъ служащимъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ, какъ видно изъ приложеннаго въ концѣ статьи штата, назначено по уставу самое ничтожное содержаніе, которое, однако, во многихъ училищахъ значительно возвышено. Такъ, предсѣдателю и членамъ Совѣта отъ духовенства по уставу жалованья совсѣмъ не полагается, но въ 12 епархіальныхъ училищахъ они получаютъ за свои труды вознагражденіе въ размѣрѣ отъ 50 до 300 р. въ годъ. Начальницѣ училища уставомъ положено 500 р. при готовой квартирѣ; въ нѣкоторыхъ училищахъ это жалованье увеличено и доходитъ до 900 руб. Законоучитель за исполненіе собственно инспекторскихъ обязанностей по уставу получаетъ 150 руб., а въ нѣкоторыхъ училищахъ это вознагражденіе увеличено до 300 руб. и даже болѣе. Преподавателю за годовой урокъ положено 35 руб., но въ большинствѣ училищъ платится значительно больше, отъ 40 до 75 р. Должность воспитательницы по уставу оплачивается 180 р. въ годъ, но въ нѣкоторыхъ училищахъ и это вознагражденіе за нѣсколько лѣтъ службы увеличивается до 240 руб. Очевидно, что штаты 1868 года сильно устарѣли, не соотвѣтствуютъ современнымъ потребностямъ

жизни и требуютъ обновленія. По поводу неустойчивости преподавательскаго состава въ отчетѣ о состояніи Черниговскаго епархіальнаго женскаго училища за 1889—1890 учебный годъ справедливо говорится, что главнымъ обстоятельствомъ, не мало препятствующимъ успѣшному веденію дѣла, въ жизни училища нужно признать частую перемѣну штатныхъ преподавателей, которая происходитъ вслѣдствіе неопредѣленнаго положенія ихъ въ училищѣ. Хотя служба въ епархіальномъ женскомъ училищѣ засчитывается на пенсію, но получить таковую можно только но переходѣ на службу въ мужское духовно-учебное заведеніе. А отъ этого преподаватели съ академическимъ образованіемъ, совершенно свободные отъ постороннихъ занятій и потому могущіе всѣ силы свои посвятить дѣлу преподаванія въ женскихъ училищахъ, боятся засиживаться здѣсь и при первомъ удобномъ случаѣ спѣшатъ переходить на службу въ мужскія духовно-учебныя заведенія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда окладъ содержанія тамъ былъ не выше, чѣмъ въ женскихъ училищахъ, но часто и ниже. А отсюда происходитъ то, что въ епархіальное женское училище поступаютъ новички, только-что окончившіе академію; но и эти новички, не успѣвъ еще хорошо освоиться съ своимъ предметомъ и методомъ преподаванія его, стремятся переходить на службу въ другія заведенія. За три послѣдніе года въ Черниговскомъ училищѣ по русскому языку и словесности, этому одному изъ самыхъ важныхъ предметовъ училищнаго курса, уже третій преподаватель, да и въ наступающемъ учебномъ году этотъ предметъ дѣлится между тремя преподавателями. То-же явленіе замѣчается и во всѣхъ другихъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ. Но если относительно приличнаго вознагражденія за трудъ духовенствомъ различныхъ епархій уже сдѣлано довольно много, то относительно обезпеченія служащихъ въ женскихъ училищахъ пенсіею существеннаго еще почти ничего не предпринято. Встрѣчаются только отдѣльныя попытки. Напримѣръ, епархіальнымъ съѣздомъ Ставропольской губерніи предложено Совѣту училища откладывать изъ остаточныхъ суммъ по 400 р. для образованія капитала, съ процентовъ котораго могла-бы быть въ далекомъ будущемъ назначена пенсія инспектору классовъ и законоучителю. Преосвященный курской епархіи Іустинъ, съ цѣлью «ободрить и поощрить лицъ, посвятившихъ свои силы тяжелому труду воспитанія учащихся въ епархіальномъ женскомъ училищѣ», изъ личныхъ средствъ пожертвовалъ 700 р. на образованіе пенсіоннаго капитала для начальницы и воспитательницъ; епархіальный съѣздъ, съ своей стороны, опредѣлилъ отчислять въ этотъ капиталъ

по 5 р. отъ 150-рублеваго взноса за пансіонерокъ. Не проще-ли было-бы установить 4%-й сборъ съ жалованья всѣхъ служащихъ въ епархіальныхъ училищахъ для составленія прочнаго пенсіоннаго капитала, какъ это практикуется уже въ различныхъ земствахъ и городахъ съ цѣлью обезпечить положеніе земскихъ и городскихъ учителей и учительницъ. Извѣстно также, что подобный сборъ съ преподающихъ существуетъ даже и въ частныхъ женскихъ гимназіяхъ, пользующихся правами гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, и преподавательская служба въ такихъ заведеніяхъ обезпечена пенсіею изъ государственнаго казначейства наравнѣ съ служащими въ правительственныхъ гимназіяхъ. За что-же такъ обижены епархіальныя женскія училища?..

Переходимъ теперь къ постановкѣ учебнаго курса въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ. По сравненію съ курсомъ бывшихъ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія онъ гораздо выше и полнѣе. Въ составъ учебнаго курса входятъ:

1. *Законъ Божій*. (25 недѣльныхъ уроковъ): Священная исторія ветхаго и новаго завѣта, пространный катехизисъ, объясненіе богослуженія, церковная всеобщая и русская исторія; чтеніе новозавѣтныхъ книгъ по-славянски (Евангеліе въ I—III классахъ. Дѣянія и посланія апостольскія въ IV—VI классахъ), съ объяснительнымъ переводомъ на русскій языкъ и практическимъ ознакомленіемъ воспитанницъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и его грамматикой.

2. *Русскій языкъ*. (21 недѣльный урокъ): Этимологія и синтаксисъ въ I—III классахъ, теорія словесности и исторія русской литературы въ IV—VI классахъ, чтеніе и письменныя работы во всѣхъ классахъ.

3. *Математика*. (20 недѣльныхъ уроковъ): вся ариѳметика въ I—V классахъ и элементарная геометрія въ VI классѣ.

4, *Географія* — всеобщая и русская (10 недѣльныхъ уроковъ) со II класса.

5. *Гражданская исторія* — всеобщая и русская (9 недѣльныхъ уроковъ), въ IV—VI классахъ.

6. *Элементарныя свѣдѣнія изъ физики* (5 недѣльныхъ уроковъ), въ V и VI классахъ.

7. *Педагогика* (2 урока), въ VI классѣ.

8. *Церковное пѣніе* (10 недѣльныхъ уроковъ).

9. *Чистописаніе и рисованіе* (10 недѣльныхъ уроковъ).

10. *Новые языки*, *музыка и гимнастика*, какъ необязательные предметы,—только для желающихъ.

Обязательное число недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ полагается 18, но на самомъ дѣлѣ число это въ различныхъ училищахъ доходитъ до 24 и даже до 30; точно также предоставляется усмотрѣнію Совѣта съ разрѣшенія архіерея измѣнять число уроковъ по отдѣльнымъ предметамъ въ различныхъ классахъ, лишь-бы минимальный курсъ каждаго предмета былъ усвоенъ воспитанницами къ концу выпуска. На тѣхъ-же основаніяхъ Совѣтъ можетъ вводить новые учебники, сверхъ рекомендованныхъ уставомъ, лишь-бы они были изъ числа одобренныхъ учебнымъ комитетомъ Св. Синода. Такимъ образомъ, въ отношеніи преподаванія епархіальныя женскія училища пользуются достаточною свободою.

При исполненіи программы учебнаго курса особенное вниманіе обращается въ епархіальныхъ училищахъ на исполненіе воспитанницами письменныхъ работъ. Дѣло это, повидимому, поставлено въ училищахъ разумно и основательно. Въ трехъ низшихъ классахъ такія работы ведутся исключительно подъ руководствомъ учителя русскаго языка и состоятъ изъ списыванія, систематическаго диктанта, составленія примѣровъ на изученныя грамматическія правила, въ писаніи наизусть выученныхъ стихотвореній, въ письменномъ изложеніи содержанія прочитанной статьи въ классѣ, а въ III классѣ прибавляется еще составленіе краткихъ описаній и разсказовъ о видѣнномъ и слышанномъ. Но, начиная съ IV класса, ученицы уже упражняются въ составленіи сочиненій на заданныя темы, имѣющія связь съ проходимымъ курсомъ по всѣмъ предметамъ обученія. Темы назначаются всѣми преподавателями и разсматриваются предварительно въ Совѣтѣ. Сочиненія дѣлятся на срочныя—домашнія, классныя и экзаменныя. Всѣ сочиненія исправляются преподавателями и представляются на просмотръ инспектору; нѣкоторыя сочиненія читаются въ классѣ, при чемъ преподаватель объясняетъ стилистическіе и грамматическіе промахи. Число сочиненій въ различныхъ училищахъ колеблется отъ 10 до 20 въ годъ, въ каждомъ изъ трехъ высшихъ классовъ. За сочиненія ставится самостоятельный баллъ. Особенно цѣнными кажутся намъ темы, которыя затрогиваютъ вопросы, имѣющіе отношеніе къ будущей дѣятельности ученицы епархіальнаго училища, какъ жены служителя церкви, воспитательницы дѣтей или учительницы народа. Таковы, напр., темы, заимствованныя нами изъ различныхъ отчетовъ:

По Закону Божію:

1. Религіозно-нравственное состояніе народа предъ пришествіемъ Спасителя.

2. Значеніе посѣщенія храма Божія для истиннаго христіанина.

3. Содѣйствіе русской церкви государственному объединенію и возвышенію Руси.

4. Жизнь, труды и мученическая кончина св. митрополита Филиппа II.

5. Жизнь первыхъ христіанъ.

6. Какія силы спасали Россію въ эпоху самозванцевъ.

7. Причины суевѣрій.

8. О вліяніи женъ христіанокъ на мужей язычниковъ.

9. Какое назиданіе можно извлечь изъ притчи о мытарѣ и фарисеѣ.

10. Причины гоненій на христіанъ со стороны язычниковъ.

По словесности:

1. Мысли императрицы Екатерины II о воспитаніи, выраженныя въ «Наказѣ».

2. Семейный бытъ русскаго народа по древнимъ свадебнымъ и семейнымъ пѣснямъ.

3. Воспитаніе по воззрѣніямъ Фонвизина и Крылова.

4. Участь молодой въ чужой семьѣ по русскимъ народнымъ пѣснямъ.

5. Польза и вредъ отъ чтенія книгъ.

6. Характеристика Простаковой по комедіи Фонвизина «Недоросль».

7. Положеніе русской женщины по бытовымъ пѣснямъ.

8. Остатки языческихъ вѣрованій, уцѣлѣвшихъ въ обрядахъ простого народа.

9. Народныя пословицы и ихъ значеніе.

10. Какія произведенія у первобытнаго народа появляются ранѣе—поэтическія или прозаическія и почему?

По педагогикѣ:

1. Значеніе семейнаго воспитанія для человѣка.

2. Почему обученіе въ начальной школѣ должно быть и воспитаніемъ.

3. Воспоминанія изъ моего дѣтства.

4. Преимущества звукового способа совмѣстнаго обученія письму-чтенію предъ букво-сочетательнымъ и силлабическимъ.

5. Синкритическій звуковой методъ грамоты и его педагогическія достоинства.

6. Полезныя и вредныя стороны наглядности въ первоначальномъ обученіи дѣтей.

7. Какъ вести въ школахъ урокъ провѣрочной диктовки?

По исторіи:

1. Значеніе Троицкой лавры въ исторіи церкви.
2. Просвѣщеніе на Руси въ до-монгольскій періодъ.
3. Воспитаніе Іоанна Грознаго.
4. Семейный бытъ русскихъ въ до-Петровскій періодъ.
5. Слѣдствія брака Іоанна III и Софіи Палеологъ.

По географіи:

1. Какое мѣсто нашего отечества и за какія географическія особенности я избрала-бы для себя?

2. Значеніе лѣсовъ для рѣкъ.

3. Какія преимущества имѣютъ береговыя страны надъ странами, удаленными отъ моря.

По физикѣ:

1. Атмосферныя явленія, зависящія отъ теплоты.

2. Почему зимою двойныя рамы удерживаютъ тепло въ комнатахъ?

Нельзя не отнестись вполнѣ сочувственно и къ тому, что въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ училищахъ обращается должное вниманіе и на внѣклассное чтеніе воспитанницъ. Такъ, въ Екатеринбургскомъ училищѣ, въ видахъ большаго умственнаго развитія воспитанницъ и для возвышенія достоинства ихъ письменныхъ работъ, по постановленію Совѣта, внѣклассное чтеніе книгъ было для всѣхъ воспитанницъ *обязательнымъ*. Для этого преподаватели распредѣляли между собою, въ какое время и въ какомъ классѣ каждый изъ нихъ долженъ наблюдать за чтеніемъ книгъ; каждый очередной преподаватель въ извѣстномъ классѣ рекомендовалъ для чтенія книги по своему усмотрѣнію, но съ вѣдома инспектора классовъ. Классныя воспитательницы, съ своей стороны, наблюдали, чтобы во всякое свободное время, не исключая и вечернихъ занятій, всѣ воспитанницы, успѣвшія прежде окончанія ихъ приготовить свои уроки, дѣйствительно занимались чтеніемъ книгъ и дѣлали выписки изъ прочитаннаго всѣхъ мѣстъ, показавшихся имъ почему-либо особенно замѣчательными. Въ этихъ выпискахъ, между прочимъ, каждая воспитанница обозначала, какую книгу она читала въ то или другое время, сколько прочитала, и кратко записывала содержаніе прочитаннаго. По окончаніи мѣсяца такія выписки представлялись преподавателямъ и инспектору. А въ

Красноярскомъ училищѣ, по мысли его преосвященства, устроено нѣчто въ родѣ постоянной читальни, въ которой дѣвицы находятъ себѣ подходящій къ возрасту, развитію и вкусу интересный матеріалъ для чтенія въ дѣтскихъ журналахъ, книгахъ религіозно-нравственныхъ и церковно-историческихъ и періодическихъ изданіяхъ. Съ этою-же цѣлью преподаватели словесности, исторіи и географіи устраиваютъ по вечерамъ литературныя чтенія, въ которыхъ принимали дѣятельное участіе и воспитанницы старшихъ классовъ. Для чтенія избирались изъ классической или текущей образцовой русской литературы такія повѣсти, разсказы и стихотворенія, которые способны обогатить воспріимчивыя души молодежи высокими идеалами, благородными чувствами, могутъ возбудить въ дѣтскихъ сердцахъ любовь къ истинѣ и стремленіе къ добру. По вопросамъ научнымъ и общественнымъ, останавливая вниманіе воспитанницъ на выдающихся событіяхъ исторической или современной жизни, преподаватели стараются дать имъ надлежащее нравственное освѣщеніе. Если воспитанницы обнаруживали интересъ по поводу того или другого событія, то преподаватель обстоятельно высказывался по данному вопросу, указывая при этомъ на смыслъ и значеніе трактуемаго явленія, а также на причины, вызвавшія его. Очевидно, что подобныя чтенія и бесѣды, помими удовлетворенія естественной въ молодыхъ дѣвицахъ любознательности, пріучали ихъ сознательно и съ интересомъ относиться ко всему окружающему и вокругъ ихъ совершающемуся, утверждали въ нихъ опредѣленные, чисто христіанскіе взгляды, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе вопросы человѣческой жизни и дѣятельности, вырабатываютъ опредѣленное мѣрило при оцѣнкѣ нравственнаго достоинства и значенія тѣхъ или другихъ явленій политической, общественной и семейной жизни.

Для чтенія учащихъ и учащихся въ каждомъ епархіальномъ училищѣ имѣется библіотека, которая ежегодно пополняется, не только книгами литературнаго и научнаго характера, но и текущими періодическими изданіями, на что тратится отъ 100 до 500 рублей ежегодно, смотря по средствамъ заведенія. Выписываются преимущественно духовные журналы: «Церковный Вѣстникъ» съ «Христіанскимъ Чтеніемъ», «Церковныя Вѣдомости», «Душеполезное Чтеніе», «Странникъ», «Православное Обозрѣніе», «Русскій Паломникъ», «Воскресныя Бесѣды», «Кормчій», мѣстныя «Епархіальныя Вѣдомости» и друг. Изъ свѣтскихъ журналовъ и газетъ кое-гдѣ получаются только: «Русскій Вѣстникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Старина», «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости». Между иллюстрирован-

ными и модными журналами первое мѣсто занимаетъ «Нива»; за нею слѣдуютъ: «Живописное Обозрѣніе», «Русскій Базаръ», «Муза» и «Сѣверъ». Почти вездѣ выписываются дѣтскіе журналы: «Родникъ», «Дѣтскій Отдыхъ», «Дѣтское Чтеніе» и «Семейные Вечера». Изъ педагогическихъ журналовъ чаще встрѣчается «Образованіе», рѣже «Русская Школа» и «Церковно-приходская школа».

Преподаваніе въ епархіальныхъ училищахъ *искусствъ* отличается нѣкоторыми особенностями. имѣющими связь съ будущимъ назначеніемъ воспитанницъ. Особенно процвѣтаетъ *церковное пѣніе*, на которое полагается до 12 уроковъ въ недѣлю. Поютъ воспитанницы въ храмѣ и по партесньмъ нотамъ, и по Обиходу, изданному Св. Синодомъ, обыкновенно на два большихъ хора изъ избранныхъ голосовъ. Кромѣ хорового пѣнія, при каждомъ богослуженіи нѣкоторыя пѣснопѣнія поются всѣми воспитанницами, какъ, напр., на всенощномъ бдѣніи: «Благослови душе моя Господа», «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ», «Слава въ вышнихъ Богу»; на литургіи: «Символъ вѣры», «Отче нашъ» и «Достойно есть». Знаютъ пѣть воспитанницы также и молебны и панихиды, при бракосочетаніи и крещеніи; поютъ молитвы вечернія и утреннія, передъ ученіемъ и послѣ ученія и т. д. Въ нѣкоторыхъ училищахъ изучаются также патріотическіе гимны и канты, литературныя и народныя пѣсни, сохранившія въ себѣ историческое національное содержаніе и чистую поэтическую прелесть. Съ теченіемъ времени изъ болѣе талантливыхъ въ пѣніи воспитанницъ образуются регенты, которые съ успѣхомъ могутъ организовать хоръ и управлять имъ. Мы знаемъ учительницъ изъ бывшихъ учепицъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, которыя прекрасно обучаютъ дѣтей пѣнію въ своихъ школахъ и руководятъ церковными хорами въ сельскихъ церквахъ.

Обученіе воспитанницъ *рукодѣлію* до послѣдняго времени лежало на обязанности воспитательницъ, которыя занимались каждая съ своимъ классомъ, насколько могли, какъ сами умѣли. При такой постановкѣ дѣла трудно было ожидать надлежащаго однообразія, систематичности и одинаковаго успѣха во всѣхъ училищахъ. Въ настоящее-же время большинство училищъ обзавелось отдѣльными учительницами рукодѣлія, спеціалистками своего дѣла. Подъ руководствомъ такихъ учительницъ воспитанницы обучаются шитью, вязанью, плетенію, кройкѣ и вышиванію; старшія воспитанницы сами шьютъ на себя и на своихъ меньшихъ подругъ все бѣлье, платья, бѣлье постельное и столовое, вяжутъ чулки и производятъ всякую починку; а съ 1888 г., по распоряженію Св. Синода, введено въ училищахъ

обученіе дѣвицъ шитью и починкѣ церковныхъ облаченій и прочихъ принадлежностей церковной ризницы, каковы: облаченія на престолъ, жертвенникъ, аналогіи, церковныя завѣсы, облаченія священническія и діаконскія и др.

Поднято и *рисованіе*. Въ младшихъ классахъ дѣти упражняются обыкновенно въ черченіи геометрическихъ фигуръ; въ среднихъ—рисуютъ съ оригиналовъ лиственныя и цвѣточныя формы, несложные орнаменты, головки; въ старшихъ—доходятъ до рисованія съ оригиналовъ ландшафтовъ и болѣе сложныхъ фигуръ. Въ самое послѣднее время въ двухъ-трехъ училищахъ введено и *иконописаніе*, которое, судя, по крайней мѣрѣ, по отчету, достигло въ Полоцкомъ училищѣ значительнаго совершенства. Въ этомъ училищѣ 11 болѣе талантливыхъ воспитанницъ приготовили 6 иконъ для царскихъ вратъ въ одну изъ бѣднѣйшихъ церквей епархіи, а одна изъ воспитанницъ удостоилась даже поднесенія Ея Величеству иконы Нерукотвореннаго Спаса своей работы.

Въ томъ-же Полоцкомъ училищѣ введены и занятія *гимнастикой*, на что отдѣляется по два получасовыхъ урока въ недѣлю для каждаго класса; а дѣти младшихъ классовъ, послѣ вечернихъ занятій и ужина, заканчиваютъ свой день подвижными играми, соединенными съ пѣніемъ: дѣти, играя, упражняются въ пѣніи, быстрой сообразительности и ловкости въ движеніяхъ.

Въ кругъ обязательныхъ занятій во всѣхъ епархіальныхъ училищахъ входитъ и пріученіе воспитанницъ къ *домашнему хозяйству*. Съ этою цѣлью для дежурства по кухнѣ назначаются обыкновенно по одной воспитанницѣ изъ V-го и VI-го классовъ. При нихъ завѣдывающая кухней принимаетъ ежедневно по вѣсу и счету всѣ пищевые припасы, а дежурныя воспитанницы ведутъ имъ запись. Дежурныя не только присматриваются къ работѣ кухонной прислуги и наблюдаютъ за чистотой и опрятностью кухни, но и сами готовятъ для двухъ-трехъ лицъ обѣдъ и ужинъ изъ общихъ припасовъ. Отъ посѣщенія уроковъ онѣ освобождаются, но пропущенный урокъ обязываются восполнить вечеромъ съ помощью воспитательницы. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ училищахъ назначаются еще особыя дежурныя по столу, въ классахъ и церкви. Столовыя дежурныя приготовляютъ и убираютъ столъ для обѣда, ужина и чая, принимаясь за пищу послѣ всѣхъ. Въ спальняхъ дежурнымъ поручается наблюденіе за уборкой коекъ, ихъ чистотой и опрятностію. Онѣ обязаны также пріучать малолѣтнихъ воспитанницъ ухаживать за самими собою, помогать имъ чесать и причесывать голову, держать въ опрятности свою одежду.

Въ классахъ дежурныя ученицы послѣ каждой перемѣны подметаютъ полы, приготовляютъ всѣ принадлежности для предстоящаго урока, открываютъ вентиляторы или форточки для освѣженія классныхъ комнатъ чистымъ воздухомъ. Передъ днями богослуженія двѣ ученицы изъ старшаго класса убираютъ храмъ: осматриваютъ иконостасъ, подсвѣчники, аналои, окна, приводя все въ порядокъ и чистоту.

Если присоединить ко всему сказанному о занятіяхъ воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ, что не малое количество изъ нихъ по собственному желанію берутъ еще уроки музыки и новыхъ языковъ, то окажется, что онѣ ведутъ жизнь въ стѣнахъ заведенія полную труда умственнаго и физическаго, можетъ быть, и не совсѣмъ посильнаго для нѣжнаго организма дѣвочки, но за-то, по выходѣ изъ училища, такія ученицы встрѣтятъ самостоятельную жизнь смѣло и безбоязненно со всѣми ея лишеніями и невзгодами.

Въ виду того, что далеко не всѣ воспитанницы епархіальныхъ училищъ по окончаніи курса выходятъ замужъ, а многія изъ нихъ поступаютъ учительницами въ церковно-приходскія и народныя школы, или идутъ воспитательницами въ тѣ-же епархіальныя училища,— ученицы выпускного класса привлекаются еще къ занятіямъ педагогикой, дидактикой и къ практическимъ урокамъ въ начальныхъ школахъ. Но дѣло педагогической подготовки выпускныхъ ученицъ нельзя въ настоящее время считать еще правильно и цѣлесообразно организованнымъ. Начать съ того, что еще не при всѣхъ епархіальныхъ училищахъ устроены элементарныя школы для практическихъ занятій воспитанницъ. Такъ, въ 1889 году, только при 23 училищахъ, изъ числа 44-хъ, были открыты начальныя школы различныхъ наименованій, а именно: четыре церковно-приходскія школы, пять образцовыхъ школъ, двѣ начальныя школы, шесть воскресныхъ школъ и шесть такъ-называемыхъ «епархіальныхъ пріютовъ». Особенно симпатичны послѣдніе. Въ пріюты принимаются сироты духовенства отъ 5 лѣтъ; помѣщаются онѣ обыкновенно въ отдѣльномъ отъ общежитія флигелѣ подъ надзоромъ и руководствомъ особой воспитательницы, чаще всего вдовы священника. Воспитанницы старшаго класса въ опредѣленные часы, обыкновенно послѣ своихъ уроковъ, по очереди приходятъ въ пріютъ, пріучаются къ уходу за малолѣтками, играютъ съ ними, поютъ, занимаютъ фребелевскими работами, учатъ читать, писать, считать и разсказывать, приготовляя ихъ, по достиженіи 10-лѣтняго возраста, къ поступленію въ училище, гдѣ они принимаются на полное церковное содержаніе. Такіе пріюты или ясли слѣдовало-бы учреж-

дать при всѣхъ епархіальныхъ училищахъ, дабы пріучить будущихъ матерей и воспитательницъ къ уходу за малолѣтними дѣтьми.

Выпускныя воспитанницы такихъ училищъ, которыя не имѣютъ еще своихъ начальныхъ школъ или пріютовъ, ходятъ для практическихъ занятій или въ воскресныя школы мужскихъ духовныхъ семинарій, или въ ближайшія церковно-приходскія или монастырскія школы, что, конечно, сопряжено съ большими неудобствами и тратою времени. Да и воспитанницы такихъ училищъ, при которыхъ уже существуютъ начальныя школы, при разнообразіи и многочисленности своихъ занятій, не въ состояніи дать болѣе 2—3-хъ самостоятельныхъ уроковъ по каждому предмету элементарнаго обученія, что, разумѣется, совершенно недостаточно для пріобрѣтенія надлежащаго навыка въ начальномъ преподаваніи. Притомъ, дабы не отвлекаться отъ собственныхъ уроковъ, воспитанницы-практикантки даютъ уроки въ начальной школѣ послѣ обѣда, когда и дѣти школы, и ученицы училища уже достаточно утомлены. Опытъ показалъ всю несовмѣстимость для дѣвицъ VI класса основательно приготовиться къ выпускному экзамену по общеобразовательнымъ предметамъ и получить, сверхъ того, солидную педагогическую подготовку, а потому пока при трехъ только епархіальныхъ училищахъ учрежденъ спеціальный педагогическій VII классъ. Въ этомъ классѣ воспитанницы избираютъ для изученія одинъ изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ епархіальныхъ училищахъ, и подъ руководствомъ преподавателя спеціально занимаются имъ, составляя рефераты и давая отчетъ въ своихъ занятіяхъ. Сверхъ того, для всѣхъ воспитанницъ VII класса обязательно теоретическое изученіе и представленіе письменныхъ работъ по педагогикѣ и дидактикѣ и практическія занятія въ школѣ. Каждая воспитанница ведетъ свой педагогическій дневникъ, который обсуждается педагогической коммиссіей, состоящей изъ начальницы, инспектора классовъ и преподавателя педагогики въ присутствіи и участіи всѣхъ воспитанницъ VII класса. Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе при епархіальныхъ женскихъ училищахъ VII дополнительнаго спеціально-педагогическаго класса—мѣра вполнѣ цѣлесообразная, что слушательницы VII класса получатъ болѣе солидное научное и педагогическое образованіе, нежели ученицы VI класса, и что, наконецъ, первые вступятъ въ практическую жизнь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, чѣмъ послѣднія, изъ которыхъ многія оканчиваютъ курсъ почти дѣтьми—16—17 лѣтъ. Желательно было-бы, чтобы для дѣвицъ, оканчивающихъ курсъ VII класса, было исходатайствовано право на полученіе высшаго диплома—на право домашней наставницы, какъ

это предоставлено ученицамъ VIII класса женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

По своей внутренней организаціи епархіальныя женскія училища принадлежатъ къ типу полузакрытыхъ учебныхъ заведеній. Сироты содержатся въ общежитіи исключительно на средства духовенства или на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ. Взносъ за своекоштныхъ духовныхъ пансіонерокъ колеблется отъ 75 до 150 р. въ годъ. Дѣти духовнаго званія приходящія за право ученія ничего не платятъ. Во многихъ епархіальныхъ училищахъ обучаются и дочери свѣтскихъ лицъ. Плата за свѣтскую пансіонерку взимается обыкновенно вдвое болѣе, нежели за духовную. Свѣтскія приходящія вносятъ за право обученія отъ 30 до 60 рублей въ годъ. Число свѣтскихъ дѣвицъ въ епархіальныхъ училищахъ въ среднемъ не превышаетъ $^1/_3$. Такъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1889 годъ въ 41 училищѣ училось дѣвицъ духовнаго званія 8.478, а свѣтскихъ сословій—1.387.

Режимъ жизни въ епархіальныхъ училищахъ подчиняется опредѣленнымъ правиламъ, выраженнымъ въ инструкціи начальницѣ и воспитательницамъ. Воспитаніе ведется въ строго религіозно-православномъ духѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, распредѣленъ день въ старѣйшемъ изъ епархіальныхъ училищъ — Московскомъ Филаретовскомъ: въ 7 часовъ воспитанницы встаютъ, въ 8—идутъ на молитву въ свою церковь, съ $8^1/_2$ до 9—пьютъ утренній чай, съ 9 утра до 3-хъ пополудни назначаются классныя занятія, причемъ каждый урокъ начинается и оканчивается молитвой; во время классныхъ занятій 30 минутъ отдѣляется на завтракъ; послѣ каждаго урока перемѣна въ $^1/_4$ часа. Отъ 3-хъ до 4-хъ часовъ воспитанницамъ дается отдыхъ, во время котораго въ хорошую погоду и лѣтомъ, и зимою онѣ гуляютъ въ училищномъ саду. Въ 4 часа воспитанницы обѣдаютъ; и завтракъ, и обѣдъ сопровождается также молитвой. Съ $5^1/_2$ до $8^1/_2$—происходятъ вечернія занятія, по окончаніи которыхъ идутъ въ столовую пить вечерній чай; затѣмъ отправляются въ церковь для совершенія вечернихъ молитвъ; въ $9^1/_2$ ложатся спать. Такимъ образомъ, въ теченіи дня 8 часовъ удѣляется на умственныя и физическія занятія, 6 часовъ на молитву, отдыхъ, прогулку и принятіе пищи и 10 часовъ на сонъ, что совершенно достаточно для возраста дѣтей, обучающихся въ училищахъ. Пища полагается про-

*) Ученицы, окончившія шестиклассный курсъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, пользуются правами домашнихъ учительницъ.

стая, но непремѣнно изъ свѣжихъ продуктовъ. Для примѣра приведемъ здѣсь одно изъ недѣльныхъ росписаній, практикуемыхъ въ томъ-же Филаретовскомъ училищѣ. Скоромный столъ. Воскресенье: на завтракъ—пироги изъ крупичатой муки; на обѣдъ—а) супъ картофельный и къ нему мясная порція, б) жареное мясо, в) каша манная. Понедѣльникъ: на завтракъ—говядина съ картофельнымъ соусомъ; на обѣдъ—а) супъ перловый, б) печенка съ соусомъ, в) драчена. Вторникъ: на завтракъ—аладьи; на обѣдъ—а) солонина съ хрѣномъ, б) щи съ говядиной, в) пшенная каша. Четвергъ: на завтракъ—говядина подъ соусомъ; на обѣдъ—а) студень, б) лапша, в) гречневая каша. Суббота: на завтракъ—говядина подъ картофельнымъ соусомъ; на обѣдъ—а) супъ перловый, каша гречневая, в) драчена. Въ среду и пятницу полагается постный столъ. Среда: на завтракъ—постные пироги съ начинкой; на обѣдъ—а) свекольникъ съ рыбой, б) картофельный супъ, в) рисовыя котлеты съ сладкимъ соусомъ. Пятница: на завтракъ—пироги съ начинкой; на обѣдъ—а) винегретъ, б) гороховый супъ, в) кисель клюквенный. Подобныйже постный столъ дается и во всѣ дни всѣхъ четырехъ постовъ, которые строго соблюдаются всѣми воспитанницами, за исключеніемъ трудно больныхъ, которымъ, съ разрѣшенія врача, полагается легкая скоромная пища. Въ нѣкоторыхъ училищахъ во время великаго поста воспитанницы не ѣдятъ даже рыбы, за исключеніемъ извѣстныхъ праздниковъ. Вообще, нельзя сказать, чтобы пища воспитанницъ епархіальныхъ училищъ была достаточно питательная и разнообразная; строгій гигіенистъ осудилъ-бы ее за преобладаніе мучнистыхъ веществъ и однообразіе.

Говѣютъ, исповѣдываются и пріобщаются воспитанницы три раза въ годъ: передъ праздникомъ Рождества Христова, въ дни 18—21 ноября, на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста. Въ воскресные и праздничные дни всѣ воспитанницы неопустительно присутствуютъ на всенощномъ бдѣніи и литургіи. Положенное чтеніе и пѣніе въ церкви во время богослуженія исполняется самими воспитанницами. Сверхъ того, во время великаго поста, по средамъ и пятницамъ, воспитанницы присутствуютъ въ церкви на преждеосвященной литургіи. Уроки въ эти дни не отмѣняются, но начинаются раньше или позже, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ, въ каждую субботу, передъ утреннимъ чаемъ, воспитанницы собираются въ училищную церковь и по окончаніи утреннихъ молитвъ выслушиваютъ акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ. Часто и по окончаніи воскресной и праздничной литургіи совершаются для уче-

ницъ особыя молебныя пѣнія съ чтеніемъ акаѳистовъ. Въ такомъ-то строго религіозно-православномъ духѣ воспитываетъ русское духовенство своихъ дочерей. Даже и учебное время года въ епархіальныхъ училищахъ продолжительнѣе, нежели въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ большинствѣ случаевъ оно начинается со 2-го августа и продолжается до 15-го іюня; на лѣтніе каникулы отводится не болѣе 6-ти недѣль.

Отношенія начальницы и воспитательницъ къ ученицамъ должны быть, по инструкціи, мягкія, гуманныя, христіанскія, материнскія, воспитываютъ дѣтей болѣе убѣжденіями, чѣмъ наказаніями. Воспитательницамъ предоставляется право только дѣлать замѣчанія, начальницамъ—выговоръ, стояніе за кашей, лишеніе отпуска въ праздничные дни, лишеніе права свиданія съ родными, живущими въ городѣ; самое строгое наказаніе—выговоръ предсѣдателя Совѣта во время засѣданія, что бываетъ крайне рѣдко; еще рѣже бываютъ исключенія. Даже неспособныя къ ученію и малоуспѣшныя, пробывшія въ четырехъ низшихъ классахъ по шести лѣтъ, обыкновенно не увольняются изъ заведенія, а усиленно обучаются рукодѣлію, чтобы впослѣдствіи хоть этимъ ремесломъ обиженныя природою дѣвушки могли добыть себѣ честный кусокъ хлѣба. Въ 1889 году число всѣхъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, а равно училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, было 44, число обучающихся превышало 10.000; на содержаніе всѣхъ училищъ истрачено болѣе 1.500.000 рублей. Въ среднемъ на каждое училище приходится почти по 230 учащихся; на самомъ-же дѣлѣ число это колеблется между 66-ю (въ Ржевскомъ училищѣ) и 450-ю (въ Московскомъ училищѣ). Стоимость каждаго училища въ среднемъ обходится 34.090 руб.; на фактѣ—отъ 12.880 руб. (Ржевское училище) до 78.000 руб. (Ставропольское училище).

Обученіе каждой воспитанницы въ среднемъ обходится въ годъ 150 руб., но по различнымъ училищамъ размѣръ этой суммы мѣняется отъ 100 руб. (въ Тамбовскомъ училищѣ) до 250 руб. (въ Ставропольскомъ училищѣ). Это зависитъ какъ отъ матеріальныхъ средствъ духовенства той или другой епархіи, такъ и отъ размѣра платы за содержаніе своекоштныхъ пансіонерокъ и за право ученія свѣтскихъ приходящихъ дѣвицъ; напримѣръ, въ Таврическомъ училищѣ плата за своекоштныхъ свѣтскихъ пансіонерокъ доходитъ до 300 руб. въ годъ, тогда какъ своекоштныя духовныя пансіонерки вносятъ только по 135 руб. въ годъ. Во всякомъ, однако, случаѣ, епархіальныя женскія училища между средними учебными заведеніями самыя дешевыя въ Россіи.

По уставу, въ каждомъ классѣ должно быть не болѣе 45 ученицъ; при большемъ числѣ открывается параллельное отдѣленіе. Поэтому наиболѣе многолюдныя училища: Московское-Филаретовское (450 учиницъ), Рязанское (450), Кіевское (441), Саратовское (417), Черниговское (321), Нижегородское (343) и Харьковское (330) имѣютъ почти двойной комплектъ классовъ—отъ 9 до 13 основныхъ и параллельныхъ. Многочисленны также училища: Ставропольское (310 ученицъ), Екатеринославское (302) и Тамбовское (300). Не смотря, однако, на такое переполненіе многихъ училищъ учащимися, всѣ отчеты сѣтуютъ на то, что приходится отказывать въ пріемѣ многимъ желающимъ за недостаткомъ мѣста. Все это доказываетъ, что епархіальныя женскія училища пользуются сочувствіемъ духовенства, что они удовлетворяютъ потребностямъ времени и что существующихъ училищъ недстаточно.

Благодаря разумной и осторожной экономіи въ расходованіи суммъ, почти всѣ училища, кромѣ текущихъ доходовъ и расходовъ, имѣютъ еще запасные капиталы, которые состоятъ частью изъ стипендіатскихъ суммъ, пожертвованныхъ или Высочайшими особами, или частными духовными и свѣтскими лицами, преимущественно архіереями и почетными блюстителями, частью изъ строительнаго капитала, образовавшагося, главнымъ образомъ, изъ остатковъ отъ ежегодныхъ смѣтныхъ назначеній. Такіе капиталы въ нѣкоторыхъ училищахъ достигаютъ весьма внушительной цыфры. Такъ, напримѣръ, Кіевское училище обладало запаснымъ капиталомъ въ 91.500 руб. въ 1889 г., Тифлисское—85.000 руб. въ 1891 г., Нижегородское—71.386 руб. въ 1889 г., Московское—60.800 руб. въ 1889 г., Рязанское—56.225 р. въ 1890 г., Харьковское—54.462 руб. въ 1891 г. и т. д. Вотъ эти-то капиталы и дали возможность епархіальнымъ женскимъ училищамъ постепенно обзавестись собственными домами съ обширными дворами и садами, съ отдѣльными отъ классовъ дортуарами и больницами, чему можно только радоваться.

Мы уже замѣтили выше, что главнымъ источникомъ содержанія епархіальныхъ училищъ служатъ различные сборы съ церквей, монастырей, попечительствъ и духовенства. Этотъ доходъ по различнымъ училищамъ составляетъ отъ 40 до 60% ежегоднаго бюджета. Вторую статью дохода приноситъ сборъ съ ученицъ въ видѣ платы за своекоштныхъ пансіонерокъ, за право ученія свѣтскихъ дѣвицъ, за обученіе музыки и иностраннымъ языкамъ отъ 40 до 50%; наконецъ, 5—10% годового бюджета даютъ частныя пожертвованія. И только 12 училищъ въ западныхъ епархіяхъ получаютъ незначительную субсидію въ размѣрѣ 2.000 руб. въ годъ изъ суммъ Святѣйшаго Синода.

Такимъ образомъ, епархіальныя женскія училища, подобно женскимъ гимназіямъ, возникали у насъ по частной инициативѣ, живутъ и развиваются собственными средствами, нисколько не обременяя государственнаго казначейства, пользуясь только нравственнымъ покровительствомъ правительства.

Въ слѣдующей и послѣдней главѣ мы постараемся указать на тѣ плоды, которые успѣли уже принести духовныя женскія учебныя заведенія въ полувѣковой періодъ своего существованія.

Д. Семеновъ.

(Окончаніе будетъ).

НЕУГАДАННЫЙ.

(Педагогическiй случай).

Увеселительныя представленiя «феноменальнаго счетчика» на подмосткахъ одного изъ петербургскахъ садовыхъ заведенiй приводятъ на память однородный случай въ нѣсколько иной обстановкѣ, но съ совершенно другими цѣлями и послѣдствiями. На этотъ разъ, крайне исключительный, сцену представляла пыльная площадка съ почернѣлой отъ дождей и вѣтровъ часовенкой, въ небольшой деревенькѣ въ глухой мѣстности Костромской губернiи, Кологривскаго уѣзда, верстахъ въ 5-ти отъ посада Парфентьева. Деревенька была помѣщичья и называлась «Барсково», а дѣйствующимъ лицомъ былъ босоногiй крестьянскiй мальчикъ, подпоясанный по домотканной синей рубашонкѣ крученымъ шнуркомъ. Зрителями были такiе-же нечесаные простоволосые парнишки, игравшiе въ бабки, разставленныя въ рядъ, каковой первымъ разбивалъ тотъ, у котораго надкопытная говяжья игральная кость или лодышка ложилась жохомъ, т.-е. хребтикомъ вверхъ. На этотъ разъ деревушка, въ группѣ 4—5 сосѣднихъ, справляла первый изъ трехъ дней урочнаго лѣтняго праздника Тихвинской (26-го iюня), а потому вся молодежь, въ праздничныхъ рубахахъ и сарафанахъ, была на улицѣ, дѣвушки водили хороводы, парни окружали ихъ стѣнкой и засматривались. Дворовый человѣкъ, зашедшiй въ гости, когда для всякаго въ каждой избѣ настежъ открыты двери, потряхивая кистью правой руки, всѣми пальцами триркалъ на трехструнной балалайкѣ. Гармоника въ тѣхъ мѣстахъ и въ это время (въ 1834 году) не была извѣстна, равно какъ и курильная трубка, а пиджакъ еще и у англичанъ даже не былъ изобрѣтенъ. Изъ открытыхъ оконъ избъ неслся нестройный и громкiй гулъ подгулявшихъ мужиковъ, которые, испивши по хозяйскимъ достаткамъ винца, тянули брагу прямо черезъ край изъ деревянныхъ жбановъ. Винный откупъ еще не посягалъ въ то время на этотъ коренной народный напитокъ и не подсмѣнялъ его своимъ горькимъ и кислымъ пивомъ, отъ котораго у любителей рас-

пухали пальцы. Каждая хозяйка запасливо заготовляла въ корчагахъ эту ячневую брагу на однѣхъ дрожжахъ: густую и сладкую для бабъ и дѣвушекъ и подправленную хмелемъ, чтобы стало полпивцо, для мужчинъ; жившіе съ достаткомъ варили брагу и изъ овсянаго солода. Оба напитка были разымчивы, а потому всѣхъ позывали на громкій разговоръ, переводили на крики и брань и умѣли доводить задорныхъ до драки, что такъ обычно между ближними сосѣдями, а на лучшій конецъ выталкивали на средину избы для топанья и пляски.

Среди разгара веселья, крикливаго по избамъ, пѣвучаго на улицѣ, на ней показался самъ помѣщикъ Г. И. Сальковъ со своимъ гостемъ, директоромъ гимназіи Павломъ Петровичемъ Абатуровымъ, недавно лишь замѣнившимъ извѣстнаго чудака, умника и масона Юлія Никитича Бартенева (дяди А. Ф. Писемскаго), извѣстнаго русскимъ читателямъ по роману «Масонъ». Пришли они, послѣ сытнаго обѣда богатаго и хлѣбосольнаго помѣщика, посмотрѣть, какъ буколически веселятся счастливые поселяне, какъ въ лѣсахъ «среди лужка пляшутъ дѣвушки россійски подъ свирѣлью пастушка». Пляшутъ собственно вяло, какъ будто по заказу, поютъ монотонно и неохотно, а въ виду нежданныхъ и большихъ гостей—даже робко и стыдливо: обрываютъ пѣсню, заставляютъ упрашивать, прикрываютъ лица передниками, переминаются съ ноги на ногу. Смотрѣть здѣсь нечего: ухватятся руками и ходятъ кругомъ. Одна неуклюже топчется въ серединѣ передъ той, которая надѣла себѣ на голову мужичью шляпу грешневикомъ и являетъ изъ себя добра молодца.

Отошли гости къ группѣ ребятъ. У нихъ тотъ босоногій со встрепанными и желтыми, какъ ленъ, волосами ведетъ играющимъ счетъ и не ошибается, всѣ ему вѣрятъ, и съ нимъ ни одинъ не споритъ.

Прислушавшійся привычнымъ ухомъ директоръ пораженъ необыкновенною быстротою и вѣрностью счета. Обычнымъ пріемомъ онъ задаетъ ему свои задачи на легкія цыфры для умноженія единицъ на десятки и получаетъ неожиданно быстро вѣрные отвѣты. Идетъ въ испытаніи дальше и глубже—и удивленъ не столько уже смѣлостью парня, сколько его поразительною сметкою при умноженіи десятковъ на десятки и сотни. Ловкость его, наконецъ, довела директора до убѣжденія, что передъ нимъ стоитъ изъ ряду вонъ выходящій счетчикъ. Въ немъ явно зародились математическія способности, природныя, необъяснимыя, требующія дальнѣйшаго хода въ ихъ развитіи.

А тутъ кстати и товарищи счетчика вступились за него, словно бы въявь и тотчасъ замѣтили, что надъ головой ихъ сверстника засверкала счастливая звѣзда.

— Онъ у насъ завсегда въ счетчикахъ состоитъ, и ни разу его за то бить не доводилось.

— У насъ онъ во-какой: возьми ты въ горсть гороху, либо дресвы, либо камешковъ съ рѣки мелкихъ и спроси, сколько въ правой горсти, сколько въ лѣвой, вѣрно скажетъ.

— Можетъ, какихъ двухъ не хватитъ или перехватитъ.

— Онъ звѣзды на небѣ можетъ считать.

— И сосчиталъ-бы, кабы другіе на то время не скатывались.

— Кое и пользу приноситъ, — вступилъ въ разговоръ староста, прислушавшійся къ распросамъ и смекнувшій, что заѣжій генералъ облюбовалъ парнишку, и это можетъ быть ему на пользу. — Много бабамъ помогаетъ. Иная продастъ кринку топленаго масла по 16 коп. фунтъ, а тамъ и четвертки, и осьмушки, — какъ считать? Барыня, которая покупаетъ, и вѣрно ей, по своей бумажкѣ, сказываетъ, а она, дура, сумлѣвается: трудно-ли-де темнаго человѣка обмануть?

— Много онъ имъ пособляетъ, когда булыни наѣзжаютъ ленъ и нитки покупать. Продавать привыкли бабы на мотки, по нашему пасмы, а онъ, торговецъ-отъ, сведетъ ихъ на чисменки. По нашимъ мѣстамъ въ пасмѣ-то 15 чисменокъ по четыре нитки, а по ихному, по ярославскому, 20 чисменицъ по три нитки. Вотъ тутъ и смекай, — хоть кого съ ногъ сшибетъ и въ головѣ замутитъ. Слушаешь ихъ крики, махнешь рукой и изъ избы уйдешь. А она, безтолковая наша деревенская баба, поймаетъ этого самаго парнишку, ухватитъ его покрѣпче за ухо—не съ тѣмъ, чтобы не убѣжалъ, а чтобы считать не лѣнился. Онъ мигомъ смекнетъ, и торговецъ диву дается, и сердится.

Конечно, не увѣренія глупыхъ ребятъ, которые видимо гордятся своимъ мудрецомъ доточникомъ, пробѣгали въ мысляхъ директора, возставали въ памяти поучительные образцы, а въ воображеніи великіе образы Ломоносова съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который обѣщалъ быть защитникомъ холмогорскаго мужика, если-бы даже со звономъ въ большой колоколъ Ивана Великаго на площадяхъ, называли его самозванцемъ, мѣщанина Кулибина, котораго почтили титуломъ придворнаго и поручили ему заводить всѣ дворцовые часы, Шувалова съ Потемкинымъ и прочими меценатами, заслужившими историческія имена и безсмертіе едва-ли не больше подобными доблестными подвигами, чѣмъ иными прочими. Ученому хорошо было извѣстно, насколько Русь богата самородками, о которыхъ въ то время все еще продолжали говорить и писать и даже розыскивать ихъ. Въ рѣдкой изъ всѣхъ 50-ти книгъ «Отечественныхъ Записокъ» (издававшихся съ мая мѣсяца 1820 г. по 1830 г.) не было извѣщеній о какомъ-либо само-

родкѣ, и самъ издатель журнала П. П. Свиньинъ (также костромичъ родомъ, тесть А. Ф. Писемскаго) почти ежегодно ѣздилъ по самымъ глухимъ и далекимъ странамъ, исколесилъ всю Русь, чтобы, между прочимъ, розыскивать эти рѣдкостные бриліанты черной воды. То были, напр., большею частью практическіе механики (съ легкой руки нижегородскаго Кулибина), подобные грязовецкому Василію Максимовичу Лебедеву, сосредоточившему свои способности на изобрѣтеніи новыхъ и улучшеніи старыхъ земледѣльческихъ орудій и заводскихъ машинъ. То былъ сынъ вологодскаго чиновника, замѣнившій на Ленвенскихъ соляныхъ промыслахъ первобытныя бадьи самоновѣйшими помпами и въ 1811 г. награжденный за-то чиномъ коллежскаго регистратора. Кромѣ механиковъ, обрѣтались и поэты въ видѣ извѣстныхъ: ярославскаго крестьянина Ф. Слѣпушкина, сына орловскаго мастера Е. Алипанова и совершенно невѣдомаго «природнаго» стихотворца Ивана Сибирякова, для выкупа котораго изъ крѣпостнаго состоянія собрана была отъ 14 доброхотовъ цѣлая тысяча руб., а въ журналѣ печаталось новое воззваніе на выкупъ новаго самородка—«вдохновеннаго живописца Павла», и т. д. Сами монархи считали пріятнымъ долгомъ для себя поощрять отечественные самородки - таланты. Ихъ примѣру слѣдовали высокопоставленныя лица и богатые люди. И вотъ, на глазахъ костромскаго директора гимназіи новый босоногій, въ такихъ-же крѣпостныхъ кандалахъ, несомнѣнно выходящій изъ ряду талантъ, можетъ быть, и подлинный математическій геній.

Разговоръ добрѣйшаго директора съ интеллигентнымъ помѣщикомъ кончился въ три слова.

— Крѣпостному нельзя поступить въ гимназію.

— Я могу сейчасъ дать ему «отпускную»: получите!

Мальчика Рагозина собрали въ дорогу и отправили на господскій счетъ въ Кострому ко времени начала классовъ, когда директоръ объ обрѣтеніи въ дикой странѣ феноменальнаго математика успѣлъ уже извѣстить попечителя Московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгонова, а этотъ, въ свою очередь, довести до свѣдѣнія Государя Императора *).

8-го октября 1834 г., въ 12-мъ часу утра, Государь Императоръ Николай Павловичъ осчастливилъ Костромскую гимназію Высочайшимъ посѣщеніемъ. По выходѣ изъ коляски, онъ прошелъ въ третій

*) Все это я разсказалъ по живымъ воспоминаніямъ дѣтства, какъ ближній сосѣдъ той деревушки, гдѣ все это происходило.

классъ, какъ ближайшій отъ входа, гдѣ всѣ ученики были приходящими. Здѣсь Государь похвалилъ ихъ наружность, а на молодецкій отвѣтъ на его привѣтствіе съ желаніемъ здравія съ улыбкою произнесъ:

— Это будущіе мои гренадеры!

Въ слѣдующемъ, по порядку ихъ шествія, первомъ классѣ, малый возрастъ дѣтей, возможная опрятность и единообразіе въ одеждѣ, казалось, еще болѣе заслужили вниманіе Императора, потому что, обращаясь къ графу Бенкендорфу, онъ сказалъ:

— Какой бравый народъ!

Потомъ, проходя вдоль класса, съ родительскою нѣжностью ласкалъ дѣтей, повторяя:

— Славныя дѣти, милыя дѣти *)!

При переходѣ черезъ комнату, раздѣлявшую два старшіе класса и занятую физическимъ кабинетомъ, Государь обратилъ вниманіе на висѣвшій на стѣнѣ портретъ благотворителя гимназіи, петербургскаго купца Хавскаго, пожертвовавшаго значительную сумму денегъ для отдѣлки зданій каменной гимназіи.

Затѣмъ Государь спросилъ:

— Кажется, здѣшній помѣщикъ пожертвовалъ капиталъ для содержанія при морскомъ корпусѣ на его счетъ воспитанниковъ,—какъ его фамилія?

Почетный попечитель гимназіи назвалъ помѣщика капитанъ-лейтенанта Дурново, пожертвовавшаго свыше полумилліона на воспитаніе бѣдныхъ дворянъ, на проценты съ каковаго капитала до сего времени воспитывается въ морскомъ корпусѣ одновременно шесть стипендіатовъ (т.-е. ежегодно по одному) и, сверхъ того, нѣсколько въ Нижегородскомъ Аракчеевскомъ и 2-мъ Московскомъ кадетскихъ сухопутныхъ корпусахъ **).

---

*) Разсказывается все это съ подлинныхъ словъ рапорта директора Абатурова попечителю округа гр. Строгонову.

**) Кстати мимоходомъ нѣсколько словъ о благотворительности богатыхъ костромичей, направленной именно въ эту сторону народнаго образованія, начиная съ Григорова, основавшаго на свой капиталъ и обезпечившаго содержаніе первой женской гимназіи въ г. Костромѣ, до громаднаго капитала на устройство шести училищъ, завѣщаннаго Ѳедоромъ Васильевичемъ Чижевымъ,—капитала, о розысканіи котораго въ настоящее время наводятся дѣятельныя справки и затѣялась живая газетная полемика. Еще гораздо раньше Ѳед. Вас., извѣстный московскій чайный торговецъ Константинъ Абрамовичъ Поповъ въ своемъ родномъ посадѣ Большихъ Соляхъ, сверхъ городского банка, основалъ два подготовительныхъ училища для мальчиковъ и дѣвочекъ и отдѣльно ремесленное училище, едва-ли, по своей спеціальности, не первое въ Россіи, и т. д.

Государь продолжалъ:

— Спрашиваютъ, можно-ли привесть въ исполненіе? Очень можно, ибо весьма полезно и похвально сіе дѣйствіе.

Слова Императора не замедлили подтвердиться самымъ блестящимъ образомъ: на защиту Севастополя дурновская стипендія приготовила храбрыхъ и стойкихъ моряковъ, многихъ участниковъ синопскаго боя, изъ числа которыхъ еще здравствуетъ одинъ изъ командировъ корабля, занимающій одно изъ высшихъ мѣстъ въ адмиралтействѣ. На ту-же стипендію воспитался и знаменитый мореплаватель, имя котораго останется въ исторіи и у будущихъ русскихъ мореплавателей на виду: въ памятникѣ, предположенномъ въ настоящее время для постановки на томъ далекомъ русскомъ берегу, который омывается водами Восточнаго океана. Здѣсь, съ геройскою смѣлостью и отвагою коренного моряка, честно и блистательно отбылъ свою службу отечеству Геннадій Ивановичъ Невельской. Онъ разрѣшилъ вѣковую географическую ошибку о непроходимости устьевъ Амура и, вопреки увѣреніямъ предшественниковъ, каковы Лаперузъ, Броутонъ, Крузенштернъ и Врангель, доказалъ, что Сахалинъ—островъ, отдѣленный отъ материка проливомъ. Когда нашъ флотъ, покинувшій Камчатку и Петропавловскъ, былъ атакованъ соединенною англо-французскою эскадрою, Г. И. Невельскій укрылъ его въ Амурскомъ лиманѣ— къ полному недоумѣнію враговъ, куда внезапно исчезъ нашъ флотъ.

Продолжаемъ нашъ разсказъ о посѣщеніи Николаемъ I гимназіи подлинными словами донесенія Абатурова:

«Въ пятомъ классѣ графъ Бенкендорфъ доложилъ Государю Императору, что здѣсь находится тотъ мальчикъ-математикъ, о коемъ прежде доводимо было до свѣдѣнія Его Величества. Государь, изъявивъ желаніе его видѣть, продолжалъ обзоръ 6-го и 7-го классовъ. Въ первомъ изъ нихъ, обращаясь къ ученикамъ, изволилъ сказать:

— Какіе молодцы!

Въ седьмомъ, увидѣвъ всего трехъ человѣкъ, изволилъ меня спросить:

— Здѣсь что такъ мало?

Получа-же отвѣтъ, что возвышеніе предметовъ по новому уставу *), недавно введенному, сему причиною, Государь, сказавъ «да, это правда»,—перешелъ въ залу, въ которой, обратившись ко мнѣ, изволилъ говорить:

---

*) По уставу 1828 года, вмѣсто четырехъ, положено въ гимназіяхъ семь классовъ, и именно только въ 1834 г. Костромская гимназія могла открыть 7-й классъ.

— Домъ малъ; впрочемъ, при настоящемъ числѣ учениковъ, все размѣщено въ немъ очень хорошо.

Отселѣ Его Величество снова вошелъ въ кабинетъ, гдѣ мальчикъ (фамилія его Рагозинъ) и былъ представленъ почетнымъ попечителемъ. Государь непосредственно самъ спросивши мальчика: «сколько ему лѣтъ отъ роду, имѣетъ-ли онъ охоту учиться»,—взялъ его за руку и, приведши въ 5 классъ, въ которомъ преподавалась математика (учителемъ Самойловичемъ), приказалъ въ своемъ присутствіи сдѣлать испытаніе.

Когда я предложилъ мальчику вопросъ: 78 рублей выдать подцѣло *), имѣя двухъ сортовъ монеты 3 и 5 руб., сколько придется выдать той и другой,—то Государь, обратившись къ нему съ ласковымъ видомъ, спросилъ: не робѣетъ-ли онъ?—на что послѣдній, безъ малѣйшей застѣнчивости, отвѣчалъ: нѣтъ.

Впрочемъ, дабы могъ онъ заняться разрѣшеніемъ задачи, Государь заслонилъ отъ себя лицо его своею шляпою и, обратившись къ прусскому полковнику Рауху, на французскомъ языкѣ объяснилъ ему содержаніе и трудность задачи, которую вскорѣ затѣмъ мальчикъ рѣшилъ удовлетворительно.

Послѣ сего Его Величество приказалъ г. губернатору положить для мальчика въ кредитное установленіе тысячу руб., говоря:

— Я возьму его въ академію и отдамъ на руки одному изъ профессоровъ.

— А теперь (обратясь ко мнѣ) ты возьми этого мальчика къ себѣ и воспитывай: учи его читать, писать по-французски, по-нѣмецки и проч. Неученаго стыдно представить въ академію.

Засимъ чрезъ кабинетъ и 4-й классъ Его Величество сошелъ въ парадные сѣни и столько былъ милостивъ и ко всему внимателенъ, что съ ласкою разспрашивалъ всѣхъ стоящихъ тутъ сторожей, гдѣ кто изъ нихъ служилъ, какъ они нынѣ живутъ и проч. По входѣ въ верхній этажъ, Государь, замѣтивъ у дверей сторожа, служившаго прежде въ гвардіи унтеръ-офицеромъ, украшеннаго многими медалями, Анненскимъ и св. Станислава крестами, изволилъ остановиться и разспрашивалъ о прежней его жизни, когда вышелъ въ отставку и что нынѣ получаетъ жалованья».

Въ тотъ-же день мальчикъ Рагозинъ отведенъ былъ на квартиру директора и поступилъ на полное его содержаніе.

---

*) Подцѣло — это значитъ дѣлить безъ остатку, гладко (напр., 10 дѣлится подцѣло на 2 и на 5, а на всѣ остальныя единицы не дѣлится подцѣло).

Въ семьѣ директора Рагозинъ мало-по-малу смывалъ съ себя ту копоть и наслойку, которая привезена была на возу прямо изъ деревни, и если не навелъ лоску, то и не отсталъ отъ прочихъ товарищей, тоже, большею частью, съ улицы, хотя-бы и съ городской и даже губернской. Подъ покровительствомъ главнаго начальника гимназіи, онъ каждый годъ имѣлъ удачу переходить изъ класса въ классъ, съ 1-го до 7-го, хотя учился неважно и лѣнивъ былъ, обращая главное вниманіе на укрѣпленіе за собою славы будущаго знаменитаго математика. И успѣхамъ въ наукѣ этой, и надеждамъ на будущія въ жизни Рагозинъ обязанъ былъ тому случаю и чести, что сдѣлался любимцемъ учителя математики Самойловича, обладавшаго прекраснымъ методомъ преподаванія, слывшаго за настоящаго ученаго по своей части. Ходили слухи, что онъ кончилъ курсъ математическаго факультета Московскаго университета первымъ, съ золотой медалью, назначенъ былъ для усовершенствованія за границу, для полученія впослѣдствіи званія профессора. Ничтожный случай сталъ поперегъ дороги. По его собственному разсказу, дѣло заключалось въ томъ, что онъ въ пьяномъ видѣ зашибъ на смерть камнемъ домашнюю утку, принадлежавшую тому вліятельному профессору, отъ котораго зависѣло его окончательное назначеніе. Вмѣсто Парижа, ему довелось ѣхать младшимъ учителемъ въ нашу гимназію, жениться на глупой поповнѣ, нарожавшей ему кучу дѣтей и испортившей жизнь въ конецъ. Этимъ обстоятельствомъ оправдывали въ немъ ловко прикрытую страсть ко взяткамъ. Однако, не было для насъ это тайной. Разъ Никита пріѣхалъ на своей лошаденкѣ въ новыхъ саняхъ, покрашенныхъ въ темно-красную краску, и съ того дня пересталъ преслѣдовать на урокахъ нашего товарища—сына содержателя постоялаго двора и извоза. Любилъ онъ того нашего товарища, отецъ котораго имѣлъ въ мучныхъ рядахъ лавку и снабжалъ учителя овсомъ для клячи, мукой, пшеномъ, крупой и солью для кухни и т. д.

Ненавидѣлъ онъ насъ, пансіонеровъ, по принципу, какъ дворянъ, не стѣсняясь грубыми насмѣшками надъ всѣмъ сословіемъ. Немило ему было то, что насъ въ классахъ сажали на первую скамейку, а преслѣдовалъ, можетъ быть, и по тому, что былъ въ душѣ демократомъ, хотя и увѣрялъ самъ, что происходитъ по прямой линіи, безъ спопутныхъ помѣсей во всю слишкомъ сотню лѣтъ, отъ историческаго гетмана Самойловича «молодого», временъ Петра Великаго. По внѣшности онъ былъ дѣйствительно демократическаго пошиба: косолапъ, неуклюжія ноги прикрывались синими узенькими панталонами, изъ подъ которыхъ всегда видны были рыжія голенища не-

чищенныхъ сапоговъ. Вицъ-мундиръ на его плечахъ мы видѣли все одинъ и тотъ-же въ теченіи всѣхъ семи гимназическихъ лѣтъ. Всѣмъ классомъ сбѣгались мы къ окну смотрѣть, какъ онъ садился въ дареныя красныя сани, одѣтый въ волчью шубу съ криво и накось поставленнымъ длиннѣйшимъ воротникомъ и съ нахлобученнымъ на голову треухомъ, какіе въ тѣ времена носили сельскіе попы (для полнаго сходства съ ними недоставало только муфты). Шутовскимъ нарядомъ этимъ онъ (толковали у насъ) упрямо протестовалъ замѣчанію директора (П. И. Величковскаго), рѣшившагося разъ дружески и вскользь замѣтить ему объ этомъ маленькомъ неприличіи и неудобствѣ въ званіи гимназическаго учителя и въ чинѣ коллежскаго ассессора, которые въ нашемъ небольшомъ губернскомъ городѣ были всѣ на счету.

Страшенъ былъ Никита для всѣхъ, переходившихъ изъ 4-го въ 5-й классъ, когда онъ принималъ отъ младшаго учителя математики А. С. Шумаровскаго, съ которымъ находился въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ, не разговаривалъ, не кланялся, зло и мѣтко подтрунивалъ надъ пріемами его, усвоенными, конечно, и нами, и наивно передаваемыми:

— Во столько разъ—во сколько, по стольку—по скольку,—передразнивалъ онъ и фыркалъ въ кулакъ и укоризненно качалъ головой.

Разница между этими двумя учителями была громадная и отчужденіе ихъ казалось намъ весьма понятнымъ. Тотъ былъ щеголь, съ изящными манерами, аристократическими руками, завитой и надушенный, но очень вспыльчивъ, до самозабвенія. Этотъ въ стоптанныхъ сапогахъ, нерѣдко забывалъ побриться, походилъ на будочника, попахивалъ винцомъ; лѣтомъ вмѣсто шинели вскидывалъ на плечи какую-то хламиду, которую посовѣстился-бы надѣть на себя даже профессоръ нашей семинаріи. Александръ Степановичъ глазомъ однимъ не обнаруживалъ протеста, побаивался и даже, видимо, благоговѣлъ передъ несомнѣнными познаніями Никиты, который за-то, какъ медвѣдь лапами, топталъ на нашихъ глазахъ изящную личность Шумаровскаго.

Этотъ подлинный «чудакъ-математикъ», умѣвшій втолковать математическія знанія тому, кого полюбитъ, кто ему понравится, невольно заставляетъ остановиться здѣсь личными нашими воспоминаніями для нѣкоторыхъ подробностей.

Самый первый день пріема Самойловичемъ новаго пятаго класса былъ, какъ мы всѣ знали, днемъ страшнаго суда: кого полюбитъ, и кто не понравится—такъ и будетъ на всѣ три года, развѣ выручитъ

какой-либо случай, напр., понуждается онъ въ какихъ-либо личныхъ услугахъ родителей. Этотъ день знакомства съ характерами и знаніями учениковъ превращалъ онъ въ театральное шутовское представленіе. Самъ учитель какъ будто ждалъ его цѣлый годъ, потому что, вновь натѣшившись, въ другой разъ не повторялъ въ цѣльномъ видѣ, а лишь въ отрывкахъ. Онъ отлично зналъ, что мы на его глазахъ сидимъ за партами, преисполненные страха и трепета, какъ кролики передъ пастью гремучей змѣи. Онъ и самъ удачно входилъ въ роль актера и начиналъ играть передъ нами и самими нами, по природѣ своей, какъ хохолъ съ комическимъ оттѣнкомъ. Преподаванія въ тотъ урокъ не производилось, а происходила игра кошки съ мышкой, подъ видомъ изученія характеровъ. Повѣрка знаній была уже потомъ, подъ предвзятымъ угломъ зрѣнія и пристрастіемъ. Красивъ лицомъ—не годишься, угрюмъ и мраченъ и готовъ возразить и нагрубить—очень хорошо; пансіонеръ скверенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Бывало, съостритъ Никита надъ кѣмъ-нибудь ядовито—и изподлобья смотритъ: обидѣлся-ли тотъ (это хорошо) или льстиво и искательно улыбнулся и даже хихикнулъ (это худо), а если началъ лебезить, подкладывать обточенные мелки—тотъ, на вѣки, останется на другой годъ.

Лебедевъ, перебирая тетрадки, обнаружилъ картинку, у которой обѣ стороны что-то изображали. Никита велѣлъ принести ее къ каѳедрѣ и, поднимая рисунокъ выше головы и переворачивая, балаганилъ:

— Вотъ Миликриса Кирбитьевна, а вотъ—войско.

Послѣ того Лебедевъ признанъ былъ неудачникомъ и записанъ былъ въ шалопаи до конца курса, получая тройки лишь изъ снисхожденія, въ вознагражденіе за многочисленныя насмѣшки въ теченіи отвѣта у доски (а онъ потомъ сдѣлался предсѣдателемъ казенной палаты и отлично учитывалъ подати и повѣрялъ акцизные сборы).

Калашниковъ зѣвнулъ и, во время спохватившись, въ испугѣ хотѣлъ поправить бѣду глубокимъ вздохомъ, но промахнулся, оправдаться не удалось.

— Спать хочешь,—это пора, а если о маменькѣ вздыхаешь, такъ она очень здорова и приказала кланяться.

Этотъ былъ записанъ въ памятный списокъ лѣнтяемъ и вызывался къ доскѣ много-много одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Чубаковъ сидѣлъ, сложа руки въ рукавахъ. Никита замѣтилъ это и, поднявшись съ каѳедры и вытянувъ правую руку, трагическимъ

театральнымъ пріемомъ, громко возгласилъ съ сохраненіемъ малороссійскаго выговора, которымъ любилъ кокетничать:

— Сшейте ему муфту, хоть изъ тряпыцъ.

И сталъ его вызывать къ доскѣ не иначе, какъ словами:

— Поди,—погрѣйся!

Частыми вызовами онъ старался, однако, приготовить изъ него математика, такъ какъ онъ былъ родственникъ инспектора, а малый кончилъ тѣмъ, что очутился въ Москвѣ въ почтальонахъ.

Одинъ заглядѣлся въ окно, смотря на Волгу, надъ которою моросилъ дождь и сквозь осеннюю дымку легкаго тумана вырѣзались заплатанные паруса гусянокъ то изъ парусины, то изъ одной рогожи. Суда плыли, какъ лебеди летѣли. Заглядѣлся онъ да и вздохнулъ такъ невоздержно, что Никита поймалъ и подогналъ:

— Ишь, какой ты бѣлый!—видать, дворянынъ, с... с.: по жердочкамъ ходышь!

Въ послѣднемъ заключался намекъ на то, что изъ деревяннаго зданія пансіона въ каменную гимназію, по двумъ дворамъ и голому саду, вели мостки въ четыре тесины.

Этотъ, пойманный съ поличнымъ, принятъ былъ за матушкина-сынка и баловня, хотя лишился матери на третьемъ году своей жизни и воспитался на такой-же улицѣ, среди такихъ-же сверстниковъ, какъ и возлюбленный имъ Рагозинъ.

Этотъ, впрочемъ, былъ уже на его демократическій вкусъ безъ всякаго обмана и изъяна, съ такой крупнѣйшей протекціей, что не надо никакихъ взятокъ и благодарностей. Даже самому учителю лестно: выведетъ ученика въ профессора, будетъ чѣмъ похвастаться и потѣшить самолюбіе, котораго у Самойловича было очень много, но онъ тщательно его скрывалъ, прикрываясь маскою шута. Дѣйствительно, Никита радѣлъ Рагозину и давалъ ему приватные уроки на дому у себя безвозмездно.

Несомнѣнно, съ основательными теоретическими знаніями гимназическаго курса математики (а можетъ статься, и съ бо́льшими) прибылъ Рагозинъ въ Московскій университетъ, конечно, на физико-математическій факультетъ. Однако, курса онъ не кончилъ и не только не сдѣлался профессоромъ или даже учителемъ, но едва-ли ушелъ дальше второго курса, и затѣмъ безслѣдно пропалъ. Самыя настойчивыя справки, во время бытности нашей въ университетѣ, ничего не могли выяснить, хотя и прошелъ лишь какой-нибудь десятокъ лѣтъ со времени выхода Рагозина изъ гимназіи. Кто-то говорилъ, что высшая математика ему совсѣмъ не далась: онъ проваливался

на всѣхъ экзаменахъ и у Зернова, и у Перевощикова, и у Братмана и прочихъ профессоровъ. Неизвѣстно, былъ-ли онъ исключенъ за малоуспѣшность, или самъ покинулъ университетъ въ отчаяніи отъ неудачъ. Нашлись и такіе, которые лишь помнили его интересную предъидущую исторію, и ничего не могли сообщить объ университетской его жизни, кромѣ того, что онъ вышелъ, по русской привычкѣ, на ту тореную дорожку, гдѣ кончаютъ свой жизненный путь всѣ наши неудачники, не обладающіе характеромъ и силою воли.

Это послѣднее обстоятельство казалось вѣроятнымъ при томъ предположеніи, что Абатуровъ слишкомъ сильно и долго сдерживалъ поводья. Когда они ослабли съ выходомъ на университетскую волю и столичную жизнь, необъѣзженный конь, почуявъ свободу, закусилъ удила и свернулъ съ прямого пути на рытвины и овраги, гдѣ и сломилъ себѣ голову. Но прирожденный феноменальный математикъ ничѣмъ не выдѣлилъ себя изъ среды товарищей и никто изъ профессоровъ, несомнѣнно слышавшихъ про его исключительныя способности, никакихъ математическихъ въ немъ не нашли и оставили заподозрѣннаго геніальнаго человѣка безъ поддержки. Этого нигдѣ не бываетъ, а тѣмъ болѣе въ профессіональной средѣ и вообще въ университетской жизни. Абатуровъ могъ увлечься подъ вѣяніемъ духа времени, поощрявшаго самоучекъ и обязывавшаго на меценатство, малодушно дозволилъ обмануть себя и совершенно невинно и искренно ввелъ въ заблужденіе другихъ.

До сихъ поръ, какъ извѣстно, геніальные самородки сами себѣ пробивали дорогу и нуждались въ поддержкѣ, когда уже настойчиво стучались въ двери. На улицахъ хотя они и шатаются, но не валяются. Прямо съ одной изъ такихъ, безъ всякой поддержки и помощи, въ тѣхъ-же нашихъ мѣстахъ и ближнемъ сосѣдствѣ, поднялся на ноги и быстро пошелъ въ гору В. А. Кокоревъ, дѣйствительно владѣвшій математическимъ умомъ, изобрѣтатель питейно-акцизнаго коммиссіонерства, въ основу котораго положены очень тонкія математическія комбинаціи. Три раза онъ успѣлъ потерять капиталы, и все-таки соорудилъ такой банкъ, который позволилъ ему умереть богачомъ.

Про Рагозина говорили на родинѣ, что не слѣдовало-бы его отрывать отъ деревни и силкомъ сводить съ торенаго пути, который могъ-бы, при его легкой и умѣлой игрѣ со всякими цыфрами въ самыхъ разнообразныхъ ихъ отношеніяхъ, привести его въ Питеръ къ плотничьимъ подрядамъ, къ лавочной торговлѣ и т. д. Спрашивали и другіе: отчего-же не увлеклись самородкомъ истинные цѣнители и

знатоки, всѣ помыслы которыхъ устремлены на служеніе наукѣ и на помощь ищущимъ въ университетахъ умственной пищи и жизни, и притомъ съ такими рѣзко выдающимися способностями? Да полно, былъ-ли онъ математикомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, съ печатью призванія на челѣ и искрою божіею въ душѣ (говоря высокимъ слогомъ)? Не обладалъ-ли онъ просто-на-просто рѣдкою исключительною способностью виртуоза-фокусника,—способностью, которою столь умѣло и смѣло воспользовался хитрый нѣмецъ, хвастаясь ею за деньги въ Зоологическомъ саду. Не такъ-ли это?

С. Максимовъ.

Первая Всероссійская гигіеническая выставка 1893. Отдѣлъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

(Продолженіе).

Во избѣжаніе нареканій, замѣтимъ напередъ, что мы имѣемъ цѣлью бросить лишь бѣглый взглядъ на богатство экспонатовъ отдѣла Министерства Народнаго Просвѣщенія и желаемъ дать такимъ образомъ только болѣе или менѣе ясное понятіе о выставкѣ, предоставляя себѣ право описать современемъ, въ видѣ отдѣльныхъ монографій или статей, нѣкоторыя наиболѣе важныя и заслуживающія подробнаго изложенія особенности выставки.

Начнемъ съ фотографій, расположенныхъ на восьми стѣнахъ.

Стѣна первая (наибольшая) вся занята фотографіями учебныхъ заведеній Московскаго округа. Изъ нихъ особенно отличаются заведенія города Москвы. Такъ, 3-я московская гимназія представляетъ три интересныя олеографіи, изъ коихъ двѣ изображаютъ обширное подвальное помѣщеніе гимназіи съ кубомъ для кипяченія воды, а третья—высокій, довольно темный корридоръ (весьма характерный), свойственный стариннымъ барскимъ зданіямъ. Зданіе это принадлежало знаменитому воеводѣ князю Пожарскому.

По сосѣдству съ 3-й гимназіей помѣщены фотографіи 4-й и 2-й гимназій (бывшихъ зданій князя Трубецкаго и Мусина-Пушкина) съ ихъ довольно красивыми и довольно удовлетворительными, по размѣрамъ, помѣщеніями, но съ недостаточной свѣтовой площадью и ограниченными рекреаціонными помѣщеніями. Наряду съ этими гимназіями находятся отличающіяся хорошей постройкой и обширными размѣрами Калужское реальное училище и въ особенности лицей Цесаревича Николая, къ сожалѣнію, давшій только три фотографіи (фасада зданія, группу учениковъ и представленіе учениками трагедіи Софокла «Царь Эдипъ»), не имѣющія санитарнаго значенія. Фото-

графіи помѣщеній, имѣющихъ существенное въ гигіеническомъ отношеніи значеніе, онъ не далъ. Лицей этотъ построенъ по новѣйшимъ образцамъ, отличается превосходными образцовыми классами, рекреаціонными помѣщеніями, залами съ обиліемъ свѣта, и могъ-бы вмѣщать вдвое и, пожалуй, втрое бо́льшее число воспитанниковъ противъ наличнаго ихъ числа.. Будучи подробно экспонированнымъ, заведеніе это должно было-бы имѣть большой успѣхъ на гигіенической выставкѣ.

Далѣе являются на сцену — роскошный Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, обширное Комиссаровское техническое училище, Нижегородскій дворянскій институтъ, Иваново-Вознесенское реальное училище, Московская 1-я гимназія. Величиною и изящеществомъ фотографій обращаетъ на себя вниманіе реальное училище при реформатской церкви. Вы видите красивый пріемный залъ, зимній садъ, просторныя помѣщенія классовъ и спальни, но, въ дисгармоніи со всѣмъ этимъ, является узкій длинный корридоръ, прорѣзывающій во всю длину жилыя помѣщенія классовъ, темный и непривѣтный. Это, впрочемъ, составляетъ свойство старинныхъ построекъ, имѣющееся въ большинствѣ зданій учебныхъ заведеній. Фотографіи Лазаревскаго института весьма наглядно указываютъ на красивыя помѣщенія актоваго и гимнастическаго зала съ учениками старшаго и младшаго возраста за аппаратами гимнастики, что̀ весьма удачно отвѣчаетъ воинственному духу нашего времени и неослабшему пока пристрастію къ измышленіямъ нѣмецкой гимнастики. Комиссаровское техническое училище обращаетъ на себя вниманіе болѣе своими рабочими помѣщеніями и напоминаетъ о тѣхъ отрасляхъ знаній, которыя начинаютъ играть достойную ихъ высокую роль въ дѣлѣ нашего профессіональнаго образованія. Равнымъ образомъ, и фотографіи Калужскаго реальнаго училища увлекаютъ воображеніе зрителя болѣе въ сторону практической жизни, рисуя помѣщенія для преподаванія искусствъ, естественныхъ наукъ и прикладныхъ знаній. Къ сожалѣнію, помѣщенія тѣсны и ограниченны числомъ, особенно если принять въ соображеніе, что актовый залъ служитъ и классомъ черченія, а гимнастическій залъ — и для рекреацій. Одинъ классъ оказывается проходнымъ для сосѣдняго. Интересны изображенія помѣщеній Нижегородскаго дворянскаго института, Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, Московской женской гимназіи Перепелкиной. Подробно изображены детали Тверской женской учительской школы Максимовича и Усачевско-Чернявскаго женскаго московскаго училища.

Вообще, вся стѣна Московскаго учебнаго округа представляетъ

до пятидесяти учебныхъ заведеній. Правда, повторяемость однѣхъ и тѣхъ-же деталей въ разныхъ заведеніяхъ и отсутствіе изображеній нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ жизни заведеній на фотографіяхъ, можетъ быть, заслуживали-бы упрекъ иного спеціалиста, тѣмъ не менѣе должно признать, что въ итогѣ администрація заведеній отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ выставкѣ и, въ общемъ, дала возможность ознакомиться со многими хорошими и слабыми сторонами въ гигіенической обстановкѣ заведеній. Если при этомъ принять въ соображеніе, что, объ руку съ фотографіями, на выставкѣ имѣются большею частью также планы помѣщеній учебныхъ заведеній и цыфровыя данныя, то является полная возможность получить совершенно ясное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ экспонирующихъ (т.-е. большинства) учебныхъ заведеній.

По второй стѣнѣ, частью-же по третьей и четвертой, расположены изображенія помѣщеній учебныхъ заведеній Петербургскаго округа, а главное—города Петербурга.

Фотографіи этихъ заведеній отличаются отъ московскихъ скромными размѣрами и малочисленностью, хотя и имъ удалось обозначить существенныя подробности обстановки. Такъ, въ I-й и во II-й гимназіяхъ обращаютъ вниманіе видныя помѣщенія церкви, лазарета, рекреаціонныхъ залъ, сада; въ III-й гимназіи—сцены занятій пансіонеровъ (работа по ручному труду); въ IV-й—значительныя помѣщенія для вечернихъ занятій воспитанниковъ, актоваго зала и спальни; въ V-й—роскошный актовый залъ; въ VI-й—актовый залъ и оригинальные классы съ огромными окнами (бывшая квартира министра Головина). Въ VII-й гимназіи, построенной спеціально для нуждъ средняго учебнаго заведенія, хорошъ фасадъ и всѣ изображенныя помѣщенія; въ VIII-й представленъ, на двухъ фотографіяхъ, катокъ, лучшій въ С.-Петербургѣ; въ IX-й—фасадъ и оригинальный рекреаціонный залъ; въ X-й (частномъ зданіи)—хорошо приспособленныя рекреаціонныя помѣщенія. Первое реальное училище отличается большимъ разнообразіемъ помѣщеній, рисующихъ его особенности реальнаго характера; равно и II-е реальное училище не уступаетъ въ изображеніи деталей, знакомящихъ съ отличной обстановкой заведенія (между прочимъ, видны прекрасный умывальникъ, весьма хорошіе Кузнецкіе классные столы). Наконецъ, II-я прогимназія показала свой обширный актовый залъ и вполнѣ удовлетворительную шинельную.

Кстати замѣтимъ, что отъ IV-й гимназіи и I-го реальнаго училища имѣются по одной кровати пансіонеровъ, со всѣми принадлежностями постели (хорошіе волосяные тюфяки съ фланелевыми одѣя-

лами). Отъ реальнаго училища стоитъ при входѣ манекенъ въ полномъ одѣяніи, а отъ учебнаго заведенія Гуревича — два красивыхъ манекена въ форменной одеждѣ реалиста и классика.

Надъ этими манекенами (на ребрѣ второй стѣны) помѣщены планъ и фотографія гимнастическаго зала Анненской школы, наилучшаго въ Россіи. Шесть фотографій, воспроизводящихъ сцены гимнастическихъ упражненій учениковъ въ этомъ залѣ, оживляютъ помѣщеніе. Изображенный на фотографіи пульверизаторъ для осажденія пыли въ гимнастическомъ залѣ указываетъ на санитарную деталь, вполнѣ заслуживающую подражанія для всѣхъ учебныхъ заведеній. Кстати замѣтимъ, что пульверизаторъ этотъ (Винклера) описанъ въ журналѣ «Общества охраненія народнаго здравія» (мартъ, 1893, стр. 275).

На одной съ фотографіями Анненской школы стѣнѣ (III-й) находятся изображенія слѣдующихъ заведеній Петербурга: гимназіи Гуревича, представившей интересныя въ санитарномъ отношеніи фотографіи занятій ручнымъ трудомъ, фехтованіемъ и скульптурный классъ, и училища св. Петра, поражающее своими роскошными фотографіями фасада, лѣстницы, большого актоваго зала, физическаго кабинета. Рядомъ—симпатичное изображеніе сада съ ученицами гимназіи г-жи Шаффе. Тутъ-же обращаютъ вниманіе рисунки разнообразной школьной мебели. Болѣе скромны фотографіи другихъ учебныхъ заведеній столицы. Женскія гимназіи Стоюниной, Таганцевой и кн. Оболенской не бросаются въ глаза своими фотографіями, хотя даютъ понятіе о нѣкоторыхъ деталяхъ своихъ помѣщеній. Женская гимназія г-жи Гедда прислала фотографіи въ рамахъ, а именно: снимки сцены завтрака, класса съ лампами при обратныхъ колпакахъ (система освѣщенія разсѣяннымъ свѣтомъ) и классного стола.

На третьей-же стѣнѣ помѣщены снимки небогатыхъ фотографіями учебныхъ заведеній Рижскаго и Западно-Сибирскаго учебныхъ округовъ. Рига, Либава и Юрьевъ представили свои заведенія въ миніатюрѣ; Сибирь выразилась въ заведеніяхъ Омска, Тюмени, Тобольска и Вѣрнаго. Особенно подробны фотографіи заведеній Омска.

Четвертая стѣна принадлежитъ Казанскому и Оренбургскому округамъ. Наилучшее, вполнѣ благоустроенное во всѣхъ отношеніяхъ Казанское реальное училище является во множествѣ фотографій, въ числѣ коихъ удѣлено не мало вниманія жизни учениковъ. Такъ, пять рисунковъ показываютъ способы держанія тѣла во время занятій разными предметами и искусствами. Далѣе бросаются въ глаза: I-я Казанская гимназія, Симбирская гимназія и Маріинская женская гимназія въ Казани. Новая женская гимназія, Ксеніинская, отнесена

на подвижныя рамки; она, къ сожалѣнію, даетъ только фасадъ зданія. Въ Оренбургскомъ округѣ на первомъ планѣ стоитъ Пермская гимназія и Екатеринбургская женская гимназія, съ ихъ полными жизни фотографіями. Вниманіе публики обращаетъ на себя въ особенности группа учениковъ-киргизовъ Оренбургской киргизской учительской школы, исполненная весьма хорошо.

На стѣнѣ пятой первою представлена Пензенская I-я гимназія съ ея фасадомъ, съ видомъ окрестностей, весьма недурными группами учащихся и пр. Остальныя фотографіи Харьковскаго округа довольно малочисленны и состоятъ по преимуществу изъ изображеній фасадовъ зданій. Стѣна оживляется двумя группами учениковъ Новочеркасской гимназіи и ученицъ женской Донской гимназіи, чистокровныхъ казаковъ и казачекъ, отлично снятыхъ и значительно украшающихъ стѣну фотографій.

Фотографіи учебныхъ заведеній Одесскаго округа занимаютъ половину пятой стѣны; лучшія изъ фотографій—Одесскаго коммерческаго училища и Ришельевской гимназіи—отошли на шестую и седьмую стѣну. Первое рѣшительно поражаетъ своею роскошью, а вторая—обширностью помѣщеній. Отъ Одесскаго округа имѣются также хорошіе альбомы, но объ этомъ мы скажемъ ниже.

На шестой стѣнѣ, принадлежащей, главнымъ образомъ, Кіевскому округу, особенно интересны заведенія: Глуховская и Златопольская гимназіи, Кременчугское реальное училище, Кіевская женская гимназія г-жи Бейтель. Въ этой послѣдней гимназіи изображенъ, между прочимъ, отличный, крытый асфальтомъ дворъ, на которомъ ученицы играютъ въ свободное время,—предметъ, вполнѣ достойный подражанія, особенно для женскихъ заведеній, въ которыхъ мы почти не привыкли видѣть рекреаціонныхъ дворовъ, а тѣмъ болѣе дворовъ такихъ роскошныхъ и удобныхъ для игръ.

Въ числѣ кіевскихъ заведеній, Острожская прогимназія прислала весьма оригинальные рисунки, сдѣланные преподавателемъ В. Аверьяновымъ, изображающіе различныя подробности изъ жизни и педагогической обстановки заведенія, напр., оркестръ учениковъ, двѣ комнаты въ крестьянскомъ пансіонѣ при прогимназіи, нѣкоторые рисунки геометрическихъ тѣлъ и моделей.

Къ кіевскимъ примкнуло одно виленское заведеніе, а именно Виленское Маріинское высшее женское училище съ его красивыми фотографіями классовъ, актоваго зала, церкви и значительной группы ученицъ педагогическаго класса.

Седьмая стѣна принадлежитъ учебнымъ заведеніямъ Варшавскаго

округа, кромѣ боковыхъ частей, отданныхъ Ришельевской гимназіи и тремъ виленскимъ заведеніямъ (напр., Виленскому учительскому институту). Выдаются фотографіи: гимназій Радомской, Кѣлецкой, Сѣдлецкой, 3-й, 4-й и 6-й Варшавской, Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, Пултусской прогимназіи.

Большія фотографіи въ красивыхъ рамахъ: 5—отъ Варшавскаго реальнаго училища и 5 — отъ Варшавской 2-й гимназіи расположены на стѣнѣ, примыкающей къ отдѣлу минеральныхъ водъ на выставкѣ. Не смотря на роскошь, фотографіи Варшавскаго реальнаго училища изображаютъ печальную обстановку заведенія. Такъ, четыре рисунка представляютъ одинъ и тотъ-же классъ во время ученья, гимнастики, черченія и завтрака, а 5-й акварельный рисунокъ показываетъ площадь черной лѣстницы жилого дома, ведущую въ два класса; все это условія, крайне прискорбныя относительно удобства помѣщеній заведенія. На фотографіяхъ 2-й Варшавской гимназіи видны крупные размѣры помѣщеній, но не ускользаютъ отъ вниманія и печальныя стороны заведенія. Наряду съ прекраснымъ дворомъ, крытымъ асфальтомъ, усматриваются въ углу двора отхожія мѣста, куда ученики должны ходить во всякую погоду (это свойственно многимъ заведеніямъ теплыхъ мѣстностей), виденъ узкій, темный корридоръ заведенія, весьма нежелательный въ новыхъ зданіяхъ.

Двѣ трети стѣны заняты фотографіями Кавказскаго и одна треть— Виленскаго учебныхъ округовъ. Тутъ красуются Кутаисская, Екатеринодарская, Тифлисская женская, Елисаветпольская и особенно Тифлисская 3-я гимназіи. Если принять во вниманіе, что роскошныя фотографіи нѣкоторыхъ названныхъ заведеній отошли, по недостатку на выставкѣ мѣста, на подвижныя рамки 3-го столба, какъ, напр., Тифлисскія реальное училище, 1-я и 2-я гимназіи, Темиръ-Ханъ-Шуринское и Шушинское реальныя училища, Эриванская учительская семинарія и нѣкоторыя другія, то можно судить, какое обиліе экспонатовъ отличаетъ Кавказскій округъ отъ остальныхъ. Самыя многочисленныя фотографіи заведеній этого округа прямо указываютъ на одну санитарную деталь, удостоившуюся особаго вниманія со стороны учебной администраціи. Это—тѣлесныя упражненія учащихся. Вы видите сцены военной, нѣмецкой и шведской гимнастикъ, оркестры военной музыки, цѣлыя строевыя роты. На непривычнаго зрителя все это производитъ впечатлѣніе, какъ будто-бы отечеству угрожаетъ опасность и все мужское населеніе готовится стать подъ ружье, на защиту страны. Успокоиваетъ только то, что между фотографіями воинственнаго характера встрѣчаются фотогра-

фіи, изображающія то какую-либо греческую игру (напр., борьбу), то акробатическія сцены (напр., построеніе пирамиды изъ учениковъ), то игривыя эволюціи (суворовскаго) егерскаго ученья и т. п. Особенное вниманіе, повидимому, обращено на развитіе силы у учениковъ. Такъ, Тифлисская 1-я гимназія даетъ рисунокъ шести фортурнеровъ, образцовыхъ гимнастовъ. Большія плечевыя и грудныя мышцы и недостаточно развитыя мышцы нижнихъ конечностей характеризуютъ малорослыхъ, приземистыхъ, но здоровыхъ и крѣпкихъ юношей, далеко, впрочемъ, не напоминающихъ греческихъ статуй Антиноя или Аполлона. Тифлисская 2-я гимназія представила рисунки учениковъ, отличающихся чрезмѣрнымъ развитіемъ плечевыхъ мышцъ, а наряду съ такими образцами показала ученика съ неразвитой грудью. Сравненіе оказывается, впрочемъ, неудачнымъ, такъ какъ слабымъ изображенъ юноша, характеризующійся куриной грудью (страдавшій въ ранніе годы англійской болѣзнью), т.-е. ненормальный, между тѣмъ какъ для сравненія слѣдовало-бы взять юношу съ грудью, плохо развитой въ силу неупражненія, а не по причинѣ того или другого недуга...

Сопоставленныя съ этими сценами отживающей свой вѣкъ гимнастики, отрадно дѣйствуютъ фотографіи частной женской Тифлисской гимназіи Серпинэ, изображающія сцены игры въ мячъ, въ серсо и т. п. Стройныя, гибкія фигуры дѣвочекъ рѣзко отличаются отъ неуклюжихъ, деревянныхъ формъ мальчиковъ-гимназистовъ.

Постановка гимнастики въ кавказскихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлаетъ, впрочемъ, честь администраціи, такъ какъ даетъ легко возможность, при перемѣнѣ направленія, перейти къ играмъ греческимъ, англійскимъ или русскимъ, т.-е. къ тѣмъ видамъ тѣлесныхъ упражненій, какія, по взглядамъ современныхъ школьныхъ врачей, будутъ болѣе отвѣчать требованіямъ природы ребенка и современнымъ педагогическимъ цѣлямъ.

За сценами гимнастики, въ кавказскихъ заведеніяхъ отходятъ какъ-бы на задній планъ иныя подробности жизни школы и учащихся, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что заведенія эти далеко не лишены достоинствъ, свойственныхъ большинству лучшихъ учебныхъ заведеній.

Третья часть восьмой стѣны, какъ мы сказали, принадлежитъ заведеніямъ Виленскаго округа. На ней особенно выдаются Виленская 1-я гимназія, замѣчательная своимъ обширнѣйшимъ заломъ съ хорами и другими помѣщеніями, Витебская и Могилевская гимназіи— съ ихъ большими усадьбами, просторнѣйшій Виленскій еврейскій учи-

тельскій институтъ, симпатичное старинное замковое городское училище, хотя крайне тѣсное и какъ-бы забытое въ ряду другихъ заведеній.

Итакъ, болѣе тысячи (1.025) фотографій могло помѣститься на восьми имѣвшихся въ распоряженіи отдѣла Министерства стѣнахъ. Около 700 фотографій не нашли себѣ мѣста на стѣнахъ и были поэтому отнесены на подвижныя рамки трехъ массивныхъ столбовъ. Служа, однако, подспорьемъ или дополненіемъ для стѣнъ, рамки оказались вмѣстѣ съ тѣмъ и полемъ, удобнымъ для совмѣщенія не только излишнихъ фотографій, но и множества наглядныхъ экспонатовъ, изображенныхъ не фотографически, а иными способами (красками, въ видѣ діаграммъ, плановъ, рисунковъ и т. п.). Кто желалъ найти указанія по части постройки зданій учебныхъ заведеній, особенностей усадебъ, классной мебели, отопленія, вентиляціи, отдѣльныхъ деталей зданій заведеній, различныхъ подробностей тѣлесной и умственной жизни учащихся—тотъ могъ встрѣтить на рамкахъ отвѣтъ болѣе или менѣе обстоятельный, а главное—наглядный на всѣ почти интересующіе его вопросы по означеннымъ предметамъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ фотографіями, скажемъ еще нѣсколько словъ о тѣхъ коллекціяхъ фотографическихъ снимковъ, которыя присланы учебными заведеніями въ видѣ альбомовъ и которыя оказались расположенными на соотвѣтствующихъ стѣнамъ столахъ.

Отъ Московскаго округа имѣлось три альбома фотографій, а именно: отъ Московской частной женской гимназіи г-жи Бессъ, училища при лютеранской церкви св. Петра и Павла и реал. учил. Воскресенскаго. Въ первыхъ двухъ имѣется по восьми, въ третьемъ-же по 14 фотографій, которыя въ достаточной степени выказываютъ извѣстныя достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые недостатки помѣщеній, особенно рекреаціонныхъ. Такъ, въ гимназіи Бессъ мы находимъ роскошные высокіе залы и классы, но они—проходные. Дортуары изящны, но малы. Въ училищѣ г. Воскресенскаго—роскошнѣйшій актовый залъ, хорошъ и гимнастическій залъ, но классы проходные, какъ и спальни. Въ Петропавловскомъ училищѣ виденъ узкій корридоръ, подвальное помѣщеніе физическаго класса и гимнастическія помѣщенія, низкій актовый залъ; имѣются также фотографіи цѣлесообразныхъ классныхъ столовъ.

Большой альбомъ присланъ былъ отъ коллегіи Императора Александра II (общежитіе студентовъ Петербургскаго университета—Полякова). Въ немъ весьма удачно изображены детали всѣхъ существенныхъ помѣщеній учрежденія, а именно: недурной фасадъ 4-хъ-

этажнаго зданія, комнаты для 1—2 интерновъ, красивая пріемная, просторная библіотека, отличная кухня. Расположеніе помѣщеній недурно. При альбомѣ имѣлись подробныя свѣдѣнія о содержаніи, пищевомъ и вещевомъ довольствіи—весьма интересныя и поучительныя, могущія справедливо служить образцомъ отчетности.

Отъ Казанскаго округа имѣлись небольшіе альбомы Вятскаго реальнаго училища и Елабужскаго училища (заведеній, особенно внимательныхъ къ требованіямъ школы) и альбомъ въ 23 фотографіи Самарскаго реальнаго училища. Второй альбомъ, въ 17 фотографій, представляетъ собственно коллекцію фотографическихъ работъ учениковъ заведенія. Альбомъ Вятскаго реал. училища состоитъ изъ 9 связанныхъ въ ширину фотографій различныхъ помѣщеній заведенія; въ родѣ этого и альбомъ Елабужскаго реал. училища. Альбомъ Самарскаго реальнаго училища интересенъ изображеніемъ различныхъ моментовъ изъ жизни учащихся и различныхъ помѣщеній.

Отъ Оренбургскаго округа имѣлось два альбома: одинъ Екатеринбургскаго 1-го городского училища—съ хорошенькими фотографіями, напр., классныхъ помѣщеній (повидимому, переполненныхъ учениками), строя учениковъ, трехъ родовъ посадки ихъ за рисованіемъ; другой альбомъ—Пермскаго Алексіевскаго реальнаго училища, представляющій фасадъ вытянутаго по длинѣ зданія училища, красивой лѣстницы въ два марша, свѣтлый корридоръ, отличный рекреаціонный залъ въ два свѣта, просторные физическій и рисовальный классы актовый залъ, довольно большой дворъ и просторныя спальни.

Отъ Харьковскаго округа имѣлись: альбомъ ветеринарнаго института изъ 16 фотографій, изображающихъ различные кабинеты, музеи и аудиторіи заведенія. Кстати добавимъ, что отъ него присланы были еще въ трехъ рамахъ пять картинокъ, исполненныхъ красками, изображающихъ различныя службы.

Альбомъ Харьковскаго реальнаго училища въ ряду обычныхъ помѣщеній заведенія показываетъ, между прочимъ, превосходную шинельную, весьма хорошій гимнастическій залъ, цѣлесообразную школьную мебель. Альбомъ Харьковской 2-й женской гимназіи содержитъ группы ученицъ, отличную вѣшалку для платья, классные столы. Фотографіи актоваго зала вышли довольно туманно. Донская женская гимназія прислала альбомъ съ обычнымъ изображеніемъ фасадовъ зданія, корридора и т. п.

Всѣ эти альбомы превосходитъ, безспорно, альбомъ Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища—съ большими роскошнѣйшими фотографіями какъ характерныхъ деталей зданія, такъ и многочисленныхъ

группъ учащихся и учащихъ. Вниманіе обращаютъ группы учениковъ—крѣпкихъ и здоровыхъ, въ числѣ которыхъ бросаются въ глаза также субъекты не столько здоровые, сколько импонирующіе ожирѣніемъ и изнѣженностью. Впечатлѣніе остается, во всякомъ случаѣ, пріятное для глаза, привыкшаго видѣть въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ молодыхъ людей тощихъ, безкровныхъ и слабыхъ...

Одесская 2-я мужская гимназія прислала небольшой альбомъ съ выдающимися фотографіями: красиваго фасада зданія, оригинальнаго кабинета врача въ моментъ медицинскаго изслѣдованія учащихся, сценъ гимнастики...

Весьма содержательнымъ оказался альбомъ отъ городского общественнаго управленія Одессы, сосредоточившій въ себѣ изображенія и описаніе многихъ зданій образовательныхъ и воспитательныхъ учрежденій. Альбомъ этотъ поучителенъ въ особенности потому, что знакомитъ съ дѣятельностью города, который за послѣднее время слѣдуетъ причислить къ центрамъ, наиболѣе внимательнымъ къ нуждамъ учащихся дѣтей, не говоря уже о высокой роли, какую вообще играетъ Одесса въ ряду первостепенныхъ культурныхъ городовъ Россіи. Такъ, благодаря альбому, мы знакомимся съ отличнымъ зданіемъ 2-й городской женской гимназіи—съ его изящнымъ фасадомъ и площадью помѣщеній и ихъ гармоничнымъ распредѣленіемъ. Шестиклассное городское училище (построенное на средства городскаго головы Маразли) представляетъ два двухъ-этажныя зданія, изъ коихъ большее принадлежитъ школѣ: свѣтлое, просторное ($^3/_4$ куб. саж. на ученика въ классѣ), съ веселыми классами, съ роскошнѣйшимъ рекреаціоннымъ заломъ, съ хорошенькимъ дворомъ и садомъ. Городское дѣвичье училище можно признать образцовымъ какъ по величинѣ и распредѣленію помѣщеній, такъ и по внимательному отношенію къ запросамъ профессіональнаго образованія. Сцена вышиванія гладью изображена весьма живо: видны просторный двойной классъ съ большими окнами и дѣвочки, работающія за пяльцами, къ сожалѣнію, не въ одинаковомъ направленіи по отношенію къ свѣту, благодаря условіямъ самой работы (вышиванью за одними пяльцами нѣсколькихъ ученицъ). Городское ремесленное училище—отличное въ гигіеническомъ отношеніи и роскошное по постройкѣ учебное заведеніе, съ высокими просторными классами и мастерскими, съ обширнѣйшимъ рекреаціоннымъ дворомъ, который могъ-бы смѣло служить для англійскихъ игръ, а не для затѣй какой-нибудь нѣмецкой гимнастики. Вообще, простору заведенія можетъ позавидовать любое наше не только ремесленное, но и среднее учебное заведеніе... Го-

родской сиротскій домъ представляетъ цѣлый рядъ обширныхъ зданій на 280 человѣкъ. На фотографіи фасада главнаго корпуса виденъ вдоль стѣны зданія навѣсъ, что цѣлесообразно; интересны фотографіи двухъ отличныхъ мастерскихъ: слесарной и столярной. Зданія перемежаются растительностью. Имѣются два лазарета: для общихъ (2,8 куб. саж. на ученика) и заразныхъ больныхъ (3,8 куб. саж. на ученика). Въ мастерскихъ дѣйствуетъ электрическое освѣщеніе и имѣется паровой двигатель въ 12 лошадиныхъ силъ. Народное училище на большой Арнаутской улицѣ (въ память Лермонтова)—красивое зданіе на 120 дѣтей (по 60 мальчиковъ и дѣвочекъ) для 4 смѣшанныхъ классовъ, съ площадью пола около 2 кв. арш. и объемомъ 0,8 куб. саж. Свѣтлыя красивыя помѣщенія съ паркетными полами, съ водопроводомъ, съ клозетами. Подобныхъ этому училищъ имѣется въ настоящее время уже до 12-ти.

Альбомъ даетъ еще свѣдѣнія о нѣкоторыхъ училищахъ внѣ города, объ образцово-устроенной публичной библіотекѣ, о народной читальнѣ, объ аудиторіи для народныхъ чтеній, о зданіи для музея изящныхъ искусствъ и прикладныхъ знаній и объ аренахъ для игръ въ Александровскомъ паркѣ (образцовая) и въ Дюковскомъ саду, и о дѣтскомъ садѣ внизу Николаевскаго бульвара. Все это учрежденія, заслуживающія благодарности населенія.

Желательно вообще, чтобы примѣръ Одессы по отношенію къ заботамъ о дѣтяхъ школьнаго возраста нашелъ себѣ подражаніе въ другихъ большихъ и малыхъ городахъ нашего отечества.

Кстати упомянемъ тутъ объ имѣющемся на выставкѣ проектѣ школы плаванія для всѣхъ учащихся города Одессы. Школою этою учащіеся будутъ пользоваться безплатно и проѣздъ по конно-желѣзному пути до ванны будетъ удешевленъ до полцѣны, если не болѣе. Проектъ весьма хорошъ, а главное—хороша и счастлива идея устройства школы плаванія, этой важнѣйшей санитарной детали къ оздоровленію учащейся молодежи.

Отъ учебныхъ заведеній Кіевскаго округа имѣлось цѣлыхъ шесть альбомовъ, изъ коихъ одинъ, самый роскошный, отъ Ровенскаго реальнаго училища, былъ преподнесенъ Его Императорскому Величеству 15-го іюня. Училище это осчастливлено было пребываніемъ въ немъ Ихъ Величествъ во время маневровъ въ августѣ 1890 г.

Не менѣе роскошный альбомъ принадлежитъ Кіевской 1-й гимназіи: 21 фотографія даетъ полное понятіе о богатствѣ помѣщеній гимназіи (зданіе бывшее Кадетскаго корпуса), о всевозможныхъ санитарныхъ и педагогическихъ приспособленіяхъ. Помѣщенія простор-

ныя, высокія, большею частью свѣтлыя. Отличный рекреаціонный дворъ служитъ прекрасной ареной для игръ, а зимою для катанья на конькахъ. Къ сожалѣнію, нежелательныя подвальныя помѣщенія, служащія кухней, жильемъ для прислуги и т. д., дисгармонируютъ съ барскими помѣщеніями классовъ, спаленъ и пр.

Проще альбомъ Кіевской 2-й гимназіи, въ которомъ, впрочемъ, изображены существенныя детали заведенія: фасадъ зданія, центральный корридоръ съ двусторонними классными помѣщеніями (въ вентиляціонныхъ отверстіяхъ дымовыхъ друбъ дѣйствуютъ газовые рожки, что заслуживаетъ подражанія), раздѣвальная старшаго класса, гимнастическій залъ (онъ-же и рекреаціонный—это недурно), спальня (очень свѣтлая), занятная, умывальная воспитанниковъ младшаго возраста и проч.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ Кіево-Печерская гимназія. Во-первыхъ, привлекаетъ она своимъ красивымъ фасадомъ и своими парадными помѣщеніями (вестибюль, лѣстница, актовый залъ—роскошны). Обширные классы съ параллельно идущими широкими свѣтлыми корридорами, отличная шинельная, большой гимнастическій залъ (къ сожалѣнію, ушедшій въ почву), физическій классъ съ расположенными террасами столами—все это изображено въ альбомѣ. Къ этому нельзя не упомянуть объ аренѣ для игръ учащихся и объ отличномъ въ санитарномъ отношеніи сосѣдствѣ обильной растительности, окружающей территорію гимназіи и содѣйствующей вентиляціоннымъ цѣлямъ зданія.

Альбомъ Кіевскаго реальнаго училища содержитъ интересные снимки комнаты для завтрака учащихся, физическаго, рисовальнаго и чертежнаго классовъ, сцены играющихъ на дворѣ дѣтей, гимнастики. Подвальныя помѣщенія и здѣсь нарушаютъ, впрочемъ, пріятное впечатлѣніе, производимое зданіемъ.

Неваженъ содержаніемъ альбомъ Кіевской женской гимназіи съ семью фотографіями нѣкоторыхъ помѣщеній заведенія.

Фотографіи заведеній Виленскаго округа оказались всѣ почти на стѣнахъ, альбомъ-же присланъ былъ однимъ Виленскимъ реальнымъ училищемъ. Въ немъ особенно любопытны изображенія завтракающихъ учениковъ и роскошнаго растительностью рекреаціоннаго двора. Хороши классы и физическій кабинетъ.

Отъ Варшавскаго округа имѣлось четыре альбома.

Альбомъ съ хорошенькими небольшими фотографіями прислала Маріампольская гимназія. Снимки сдѣланы при помощи гимназическаго аппарата, и весьма удовлетворительно. 20 снимковъ изображаютъ ха-

рактерныя группы учениковъ въ классѣ, на дворѣ, въ оркестрѣ. Есть фотографическіе снимки и плановъ зданія, одного—надо прибавить—изъ хорошихъ по постройкѣ и распредѣленію помѣщеній.

Внимательною къ изображенію нѣкоторыхъ деталей зданія оказывается администрація Люблинской гимназіи, которая въ изящномъ альбомѣ весьма наглядно представила, напр., рисовальный классъ, сцены гимнастическихъ упражненій и нѣкоторыя парадныя части зданія (вестибюль, библіотеку). Въ ряду множества экспонатовъ альбомъ этой гимназіи производитъ наиболѣе симпатичное впечатлѣніе.

Особенно роскошными, бьющими, можно сказать, на эффектъ фотографіями отличается альбомъ гимназіи Лодзинской. Таковы фотографіи: лѣстницы бѣлаго мрамора съ изящнымъ ковромъ (пожертвованіе банкира Ландау), верхняго корридора, украшеннаго по стѣнамъ историческими картинами (пожертвованіе Абкина), богатѣйшаго аппаратами физическаго кабинета, съ портретами знаменитыхъ естествоиспытателей на стѣнахъ. Многіе лодзинскіе фабриканты щедро содѣйствовали благоустройству заведенія. Знакомясь, однако, съ только-что упомянутыми счастливыми условіями заведенія, невольно приходится пожалѣть, что Лодзинская гимназія не прислала ни плановъ, ни описанія заведенія, по каковымъ даннымъ можно было-бы основательнѣе судить обо всѣхъ гигіеническихъ и педагогическихъ подробностяхъ зданія.

Четвертый альбомъ отъ Варшавскаго округа отличался, не въ примѣръ предыдущимъ тремъ, обстоятельностью и добросовѣстностью по подбору фотографическихъ снимковъ помѣщеній и плановъ заведенія. Это—альбомъ Варшавскаго частнаго реальнаго училища г. Гурскаго. Въ немъ, повидимому, не забыто ни одной детали, могущей характеризовать заведеніе со всѣхъ сторонъ, съ присущими ему достоинствами и недостатками. Зданіе, не смотря на старинный планъ постройки (корридорная система), на нѣкоторую тѣсноту помѣщеній, на разныя неудобства, лежащія внѣ власти администраціи, является, судя по фотографіямъ, равно и по приложенной къ альбому подробной запискѣ, въ значительной степени отвѣчающимъ всѣмъ насущнымъ потребностямъ учебнаго заведенія и учащихся. Отличные классные столы американской системы, превосходные умывальники и принадлежности спаленъ и классовъ, чугунныя лѣстницы, окна съ фрамугами, вентиляціонныя отверстія съ газовыми рожками въ трубахъ, металлическія кровати, удовлетворительныя приспособленія лазарета (прекрасная подвижная ванна)—все это свидѣтельствуетъ о цѣлесо-

образномъ устройствѣ учебнаго заведенія и вызываетъ одобреніе гигіениста.

Отъ Рижскаго округа красовался самыхъ внушительныхъ размѣровъ альбомъ Рижскаго реальнаго училища Императора Петра I. Альбомъ этотъ состоитъ изъ 15 листовъ, и на каждомъ изъ нихъ имѣется по 3 фотографіи съ обстоятельнымъ описаніемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ всего, на нихъ изображеннаго. Поражаетъ, впрочемъ, не только роскошное фотографированіе предметовъ, сколько изящное выполненіе аксессуаровъ, придающихъ листамъ эффектный видъ, хотя крайне удорожающихъ изданіе. Все это, однако, произошло, къ сожалѣнію, въ ущербъ дѣлу, такъ какъ малыхъ размѣровъ фотографическіе снимки далеко не даютъ такого яснаго и отчетливаго понятія о достоинствахъ и недостаткахъ заведенія, какого слѣдовало-бы ожидать отъ альбома, судя по его импонирующей внѣшности. Изображенными оказались: фасады, актовый и гимнастическій залъ, нѣкоторые классы (обычные, рисовальный и чертежный), кабинеты физическій и естественно-историческій, видъ двора лѣтомъ и зимою (катокъ). Болѣе отчетливымъ вышло изображеніе классной мебели. Такъ, имѣется столъ съ выдвижной доской, системы Кунце; столы съ сидѣньемъ, откидывающимся и заходящимъ подъ стоящій сзади столъ, въ которомъ и держится на горизонтальной оси. Дистанція и въ томъ и другомъ отрицательная (—1½—2 дюйма). Третій—одноместный рисовальный столъ съ вертикальной доской, движущейся вмѣстѣ съ поперечною осью въ пазахъ и произвольно устанавливаемой на любой высотѣ. При занятіяхъ нижній край доски находитъ опору на колѣняхъ ученика.

Коснувшись рисовальнаго стола, скажемъ нѣсколько словъ о рисункѣ стола, употребляемаго при рисованіи въ Петербургской женской гимназіи Стоюниной. Имѣется складной табуретъ, и затѣмъ доска, устанавливаемая на двухъ ножкахъ, придѣланныхъ къ ней на петляхъ, а нижнимъ краемъ приходящаяся на бедра ученицы. Насколько удобно и цѣлесообразно подобное приспособленіе—рѣшать затруднительно.

Объ экспонированномъ рисовальномъ столѣ Ровенскаго реальнаго училища будетъ сказано ниже, а теперь остановимся на экспонатѣ проф. Брандта.

Имѣя въ виду, чтобы при преподаваніи естественныхъ наукъ рисунки не могли вредно вліять на зрѣніе учащагося, авторъ предлагаетъ изображать предметъ 1) въ большихъ размѣрахъ, 2) рѣзкими контурами, 3) свѣтлыми красками и 4) непремѣнно на черномъ фонѣ.

Чтобы достичь этого, онъ показываетъ способъ ихъ изготовленія, а именно: даетъ калькъ оригинала въ маломъ видѣ для волшебнаго фонаря, затѣмъ представляетъ проекцію его на картонѣ (въ большомъ видѣ), обчерченную карандашемъ; даетъ два рисунка на бѣломъ и черномъ фонѣ для сравненія и одинъ рисунокъ вчернѣ, наконецъ, рисунокъ большихъ размѣровъ, отвѣчающій только-что намѣченнымъ требованіямъ гигіены зрѣнія.

Въ завершеніе серіи альбомовъ является богатый содержаніемъ альбомъ Томскаго университета съ 47 фотографическими снимками. Здѣсь представлены изображенія залъ актоваго и совѣта, различные музеи, кабинеты, лабораторіи и аудиторіи, свѣтлыя и высокія (свыше 6 арш.). Имѣется также нѣсколько фотографій помѣщеній, временно занятыхъ гимназіею (на 300 слишкомъ человѣкъ, въ томъ числѣ около 40 пансіонеровъ). Затѣмъ идутъ клиники съ разными павильонами, зданія для анатоміи и гигіены, домъ общежитія студентовъ, зданія ботаническаго участка (оранжереи и пр.), а въ заключеніе—двѣ фотографіи, снятыя съ натуры 26 августа 1880 г., въ день закладки университета, представляющія видъ рощи до начала построекъ. Такимъ образомъ, благодаря альбому, а также отчасти имѣющемуся при немъ краткому описанію, дается возможность достаточно ознакомиться съ постепенно разростающимся новымъ медицинскимъ факультетомъ въ Россіи.

А. Виреніусъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ О ДѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Прежде всего считаемъ нужнымъ выяснить въ общихъ чертахъ, что такое дѣтская литература и имѣетъ-ли она право на существованіе. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ послѣднее время раздавались голоса о безполезности спеціальной дѣтской литературы, о необходимости воспитывать дѣтей на литературѣ для взрослыхъ уже съ того возраста, когда ребенокъ только-что освоился съ грамотой. Итакъ, что-же такое дѣтская литература? Въ тѣсномъ, общепринятомъ смыслѣ—это, очевидно, тѣ дѣтскія книжки, которыя пишутся для дѣтей. Въ послѣднее время этихъ книжекъ расплодилось чрезвычайно много. Если нашимъ прадѣдушкамъ и прабабушкамъ въ дѣтствѣ читать было почти нечего, то нашимъ дѣтямъ, напротивъ того, предлагается слишкомъ много всевозможнаго чтенія, пожалуй, даже черезчуръ много. И, тѣмъ не менѣе, постоянно отовсюду слышатся жалобы родителей и воспитателей, что число пригодныхъ дѣтскихъ книгъ весьма не велико, что дѣти мало выносятъ пользы изъ чтенія.

Что касается до воспитыванія дѣтей на произведеніяхъ общедоступной литературы, то всякій благоразумный воспитатель пойметъ, что такое чтеніе было-бы совершеннымъ абсурдомъ. Выборки изъ литературы для взрослыхъ крайне немногочисленны: въ лучшемъ случаѣ можно прочесть съ дѣтьми «Семейную хронику», «Дѣтство и отрочество», «Записки охотника», «Муму» и тому подобное, и невозможно дать имъ въ руки «Братьевъ Карамазовыхъ», «Демона», «Анну Каренину», «Войну и миръ», «Отцовъ и дѣтей», «Бѣсовъ». Всякій опытный воспитатель не дастъ дѣтямъ въ руки ни одного сборника былинъ въ сыромъ видѣ, ни одного сборника сказокъ, въ родѣ Аѳанасьева, ни одного современнаго романа или повѣсти.

Но, быть можетъ, родители ошибаются въ своихъ требованіяхъ спеціальной дѣтской литературы,—тогда, слѣдовательно, ошибается вмѣстѣ съ ними и весь цивилизованный міръ, и ошибается въ тече-

ніи многихъ столѣтій, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ сталъ интересоваться вопросами воспитанія дѣтей, такъ какъ эти вопросы и выдвинули на первый планъ дѣтскую книгу—этого могущественнаго воспитательнаго фактора, охватывающаго жизнь ребенка, оказывающаго на него сильнѣйшее вліяніе. Допуская дѣтскую литературу какъ существующій фактъ, мы смѣло можемъ заняться вопросами, касающимися ея, и, указавъ на главнѣйшіе ея недостатки, можетъ быть, выяснимъ себѣ тѣ цѣли, къ которымъ она должна стремиться.

Очевидно. что произведеніе дѣтской литературы должно отвѣчать тѣмъ-же общимъ требованіямъ, какія ставятся и для литературнаго произведенія вообще, т.-е., что оно должно быть эстетически-художественно, должно стремиться воплотить въ живые, доступные дѣтямъ образы идеи истины, добра и красоты. При этомъ можетъ быть допущена тенденціозность, но только въ томъ видѣ, въ какомъ она присуща всякому художественному произведенію, какъ отпечатокъ міровоззрѣнія автора,—тотъ субъективный оттѣнокъ, безъ котораго немыслимо творчество. Въ этомъ отношеніи дѣтскія книжки грѣшатъ всего болѣе, такъ какъ въ большей ихъ части преобладаетъ ложная тенденціозность, стремленіе поучать, дидактическая окраска, въ ущербъ образности, простотѣ и безъискусственности. Мы видимъ въ нихъ безчисленное множество шаблонныхъ образовъ добродѣтельныхъ и порочныхъ дѣтей, поступковъ этихъ ходульныхъ маленькихъ героевъ, часто противорѣчащихъ здравому смыслу и слишкомъ явно рисующихъ намѣреніе автора осудить ту или другую слабость, тотъ или другой порокъ. Если въ разсказѣ, напримѣръ, ребенокъ солгалъ, присвоилъ чужое, былъ эгоистомъ, то непремѣнно отъ этого произошли ужасныя вещи, при чемъ, по большей части, виновный сейчасъ-же и раскаялся и произнесъ чувствительную тираду по поводу своего обращенія на путь истинный; если онъ былъ добродѣтеленъ, хорошо учился, дѣлился пирожками съ товарищами и писалъ за нихъ сочиненія, или-же почиталъ папеньку или маменьку, то ужъ непремѣнно въ концѣ повѣсти, въ награду за эти совершенства, онъ либо рисуется добившимся тепленькаго мѣстечка, либо становится знаменитымъ артистомъ, художникомъ, пѣвцомъ, либо, наконецъ, тоже получаетъ пирожки и конфекты отъ добрыхъ воспитателей и родителей, на зависть и въ назиданіе порочнымъ героямъ. Иногда является на сцену дядюшка или дѣдушка изъ Америки, иногда богатый родственникъ, преимущественно купецъ-милліонеръ, или въ родѣ того; въ исключительныхъ случаяхъ даже совершаются невозможныя вещи, въ родѣ найденныхъ кладовъ и чудесъ, ниспосланныхъ съ неба. Од-

нимъ словомъ, всѣ пути ведутъ тутъ въ Римъ, лишь-бы вознаградить добродѣтель и достойно наказать порокъ.

Виноваты-ли, однако, въ тенденціозности исключительно однѣ дѣтскія книжки? Нѣтъ; дидактически-тенденціозное направленіе преобладаетъ у насъ не только въ дѣтской литературѣ, оно характеризуетъ и современную школу и, вообще, всю систему современнаго воспитанія. Дѣтская литература носитъ на себѣ только слабый отблескъ того, что дѣлается вообще въ области педагогіи; пока тамъ будутъ существовать ложно-дидактическіе пріемы, пока тамъ будетъ царствовать ложная тенденція, до тѣхъ поръ и дѣтская книжка будетъ живописать добродѣтельныхъ и порочныхъ Коленекъ, Машенекъ и Петенекъ. Даже современная литература взрослыхъ не можетъ отрѣшиться отъ резонерства, отъ ходульности, отъ предвзятыхъ идей—какъ-же избавиться отъ нихъ молодой, сравнительно, и далеко не въ авантажѣ обрѣтающейся дѣтской книжкѣ?

Второй недостатокъ, въ которомъ справедливо упрекаютъ дѣтскую литературу,—это чрезмѣрное увлеченіе иностраннымъ матеріаломъ. Возьмите любой дѣтскій журналъ или сборникъ—на двѣ, три статьи русскаго происхожденія вы насчитаете десятки переводныхъ; въ описаніяхъ тоже преобладаетъ, вопреки всякимъ законамъ усвоенія, далекое надъ близкимъ: дѣти наши читаютъ втрое больше о жаркихъ странахъ, объ Америкѣ, объ Англіи, чѣмъ о своей родинѣ; имъ преподносятъ и Шекспира въ передѣлкѣ, и Одиссею, и Жанну д'Аркъ, и эпизоды изъ исторіи Франціи, Англіи, Германіи, между тѣмъ какъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного порядочнаго сборника русскихъ историческихъ разсказовъ, а біографіи *русскихъ* дѣятелей всѣ на перечетъ. Но и этотъ недостатокъ не составляетъ исключительной особенности дѣтской литературы, онъ навѣянъ нашею всеобщею склонностью къ иноземщинѣ, нашимъ тяготѣніемъ къ Западу, къ той заманчивой цивилизаціи, которая всегда больше привлекала насъ своею показною стороною, своимъ внѣшнимъ блескомъ, чѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, и заставляла забывать свое будничное, сѣренькое, неприглядное. Развѣ наша школа не искала спасенія въ нѣмецкой методикѣ, во французскихъ воспитательныхъ парадоксахъ, въ англійскихъ мониторахъ, въ американскихъ скороспѣло-практическихъ методахъ? Да, наконецъ, и въ литературѣ для взрослыхъ развѣ не тотъ-же перевѣсъ переводовъ, компиляцій и сообщеній о заграничныхъ новинкахъ? Дѣтская книжка отображаетъ въ себѣ только то, что всосалось въ нашу плоть и кровь.

Еще одинъ важный недостатокъ дѣтской литературы—это же-

ланіе сообщать ребенку какъ можно болѣе полезныхъ свѣдѣній; и разсказы. и повѣсти, и путешествія, и даже стихотворенія пестрятъ всевозможными дѣловыми подробностями; возьмемъ-ли мы историческій разсказъ, въ немъ на каждой страницѣ факты, имена, даже годы и числа событій; заглянемъ-ли въ повѣсть—и тамъ къ жиденькой фабулѣ, сшитой на живую нитку, присоединяется либо процедура какого-нибудь ремесла, либо описаніе какихъ-нибудь сельско-хозяйственныхъ манипуляцій, либо жизнь и привычки животныхъ, либо, наконецъ, ботаническія свѣдѣнія. Но, вѣдь, и дѣловое направленіе—продуктъ времени: оно присуще не одной только дѣтской жизни, а всей системѣ воспитанія:—развѣ мы не готовимъ и въ школѣ всевозможныхъ техниковъ, спеціалистовъ, чуть-что не ученыхъ, въ ущербъ общеобразовательнымъ цѣлямъ?..

Съ другой стороны, какъ противоположность крайне дѣловому направленію, существуетъ цѣлая литература дѣтскихъ книжекъ, задавшаяся цѣлью, подъ видомъ поученія, распотѣшить дѣтей балаганнымъ поясничаньемъ, нелѣпымъ вздоромъ и болтовнею; это тѣ безчисленные Степки-Растрепки, Гоши-Долгія руки, Дяди Коли (Бушъ) и имъ подобные, которыми особенно изобилуетъ въ послѣднее время московскій книжный рынокъ. Въ этихъ книжонкахъ не жалѣютъ красокъ, лишь-бы только возбудить смѣхъ: тутъ есть и портной, обрѣзающій ребенку пальцы, и чернильница, вмѣщающая въ себя шалуновъ, смѣявшихся надъ негромъ, и воздушное путешествіе съ зонтикомъ, и мельница, перемалывающая другихъ шалуновъ, и напившійся до-пьяна вороненокъ, и мельникъ, вздернувшій ни за что, ни про что крестьянскаго осла на крылья мельницы, и много другихъ несообразностей; иллюстраціи подобныхъ книжекъ вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію и наполняютъ воображеніе ребенка уродливыми измышленіями досужей фантазіи. Остановившись на нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся недостаткахъ дѣтской литературы, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: слѣдуетъ-ли изъ за этихъ существующихъ недостатковъ отрицать пользу, которую можетъ принести хорошая дѣтская книжка, даже и не лишенная этихъ недостатковъ? Не думаемъ, чтобы кто-либо сталъ доказывать, что слѣдуетъ.

Итакъ, мы обязаны общими силами и стараніями указать дѣтской литературѣ тѣ пути, которымъ она должна слѣдовать, обязаны не глумиться надъ ея безпомощностью, а помочь ей избавиться отъ ея недостатковъ и развить въ себѣ ту живую, здоровую струю, которая уже сильно даетъ себя чувствовать въ реальномъ направленіи современной намъ эпохи.

Дойдя до этого пункта, намъ невольно приходится сознаться, что съ этой стороны сдѣлано очень мало, почти что ничего. По истинѣ: la critique est aisée, l'art est difficile. Критическіе разборы дѣтскихъ книгъ по большей части ограничиваются замѣчаніями, почему авторъ внесъ тотъ эпизодъ и не коснулся этого, зачѣмъ онъ придалъ своему герою такія-то черты, а не другія, желательныя критику, или—зачѣмъ фабула разсказа слишкомъ проста, или-же, наоборотъ, почему она вычурна и недостаточно проста: въ этихъ случайныхъ замѣчаніяхъ. обыкновенно, нѣтъ ни руководящей нити, ни общихъ основаній, за которыя-бы дѣтскій писатель могъ ухватиться, которыя-бы выяснили ему, какого пути онъ долженъ держаться.

Чего-же, въ самомъ дѣлѣ, держаться и какъ совмѣстить всѣ крайности, существующія въ современной дѣтской литературѣ? Съ одной стороны, такъ какъ ребенокъ представляетъ живую особь, то для насъ всего важнѣе прослѣдить его отношеніе къ книгѣ, его способы усвоенія и пониманія прочитаннаго, его психологическія потребности и стремленія. Намъ необходимо путемъ наблюденія удостовѣриться въ томъ или другомъ вліяніи дѣтскихъ книгъ, пріобрѣсти ряды фактическихъ данныхъ и на нихъ уже строить наши выводы. Потребность въ этой провѣркѣ уже начинаетъ сказываться и въ средѣ родителей. Недавно одинъ изъ нихъ высказывалъ мысль о томъ, что хорошо-бы выработать общій планъ наблюденій надъ дѣтскимъ чтеніемъ и вести эти наблюденія сразу въ большомъ масштабѣ, надъ множествомъ дѣтей, по однообразной, строго опредѣленной программѣ. Эта въ высшей степени симпатичная идея, я увѣрена, найдетъ себѣ сочувствіе въ средѣ педагоговъ; но это только одна сторона дѣла. Другая сторона настолько-же важна и серьезна. Приложеніе общихъ психологическихъ основаній къ изслѣдованію вопросовъ дѣтскаго чтенія можетъ тоже сослужить немалую службу въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Для большей наглядности укажемъ на нѣсколько примѣровъ.

Изученіе законовъ усвоенія ребенкомъ книжныхъ образовъ дастъ намъ вполнѣ ясное понятіе о различіи этого усвоенія у взрослаго и у ребенка, а отсюда вытекаютъ, какъ важное слѣдствіе этого различія, особенности дѣтской книжки, различная манера писать для взрослыхъ и для дѣтей. Другой примѣръ: изученіе психологическихъ законовъ развитія памяти у ребенка приводитъ насъ къ пониманію общеизвѣстнаго факта—отягощенія памяти у ребенка, возникающаго вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія книжныхъ представленій и понятій. Или, напримѣръ, изученіе законовъ ассоціацій по сходству, по смежности, по противоположности даетъ намъ понятіе о томъ, каковы должны быть

книжные образы, наиболѣе доступные ребенку. Психологическое объясненіе законовъ развитія воображенія укажетъ намъ, чего мы должны избѣгать въ области фантастичнаго, сказочнаго. Однимъ словомъ, куда-бы мы ни обратились, повсюду психологія ребенка стоитъ на первомъ планѣ; и это понятно, такъ какъ самый процессъ чтенія наиболѣе психологическій изъ всѣхъ процессовъ, совершающихся въ дѣтскомъ развитіи, это процессъ самоуглубленія, процессъ внутренней работы развивающагося и крѣпнущаго духа, процессъ, при которомъ ребенокъ провѣряетъ весь свой накопившійся внутренній матеріалъ, формируетъ и уравновѣшиваетъ свое міровоззрѣніе. Для того, чтобы работа эта была плодотворною, чтобы она развила, а не забила въ ребенкѣ самодѣятельность, необходимо провѣрять ее путемъ психологическаго изслѣдованія, изучая природу ребенка вообще и данной индивидуальности его въ частности. Оба эти пути, анализа и синтеза, присущи всякому изслѣдованію, но въ вопросахъ дѣтской литературы они незамѣнимы и необходимы, такъ какъ области этой еще совершенно не касались научные методы и она предоставлена самой себѣ и изобрѣтательности, съ одной стороны, родителей съ ихъ требованіями, съ другой—дѣтскихъ авторовъ.

Итакъ, нашими критическими изслѣдованіями должна въ широкомъ масштабѣ руководить психологія. Этого, однако, еще недостаточно. Современная дѣтская литература есть продуктъ предшествовавшихъ ей эпохъ; она развилась на почвѣ, подготовленной вѣками, получила мѣстную окраску, всосала въ себя тѣ недостатки, которые существовали до нея. Преобладаніе того или другого направленія въ различныя эпохи наложило на современную дѣтскую литературу неизгладимый отпечатокъ; господствовавшіе въ то или другое время взгляды и стремленія доживаютъ свой вѣкъ и понынѣ, и намъ волею-неволею приходится съ ними считаться.

Дѣло психолого-историческаго изслѣдованія о дѣтской литературѣ—дѣло слишкомъ трудное, и нашъ скромный трудъ, конечно, очень мало можетъ способствовать ему; но пусть нашъ опытъ слабъ, лишь-бы онъ возбудилъ нѣкоторый интересъ къ тѣмъ вопросамъ, которыми-бы намъ давно пора заняться въ виду крайней ихъ неотложности, заняться не съ плеча, не такъ, какъ Богъ на душу положитъ, а съ полною осторожностью и осмотрительностью. Давно пора обратить вниманіе на дѣтское чтеніе, не бродить въ потемкахъ, а постараться разъяснить себѣ, во-первыхъ, что въ дѣтскомъ чтеніи желательно, что нежелательно, во-вторыхъ, нельзя-ли выдѣлить кое-что пригодное изъ массы существующихъ уже дѣтскихъ книжекъ.

Для этой цѣли необходимо изслѣдовать интересующіе насъ вопросы, руководствуясь психологическою и историческою основами. Но прежде чѣмъ приступить къ психологическому изслѣдованію и познакомиться съ отрицательною и положительною сторонами дѣтскаго чтенія, намъ слѣдуетъ опредѣлить, что мы подразумѣваемъ подъ среднимъ, старшимъ и младшимъ возрастами.

Младшимъ возрастомъ мы считаемъ то состояніе ребенка, когда онъ едва усвоилъ грамоту механически и обладаетъ еще, сравнительно, весьма малымъ запасомъ представленій и понятій; въ обыкновенныхъ случаяхъ это будетъ, слѣдовательно, 7—10-лѣтній возрастъ, т.-е. до-школьный и первый годъ школы. Средній возрастъ, когда ребенокъ вообще уже освоился съ механизмомъ чтенія, пріобрѣлъ уже довольно значительный запасъ представленій и понятій въ томъ объемѣ, который доступенъ обыденной жизни интеллигентной среды; у него уже есть нѣкоторыя понятія и отвлеченія, способность обобщать факты, не превышающіе, конечно, его пониманія, т.-е. возрастъ, приблизительно, между 9—12 годами, причемъ къ этой-же рубрикѣ можно часто отнести и 8-лѣтнихъ способныхъ дѣтей, осилившихъ уже грамоту. Старшій возрастъ будетъ, такимъ образомъ, колебаться между 11-ю и 14-ю годами; ребенокъ тутъ уже освоился вполнѣ не только съ механизмомъ чтенія, но и съ его оттѣнками; онъ способенъ уже къ отвлеченіямъ не слишкомъ высшихъ порядковъ, для него уже не чужды умозаключенія, хотя, все-таки, незрѣлый его умъ предпочитаетъ образную форму мышленія, а тонкости психологическаго анализа доступны ему только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, если индивидуальный складъ его ума подходитъ къ типу мыслителя.

Охарактеризовавъ возрасты, остановимся теперь на той ступени, когда ребенокъ уже освоился съ механизмомъ чтенія и можетъ прочесть безъ особенныхъ запинокъ книгу, доступную его пониманію.

Каково будетъ его отношеніе къ книгѣ? Будетъ-ли онъ относиться къ ней такъ-же, какъ и взрослый? Мы уже говорили выше о существующемъ, между прочимъ, и такомъ мнѣніи, что ребенка можно воспитывать на произведеніяхъ общей литературы такъ-же, какъ это дѣлается теперь въ народной литературѣ: народу даютъ читать и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова, и Тургенева,—и онъ, въ большей части случаевъ, понимаетъ эти произведенія, не смотря даже на то, что содержаніе взято не изъ его жизни.

Книга дѣйствуетъ на человѣка двоякимъ образомъ: съ одной стороны, какъ всякое художественное произведеніе, она затрогиваетъ

чувство, возбуждаетъ въ душѣ извѣстныя ощущенія, эмоціи, вызываетъ удовольствіе или неудовольствіе, пресыщеніе или равновѣсіе, смотря по количеству и качеству производимыхъ впечатлѣній. Съ другой стороны, она вліяетъ на умъ, возбуждая представленія, понятія, идеи, группируя и уравновѣшивая внутреннюю работу мысли, перестраивая и возбуждая ее къ новой дѣятельности, расширяя кругозоръ. Чѣмъ развитѣе и крѣпче умъ читателя, тѣмъ болѣе перевѣса въ эту вторую область книжнаго воздѣйствія, тѣмъ большее наслажденіе будетъ онъ получать въ средѣ отвлеченнаго элемента книги; онъ сумѣетъ разобраться и съ понятіями высшаго порядка (абстрактами), и съ сентенціозными доказательствами, и съ теоретическими выводами и умозаключеніями; для него книга будетъ уже только провѣркою и систематикою того безчисленнаго ряда ощущеній, воспріятій и понятій, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ жизни онъ накопилъ въ душѣ. Очевидно, что обратную картину представляетъ умъ неразвитой, находящійся еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія, неспособный отрѣшиться отъ элемента чувственнаго, осязательнаго. Таковъ и есть умъ ребенка. У него еще высшіе абстракты почти отсутствуютъ, во всемъ его существѣ, во всѣхъ его проявленіяхъ замѣтенъ еще перевѣсъ чувства надъ разумомъ и надъ волею; онъ, если можно такъ выразиться, мыслитъ образами и остается почти недоступенъ всякому иному воздѣйствію. Иное дѣло взрослый, но неинтеллигентный человѣкъ (изъ народа), способности его души не въ зачаточномъ состояніи и зачастую многія изъ нихъ здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ у интеллигенціи: общеніе съ природою, физическій трудъ, безъискусственность общественныхъ и семейныхъ отношеній—все это благотворно дѣйствуетъ на развитіе души, развиваетъ и укрѣпляетъ ея силы. Если у такого человѣка запасъ высшихъ абстрактовъ, понятій и представленій и меньше, то за-то весь его внутренній міръ не такъ расплывчатъ, какъ у интеллигента. Параллель между ребенкомъ и человѣкомъ изъ народа могла-бы быть проведена только внѣшняя: какъ у того, такъ и у другого периферіи преобладаютъ надъ центрами; но за-то какая разница въ самыхъ способахъ воспріятій, въ запасѣ количественномъ и качественномъ относительно всѣхъ душевныхъ силъ. Итакъ, возвращаясь къ предмету нашего изслѣдованія, мы видимъ, что взрослый воспринимаетъ книжныя впечатлѣнія не только при посредствѣ чувства, но и при помощи разума, и даже, пожалуй, разумъ у него при чтеніи играетъ болѣе видную роль, а въ связи съ волею, которая у него тоже уже созрѣла и не находится, какъ у ребенка, въ зачаточномъ состояніи безсознательныхъ импуль-

совъ и желаній, разумъ можетъ заставить человѣка, интересующагося книгою, преодолѣть даже скуку, чувство невольнаго неудовольствія, возбуждаемыя сухимъ, тяжелымъ изложеніемъ.

Совершенно иное дѣло—ребенокъ. У него еще нѣтъ того громаднаго запаса отвлеченныхъ понятій, подъ которыя взрослый подводитъ прочитанное, взвѣшивая, сравнивая, анализируя и приводя въ систему. У ребенка этой отвлеченной работы почти не происходитъ: онъ отдается воспринятымъ книжнымъ образамъ и представленіямъ непосредственно, беретъ ихъ, такъ сказать, на вѣру, живетъ въ нихъ, вноситъ въ нихъ свой личный элементъ, сплетаетъ ихъ съ тѣмъ, что было имъ усвоено раньше. Какъ у взрослаго на первомъ планѣ стоятъ разумъ и воля, такъ и у ребенка, наоборотъ, главнымъ элементомъ воздѣйствія является чувство, и только уже черезъ посредство чувства можно повліять на умъ. Ему недоступно въ книгѣ все то, что не вліяетъ непосредственно на его чувство: онъ избѣгаетъ, напр., длинныхъ описаній природы, не понимаетъ отвлеченныхъ разсужденій, не любитъ сухихъ характеристикъ; ему во всемъ нужна жизнь, движеніе, факты. При этомъ нужно замѣтить еще одно обстоятельство: такъ какъ у ребенка очень скуденъ запасъ его представленій и понятій, такъ какъ образы, находящіеся въ его душѣ, очерчены еще очень и очень первобытными штрихами, то и въ воспріятіи этихъ или подобныхъ имъ новыхъ образовъ изъ книги преобладаютъ рѣзкія, наиболѣе выдающіяся, рельефныя, типичныя черты; все-же мелкое, подробное, несущественное для ребенка служитъ только поводомъ къ утомленію, къ неудовольствію, къ скукѣ. Какъ въ картинѣ ребенокъ предпочитаетъ контуры и яркіе, рѣзкіе тоны, какъ въ игрушкахъ онъ любитъ простое и несложное, зачастую, на нашъ взглядъ, неизящное и первобытное, такъ и въ книгѣ онъ нисколько не прельстится миніатюризмомъ и фотографированіемъ, которымъ мы, взрослые, подчасъ такъ восхищаемся,—для него они будутъ только помѣхою къ правильному воспріятію книжныхъ образовъ. Это то-же самое, что замѣчается въ игрушкахъ: ребенокъ предпочитаетъ уродливую, сшитую изъ тряпокъ, или вырѣзанную изъ бумаги куклу изящному произведенію игрушечнаго магазина, на нашъ взглядъ чуду совершенства; для ребенка источникъ удовольствія заключается не въ этомъ совершенствѣ, а въ типичности, въ простотѣ формъ. Такимъ образомъ, дѣтская литература должна существенно разниться отъ литературы взрослыхъ, и главное ея различіе то, что дѣтскій писатель, кромѣ талантливости и умѣнья мыслить образами, долженъ еще и хорошо знать дѣтскую природу съ ея требованіями;

онъ долженъ быть педагогомъ-психологомъ, въ широкомъ смыслѣ, долженъ творить, имѣя въ виду читателей совершенно различнаго съ нимъ самимъ развитія, долженъ снизойти до дѣтскаго пониманія. Это гораздо труднѣе, чѣмъ просто живописать словами тѣ образы, которые назрѣли въ душѣ, и выливать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они напрашиваются на бумагу. Очевидно, что и по способу выраженія дѣтская литература должна быть иною, чѣмъ литература взрослыхъ: изъ нея должно быть исключено все отвлеченное, все лишнее, все мелкое; она должна живописать рѣзкими, опредѣленными штрихами, что непремѣнно должно быть соблюдено и относительно содержанія, и относительно слога.

Предпославъ этотъ бѣглый психологическій очеркъ, мы перейдемъ къ отрицательной сторонѣ вопроса: чѣмъ дѣтская книжка не должна быть.

Выше мы уже коснулись нѣкоторыхъ нежелательныхъ сторонъ дѣтской книжки и, между прочимъ, ложной тенденціозности, не составляющей субъективнаго міровоззрѣнія автора, той идейной окраски, безъ которой немыслимо ни одно художественное произведеніе, а вытекающей изъ желанія поучать, навязать внѣшнимъ образомъ тотъ или другой выводъ, ту или другую идею.

Самый обыкновенный, такъ сказать, упрощенный видъ ложной тенденціозности—это морализированіе, поученіе при помощи дидактическихъ сентенцій и изреченій, по большей части вложенныхъ въ уста героевъ и героинь, иногда-же произносимыхъ самимъ авторомъ. Этотъ дидактическій элементъ доходитъ иногда до полнѣйшихъ нелѣпицъ, какъ, напр., въ одномъ разсказѣ соловей, попавшій въ неволю вслѣдствіе непослушанія, говоритъ своей матери: «Нѣтъ, нѣтъ, дорогая мама, я уже довольно былъ наказанъ за свое непослушаніе и больше никогда ни шагу не сдѣлаю безъ твоего позволенія»; въ другомъ разсказѣ мать-кошка говоритъ своимъ дѣтямъ: «Не бѣгайте по солнцу, это неблагоразумно, у васъ голова заболитъ, и вы будете чихать»; котенокъ-же такъ усовѣщеваетъ своего брата, когда тотъ собирается ловить птицъ: «Какъ тебѣ не стыдно! Воробушекъ—птичка живая, развѣ можно имѣть столько жестокости, чтобы его съѣсть!» Морализированіе приводитъ еще и къ другому ложно-дидактическому пріему—къ изображенію шаблонныхъ, ходульныхъ образовъ, исчадій порока или образцовъ добродѣтели, при чемъ тѣ и другіе получаютъ должное возмездіе, добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказуется. Это уже болѣе сложный пріемъ, такъ-какъ онъ требуетъ большого умѣнья со стороны автора: гораздо легче вло-

жить въ уста героевъ разсказа тѣ или другія слова, чѣмъ придать самымъ образамъ желаемую окраску. Вотъ почему въ большей части случаевъ эти шаблоны ложно-дидактическаго свойства и выходятъ безжизненными, лишенными всякаго сходства съ дѣйствительностью. Въ жизни хорошее перемѣшано съ дурнымъ, порокъ съ добродѣтелью, и далеко не всегда они получаютъ должное возмездіе. Чрезмѣрныя усилія сгустить краски въ видахъ поученія и воспитанія приводятъ къ тому, что образы являются лишенными жизненной правды и чуткая душа ребенка сейчасъ подмѣчаетъ ложь, натянутость, неестественность положеній и фабулы. Мы могли-бы привести безчисленное множество примѣровъ, подтверждающихъ наши слова, но ограничимся только нѣсколькими, не называя именъ и возводя въ общіе типы то, что встрѣчается въ той или другой дѣтской книжкѣ. Такъ, напр., мы видимъ цѣлую серію дѣтей-благодѣтелей, такъ или иначе помогающихъ своимъ товарищамъ, родителямъ, неимущимъ, больнымъ, несчастнымъ. Въ принципѣ это, конечно, черта, которую въ дѣтяхъ развить желательно; однако, не такими внѣшними способами. какіе практикуются въ дѣтскихъ книжкахъ, гдѣ маленькіе благодѣтели, обыкновенно, раздаютъ нищимъ пятачки изъ своихъ копилокъ, за что и получаютъ сейчасъ-же похвалу отъ своихъ папенекъ и маменекъ, или гдѣ они отдаютъ больнымъ товарищамъ свои яблоки и апельсины, что тоже возводится въ перлъ добродѣтели, или же на прогулкѣ проливаютъ слезы по поводу оборваннаго нищаго и надѣляютъ его пряниками. Другая серія героевъ и героинь совершаетъ подвиги великодушія, доброты или благочестія, при чемъ опять на первый планъ выдвигается какая-нибудь вещественная награда въ видѣ житейскихъ благъ. Сами по себѣ всѣ эти подвиги, конечно. не безнравственны и желательны; но они безнравственны своею ложью и дѣланностью, своимъ предвзятымъ смысломъ. Пусть у ребенка будетъ сердце на мѣстѣ и пусть онъ умѣетъ во-время отказаться отъ своего собственнаго я, но если онъ это сдѣлаетъ только внѣшнимъ образомъ, только въ чаяніи похвалъ и наградъ, а не изъ внутреннихъ побужденій, не вслѣдствіе свойствъ своей неиспорченной еще природы, то съ нимъ будетъ то, на что указываетъ Бѣлинскій: «ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ,—и все это по разсчету... горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!..» Въ своемъ стремленіи навязать дѣтямъ поскорѣе запасъ нравственности авторы зачастую заходятъ такъ далеко. что

пренебрегаютъ даже научными фактами. У нихъ и животныя, и птицы, и растенія, и историческія личности являются шаблонами для проповѣдыванія морали; при этомъ особенно мало стѣсняются съ исторіею: историческимъ личностямъ, вопреки истинѣ, либо приписываютъ всевозможныя добродѣтели, возводя даже ихъ дурныя дѣянія въ перлъ совершенства, либо изображаютъ ихъ извергами, которыхъ судьба и караетъ за ихъ злодѣянія такъ или иначе. Съ естественною исторіею и того меньше церемонятся: тутъ мы встрѣчаемся и съ добродѣтельными мышами, и съ порочными воробьями, и съ высоконравственными котами, и съ благородными, великодушными медвѣдями, и съ гуманными, просвѣщенными собаками: даже неодушевленные предметы, столы, стулья, булки, звѣзды ведутъ самые патетическіе высоконравственные разговоры, если это нужно автору. Въ чемъ-же главный вредъ этихъ различныхъ видовъ тенденціи? Мы уже указывали, что ребенокъ относится къ книжнымъ образамъ непосредственно; у него нѣтъ еще способности къ отвлеченію, выводы его крайне ограничены и несложны; вотъ почему и морализированіе въ той или другой формѣ, въ видѣ-ли сентенцій или шаблонныхъ образовъ, вліяетъ на него съ психической стороны совершенно внѣшнимъ образомъ: онъ еще не владѣетъ достаточнымъ запасомъ своихъ собственныхъ, выработанныхъ путемъ опыта, высшихъ нравственныхъ понятій; вотъ почему онъ будетъ повторять и сентенціи, и нравоученія, и разсказы о добродѣтеляхъ и порокахъ, какъ заданный урокъ, безучастно, холодно. Въ томъ-то и заключается вредъ дидактически-нравственной тенденціозности, что ребенокъ пріучается формально относиться къ вопросамъ нравственности, что онъ затверживаетъ, а не перерабатываетъ готовый матеріалъ и такимъ образомъ является резонеромъ не по лѣтамъ, маленькимъ Тартюфомъ, умѣющимъ во-время блеснуть своею благовоспитанностью, и способнымъ въ то-же время на самые неблаговидные поступки, идущіе въ разрѣзъ съ этою напускною нравственностью. Ханжество, лицемѣріе и резонерство идутъ всегда рука объ руку—горе тому ребенку, который съ ними познакомился.

Мы обратили вниманіе на одну вредную сторону дѣтской книжки, но есть и другія, не менѣе вредныя, вліяющія уже не внѣшнимъ образомъ, а своею внутреннею стороною и отзывающіяся на правильномъ развитіи душевныхъ способностей, напр., воображенія, памяти.

Позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ чертахъ намѣтить тѣ психологическія основанія, которыя необходимы для правильнаго развитія воображенія и памяти.

Что развитіе воображенія необходимо—этого, кажется, никто не

будетъ оспаривать. Воображеніе помогаетъ намъ не только пополнять и совершенствовать наше реальное міровоззрѣніе, оно еще и способствуетъ воспроизведенію того, что удержано памятью. Человѣкъ съ недостаточнымъ воображеніемъ подобенъ слѣпому, ходящему ощупью; онъ никогда не въ состояніи расширить свой умственный горизонтъ, онъ обреченъ на самый ограниченный кругъ мышленія, его творческія способности равняются нулю. Воображеніе, слѣдовательно, необходимый элементъ въ дѣлѣ развитія, но оно должно быть развито правильно, оно должно находиться въ постоянномъ подчиненіи у разсудка, должно быть управляемо имъ, должно зависѣть отъ него во всѣхъ своихъ построеніяхъ. Болѣзненно развитое воображеніе можетъ довести до галлюцинацій, оно не только не поможетъ дѣятельности разсудка, но явится тормазомъ, ослабитъ и извратитъ ее. Изъ этого вытекаетъ, что область фантастическаго въ дѣтской литературѣ не должна заходить за предѣлы возможнаго, не должна чрезмѣрно дѣйствовать на воображеніе, не должна давать ничего нелѣпаго, сверхъестественнаго, несогласнаго съ законами логики. Фантазія здоровая, основанная на доступныхъ реальныхъ представленіяхъ, будетъ способствовать правильному развитію воображенія, воспитаетъ въ ребенкѣ живость воспріятій, способность быстрыхъ обобщеній, сохранитъ въ немъ свѣжесть мысли, изобрѣтательность ума. Дѣти любятъ фантастическій элементъ, такъ какъ ихъ живая, подвижная природа находится въ постоянномъ движеніи, такъ какъ ихъ внутренняя дѣятельность представляетъ одинъ непрерывный процессъ творчества и созиданія. Вотъ почему область сказки такъ близка и понятна дѣтямъ, вотъ почему они съ такимъ увлеченіемъ сами сочиняютъ всевозможные сказочные эпизоды, которымъ готовы вѣрить, какъ реальнымъ фактамъ. Но фантастическимъ элементомъ черезчуръ злоупотребляютъ: на ряду со здоровымъ народнымъ эпосомъ, народною сказкою, миѳомъ, былиною мы видимъ измышленія, ни съ чѣмъ несообразныя: нашимъ дѣтямъ, съ одной стороны, преподносятъ фей, геніевъ, чудовищъ, несмѣтныя богатства, цѣлыя груды драгоцѣнностей, принцевъ и принцессъ, превращенія и чудеса,—однимъ словомъ, весь пестрый, причудливый калейдоскопъ восточной фантазіи, воспитанной на почвѣ жаркаго восточнаго колорита, нѣги, роскоши, пышности и неразлучной съ ними лѣни, съ другой—воображеніе ихъ набиваютъ образами вѣдьмъ, русалокъ, оборотней, чертей и лѣшихъ. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ, чуждыя представленія и понятія, не находя почвы въ окружающей нашихъ дѣтей обстановкѣ нашей сѣренькой, незатѣйливой природы, либо окажутся тяжелымъ

балластомъ, отягощающимъ дѣтское незрѣлое воображеніе, такъ какъ ребенокъ не въ состояніи будетъ присоединить эти новыя представленія ни къ одному ряду представленій, существующихъ въ его душѣ, либо, что еще хуже, усвоятся неправильно и породятъ, въ свою очередь, еще болѣе нелѣпые образы, отъ которыхъ потомъ ребенку очень трудно будетъ отрѣшиться. Вторая категорія—чудовищные образы, возбуждающіе страхъ, еще опаснѣе; ребенокъ не въ состояніи анализировать ихъ, онъ принимаетъ ихъ на вѣру и часто во всю свою жизнь не можетъ побороть съ помощью разсудка того тяжелаго впечатлѣнія, какое они произвели на его душу.

Насколько важна въ дѣлѣ усвоенія впечатлѣній возможность привязать ихъ къ предъидущимъ, мы можемъ видѣть, анализируя свои личныя представленія: самыя прочныя изъ нихъ окажутся тѣ, которыя связаны съ воспоминаніями предъидущихъ, аналогичныхъ или подобныхъ; самыя слабыя тѣ, которыя мы получили случайно, попутно, которымъ не находимъ мѣста въ ряду другихъ нашихъ представленій. Всего ближе и понятнѣе будутъ для насъ, напр., звуки родныхъ мелодій, изображенія родныхъ мѣстностей, описанія событій изъ родной исторіи, потому что они найдутъ въ нашей душѣ готовую почву для воспріятій. Всего труднѣе будетъ для нихъ усвоить что-нибудь такое, что совершенно не вяжется съ этою почвою, такъ какъ при этомъ мало окажется матеріала для ассоціацій. Что-же касается ребенка, то относительно него эти положенія имѣютъ двойную силу.

Другое вредное вліяніе—это отягощеніе памяти. Если необходимо правильное развитіе воображенія, то правильное воспитаніе памяти еще необходимѣе и желательнѣе. Въ памяти особенно прочно удерживается все то, что либо появляло силою единичнаго впечатлѣнія, либо накопилось въ видѣ хотя слабыхъ, но многочисленныхъ однородныхъ воспріятій. Сила памяти обратно пропорціональна количеству разнородныхъ воспріятій, т.-е. чѣмъ разбросаннѣе будутъ эти воспріятія, чѣмъ большее количество неодинаковыхъ впечатлѣній будетъ воспринято, тѣмъ слабѣе они воспримутся, тѣмъ менѣе прочны будутъ ихъ слѣды въ памяти. Очевидно, что масса книжныхъ образовъ, большое количество научныхъ фактовъ, неизвѣстныхъ ребенку животныхъ, растеній, народностей, множество именъ изъ какой-либо категоріи человѣческихъ знаній—все это отягощаетъ память ребенка, возбуждаетъ въ его душѣ путаницу неясныхъ, неполныхъ представленій, которыя удерживаются безсознательно, заслоняя собою прежнія представленія, или-же переплетаясь съ ними самымъ причудливымъ образомъ. У ребенка появляется привычка накапливать въ памяти либо

слова безъ соотвѣтствующихъ представленій, либо обрывки представленій безъ названій. Этимъ недостаткомъ страдаютъ, по большей части, книги такъ-называемаго «дѣлового» характера, сообщающія полезныя научныя знанія. Массы географическихъ, историческихъ и естественно-историческихъ фактовъ наводняютъ головы 10—12-лѣтнихъ дѣтей и, вмѣсто ожидаемой отъ этихъ фактовъ помощи классному преподаванію, только затемняютъ его, такъ какъ, лишенные должной наглядности и ясности, не могутъ возбудить въ дѣтскомъ умѣ соотвѣтствующихъ ясныхъ, опредѣленныхъ понятій.

Третье вредное вліяніе дѣтской книжки, это—чрезмѣрность впечатлѣнія, возбуждающая и напрягающая нервы ребенка до наивысшей степени. Такое возбужденіе вызываетъ переутомленіе, ослабляетъ психическія силы, непроизводительно расходуетъ ихъ. Чрезмѣрная сила впечатлѣній можетъ быть вызвана различными воздѣйствіями: либо элементомъ ужаснаго, что особенно практикуется въ области сказки, либо элементомъ пессимизма, при чемъ дѣтямъ рисуются тяжелыя картины безъисходнаго горя, нищеты, голода, несчастій, либо, наконецъ, излишнею слезливостью, элементомъ сентиментальнаго, безпрерывнымъ затрогиваньемъ чувства жалости и соболѣзнованія. Въ первомъ случаѣ въ ребенкѣ возбуждается чувство страха, отъ котораго онъ долго не можетъ избавиться. Въ остальныхъ — играніе на нервахъ ребенка произведетъ тяжелое, давящее впечатлѣніе, подѣйствуетъ какъ ударъ, причинитъ ему почти физическую боль. Пессимистическое міросозерцаніе совершенно не соотвѣтствуетъ природѣ ребенка, такъ какъ постоянное обновленіе тканей въ организмѣ, быстрый ростъ, необыкновенно энергичная жизнедѣятельность поддерживаютъ въ ребенкѣ значительный подъемъ духа, дѣлаютъ его оптимистомъ по преимуществу. Вотъ почему все тяжелое, безъисходное, грустное возбуждаетъ въ немъ неудовлетворенность, тѣмъ болѣе, что самъ онъ долженъ оставаться безпомощнымъ зрителемъ; въ лучшемъ случаѣ онъ будетъ мечтать о подвигахъ въ будущемъ, и эти мечты составятъ противовѣсъ испытываемому имъ гнетущему состоянію, но и онѣ сами по себѣ будутъ заключать въ себѣ диссонансъ, искусственность, фальшь; во второмъ-же случаѣ, гдѣ въ дѣтяхъ возбуждается сентиментализмъ, излишняя чувствительность, это чрезмѣрное напряженіе чувства можетъ въ конецъ притупить его; ребенокъ пріучится внѣшнимъ образомъ охать и вздыхать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и это проявленіе жалости, состраданія станетъ у него, наконецъ, совершенно рефлекторнымъ, автоматичнымъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ вредныхъ вліяній, существуетъ еще одна сторона книжки, которую намъ предстоитъ изслѣдовать. Это—вліяніе ея на міровоззрѣніе ребенка, внутренній смыслъ того, что она ему предлагаетъ. Міровоззрѣніе ребенка слагается постепенно и безостановочно изъ прирожденныхъ ему особенностей темперамента, наслѣдственныхъ вкусовъ и наклонностей и изъ тѣхъ накопившихся въ первые годы его жизни представленій, идей и обобщеній, которыя образуютъ его внутренній міръ. По мѣрѣ того, какъ крѣпнутъ, растутъ и развиваются душевныя силы ребенка, отрока, юноши, вмѣстѣ съ ними формируется, расширяется и видоизмѣняется его міровоззрѣніе; изъ идеальнаго оно мало-по-малу становится реальнымъ, изъ теоретическаго практическимъ, изъ узкаго и тѣснаго—широкимъ, захватывающимъ всѣ стороны той жизни, которою человѣкъ живетъ. При этомъ самое могущественное вліяніе оказываютъ среда, въ которой ребенокъ живетъ и развивается, природа, его окружающая, а также и складъ его ума: умъ, который не умѣетъ отрѣшаться отъ внѣшнихъ впечатлѣній, для котораго мыслить и ощущать одно и то-же, конечно, иначе построитъ свое міровоззрѣніе, чѣмъ умъ мыслителя или поэта, охваченнаго міромъ своихъ внутреннихъ идей и образовъ, остающагося равнодушнымъ къ внѣшнему міру. Очевидно, какую важную роль играетъ въ этомъ процессѣ формированія міровоззрѣнія книга; мы уже указывали, что чтеніе способствуетъ ребенку углубляться въ свой внутренній міръ, провѣрять и пополнять свое міровоззрѣніе. Важно при этомъ, чтобы книга не сообщала ребенку ничего низменнаго, ничего преждевременнаго, ничего такого, что̀-бы извратило его нравственныя понятія. Если мы обратимъ вниманіе на эту сторону дѣтской литературы, мы должны будемъ сознаться, что, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи дѣтскія книжки далеко не избавлены отъ нечистыхъ элементовъ: зачастую идеалы ихъ не поднимаются выше самыхъ обыденныхъ житейскихъ стремленій: наклонности къ эгоизму, погони за наживою, лицемѣрія и хищничества, самомнѣнія, тщеславія, нахальства. Христіанская религія не исключаетъ награды за добрые поступки и наказанія за дурные, но награда должна заключаться не въ житейскихъ выгодахъ, а во внутреннемъ сознаніи долга, въ томъ нравственномъ удовлетвореніи, которое мы испытываемъ при совершеніи добраго дѣла; плохой тотъ христіанинъ, который добродѣтеленъ только въ виду извлекаемыхъ отсюда выгодъ, это—лицемѣръ, такъ прекрасно охарактеризованный въ притчѣ о фарисеѣ и мытарѣ. Бѣлинскій говоритъ: «возбуждайте чистую, а не корыстную любовь къ добру; заставляйте дѣтей

любить добро для самаго добра, а не изъ за награды, не изъ выгоды быть добрыми; возвышайте ихъ душу примѣрами самоотверженія и высокости въ дѣлахъ и не наскучайте имъ пошлою моралью». Но высота идеаловъ въ дѣтской книжкѣ еще не обусловливаетъ возможности существованія въ ней гражданской скорби, недовольства общественными условіями, знакомства съ жизнью съ ея мрачной стороны. подлежащей бичу сатиры. Бѣлинскій справедливо замѣчаетъ: «Нѣтъ ничего столь вреднаго и опаснаго, какъ неестественное и несвоевременное развитіе духа». «Неестественно и преждевременно развившіяся дѣти—нравственные уроды».

Намъ остается еще сказать о двухъ элементахъ—ироніи и эротизмѣ. Относительно ироніи, сатиры достаточно будетъ напомнить, что у ребенка натура непосредственная, неспособная еще къ анализу, къ высшимъ функціямъ критическаго порядка. Міровоззрѣніе его тоженоситъ на себѣ отпечатокъ образности, рельефности; оно несложно, какъ и всѣ его душевныя функціи, и въ этой простотѣ мысли и чувствъ надо искать причину той, зачастую поражающей насъ дѣтской логичности, того чувства справедливости и ясности, которое такъ непохоже на разъѣдающій анализъ холоднаго разсудка, побуждающій взрослаго путаться въ массѣ своихъ сложныхъ противорѣчивыхъ отношеній, взглядовъ, понятій, убѣжденій. Ребенокъ, наоборотъ, весь простота, безъискусственность, чувство. Въ немъ, конечно, тоже живутъ зачатки злой ироніи, злораднаго смѣха, но если ихъ развить насильственно и преждевременно, они дадутъ въ результатѣ чувство неудовлетворенности, фальшь, стремленіе относиться ко всему свысока, недовѣрчиво, они породятъ мелочный эгоизмъ и самомнѣніе. Сатирическаго элемента находится особенно много въ сказкахъ, и это еще одна изъ причинъ, почему слѣдуетъ сказки выбирать съ чрезвычайною осмотрительностью.

Эротическій элементъ, появляющійся тоже въ дѣтскихъ книжкахъ, — явленіе настолько уродливое, что о немъ нечего много распространяться; насколько вредно преждевременное возбужденіе половыхъ ощущеній въ дѣтяхъ съ физической стороны, настолько-же вредно это возбужденіе и со стороны нравственно-психической; книжные образы любящихъ другъ друга маленькихъ героевъ и героинь такъ-же нелѣпы, какъ и практикуемыя между дѣтьми нашей интеллигенціи ухаживанья, ревность, дружба, нѣжныя посланія и признанія въ любви. Вся непедагогичность этого элемента такъ очевидна, что не стоитъ тратить словъ на его опроверженіе. Прибавимъ только, что

къ этой-же области можно отнести преждевременное чтеніе романовъ, гдѣ любовная эпопея тоже на первомъ планѣ.

Итакъ, обобщая все сказанное о томъ, чѣмъ дѣтская книжка не должна быть на основаніи психологическихъ данныхъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: дѣтская книжка не должна навязывать дѣтямъ поученій въ видѣ сухихъ, отвлеченныхъ тенденцій, въ видѣ шаблонныхъ изображеній добродѣтели и порока, въ видѣ научныхъ фактовъ, подогнанныхъ подъ ту-же ложно-дидактическую тенденцію; чрезмѣрная фантастичность, наполняющая воображеніе ребенка массою представленій, не имѣющихъ реальной подкладки, тоже должна быть изгнана изъ дѣтской литературы, также какъ и все, отягощающее память: сухіе факты, чуждыя представленія и понятія, не могущія ассоціироваться въ умѣ ребенка съ существующими уже тамъ рядами. Нервы ребенка, и въ особенности нашего интеллигентнаго ребенка, у котораго они и такъ уже, вслѣдствіе преемственности, не крѣпки,—эти нервы слѣдуетъ пощадить, изгнавъ изъ дѣтскаго чтенія все, наводящее и развивающее страхъ, все пессимистическое, нарушающее гармонію его міросозерцанія, все черезчуръ сентиментальное, пріучающее его къ непрерывной слезливости.

Относительно внутренняго содержанія книжки необходимо обратить вниманіе на тѣ идеалы, которые преподносятъ дѣтямъ, и очистить дѣтскую, литературу съ одной, стороны отъ низменныхъ элементовъ, съ другой—отъ всего, что преждевременно и способно развить въ дѣтяхъ старческіе взгляды, разъѣдающій анализъ (гражданская скорбь, иронія, эротизмъ). Безцѣльный шутовской элементъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ дѣтской литературѣ, не желателенъ и вреденъ, какъ сообщающій дѣтямъ нездоровый смѣхъ, бьющій на нервы и ослабляющій ихъ дѣятельность. Теперь займемся другою стороною дѣла и попробуемъ намѣтить, чѣмъ-же должна быть дѣтская книжка. Уже при характеристикѣ нежелательныхъ элементовъ намъ пришлось коснуться многаго, что указывало намъ и на положительную сторону. Приведемъ-же эти намеки въ систему.

Мы уже говорили выше, что ребенокъ относится къ книгѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ взрослый, что онъ воспринимаетъ матеріалъ непосредственно, и притомъ съ помощью чувства, а не разсудка. Въ ребенкѣ чрезвычайно сильна способность воспріятія впечатлѣній, въ немъ много скрытой энергіи, но способность эта не такъ разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, какъ у взрослаго: ребенокъ воспринимаетъ изъ книги только то образное, рельефное, яркое, что наиболѣе напоминаетъ ему настоящіе предметы, живыя лица, истинныя дѣянія и

происшествія. Очевидно, что живость и ясность впечатлѣній зависитъ при этомъ еще много и отъ того вниманія, съ которымъ онъ относится къ чтенію. Если ребенокъ не заинтересованъ чтеніемъ, если онъ повторяетъ слова, не вникая въ ихъ смыслъ, то книжные образы промелькнутъ въ его памяти и не оставятъ слѣда. То-же случится, какъ мы уже говорили, съ незнакомыми, чуждыми образами и представленіями, которыя постоянно примѣшиваются при чтеніи къ знакомому матеріалу. Нельзя такъ подобрать чтеніе, чтобы избѣгнуть этого балласта, такъ какъ почти въ каждой книгѣ къ понятному примѣшивается довольно много и непонятнаго, что требуетъ поясненія; особенно важно это для средняго возраста, когда ребенокъ еще совсѣмъ не умѣетъ отнестись критически къ своему чтенію. Если у ребенка не случится помощника, то онъ будетъ скользить по незнакомымъ образамъ и представленіямъ, или-же, что еще хуже, воспринимать ихъ неправильно, вслѣдствіе чего въ воображеніи возникнутъ невѣрные образы. Представимъ себѣ, однако, что ребенокъ воспринялъ довольно правильно извѣстное количество книжныхъ образовъ, которые и сгруппировались въ его воображеніи. Если эти образы достаточно ярки и опредѣленны (а это зависитъ отъ силы впечатлѣнія и отъ вниманія), то они удержатся и въ памяти. Что-же дальше? Что будетъ съ этимъ сырымъ матеріаломъ и въ состояніи-ли ребенокъ такъ-же, какъ взрослый, привести его въ полную систему, въ полное равновѣсіе со своимъ внутреннимъ я? Нѣтъ, ребенокъ еще не обладаетъ, какъ мы уже указывали, способностью высшаго анализа; онъ—поэтъ въ душѣ, онъ сольется съ этимъ воспринятымъ, сдѣлаетъ его частицею своего внутренняго міра и на этомъ фонѣ будетъ творить дальше, будетъ импровизировать и пополнять, комбинировать и расчленять. Мало-по-малу у него зародятся вопросы по поводу прочитаннаго, по большей части настолько смутные, что онъ даже не умѣетъ ихъ формулировать. Вопросы эти, если только не мѣшать ребенку подсказываніемъ, непремѣнно сами собою улягутся въ должную форму при помощи того нравственнаго чувства, или, скорѣе, того инстинкта, который родится съ нимъ вмѣстѣ и живетъ въ немъ, какъ результатъ вѣковой работы цѣлыхъ поколѣній. Какова при этомъ роль воспитателя, не трудно угадать: онъ долженъ, по возможности, предоставить широкое поле для самодѣятельности ребенка, но, въ то-же время, и не оставлять его безъ помощи тамъ, гдѣ нужно разъяснить и направить.

Изъ вышесказаннаго о степени дѣтскаго вниманія при чтеніи очевидно, что книжка должна быть для ребенка источникомъ удо-

вольствія, а не скуки. Спенсеръ говоритъ, что первое есть спутникъ средней дѣятельности и что оно исчезаетъ, какъ скоро появляется переутомленіе. На чемъ-же основывается легкость, занимательность книги? Съ одной стороны, на ясности и удобоусвояемости читаемаго, съ другой—на доступности и живости фабулы. Въ свою очередь, ясность и рельефность книжныхъ образовъ въ дѣтской книжкѣ достигается простотою изложенія и типичностью образовъ. Все расплывчатое, растянутое, изобилующее мелкими, ненужными подробностями только затемняетъ и запутываетъ способность воспріятія.

Много помогаютъ правильности воспріятія и картины, вносящія еще большую наглядность; но картины въ дѣтской книжкѣ должны тоже отвѣчать тѣмъ-же требованіямъ—быть типичными, не расплываться въ деталяхъ и мелочахъ, быть можетъ, и изящныхъ, но для дѣтей мало доступныхъ. Печать, конечно, тоже играетъ большую роль въ дѣтской книжкѣ; если она мелка, неудобочитаема, то она сильно затруднитъ способность воспріятія даже и дѣтямъ старшаго возраста. Всякое впечатлѣніе только тогда и оставляетъ прочный слѣдъ въ памяти, если оно подчинено обычнымъ психологическимъ законамъ усвоенія по сходству съ другими подобными-же представленіями, по смежности съ другими впечатлѣніями, воспринятыми попутно въ пространствѣ и времени, причемъ большую роль играетъ и законъ повторяемости впечатлѣнія: съ каждымъ разомъ впечатлѣніе будетъ оставлять болѣе прочный слѣдъ. Кромѣ усвоенія по сходству и смежности, впечатлѣнія могутъ быть еще восприняты и съ помощью контраста ихъ: противопоставленіе одного представленія другому оживляетъ оба представленія, оттѣняетъ ихъ, закрѣпляетъ въ памяти; впрочемъ, контрасты тоже предполагаютъ сходство нѣкоторыхъ признаковъ, такъ какъ нельзя придумать контрастовъ неоднородныхъ: тепло и холодъ выражаютъ лишь различныя степени температуры, богатство и бѣдность — различныя ступени благосостоянія и т. д. Итакъ, книжные образы должны возбуждать въ дѣтяхъ уже испытанныя, реальныя впечатлѣнія и вызывать собою ряды другихъ, смежныхъ. Образы эти могутъ представлять собою и контрасты, доступные дѣтскому воспріятію.

Относительно эстетически-художественнаго элемента мы уже говорили, что дѣтская книжка должна, какъ и всякое другое литературное произведеніе, отвѣчать идеаламъ истины, добра и красоты. Въ видахъ достиженія перваго условія, истины, она должна рисовать правдивые, вѣрные, жизненные образы, а не вымученные, ходульные, не изображенія больной фантазіи, примѣромъ чему могутъ служить

всѣ подделки подъ сказочные образы, гдѣ все исковеркано, изуродовано, не соотвѣтствуетъ реальному міровоззрѣнію.

Въ отношеніи художественной красоты образы должны быть типичны, не расплывчаты, т.-е. въ одномъ характеризовать многое. Фотографированіе въ дѣтской книжкѣ еще менѣе у мѣста, чѣмъ въ книгѣ для взрослыхъ.

Въ отношеніи внутренняго воздѣйствія на чувство, книжка должна и изображать, и возбуждать чувства здоровыя, нормальныя, не какія-нибудь исключительныя, болѣзненныя. Въ нашъ вѣкъ и такъ достаточно болѣзненности, нервности, психопатизма; задачи воспитанія въ томъ и состоятъ, чтобы всѣми силами противодѣйствовать этимъ болѣзнямъ вѣка, лечить отъ нихъ молодое поколѣніе.

Внутреннее содержаніе должно, такимъ образомъ, затрогивать нравственное чувство ребенка, должно такъ изображать факты, чтобы они оставляли въ душѣ ребенка не безсвязные обрывки какой-то безсистемной фабулы, а гармоническое цѣлое, удовлетворяющее его стремленію къ добру и къ самоусовершенствованію.

Если при всемъ этомъ книжка сумѣетъ не только закрѣпить въ душѣ ребенка уже извѣстное ему, но и сообщить новыя полезныя знанія, соблюдая при этомъ строгую постепенность и руководствуясь психологическими законами усвоенія, она будетъ способствовать расширенію умственнаго кругозора, давать пищу дѣтской любознательности. Свѣдѣнія эти должны быть облечены въ изящную литературную форму, должны такъ-же, какъ и всѣ другія литературныя произведенія, отличаться талантливостью, яркостью красокъ и образовъ, связующею идеею, гармоничною цѣлостностью.

Элементъ веселаго, забавнаго, смѣшного тоже долженъ существовать въ дѣтской литературѣ. Комизмъ, какъ черта человѣческаго духа, самъ по себѣ явленіе реальное. Психологія учитъ насъ, что впечатлѣніе комическаго возбуждается несоотвѣтствіемъ формы съ содержаніемъ, диспропорціональностью частей и цѣлаго, средствъ и цѣлей и т. п. Главная роль творчества принадлежитъ тутъ воображенію, которое перемѣшиваетъ представленія въ ихъ частяхъ и въ цѣломъ, и при помощи контрастовъ преподноситъ предметы, лица и дѣйствія въ необычайной обстановкѣ, въ исключительныхъ, часто не существующихъ условіяхъ. Въ этой-то необычности, въ этой экзажераціи и заключается главная прелесть удовольствія, испытываемаго нами при воспріятіи смѣшного и комичнаго. Произвольность формъ, игривость изображенія, неожиданность контрастовъ и сопоставленій—вотъ истинный источникъ веселаго, освѣжающаго, обнов-

ляющаго смѣха. Какъ только смѣшное и комичное переходитъ въ шаржъ, въ каррикатуру, въ злую насмѣшку, оно лишается своего здороваго элемента и приноситъ ребенку не отдыхъ, не пользу, а вредъ, возбуждая въ немъ нежелательные вкусы къ чрезмѣрному развлеченію, къ злой шуткѣ, къ вѣчной насмѣшливости; элементъ смѣшного не долженъ переходить границы невинной забавы, добродушнаго развлеченія.

Резюмируя все сказанное о хорошей дѣтской книжкѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Своимъ внѣшнимъ видомъ дѣтская книжка должна, по возможности, помогать усвоенію книжныхъ впечатлѣній: крупная печать (не слѣпая), типичныя картинки, въ слогѣ простота и ясность изложенія, отсутствіе отвлеченныхъ понятій и представленій, недоступныхъ дѣтскому пониманію, сравненія и уподобленія по возможности образныя—вотъ та оболочка, которую желательно видѣть въ дѣтской книжкѣ. Интересъ внутренняго содержанія долженъ сосредоточиваться на жизненной правдѣ, рельефности, яркости и типичности образовъ, доступности фабулы. Внутренній смыслъ дѣтской книжки, какъ литературнаго произведенія, долженъ заключать въ себѣ доступную дѣтямъ нравственную идею, облеченную въ живые образы; міровоззрѣніе должно соотвѣтствовать дѣтскому и не заключать въ себѣ ничего болѣзненнаго, искалѣченнаго или преждевременнаго. Въ самомъ способѣ изложенія должно слѣдовать обычнымъ психическимъ законамъ усвоенія воспріятій по сходству, по контрасту и по смежности. Элементъ смѣшного не долженъ переходить въ шаржъ и въ каррикатуру, а держаться въ границахъ добродушной веселости. Книжка должна постепенно расширять кругозоръ ребенка, сообщая ему новыя свѣдѣнія, исправляя и пополняя его міровоззрѣніе въ его отдѣльныхъ частяхъ и въ цѣломъ.

Книгъ, вполнѣ отвѣчающихъ поставленнымъ нами требованіямъ, очень и очень немного, но онѣ есть. Какъ на примѣры такого чтенія для средняго возраста укажемъ на «Приключеніе Яся» Элизы Оржешковой, «Раззоренное гнѣздо» Сливицкаго, «Родное» И. Смирнова, «Армія и казаки» Круглова; для старшаго возраста—нѣкоторые разсказы Анненской, напр., «Братъ и сестра»; Самойловичъ—«Какъ Стеша въ Петербургъ пріѣхала», «Шмуэль» и др., нѣкоторые разсказы Лялиной, Познякова, Коваленской и Погосскаго.

Мы уже указывали выше, что, кромѣ психологическихъ основъ, необходимо еще для вѣрной оцѣнки существующей въ данное время дѣтской литературы заняться историческими ея основами. Современ-

ная намъ дѣтская литература есть продуктъ предыдущихъ эпохъ, которыя и отразились на ней, внесли въ нее тѣ или другіе элементы. Постараемся намѣтить въ общихъ чертахъ эти элементы, начиная съ литературы устной, предшествовавшей литературѣ письменной.

Изъ какихъ-же элементовъ слагалась въ древней Руси та устная литература, на которой воспитывались дѣти нашихъ предковъ? На первомъ планѣ стояло, конечно, воспитаніе физическое, развитіе силы, ловкости, умѣнья владѣть оружіемъ, скакать на неосѣдланномъ конѣ, переносить всѣ неудобства и невзгоды ратной жизни. Былъ-ли отрокъ княжескаго, боярскаго, купеческаго, мѣщанскаго сословія, былъ-ли онъ земледѣлецъ—все равно, ему приходилось и защищаться, и нападать, его удача въ жизни всецѣло зависѣла отъ того, насколько онъ умѣлъ постоять за себя. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, чтобы весь центръ тяжести клонился въ сторону грубой силы: нравственные идеалы, законы долга, чести, справедливости, любви къ семьѣ и къ родинѣ находятъ себѣ тоже полное выраженіе въ историческихъ личностяхъ Святослава, матери его Ольги, Олега, или въ сказочныхъ богатыряхъ — Микулѣ, Ильѣ Муромцѣ, Вольгѣ, Добрынѣ, Василіи Буслаевѣ. Силушка, которая по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается, не мѣшаетъ имъ сдерживать свои порывы, когда это необходимо, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда Добрыня, по одному слову Ильи «не убей брата названнаго», умѣряетъ свой справедливый гнѣвъ и щадитъ жизнь Алеши Поповича; или когда расходившійся Василій Буслаевъ слушаетъ голоса матери и сразу прекращаетъ кровавую расправу надъ новгородцами. Силу эту наши богатыри не только умѣютъ сдерживать подъ вліяніемъ нравственныхъ мотивовъ, они умѣютъ и обращать ее въ пользу, на благо родины, очищая землю русскую отъ Змѣевъ-горыничей, Идолищей поганыхъ и Соловьевъ-разбойниковъ. Какъ-же воспитывался въ молодежи этотъ нравственный кодексъ? Съ помощью живого примѣра, преданія о лучшихъ людяхъ, всего того, что жило въ устахъ лучшихъ, выдающихся личностей, этихъ первыхъ поэтовъ и мыслителей, носившихъ въ своихъ сказаніяхъ, былинахъ, сказкахъ и пѣсняхъ накопившуюся вѣками опытность, сложившееся міровоззрѣніе и тотъ незатѣйливый кодексъ нравственности, то чувство доблестнаго и возвышеннаго, которое живетъ въ народѣ въ самыя раннія эпохи его существованія. Для насъ очень важно обратить вниманіе на эту колыбель и большой, и дѣтской литературы. Представимъ себѣ ребенка, отрока, юношу древней языческой Руси. Воспитаніе его несложно, но оно поставлено цѣлесообразнѣе, чѣмъ воспитаніе совре-

менныхъ дѣтей и юношества, такъ какъ оно отвѣчаетъ его дѣйствительнымъ потребностямъ. Онъ не все только изощряетъ свою силу и ловкость,—онъ развиваетъ и душевныя способности: память, воображеніе, умъ. Матеріаломъ служатъ вполнѣ доступныя его пониманію былины, сказанія и сказки, вложенныя въ уста дядекъ домрачеевъ, сказочниковъ, каликъ, гусляровъ. Историческая пѣсня, прославленіе событій и подвиговъ занимаетъ въ этомъ циклѣ тоже не послѣднее мѣсто; съ другой-же стороны, цѣлый рядъ пѣсенъ бытовыхъ даетъ пищу поэтическому чувству и въ то-же время сообщаетъ главнѣйшіе элементы современнаго ему міросозерцанія. Надо при этомъ замѣтить еще, что тотъ миѳическій и сказочный элементъ, который теперь кажется нашимъ дѣтямъ чѣмъ-то внѣшнимъ, особымъ, случайнымъ, въ то время имѣлъ совсѣмъ иное значеніе: сверхъестественная сила не была исключительнымъ явленіемъ, а сказочные образы, какъ олицетворенія силъ природы, входили въ общій кругъ міросозерцанія: тогда, дѣйствительно, вѣрили, напр., и въ русалокъ, какъ въ души умершихъ неестественною смертью, и въ златоверхіе терема солнца и мѣсяца, и въ домовыхъ, какъ въ души умершихъ родичей, и въ лѣшихъ, и въ оборотней. Особо стоитъ звѣриный эпосъ, но и онъ соотвѣтствуетъ тогдашнимъ взглядамъ на животныхъ, которымъ во многихъ случаяхъ приписывали и даръ слова, и чародѣйственную силу. Самый циклъ историческихъ сказаній подходилъ тогда ближе къ понятіямъ эпохи: породившія ихъ событія были еще свѣжи въ памяти.

Но отрокъ и юноша могли развивать свои душевныя способности еще и на иностранномъ элементѣ: они могли учиться и учились въ большей части случаевъ по-гречески и по-варяжски, и эти два источника вносили новую струю чужеземныхъ понятій, представленій, образовъ. То, что воспринималось, усваивалось и перерабатывалось по своему и становилось тоже всеобщимъ достояніемъ.

Въ современную намъ эпоху, конечно, весь кругъ этой первоначальной устной литературы имѣетъ для нашихъ дѣтей, особенно для дѣтей интеллигенціи, совершенно иное значеніе. Наши дѣти и наше юношество отнесутся и къ былинѣ, и къ сказкѣ, и къ сказанію совсѣмъ иначе, чѣмъ дѣти нашихъ предковъ: для нихъ будетъ уже утерянъ весь внутренній смыслъ этихъ образовъ полумиѳическаго характера, такъ какъ ихъ міросозерцаніе уже приняло совсѣмъ иные оттѣнки,—оно опирается на реальныя знанія природы и человѣка. Но это не мѣшаетъ, все-таки, тѣмъ здоровымъ, національнымъ, выросшимъ на родной почвѣ образамъ, которые и составляютъ суть

нашего круга былинъ и сказокъ, влiять на современное поколѣнiе такъ-же благотворно, какъ и прежде: эти образы особенно понятны дѣтямъ, потому что близки къ ихъ непосредственному, эпическому складу мышленiя, къ ихъ свѣтлому, лишенному пессимизма мiровоззрѣнiю, и еще потому, что самое содержанiе этихъ эпическихъ произведенiй выросло на родной намъ почвѣ, а мы уже говорили, что самыя прочныя тѣ понятiя и представленiя, которыя могутъ ассоцiироваться съ подобными-же, накопившимися уже въ памяти ребенка. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ, напр., черты характера нашихъ богатырей и сказочныхъ героевъ: добродушiе Ильи, Добрыни, Никиты Кохремяки, Ивана дурачка, Михайла Таптыгина и даже миѳическаго Мороза — это сродная всѣмъ намъ черта, точно такъ-же, какъ и беззавѣтная безпечность, доходящая, съ одной стороны, до безумной храбрости въ критическiе моменты, до пренебреженiя жизнью, съ другой — до неряшливости, до возможности «проспать самого себя». Широкое гостепрiимство, на фонѣ котораго совершаются и подвиги богатырей, и дѣянiя сказочныхъ героевъ—этотъ Владимiръ-Красное Солнышко, задающiй пиры на весь мiръ, эти цари и царицы, угощающiе гостей медомъ, брагою, ставящiе по цѣлымъ жаренымъ быкамъ на столы бранные, «а гусямъ, лебедямъ счету нѣтъ»—все это чисто русское, родное; гуманность, почитанiе старшихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умѣнье постоять за себя передъ высшими властями—все это черты, хотя и значительно ослабѣвшiя подъ гнетомъ татарскаго ига, тѣмъ не менѣе и родныя, и симпатичныя, и желательныя. Самая обстановка,—лѣса дремучiе, рѣки широкiя, морозы трескучiе, строящiе мосты безъ клиньевъ, безъ подклинковъ, весна красная съ сошенькою и боронушкою, осень-вѣдьма злая съ вѣтрами буйными, съ ночами темными—все это дѣтямъ понятно и легко усваивается. Между тѣмъ, на этомъ-то родномъ элементѣ, главнымъ образомъ, и воспитывались наши предки; въ до-христiанскiя времена онъ и составлялъ ихъ главный воспитательный кодексъ нравственности, въ нашу эпоху-же онъ не только отошелъ на заднiй планъ, но почти совершенно игнорируется: кромѣ былинъ Авенарiуса, «Ильи Муромца»—В. И. Острогорскаго и нѣсколькихъ былинъ, изданныхъ Ступинымъ, въ дѣтской литературѣ почти ничего не существуетъ въ этомъ родѣ. Между тѣмъ какъ хотя-бы у нашихъ сосѣдей нѣмцевъ ихъ циклъ сагъ преподносится дѣтямъ во всевозможныхъ изданiяхъ, и дешевыхъ, и дорогихъ, и для младшаго, и для старшаго, и для средняго возрастовъ, мы толкуемъ о томъ, что дѣтямъ, даже 9—10-лѣтняго возраста можно дать въ руки немногiе сборники былинъ, собранные съ

научною цѣлью и изданные, по большей части, съ мелкою печатью, безъ иллюстрацій, въ большихъ томахъ, которые и взрослому-то надо «осилить». Есть, конечно, отрывки былинъ въ хрестоматіяхъ и сборникахъ, но это совсѣмъ не то, что цѣлая былина, дающая полное понятіе о богатырѣ. Уже потому нельзя дать дѣтямъ въ руки научныхъ сборниковъ былинъ, что въ нихъ, какъ въ сыромъ матеріалѣ, много непригоднаго элемента, напр., грубаго или эротическаго, который можетъ принести вредъ, вызвавъ преждевременное развитіе.

Циклъ сказокъ, о которомъ мы уже упоминали, тоже мало у насъ разработанъ; сказки тоже попадаются отдѣльными нумерами въ хрестоматіяхъ и книгахъ для чтенія, хорошихъ-же сборниковъ сказокъ, пригодныхъ для дѣтей, совсѣмъ нѣтъ. Есть двѣ маленькія старинныя книжки; одна изъ нихъ—сказки, разсказанныя дѣтямъ нянюшкою Авдотьею Черепьевою, стала библіографическою рѣдкостью; другая — нѣсколько сказокъ Петрова, тоже, кажется, не повторялась въ послѣднее время изданіями. Между тѣмъ, это сказки, образцово разсказанныя дѣтямъ; такія сказки были-бы желательны и необходимы. Итакъ, изъ древняго періода общей русской литературы, бывшей тогда одновременно и литературою дѣтскою, современная дѣтская литература могла-бы позаимствоваться и матеріаломъ, и нравственными идеалами, избѣгая, конечно, при этомъ, всего черезчуръ фантастичнаго и возбуждающаго страхъ, всего грубаго, преждевременнаго.

Но вотъ въ эту языческую Русь проникло христіанство. Проникало оно постепенно, исподволь, долго боролось съ языческими понятіями, долго было усвоено только внѣшнимъ образомъ, при чемъ понятія языческія смѣшивались съ новыми христіанскими понятіями. Первые христіане прячутся въ пещерахъ и въ лѣсахъ, подвергаются насмѣшкамъ; нужно еще цѣлое столѣтіе для того, чтобы новыя идеи любви, прощенія врагамъ, смиренія и самоотреченія упрочились и были поняты. Тѣмъ не менѣе, книжное ученье, школы дѣлаютъ свое дѣло втихомолку, по монастырямъ, въ кельяхъ монаховъ, ревнителей вѣры. Очевидно, что при такихъ условіяхъ книжная образованность носитъ характеръ исключительно религіозный, обособленный и представляетъ достояніе немногихъ избранныхъ, тѣмъ болѣе, что и самая переписка книгъ, за неимѣніемъ книгопечатанія, была дѣломъ кропотливымъ, труднымъ. Книга въ XIV—XVI столѣтіяхъ, по характеристичному выраженію того времени, строилась долго и цѣнилась чуть-ли не на вѣсъ золота. Но, пріобрѣтая мало-по-малу навыкъ въ письмѣ, народъ русскій сталъ знакомиться и съ другими элементами. Религіозныя произведенія, конечно, все-таки стояли на первомъ

планѣ, но рядомъ съ житіями святыхъ, съ псалтырью и Евангеліемъ стали появляться также и произведенія свѣтскаго характера—лѣтописи, поученія, историческія сказанія, какъ, напримѣръ, лѣтопись Нестора, поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку Игоревѣ. Это въ высшей степени поэтическое произведеніе пересыпано множествомъ самыхъ интересныхъ бытовыхъ подробностей, остатковъ языческихъ вѣрованій, обычаевъ, привычекъ. Если мы попробуемъ отрѣшиться отъ нашихъ субъективныхъ взглядовъ и стать на точку зрѣнія той эпохи, то намъ станетъ понятно, какой глубокій интересъ долженъ былъ охватывать молодого читателя при знакомствѣ съ этою мастерскою картиною историческаго, недавняго для него, событія. Такихъ сказаній, вѣроятно, было не мало, тѣмъ болѣе, что каждый сколько-нибудь выдающійся князь имѣлъ въ своей дружинѣ достаточно поэтически настроенныхъ, одаренныхъ талантомъ доморощенныхъ Баяновъ, которые могли воспѣть его подвиги и доставить матеріалъ для сказанія. Къ сожалѣнію, татарская орда, какъ саранча, опустошила страну и, сжигая города и монастыри, истребляла вмѣстѣ съ тѣмъ и хранившіеся въ нихъ памятники только-что окрѣпшей письменной литературы.

Обозрѣвъ три области: область былинъ, область сказочно-миѳической и область историческую, мы переходимъ теперь къ области религіозно - нравственнаго чтенія. Тутъ мы должны различать двѣ стороны: книги чисто-религіозныя, Евангеліе, Библія, притчи, житія святыхъ, псалмы, посланія апостольскія, и книги апокрифическія, то-есть, сказанія, преданія, толкованія, берущія начало въ самомъ народѣ, являющіяся смѣсью христіанскихъ вѣрованій и суевѣрія, остатковъ прежнихъ языческихъ элементовъ.

Житія святыхъ въ ту эпоху должны были восприниматься съ особеннымъ интересомъ; тогда подвиги первыхъ ревнителей вѣры Христовой были еще сравнительно ближе, поэтому и понятнѣе для ихъ послѣдователей. Сподвижничество вѣры, примѣры истиннаго благочестія и любви къ ближнему, стойкость характера, способная, не взирая на гоненія и муки, открыто признавать и прославлять истину, самоотреченіе, скудная, суровая жизнь,—все это мы видимъ въ житіяхъ такихъ сподвижниковъ, какъ св. апостолы, евангелисты, св. Ѳеодосій Печерскій, св. Алексѣй и позднѣе св. Степанъ Пермскій и др. Рядомъ съ этими правдивыми повѣствованіями мы находимъ, однако, и «Стихъ» или сказаніе «О голубиной книгѣ», гдѣ разсказывается, какъ съ неба упала чудная голубиная книга, содержаніе которой объясняется устами царя Давида. Тутъ мы видимъ цѣлое міровоз-

зрѣніе на происхожденіе свѣта и на міровой порядокъ, смѣсь религіозныхъ вѣрованій съ языческими понятіями. Таковы-же и Сказаніе о Георгіи Храбромъ, Сонъ Богородицы, Стихъ о пречудной царицѣ (картина страшнаго суда), Сорокъ каликъ (исторія Іосифа). Эти сказанія записывались зачастую въ стѣнахъ монастырей. наряду съ другими священными книгами, такъ какъ и само духовенство не лишено было суевѣрій. Этотъ элементъ вполнѣ примѣнимъ теперь. Образчикомъ народнаго нравоучительнаго повѣствованія можетъ намъ служить Сказка о Горѣ-Злосчастьи, появляющаяся въ очень раннихъ спискахъ XII столѣтія, при чемъ есть ссылки на то, что она существовала и ранѣе. Сатирическій элементъ тоже находитъ себѣ выраженіе въ литературныхъ памятникахъ этой эпохи; онъ сказывается въ такихъ преданіяхъ, какъ Шемякинъ судъ, Сказка о тяжбѣ леща съ ершомъ, Сказка о правдѣ и кривдѣ; тутъ богатый и сильный является притѣснителемъ слабаго и бѣднаго, но, въ концѣ концовъ, правда торжествуетъ и нравственное чувство удовлетворено. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ указать еще на одинъ элементъ, близко стоящій къ сатирѣ и носящій въ себѣ ея зачатки, элементъ «потѣшнаго», «шутовского». Шуты, юродивые, карлы создали съ теченіемъ времени цѣлую область особыхъ потѣшныхъ и докучныхъ сказокъ, присказокъ, остротъ, поговорокъ. Примѣромъ можетъ служить извѣстная очень древняя пѣсенка-сказка про Ерему да Ѳому, или про сватовство журавля и цапли, или-же цѣлый рядъ небывальщинокъ, въ родѣ таракана, рубящаго дрова, медвѣдя, летающаго по поднебесью, воротъ, лающихъ изъ подъ собаки и т. п. Потѣшный, шутовской элементъ широкою волною врывается въ воспитаніе строго-религіознаго характера. Но и шутки скомороха, не смотря на ихъ кажущуюся иногда грубость и плоскость, тоже имѣютъ въ виду цѣли нравственныя и зачастую бичуютъ людскіе пороки и слабости гораздо съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ нравоученія и проповѣди.

Два вѣка съ половиною тяготѣло надъ Россіею ужасное бѣдствіе— иго татарское. Не до развитія было тутъ, не до образованности, когда приходилось ежеминутно дрожать за свое существованіе, когда татарскій баскакъ имѣлъ право во всякое время ворваться въ домъ, произвести самыя возмутительныя насилія и взять съ собою все то, что ему понравилось. Иго татарское оставило на всей землѣ русской неизгладимый слѣдъ, и долго еще послѣ пораженія враговъ нашихъ мы не могли ни оправиться, ни вздохнуть свободно. Низкопоклонство, привычка къ рабству, женское затворничество, грубость нравовъ, жестокость, — все это привилось къ русскому народу, онъ сразу

шагнулъ назадъ и потерялъ добрую половину результатовъ того пріобрѣтеннаго имъ просвѣщенія, которое существовало до XIII вѣка.

Только въ концѣ XVI, въ началѣ XVII вѣка мы замѣчаемъ снова стремленіе къ образованію. На престолѣ воцарился домъ Романовыхъ, и первые два государя, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, много сдѣлали для упроченія своего могущества и для внутренняго спокойствія народнаго. При возникшихъ усиленныхъ внѣшнихъ сношеніяхъ, при столкновеніяхъ съ Малороссіею и Польшею. Россія не могла относиться безразлично къ существовавшимъ въ то время въ другихъ земляхъ значительнымъ успѣхамъ просвѣщенія. Вѣковой гнетъ спалъ, народъ вздохнулъ свободно, и невольно сама собою стала напрашиваться мысль, что «у другихъ лучше». Конечно, просвѣщеніе манило къ себѣ сперва своею показною стороною: удобная мебель, усовершенствованный экипажъ, часы, картины, искусства-зодчества и архитектуры, комедійное дѣйство, нотное пѣніе, прекрасные инструменты—все это не могло не прельщать человѣка, привыкшаго на родинѣ къ неудобнымъ скамьямъ, тряскимъ колымагамъ, неуклюжимъ бревенчатымъ срубамъ и самому первобытному безъискусственному зодчеству. Русскіе видѣли, что они сильно отстали отъ Запада и спѣшили сравняться со своими сосѣдями. При этомъ случилось то, что всегда случается, когда развитіе идетъ не постепенно, не правильно, а совершаетъ скачекъ: развилась чрезмѣрная подражательность, чужое переносилось цѣликомъ, водворялось безъ особыхъ соображеній на новой почвѣ, и дѣло считалось сдѣланнымъ. Пріобрѣтался внѣшній лоскъ, усваивались внѣшніе пріемы, видѣнные у сосѣдей, а подъ этою модною оболочкою оставалось все то-же грубое свое домашнее невѣжество, нисколько не улучшавшееся отъ этой блестящей одежды.

Такъ было и въ области религіи, гдѣ ввели новшества, заботились о перстосложеніи, о партесномъ пѣніи, о благолѣпіи службы, между тѣмъ какъ даже въ средѣ самого духовенства господствовалъ расколъ, ересь, самыя нехристіанскія воззрѣніе. То-же мы видимъ и въ литературѣ. Прежде всего надо замѣтить, что въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка уже начинаетъ проглядывать мнѣніе о настоящемъ ученіи, появляются школы болѣе свѣтскаго характера и даже статьи въ родѣ «Обученія нравовъ дѣтскихъ», переводъ съ латинскаго Епифанія Славинецкаго. Но это стремленіе къ обученію развивается на совершенно чуждой почвѣ, хотя сами просвѣтители-монахи и славянскаго происхожденія. Это по большей части либо малороссы, либо поляки, либо южные славяне, чехи, моравы, сербы, болгаре. Ино-

земныхъ учителей, нѣмцевъ, у насъ не допускалось, такъ какъ ихъ считали еретиками. Тѣмъ не менѣе, и учителя славяне, сами воспитанные въ латинскихъ семинаріяхъ или академіяхъ, сами знакомые только съ латинскимъ и византійскимъ воспитаніемъ, и къ намъ переносили, частью въ переводахъ, частью въ подлинникахъ, чуждую литературу, чуждыя намъ понятія и представленія. Существуетъ мнѣніе, что западничество и подражаніе иностранцамъ внесено Петромъ Великимъ, но это несправедливо. Въ XVII столѣтіи уже къ намъ нахлынула масса переводнаго, масса компилятивнаго, безчисленное множество подражаній, и Петръ Великій самъ въ дѣтствѣ воспитывался уже на этой западной умственной пищѣ.

Эти общія воспитательныя вліянія не могли не отразиться и на дѣтскомъ чтеніи. Въ XVII вѣкѣ оно преимущественно переводнаго характера. Юношество, овладѣвшее грамотой, на ряду съ былинами, сказками и религіозно-нравственными повѣстями, читаетъ средневѣковые романы, перешедшіе къ намъ въ то время, когда на Западѣ они уже отжили свой вѣкъ. Но изъ этой общей литературы начинаютъ обособляться и спеціально дѣтскія книжки нравоучительнаго содержанія въ видѣ сборниковъ притчъ, басенъ и поученій. Какъ на примѣръ такихъ сборниковъ можно указать на переводъ Езоповыхъ басенъ и басенъ Бидная (Стефанидъ и Инхилатъ). Они внесли совершенно новый элементъ въ литературу, предназначенную для юношества, развили вкусъ къ аллегоріи и читались съ большимъ интересомъ. Другіе сборники историко-нравоучительнаго содержанія, «Зерцала», представляли огромные фоліанты, заключавшіе до девятисотъ повѣстей, заимствованныхъ изъ духовно-исторической и легендарной литературы. Нѣсколько главъ соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ и называются «прилогами». Заглавія эти касаются человѣческихъ пороковъ и добродѣтелей, напримѣръ, о пьянствѣ, о лукавствѣ, о чистотѣ и т. д. Изъ этихъ большихъ сборниковъ часто брались сюжеты для «потѣшныхъ» листковъ—прототиповъ и нашей лубочной литературы.

Рядомъ съ этими сборниками появились и переводы отдѣльныхъ историческихъ разсказовъ: «Сказанія о Дракулѣ, воеводѣ мутьянской земли» (исторія Дракона, правителя Валахіи), «Слово о Динарѣ царицѣ» (грузинская царица Тамара), «Повѣсть о Брунцвикѣ, королевичѣ Ческія земли» и др.

Всѣ эти книги вмѣстѣ съ массою рыцарскихъ переводныхъ романовъ носили названіе «потѣшныхъ книгъ». Самая внѣшность ихъ способствовала ихъ назначенію развлекать: онѣ обыкновенно богато

переплетались, снабжались многими картинками, блестѣвшими яркостью красокъ, золота и серебра. Книги эти мы встрѣчаемъ въ спискахъ царевичей, гдѣ онѣ, какъ потѣшныя, внесены въ число игрушекъ на ряду съ затѣйливыми ларцами и фигурками, выточенными изъ слоновой кости или изъ дерева, и съ картинками лубочнаго производства, содержаніе которыхъ не всегда соотвѣтствовало воспитательнымъ цѣлямъ.

Итакъ, мы видимъ, что въ нашей древней литературѣ до-Петровскаго періода ясно различаются двѣ эпохи: до и послѣ татарскаго нашествія. Какъ въ первой изъ нихъ замѣтна самостоятельность, стремленіе выйти изъ пеленъ, создать свое, упрочить народные памятники, такъ во второй эта самостоятельность почти совершенно исчезаетъ и виденъ наплывъ чужого, иноземнаго, подчасъ вовсе не подходящаго къ самымъ основамъ народной жизни. Тѣмъ не менѣе, стремленіе къ знанію, жажда умственной пищи такъ велики, что этотъ чуждый матеріалъ и усваивается, и перерабатывается, и пополняется часто такъ усердно, что его трудно отличить отъ нашего родного, національнаго. Съ этими пришлыми элементами намъ приходится считаться еще и теперь; то обстоятельство, что наша литература, вслѣдствіе историческихъ условій, не могла развиться вполнѣ самобытно и самостоятельно, много повредило ея правильному росту.

Въ означенную эпоху мы видимъ зачатки спеціально дѣтской литературы также въ букваряхъ, азбуковникахъ, нравоучительныхъ сборникахъ и книгахъ религіозно-нравственныхъ. Тутъ мы тоже должны обратить вниманіе на чрезмѣрный перевѣсъ нравственно-религіознаго направленія, на отсутствіе свѣтскихъ школъ, на то, что обученіе и воспитаніе было почти исключительно въ рукахъ духовенства. Все это можетъ въ значительной степени уяснить намъ впослѣдствіи появленіе у насъ въ дѣтской литературѣ тенденціозности, желанія больше поучать, чѣмъ развивать.

Смѣхотворный элементъ, какъ развившійся тоже на чуждыхъ основаніяхъ, не долженъ избѣжать нашего вниманія—это зародышъ будущихъ Степокъ-Растрепокъ и того нездороваго шаржа, которымъ изобилуетъ наша дѣтская литература.

Петровская эпоха служитъ какъ-бы переломомъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Петръ Великій, воспитанный уже на идеяхъ сближенія съ Западомъ, силою обстоятельствъ поставленный въ необходимость столкновеній съ сосѣдями, понималъ, что послѣ продолжительнаго застоя, отсталости нашей, единственное средство спасенія

лежитъ въ знаніи. И вотъ, въ Россію, по волѣ царя, наѣхали отовсюду техники, рабочіе, ученые; русскихъ молодыхъ людей стали посылать за границу, завязалась переписка съ выдающимися европейскими знающими людьми, возникли школы, училища, женщину чуть не насильно вывели изъ ея затворничества, молодымъ недорослямъ изъ дворянъ приказали учиться; однимъ словомъ, съ внѣшней стороны сдѣлали все, что можно было, дали толчекъ, пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы пробудить дремавшее общество. Такая кипучая дѣятельность, такое поспѣшное, лихорадочное стремленіе къ знанію не могли не отразиться на всей системѣ образованія и воспитанія, не могли не придать особаго оттѣнка и дѣтской литературѣ. Оно приняло сухой, дѣловой, практически утилитарный характеръ. Старались не столько развить умъ и облагородить душу ребенка, или, скорѣе, юноши, такъ какъ въ то время обученіе начиналось поздно, лѣтъ съ 11—12, сколько навязать ему поскорѣе кое-какіе навыки, выучить его кое-какимъ техническимъ пріемамъ, и, дорожа временемъ, предлагали молодому читателю, едва освоившемуся съ грамотою, исключительно только дѣловое чтеніе, не представлявшее никакой пищи для души и сердца. Это утилитарно-сухое направленіе держалось въ дѣтской литературѣ очень долго, на ряду съ другими элементами; оно находитъ себѣ послѣдователей еще и теперь въ средѣ педагоговъ, стоящихъ за такъ-называемое «дѣловое» чтеніе, имѣющее цѣлью только поучать умъ ребенка, безъ воздѣйствія на его душевный міръ. Такъ какъ печатное дѣло подлежало при Петрѣ строгому контролю, то и въ литературу печатную могли проникать только элементы, желательные царю и имъ поощряемые. Вотъ почему направленіе того времени и выразилось такъ опредѣленно въ книгахъ, которыя выходили изъ типографій.

Не можемъ не указать еще на одно вліяніе, бывшее въ ту эпоху почти равносильнымъ западно-европейскому. Мы говоримъ о вліяніи Кіевской духовной академіи. Практическій и дальновидный преобразователь не могъ не обратить вниманія на этотъ почти единственный въ то время разсадникъ нашего собственнаго просвѣщенія. При недостаткѣ нужныхъ ему людей, Петръ пользовался трудами кіевскихъ ученыхъ, которые, не смотря на свою ненависть къ протестантизму и католичеству, все-таки что-нибудь да знали и могли быть прекрасными для того времени переводчиками и учителями. Такимъ образомъ, на юношество вліяли тогда, съ одной стороны, просвѣщеніе европейское, заимствованное изъ Голландіи, Германіи, Франціи, Англіи и даже Италіи, съ другой—элементъ южно-русскій,

сложившійся изъ польской культуры, насажденной и воспитанной въ теченіе цѣлаго столѣтія кіевскими монахами. Очевидно, что и то, и другое вліяніе были искусственны и прививались къ нашему русскому юношеству съ большимъ трудомъ. Стремленія и идеи преобразователя встрѣчали упорное, тупое, пассивное сопротивленіе массы, и въ этомъ сопротивленіи сказывалась не столько слѣпая ненависть къ самой цивилизаціи, сколько недовольство ея насадителями, религіозная рознь, взаимное непониманіе между учителями и учащимися Книги печатались массами, но ихъ плохо раскупали и въ типографіяхъ ихъ накапливалось такъ много, что приходилось употреблять ихъ на обертки, какъ ненужную бумагу. Школы (особенно цыфирныя) открывались повсюду, но во многихъ изъ нихъ ученики, вкусивъ отъ горечи учебнаго корня, разбѣгались и, за неимѣніемъ учащихся, школа прекращала свои занятія. Приказанія царя, требовавшаго, чтобы всякій юноша дворянскаго происхожденія прошелъ, по крайней мѣрѣ, хотя низшую школу, ловкіе родители умѣли обходить и добывали для своихъ великовозрастныхъ Митрофановъ образовательный цензъ посредствомъ окольныхъ путей и подачекъ кому слѣдовало. Самое духовенство, стоявшее, до Петра, на сторонѣ образованія, теперь, когда это образованіе приняло исключительно свѣтскій, да еще притомъ иноземный характеръ, перемѣнило свои взгляды и упорно, хотя тайно, противодѣйствовало «нѣмецкимъ затѣямъ» царя. Это усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ движенія первымъ помощникомъ царя былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, ученый монахъ Кіевской академіи, котораго русское духовенство ненавидѣло за его западничество.

Итакъ, въ литературѣ того времени мы должны ясно отличить два направленія: одно—утилитарно-практическое, его проводилъ и насаждалъ насильно самъ царь, не смотря на явное и тайное противодѣйствіе; другое, прежнее, перешло изъ предыдущей эпохи и проявлялось въ описанныхъ уже нами элементахъ: религіозно-нравственномъ—своемъ, народномъ и романтическомъ—переводномъ. Произведенія послѣдняго характера, т.-е. «потѣшныя книги», не смотря на заведенныя типографіи, продолжали циркулировать въ видѣ рукописныхъ фоліантовъ и только изрѣдка попадали въ печать.

Эпоха Петра по преимуществу та эпоха, гдѣ зародились идеи воспитанія юношества съ помощью книжнаго ученія и чтенія полезныхъ книгъ. Религіозно-нравственное направленіе дѣтской литературы отступаетъ на второй планъ, и книга для чтенія получаетъ свѣтскій характеръ; дѣтское чтеніе обогащается массой переводнаго матеріала

изъ областей тѣхъ наукъ, которыя всего болѣе соотвѣтствуютъ учебнымъ цѣлямъ. Появляется много брошюръ, книгъ и учебниковъ по части математики, мореходства, судостроительства, естествознанія, астрономіи, космографіи. Въ области исторіи мы встрѣчаемся съ двумя книгами: «Введеніе въ исторію европейскую» Пуффендорфа, весьма распространенною и выдержавшею нѣсколько изданій (1718 и 1724) и «Ѳеатронъ, или позоръ историческій» (1724 г.) Стратемана, переводъ Бужинскаго и другихъ «потрудившихся съ нимъ». Въ посвященіи переводчиковъ царю и въ предисловіи къ читателю высказанъ взглядъ на изученіе исторіи: «вся ученія духовная и гражданская, въ нихъ же попеченіемъ тщаливымъ вашего императорскаго всепресвѣтлаго величества обучается младенчество, на историческомъ познаніи основана суть; сего ради основателю и зодчію приличествуетъ, да сія повсюдная исторія восписана будетъ. Ниже всуе рекъ, яко на семъ основаніи вся ученія зиждутся, иже бо не вѣсть, что прежде сего содѣяся, сей чрезъ все житіе свое отрокъ есть, глаголетъ Цицеронъ, краснорѣчія римскаго отецъ въ книзѣ о гражданской исторіи». «Гражданская исторія изслѣдуетъ о народѣхъ и ихъ началехъ, населеніяхъ и переселеніяхъ, о дѣлахъ во время брани и мира, о лицахъ и ихъ добродѣтелѣхъ и порокахъ, о монархіяхъ и ихъ состояніи и паденіи о царствіяхъ и ихъ началѣ и окончаніи о обществахъ и ихъ возрастеніи и пресѣченіи, купно же о вѣрѣ и бозѣхъ языческихъ, о временахъ и властителѣхъ во времена оная и о симъ подобнымъ». Книга дѣлится на 10 исходовъ, или эпохъ, въ каждомъ исходѣ по 400 лѣтъ, и трактуетъ событія съ сотворенія міра до 1680 г. Исходы называются: Ноя, Авраамовъ, израильтянъ, іудеевъ, Христа Господа, христіанъ, германовъ, валденсовъ, лютеранъ. События трактуются съ точки зрѣнія церковной исторіи, при чемъ книга направлена противъ папизма. По русской исторіи вышла въ 1714 г. «Синопсисъ, или сокращенная исторія, собранная отъ разныхъ авторовъ», перепечатанная съ кіевскаго изданія. Синопсисъ, повидимому, составленъ архимандритомъ Гизелемъ и въ рукописяхъ былъ извѣстенъ еще въ началѣ XVII вѣка. Въ книгѣ много баснословнаго, но въ общемъ она, все-таки, давала кое-какія свѣдѣнія о событіяхъ отечественной исторіи. Изъ кіевскихъ-же изданій перепечатана была въ 1712 г. «Иѳика, іерополитика или философія нравоучительная, сѵмволами и приуподобленіи изъясненна къ наставленію и пользы юнымъ» Аѳанасія Миславскаго. Эти нравоучительныя философствованія, повидимому, были въ духѣ того времени и книга сильно раскупалась родителями для поученія дѣтей, такъ какъ при Петрѣ она выдержала два изданія и

еще нѣсколько разъ перепечатывалась въ теченіе XVIII вѣка. «Троянская война» и «Александръ Македонскій», какъ излюбленныя темы рукописной литературы, теперь нашли себѣ выраженіе въ напечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ историческихъ сочиненіяхъ: «Исторія о разореніи града Трои» (1709 г.) и «Книга Квинта Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александра Великаго», изданіе того-же года, отпечатаны въ московской типографіи. Въ 1716 г. мы видимъ изданными «Дезидеріа Эразма. Разговоры дружескіе». Тутъ, также какъ и въ «Иѳикѣ», преслѣдуются нравоучительныя цѣли, причемъ, попутно, изучается и голландскій языкъ по подлиннику, напечатанному рядомъ съ русскимъ переводомъ. Это одна изъ первыхъ книжекъ, напечатанныхъ такимъ образомъ. Впослѣдствіи, обученіе иностраннымъ языкамъ, при помощи переводовъ рядомъ съ подлинникомъ, привилось въ широкихъ размѣрахъ, и еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣтская литература изобиловала переводами французскихъ и нѣмецкихъ дѣтскихъ авторовъ, изданныхъ такимъ образомъ.

При бѣгломъ обзорѣ этихъ наиболѣе выдающихся книгъ, мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, указать то направленіе, какого стала держаться только-что народившаяся у насъ дѣтская литература. Въ зачаткѣ своемъ она несла то тенденціозно-религіозное настроеніе, какое вытекало изъ предыдущей эпохи, гдѣ, какъ мы указали, господствовала духовная школа. Въ эпоху Петра къ этому элементу прибавился еще и элементъ практически-научный, причемъ поспѣшность и поверхностность породили тотъ нравоучительно-дѣловой тонъ, какимъ были пропитаны дѣтскія книжки того времени. Рядомъ съ этими преобладающими элементами развивалась и крѣпла и та серія «потѣшныхъ книгъ», о которыхъ мы уже говорили въ предыдущей эпохѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., «Басни Езоповы», «Зрѣлище житія человѣческаго» (поучительныя бесѣды животныхъ, переводъ съ нѣмецкаго) попали и въ печать того времени.

Изъ рукописныхъ произведеній конца XVII столѣтія укажемъ на переводъ Саади персидскаго «Гюлистанъ» (Кринной долъ), почерпнутый нашимъ переводчикомъ изъ Олеарія; онъ состоитъ изъ 8 книгъ, раздѣленныхъ на главы. Въ каждой главѣ находятся разсказы, анекдоты, изреченія, эпизоды изъ жизни самого поэта. Такой-же характеръ носитъ у насъ переводъ «Бостанъ» (Деревной садъ), того-же поэта, почерпнутый нами изъ нѣмецкой литературы. Кромѣ Езоповыхъ басенъ, циркулировали еще басни Локмана персидскаго, во многомъ схожія съ Езопомъ. Въ концѣ-же XVII вѣка перешелъ къ намъ и знаменитый въ Европѣ сборникъ «Дѣянія или Дѣи римскія».

Этотъ сборникъ всевозможныхъ чудесныхъ легендъ, повѣстей, сказокъ и апологовъ въ Европѣ уже существовалъ съ XIV столѣтія и служилъ источникомъ отдѣльныхъ народныхъ сказаній и повѣстей. У насъ книга эта переведена съ польскаго и заключаетъ около сорока разсказовъ легендарно-историческаго характера, содержащихъ въ себѣ всевозможныя поученія.

Эти книги правоучительно-свѣтскаго характера служатъ какъ-бы переходомъ къ легкой литературѣ, которая продолжала наполнять рынки и коробья офеней рукописными переводами европейскаго романа со средневѣковымъ оттѣнкомъ и мелкими повѣстями и разсказами лубочнаго производства. По количеству рукописей можно судить, какой спросъ былъ тогда на нихъ со стороны читающей молодежи. Возрастнымъ недорослямъ, окрѣпшимъ въ грамотѣ, такія произведенія, конечно, приходились больше по вкусу, чѣмъ тѣ практически-сухіе трактаты, которые стремился распространить Петръ Великій.

«Неистовый Роландъ», «Исторія о королевичѣ Цылодонѣ Италіанскомъ и о баронской дочери Цыцыліи Гишпанской», «Исторія о Французскомъ графѣ Лафаріи и о прекрасной княжнѣ Маргаритѣ Медіоланской», «Исторія Елизаветы, королевы Англинской», и множество другихъ переходило изъ рукъ въ руки, внося постепенно въ литературу для юношества мистически-сентиментальную струю, стремленіе въ область чувства и воображенія, въ туманную страну желаній, порывовъ и неудовлетворенности,—однимъ словомъ, все то, что повело впослѣдствіи къ сентиментализму и слезливости въ нашихъ дѣтскихъ книжкахъ, особенно въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ. Герои этихъ романовъ надѣлены всевозможными достоинствами и добродѣтелями, героини—красоты неописанной; любящія сердца страждутъ отъ разлуки, враговъ или препятствій, но, преодолѣвъ всѣ трудности, благополучно сочетаются законнымъ бракомъ. Эти сентиментальные романы, французскаго или нѣмецкаго происхожденія, были подражаніями вымиравшаго на Западѣ рыцарскаго средневѣковаго романа,—подражаніями по большей части безцвѣтными, не талантливыми, очень неумѣло приспособленными къ инымъ условіямъ и требованіямъ времени. У насъ, въ русскомъ переводѣ, всѣ сентиментальности и галантности выходили до-нельзя тяжелыми и нелѣпыми вслѣдствіе того, что теряли легкость и свободу выраженій подлинника.

Смѣхотворныя жарты и фацеціи тоже продолжали свое существованіе въ рукописномъ видѣ и даже, не смотря на строгую цензуру, проскользнули въ печать въ 1789 году подъ названіемъ «Старичокъ-Весельчакъ, разсказывающій давнія Московскія были и Польскія ди-

ковины». Нѣкоторые «жарты» перешли въ лубочныя изданія и читались съ тѣмъ бо́льшимъ интересомъ, что обыкновенно они иллюстрировались многими картинами.

Какая изъ двухъ различныхъ областей литературы Петровской эпохи—литературы дѣловой, носившей принудительный характеръ, и литературы «потѣшной», которую скорѣе преслѣдовали, чѣмъ поощряли, имѣла больше вліянія на общество? Съ одной стороны, спросъ на произведенія офеней былъ громадный и заставлялъ даже сатириковъ послѣдующей эпохи подсмѣиваться надъ молодыми недоучками, проглатывающими всю эту массу романовъ и жартовъ, «подъ которыми господа авторы, для вѣчной и безсмертной себѣ славы, не ставили своихъ именъ»; съ другой-же—въ типографіяхъ сотнями залеживались «полезныя» книги и ихъ приходилось либо раздаривать насильно, либо употреблять на обертки; если принять все это во вниманіе, то надо сознаться, что въ самую эпоху преобразованій иностранная ученость мало оказывала воздѣйствія на общество, юношество-же предпочитало зачитываться тѣмъ-же, чѣмъ оно зачитывалось и до Петра; мамушки, нянюшки и нѣжные родители много способствовали этому, присаживая за букварь уже очень возрастныхъ, 14—15-лѣтнихъ молодцовъ, къ которымъ наука трудно прививалась. Тѣмъ не менѣе, направленіе и духъ дѣланности и сухой практичности, голыхъ фактовъ и нравоучительныхъ сентенцій остались въ дѣтскихъ книжкахъ наряду съ мечтательною сентиментальностью «потѣшныхъ» разсказовъ, и съ теченіемъ времени къ этимъ элементамъ стали привыкать, стали даже считать ихъ неотъемлемою принадлежностью дѣтской литературы. Цыфирныя школы, какъ явленіе, перенесенное къ намъ несвоевременно, конечно, должны были бороться за свое существованіе, но и съ ними мало-по-малу освоились, чему много помогло стремленіе Петра упростить знаніе, сдѣлать пониманіе наукъ доступнымъ для учащихся. Все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ насъ къ заключенію, что въ послѣдующую эпоху мы уже вправѣ считаться съ настоящею дѣтскою литературою, хотя еще преслѣдующею свои утилитарно-практическія цѣли обученія и воспитанія, но получившею уже извѣстную физіономію.

Въ теченіе послѣдующаго полустолѣтія зачатки эти возрасли и окрѣпли. Книжки собственно для дѣтскаго чтенія въ царствованіе Екатерины II появляются уже въ изрядномъ числѣ, ихъ раскупаютъ и читаютъ, авторы и переводчики посвящаютъ ихъ знаменитымъ дѣятелямъ той эпохи, сама монархиня пишетъ дѣтскія повѣсти; однимъ словамъ, общество видимо встрепенулось, ясно сознало, что ему

надобно и учить, и воспитывать своихъ дѣтей. Тѣмъ не менѣе, и въ эпоху Екатерины дѣтской литературѣ приходится бороться съ другими элементами, особенно съ элементомъ наносныхъ романовъ древняго и новаго происхожденія. Къ романамъ рыцарскаго характера въ эту эпоху присоединились еще и новые переводные, французскіе и нѣмецкіе. Это были сочиненія Геснера, Мейснера, Мармонтеля, Жанлисъ. Чувствительно-сентиментальный романъ, заступившій въ Европѣ мѣсто рыцарскаго, у насъ попалъ тоже на благодарную почву; онъ привился къ нашему обществу вмѣстѣ съ распущенностью и вольностью нравовъ, заимствованными нами у высшаго французскаго общества, которому мы старались подражать; читая теперь эти нелѣпыя, скабрезныя исторіи съ графами и съ князьями, съ пастухами и съ пастушками, всѣ эти безчисленныя измѣны мужьямъ, связи до брака, поединки и побѣги, невольно удивляешься, что подобныя книги. безнравственныя и пустыя по содержанію, слишкомъ откровенныя и подчеркивающія по стилю, могли попадать въ руки не только молодежи, но и подростковъ. Въ предисловіи къ «Театру свѣта» Ришара говорится: «Отцы, матери, надзиратели и надзирательницы, пекущіеся безпрестанно о своихъ дѣтяхъ или воспитанникахъ, для воспрепятствованія имъ терять время въ чтеніи романовъ, которыя по большей части изображаютъ однѣ человѣческія слабости, разгорячаютъ мысли и портятъ нравы, должны имъ совѣтовать читать «Театръ свѣта».

Чтобы дать понятіе объ этихъ романахъ, выписываемъ часть предисловія къ «Нравоучительнымъ сказкамъ».

«Чудное понятіе, которое молодые люди берутъ о любви отъ чтенія романовъ, и печаль, которую они чувствуютъ, не находя оную въ естествѣ такову, какъ она описывается въ книгахъ, была также маленькое безуміе, подлежащее къ опроверженію, и будучи взято съ двухъ различныхъ сторонъ, было содержаніемъ двухъ сказокъ: въ одной изображается женщина, недовольная способомъ, коимъ она любитъ; а въ другой женщина же, недовольная способомъ, коимъ она любима. Три различія того, что называютъ въ свѣтѣ любовью, *прихоть*, *страсть* и *вкусъ*, дали мнѣ мысль о четырехъ скляницахъ. Въ сказкѣ, называемой *по щастію*, я старался показать, чѣмъ иногда держится добродѣтель женщины, и сколь ея слабость должна быть милосерда для самыхъ тѣхъ погрѣшностей, коихъ она избѣгнула. Къ истиннѣ свойствъ я хотѣлъ присовокупить простоту средствъ, и употреблялъ для сего самыя обыкновеннѣйшія. Такимъ образомъ *маленькій чижикъ* служитъ мнѣ вывести изъ заблужденія и изцѣлить женщину отъ владѣющей ею слѣпой страсти; въ другомъ мѣстѣ нѣкоторыя перемѣненныя въ картинѣ черты примиряютъ двухъ супруговъ; въ третьемъ новыя вѣсти, позорище, игра, гульбище, суть опыты, открывающіе свойства двухъ любовниковъ, и просвѣщающіе молодую дѣвицу въ выборѣ достойнаго ей жениха».

Одна изъ нравоучительныхъ сказокъ: «Аннета и Любинъ» начинается слѣдующими разсужденіями: «Естьли опасно все открывать дѣтямъ, то надобно признаться, что еще того опаснѣе оставлять ихъ въ невѣденіи о всѣхъ вещахъ. Есть по законамъ важныя преступленія, которыя не покажутся таковыми передъ глазами натуры; и изъ слѣдующаго увидятъ, въ какую бездну оная ввергла невинность, у которой глаза были закрыты». Въ своемъ желаніи поучать невинности и не оставлять дѣтей въ невѣдѣніи всѣхъ вещей, авторъ, однако, заходитъ такъ далеко, что въ настоящее время его «нравоучительныя сказки» покажутся и взрослымъ грубо-неприличными.

Кромѣ книгъ для класснаго чтенія, дѣтямъ давали еще «увеселительныя повѣсти», какъ онѣ названы въ «Руководствѣ учителямъ перваго и второго класса народныхъ училищъ» (1783 г.). Большая часть этихъ «увеселительныхъ книгъ» переводилась по иниціативѣ и часто съ содѣйствія двухъ сподвижниковъ Екатерины—Новикова и Шварца. Одинъ изъ слушателей послѣдняго говоритъ: «главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово профессора исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось, тогда весь умъ заключался». Въ учрежденномъ Шварцемъ «Собраніи университетскихъ питомцевъ» (1781 г.) молодежь читала свои собственные литературные или переводные опыты, которые печатались либо въ журналахъ, либо отдѣльно.

Благія начинанія Екатерины II-й неминуемо должны были столкнуться въ дѣйствительности съ неудобоисполнимостью, вслѣдствіе отсутствія идеальныхъ учителей и воспитателей и вслѣдствіе того, что самыя средства — нравоученія и поученія, морализированія и совѣты—оказались недѣйствительными въ примѣненіи къ живому, подвижному, впечатлительному дѣтскому организму. Въ рукахъ даже лучшихъ воспитателей того времени, при несовершенствѣ и односторонности западно-европейской педагогики, оказалось слишкомъ мало средствъ для достиженія цѣли. Нравоученія и поученія, переводныя и доморощенныя, притчи и иносказанія тоже по большей части взятыя изъ тѣхъ-же «Зерцалъ» и «Златоструевъ», въ лучшемъ случаѣ басни или сказки, тоже больше нравоучительныя, чѣмъ содержательныя, и, наконецъ, разсказы и повѣсти съ моралью, облеченною въ маннекеновъ вмѣсто живыхъ людей,—вотъ и все, чѣмъ могли они вліять на своихъ воспитанниковъ, между тѣмъ какъ на сторонѣ запрещенныхъ теперь романовъ были и чары запретнаго плода, и интересъ любовной интриги, и фабула, и многое другое, чего не да-

вали спеціально дѣтскія книжки. Еще опаснѣе и вреднѣе оказывалось то, что въ самую эту, охраняемую отъ вредныхъ вліяній, дѣтскую литературу прокрадывались тѣ-же элементы романа, и это было совершенно естественно, такъ какъ сами писатели и переводчики были тоже люди своей эпохи, выросшіе на прежнихъ нездоровыхъ элементахъ и не въ состояніи были сразу отъ нихъ отрѣшиться. Переходя къ обзору существовавшей въ то время дѣтской литературы, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣчто и о самой внѣшности этихъ прадѣдовъ нашихъ дѣтскихъ изданій.

Увидѣвъ теперь дѣтскую книжку той эпохи, мы-бы ни за что не догадались о ея назначеніи по ея внѣшнему виду. Въ ней отсутствовало все то, что мы считаемъ теперь принадлежностью хорошаго дѣтскаго изданія: ни красивой обложки, ни иллюстрацій, ни крупнаго, удобнаго для глазъ шрифта; толстый кожаный или папковый переплетъ, коричневый или сѣрый, синяя или желтоватая грубая бумага, очень мелкая печать, зачастую даже отсутствіе заглавныхъ листовъ или титуловъ у повѣстей; въ рѣдкихъ случаяхъ одна картинка въ началѣ книжки, но не раскрашеная. Слогъ тоже поражаетъ насъ своимъ отсутствіемъ всякаго желанія приноровиться къ дѣтскому пониманію: сухой, однообразный, со множествомъ отвлеченностей и философствованій, онъ способенъ утомить даже и взрослаго читателя. Надо удивляться, какъ только наши прадѣды и прабабушки, будучи дѣтьми, ухитрялись понимать сколько-нибудь такія книжки; а что они не особенно ими зачитывались, видно изъ словъ сочинителя въ «Добрадѣ», который сѣтуетъ, что у него изъ трехсотъ экземпляровъ лежитъ нетронутыми больше двухъ сотенъ, и это еще благодаря тому, что десятковъ пять онъ раздарилъ пріятелямъ. Въ данномъ случаѣ, Добрада съ помощью своей волшебной палочки заставляетъ публику читать произведенія г-на Добромысла, но въ дѣйствительности врядъ-ли-бы помогала дѣлу и подобная волшебная палочка, такъ какъ пріемы новой метафизически-морализирующей дѣтской литературы были слишкомъ дѣланные, искусственные, не соотвѣтствовали цѣли.

Въ двухъ журналахъ этого «Собранія» — «Распускающійся цвѣтокъ» (1787 г.) и «Полезное упражненіе юношества» (1789 г.) участвовало много молодыхъ людей: П. Молчановъ, Ѳ. Кулябка, Н. Бахметевъ, Д. Барановъ, И. Бѣлавинъ, Я. Арсеньевъ, Выродовъ, Озеровъ и др.; помѣщалась проза и поэзія, повѣсти, разсужденія, элегіи, идилліи, басни, сказки и т. п. по большей части либо переводы, либо передѣлки; редактировалъ Подшиваловъ и другъ его Снегиревъ. Впо-

слѣдствіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, труды воспитанниковъ благороднаго пансіона издавались подъ именемъ «Утренней Зари» и въ этомъ изданіи участвовали Жуковскій, Ал. Тургеневъ, С. Родзянко и С. Фонвизинъ.

Кромѣ того, въ 1782 г., онъ открылъ при университетѣ филологическую семинарію на деньги, пожертвованныя Татищевымъ. Въ этой семинаріи переводились на русскій языкъ нравоучительныя сочиненія лучшихъ, по тогдашнимъ понятіямъ, авторовъ. Всего болѣе черпалось изъ Фенелона, Ришера, Кампе и др. Въ «Театрѣ свѣта» и въ «Разговорахъ мертвыхъ» мы видимъ поученія съ помощью личностей древняго міра, грековъ и римлянъ. Въ первой книгѣ каждая глава, носящая названіе порока или добродѣтели, заключаетъ въ себѣ какой-нибудь поучительный историческій разсказъ на эту тему; во второй—поученіямъ придана форма діалоговъ между древними мертвецами, являющимися на томъ свѣтѣ и трактующими о своихъ земныхъ подвигахъ и происшествіяхъ. Содержаніе и той, и другой книги сразу поражаетъ насъ, не смотря на свою нравоучительную одежду, тѣмъ-же присутствіемъ романтическаго элемента, какое мы видѣли и въ романахъ. Хотя авторъ «Театра свѣта» и укоряетъ родителей, дающихъ читать дѣтямъ романы, самъ онъ ни минуты не можетъ обойтись безъ эротическаго элемента. Достаточно перечислить нѣкоторыя главы, чтобы получить понятіе о содержаніи: Любовь супружняя, подлость и измѣна, чрезмѣрная любовь возбуждаетъ ревность въ мужѣ и дѣлается причиною смерти жены; плачевныя слѣдствія непостоянства; жена умерщвляетъ своего мужа изъ одного только подозрѣнія, что онъ, женясь на ней, обманулъ ее; постоянство и вѣрность; измѣна; притворная любовь; честолюбіе и развратъ преодолѣваютъ супружнюю любовь; слабое подозрѣніе подаетъ мужу случай развестись съ своею женою и т. д. Вотъ содержаніе «жены, умертвившей своего мужа». Манфреди, знатный итальянецъ, плѣненный красавицею мѣщанкою, тайно женится на ней; потомъ, когда его родные, не зная о тайномъ бракѣ, сватаютъ ему знатную невѣсту, онъ, не долго думая, женится и на ней. Первая жена уходитъ въ монастырь, но вторая, узнавъ о его прежней связи и думая, что то была наложница, а не жена, подговариваетъ двухъ убійцъ и вмѣстѣ съ ними убиваетъ своего мужа. Изъ 49 главъ этой книги, по крайней мѣрѣ, двѣ трети заключаютъ въ себѣ разсказы въ родѣ выше приведеннаго.

«Разговоры мертвыхъ» имѣютъ цѣлью характеризовать добродѣтели и пороки древнихъ героевъ; такъ, напримѣръ, Геркулесъ и

Тезей, поссорясь, укоряютъ другъ друга въ любовныхъ похожденіяхъ не только ихъ самихъ, но и своихъ родителей; Улиссъ и Гриллъ (въ образѣ свиньи) въ аллегорическомъ смыслѣ прославляютъ знаніе, причемъ Гриллъ не хочетъ разстаться со свинымъ образомъ; Алцибіаду сильно достается и за его легкомысліе, и за честолюбіе, и за любовь къ наслажденію; Сципіонъ укоряетъ Аннибала въ чрезмѣрномъ честолюбіи; Цесарь и Александръ препираются о томъ, кто изъ нихъ менѣе заслуживалъ быть умерщвленъ своими подданными, и все въ такомъ родѣ. Діалоги расположены въ системѣ, сообразно съ историческою хронологіею; какъ образчикъ, выписываемъ встрѣчу Людовика XI и кардинала Делла Балю:

Людовикъ. Какъ ты смѣешь, злодѣй, предстать мнѣ послѣ твоихъ ко мнѣ измѣнъ?

Кардиналъ. Гдѣ-жъ мнѣ скрыться? Не довольно-ли я скрылся, будучи въ числѣ тѣней? Мы здѣсь всѣ равны.

Людовикъ. Хорошо тебѣ такъ говорить, тебѣ, который былъ сынъ вердунскаго мельника.

Кардиналъ. Людей при тебѣ бывшихъ въ томъ состояло и достоинство, чтобъ быть изъ подлаго рода и т. д.

«Время не праздно провожденное» Е. Демидовой и «Дѣтскія забавы» имѣютъ между собою то внѣшнее сходство, что обѣ книги составлены молодыми людьми въ видѣ ихъ личныхъ упражненій; и питомцы университетскаго пансіона, и дѣвица Демидова имѣютъ въ виду подѣлиться со своими сотоварищами тѣмъ матеріаломъ, который они сами переработали. Тѣмъ интереснѣе для насъ эти книжки, какъ свидѣтельствующія о крайней скудости литературы для дѣтей. Книжка Демидовой состоитъ исключительно изъ переводовъ, причемъ матеріалъ взятъ изъ разныхъ авторовъ; снабжена она очень чувствительнымъ подношеніемъ родителямъ дѣвицы, что то-же должно было дѣйствовать нравоучительно. Въ книгѣ есть рядъ мелкихъ анекдотовъ и разсказовъ на чувствительныя темы въ родѣ: примѣръ братолюбія, аллегорическая повѣсть о двухъ дѣвицахъ, которыхъ нѣжная мать посылаетъ въ страну блаженства, причемъ къ старшей присовокупились двѣ пріятельницы—спесь и тщеславіе, а къ младшей—волшебница Уранія, купившая ей зеркало правды, двѣ серьги со змѣиными головками благоразумія, а въ волоса цвѣтокъ «не забудь меня». Что изъ этого произошло—не трудно угадать. Кромѣ этихъ разсказовъ, въ книгѣ есть еще «Исторія о патріархѣ Іосифѣ», переложенная въ стихи и раздѣленная на четыре пѣсни съ разсужденіями, и драма въ одномъ дѣйствіи «Пажъ», а также довольно длинное разсужденіе съ примѣрами. «О многоразличномъ благосостоя-

нiи и удовольствiи человѣческомъ»,—тутъ есть разсужденiя въ родѣ слѣдующихъ: «Дѣвушка, желая имѣть новый чепчикъ и не могущая его достать, ежеминутно безпокоится, больше, нежели тотъ, который въ долги вошелъ для удовольствiя своихъ безчинныхъ страстей, и находится всегда въ опасности потерять свою свободу, въ наказанiе за свое распутство».

«Дѣтскiя забавы» въ двухъ частяхъ; первая—для младшаго, вторая—для старшаго; въ первой преобладаетъ дiалогъ на разныя темы; отецъ разговариваетъ съ пятилѣтнею дочерью о Богѣ; Аннушка и Васинька, сестрица съ братцемъ, на тему о человѣкѣ, причемъ братецъ выпытываетъ у сестрицы постепенно, чѣмъ она разнится отъ ея куклы; въ статьѣ «Маленькiй братецъ» у дѣвочки родится братецъ, и папаша ведетъ ее на него взглянуть, причемъ распространяется о заботливости родителей о дѣтяхъ; «Мертвецъ»—говорится о безосновательности страха и трусости; «Эмилiя»—косноязычная дѣвочка, которую стараются убѣдить говорить ясно; «Изощренiе памяти»—ребенка въ дiалогѣ заставляютъ перечислять предметы: шляпу, перчатки и т. п., причемъ онъ очень усердно ошибается. Во второй части статьи длиннѣе; между прочимъ, есть письмо учителя къ своимъ ученикамъ о томъ, что доброе сердце имѣть лучше, нежели быть ученымъ; другое письмо о насмѣшкахъ и идиллiи: Кисодомъ и Мирцана, Весна и т. п.

«Примѣры мудрости» для дѣтскаго чтенiя исчерпываютъ, повидимому, весь кодексъ добродѣтелей: тутъ есть и мудрость, и умѣренность, и бережливость, и любовь къ истинѣ, и мужество, и великодушiе, и благочестiе, и честность, и благодарность, и смиренiе, и скромность, и дружество, и много еще хорошихъ вещей. Каждой главѣ соотвѣтствуютъ повѣствованiя о знаменитыхъ или неизвѣстныхъ герояхъ, проявившихъ данную добродѣтель, а между этими главами вставлены увѣщанiя дѣтямъ, старающiяся и ихъ побудить къ подражанiю, молитвы къ Богу, разсужденiя въ родѣ «познанiе самого себя», «Размышленiе о Богѣ», совѣты, напр., каждую субботу, каждый канунъ Новаго года, или дня своего рожденiя обращать къ себѣ самому слѣдующiе стихи (?):

День прошелъ (или годъ),
Вотъ и недѣля прошла
И сiю часть жизни, какъ я препроводилъ?
Не напрасно-ли она у меня протекла?
Точно-ли я въ юности старался о добрѣ?
Не жилъ-ли я въ ссорѣ, ненависти и по своевольству? и т. д.

«Дворянское училище» Харламова, переведенное съ французскаго,

преподноситъ тоже діалоги дяди съ племянникомъ на всевозможныя темы добродѣтелей и нравственности, причемъ каждому разговору соотвѣтствуетъ нравоучительная повѣсть, по большей части, восточнаго происхожденія. Невозможно вообразить себѣ ничего скучнѣе этихъ разговоровъ и этихъ сухихъ повѣстей, переданныхъ высокопарнымъ, поучающимъ слогомъ. Вотъ, напримѣръ, какъ дядюшка представилъ племяннику добродѣтель: «Представь себѣ на высокой горѣ, облака превышающей, сосудъ ключевой горы, которой натура намъ поставила, дабы изтеченіе оной, страны той горы и долины, кои никогда дождемъ орошаемы не бываютъ, здѣлало плодоносными. Когда всѣ гвозди изъ онаго сосуда вынутся, и всѣ шлюзы отверзты будутъ, то произойдетъ отъ того разорительное наводнѣніе, или быстрота, которая все своимъ теченіемъ съ собою влечетъ и то искореняетъ, чтобы ей утверждать должно было...» Почтенный дядюшка такъ далеко заходитъ въ своемъ философствованіи, что считаетъ чрезмѣрную добродѣтель такимъ-же порокомъ, какъ и отсутствіе ея.

Кромѣ вышеуказанныхъ книгъ, упомянемъ еще вкратцѣ нѣсколько книгъ того-же характера.

«*Произведенія разума или нравственныя, замысловатыя и пріятныя сказки*». Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1793. Эта книга отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что повѣсти ея наноминаютъ рыцарскіе романы; въ повѣсти «Мерлинъ и Виѳіана» волшебникъ Мерлинъ влюбляется въ принцессу Виѳіану, но она оказывается хитрѣе его и, вывѣдавъ у него тайны его колдовства, его-же покоряетъ своей волѣ; волшебницы, заколдованные принцы и принцессы, похищенія и рыцарскіе подвиги — все это переплетается въ хитроумныя измышленія и не заключаетъ въ себѣ ничего поучительнаго.

Еще менѣе поучительнаго заключается въ «нравоучительныхъ» восточныхъ повѣстяхъ: «Бильбилистонъ», переведенныхъ тоже съ нѣмецкаго 1793 г. Тутъ уже совершенная Шехеразада, основанная, конечно, на любовной эпопеѣ съ восточнымъ оттѣнкомъ невольничества и нѣги; выраженія: «сія вѣдомость столь чувствительная для любви привела его въ лютость», «сердце Цаиры устремилось на нещастнаго Аббаса», «поелику любовь всегда дерзновеннѣе дружества», и т. п. попадаются на каждой страницѣ.

То-же можно сказать и про «Двѣнадцать истинныхъ нравоучительныхъ повѣствованій», переводъ Бѣлявскаго, 1791 г. Эти повѣсти тоже не для дѣтей, хотя и называются нравоучительными.

Досужные часы или повѣствователь разныхъ исторій, служащихъ къ пользѣ и увеселенію молодыхъ обоего пола людей. Перев.

съ французскаго. Москва, у Новикова. 1788. Повѣсти эти уже по самому заглавію ихъ легко причислить къ тѣмъ слащаво сентиментальнымъ любовнымъ эпопеямъ, которыя подъ видомъ нравоучительныхъ попадали въ руки юношества. Въ «Увѣнчанной добродѣтели», напр., Эдуардъ III англійскій питаетъ страсть къ супругѣ графа Сализбюри; графиня, образецъ супружеской вѣрности и добродѣтели, сначала и слышать не хочетъ о любви короля, но когда мужъ умираетъ, сама влюбляется въ Эдуарда, и своимъ несогласіемъ на его незаконныя притязанія принуждаетъ его на ней жениться и короновать ее. «Пагубное заблужденіе» рисуетъ дѣвицу, тайно вышедшую замужъ и убѣжавшую со своимъ мужемъ въ мужской одеждѣ; разбойники убиваютъ ея мужа, она-же взята изъ состраданія въ богатый домъ въ качествѣ учителя. Мать ученика, принимая ее за мужчину, влюбляется въ нее, и та принуждена открыть ей свой полъ; тогда между ними завязывается дружба, и мужъ, въ свою очередь, ревнуетъ жену, врывается къ нимъ и, стрѣляя въ мнимаго соблазнителя, попадаетъ въ щеку невинной женѣ; та отъ загноившейся раны умираетъ, а мужъ женится на интересной вдовѣ, которая, впрочемъ, тоже умираетъ отъ родовъ.

Кромѣ этого отдѣла нравственныхъ повѣстей, обширенъ также отдѣлъ басни и аллегоріи. Сама императрица упражнялась въ сочиненіи аллегорическихъ сказокъ. Сказка о «Царевичѣ Хлорѣ» представляетъ собою цѣлую аллегорію о добродѣтели и разумѣ, съ помощью которыхъ только и можно достигнуть счастья; сказка о «Февеѣ Красномъ Солнышкѣ» рисуетъ прелести и достоинства разумнаго физическаго и нравственнаго воспитанія.

Знакомыя уже намъ басни Езоповы перепечатывались съ прибавленными къ нимъ нравоученіями; «Новыя басни и повѣсти», 2 части, переводъ М. Базилевичевой — представляютъ сборникъ басенъ въ прозѣ съ нравоученіями, сопровождающими эти басни въ видѣ текста мелкой печати. Во второй части—нравоучительныя повѣсти въ духѣ уже разобранныхъ нами выше; французскія басни—Fables choisies 1774 г., гдѣ французскій текстъ сопровождается русскимъ переводомъ; притчи Сумарокова, сказки Аблесимова, басни Хемницера — все это хотя тоже представляло мало истинно здороваго матеріала для дѣтскаго чтенія, такъ какъ представляло сатиру на общество той эпохи, но въ сравненіи съ романами и съ нравоучительными книжками оно было, все-таки, нѣкоторою струею самобытной литературы и, въ связи съ нѣкоторыми-же, правда, слабыми попытками самостоятельнаго творчества, составляло зерно будущаго чисто русскаго

направленія. Слабыя попытки эти мы находимъ въ указанной уже нами Добрадѣ-волшебницѣ, въ сказкахъ древне-славянскаго происхожденія Чулкова и Попова, «въ Бабушкиныхъ сказкахъ» и «Совѣ, ночной птицѣ» Друковцова. Произведенія послѣдняго ничтожны по замыслу и представляютъ тотъ-же элементъ нравоученій, облеченныхъ въ очень плохо скомпанованныя исторіи, но въ нихъ дорого уже то, что содержаніе исторій свое, россійское, не чужеземное. Тутъ мы встрѣчаемся и съ молодцомъ петиметромъ, котораго пожилой его начальникъ наказываетъ въ обществѣ за дерзость тѣмъ, что объявляетъ ему свое имя; съ дѣвицею, которая въ дѣлѣ замужества во всемъ слѣдуетъ совѣтамъ своей маменьки, и потому снискиваетъ себѣ благополучіе; съ невѣстою, которая посредствомъ хитрости обходитъ волю родительскую—и снискиваетъ ихъ прощеніе; съ молодымъ человѣкомъ, который изъ трехъ невѣстъ выбираетъ ни скупую, ни тароватую; съ другимъ молодцомъ, который, пріѣхавъ изъ чужихъ странъ, хотѣлъ жениться на трехъ танцовщицахъ сразу, а когда женился на одной изъ нихъ, то и отъ нея бѣжалъ; тутъ мы видимъ и цѣлую серію женъ, которыхъ мужья учатъ и перевоспитываютъ, однимъ словомъ, русское происхожденіе исторій этихъ несомнѣнно, причемъ и самый языкъ проще и безъискуственнѣе переводнаго.

Сказки Чулкова и Попова взяты изъ народныхъ сказокъ славянъ древлянскихъ. Тутъ преобладаетъ миѳически-героическій элементъ съ примѣсью сантиментально-романтическаго. Въ нихъ ощутительно вліяніе рыцарскаго романа, но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки ближе къ тому свободному творчеству, которое съ такою силою пробилось въ послѣдующую эпоху начала нашего столѣтія.

Резюмируя все сказанное, мы невольно приходимъ къ заключенію, что, несмотря на хорошія намѣренія воспитателей, екатерининская эпоха мало утѣшительнаго внесла въ дѣтскую литературу. Заслуга этой эпохи скорѣе въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, въ стремленіи отдѣлить дѣтскую литературу отъ литературы взрослыхъ, въ желаніи внести въ дѣтское чтеніе воспитательный и образовательный элементы; что-же касается до самыхъ практическихъ примѣненій, то они, какъ мы видѣли, были далеко неудачны.

Укажемъ еще на два произведенія, которыя можно считать переходною ступенью къ послѣдующему періоду. Это—подражаніе или передѣлка Orbis pictus Коменскаго: «Зрѣлище природы и художествъ» (1784—89 г.) и журналъ для дѣтей Новикова «Дѣтское чтеніе для сердца и разума». Первое снабжено многими иллюстраціями, довольно тщательно исполненными для того времени. Содержаніе со-

отвѣтствуетъ подлиннику и касается не только всѣхъ царствъ природы, но и отвлеченностей, въ родѣ философіи, музыки и т. п., изображенныхъ аллегорически. Такое изданіе было уже значительнымъ шагомъ впередъ и повлекло за собою, какъ мы увидимъ послѣ, цѣлую серію подобныхъ-же, ознакомляющихъ съ природою, сочиненій. Конечно, тутъ міросозерцаніе еще крайне наивное, такъ какъ и наука тогда еще не отрѣшилась отъ суевѣрія, смѣшаннаго съ невѣжествомъ, но уже въ самой мысли наглядности крылся зародышъ дальнѣйшаго успѣха. «Дѣтское чтеніе», выходившее приложеніемъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», вышло въ количествѣ 20 книгъ, въ теченіе 5 лѣтъ (1785—89). Особенно интересны первыя 8 книгъ; остальныя-же, по большей части, заключаютъ переводы Карамзина въ духѣ указанныхъ уже нами повѣстей. Содержаніе журнала характеризуется словами предисловія къ родителямъ: «между нѣкоторыми неудобствами въ воспитаніи одно изъ главныхъ въ нашемъ отечествѣ есть то, что дѣтямъ читать нечего. Они должны бываютъ читать такія книги, которыя либо совсѣмъ для нихъ непонятны, либо доставляютъ имъ такія свѣдѣнія, которыя имъ имѣть еще рано: того ради намѣрены мы опредѣлить прибавленія къ «Вѣдомостямъ» для дѣтскаго чтенія и помѣщать въ нихъ историческія, до натуральной исторіи касающіяся, моральныя и разныя другія піесы, которыя писаны будучи соразмѣрнымъ дѣтскому понятію слогомъ, доставляли-бы малолѣтнимъ читателямъ полезное и купно пріятное упражненіе». Хотя въ журналѣ и много морализированія, но рядомъ съ этимъ элементомъ есть и живой, веселый, здоровый,—стихи, загадки, басни, историческіе анекдоты, даже кое-что изъ природы.

О. Рогова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Двадцатилѣтіе VIII-го, педагогическаго, класса при Омской женской гимназіи.

Въ настоящемъ 1893 году нѣсколько учительницъ перваго выпуска педагогическаго класса при Омской женской гимназіи выслуживаютъ полную пенсію за двадцатилѣтнюю службу въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Сибири и среднеазіатскихъ владѣній. Этотъ отрадный фактъ побуждаетъ меня дать хоть краткій отчетъ о двадцатилѣтней жизни и дѣятельности педагогическаго класса при означенной гимназіи. Я съ удовольствіемъ непрерывно въ теченіе всего означеннаго періода трудился, по мѣрѣ своихъ силъ, въ педагогическомъ классѣ при Омской гимназіи и вся его минувшая жизнь протекла, такъ сказать, на моихъ глазахъ. Жизнь VIII-го, педагогическаго, класса была и моею внутреннею, духовною жизнью.

По окончаніи въ 1872 году бывшихъ педагогическихъ курсовъ военнаго вѣдомства я былъ назначенъ преподавателемъ въ Сибирскую военную гимназію (нынѣ кадетскій корпусъ). Одновременно съ этимъ я получилъ предложеніе организовать и вести практическія занятія въ педагогическомъ классѣ при Омской женской гимназіи. Я составилъ планъ практическихъ занятій въ этомъ классѣ и представилъ его бывшему въ то время главному инспектору училищъ Западной Сибири И. О. Смольяну. Планъ этотъ былъ одобренъ и послужилъ основаніемъ для организаціи практическихъ занятій въ VIII-мъ, педагогическомъ, классѣ названной женской гимназіи.

Въ первые два года существованія VIII-го, педагогическаго, класса при Омской женской гимназіи, преподавались въ немъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ и словесность, педагогика съ дидактикой, математика, физіологія и гигіена. Преподаваніе каждаго изъ этихъ предметовъ поручено было особому учителю. Преподаваніе педагогики и руководство всѣми практическими занятіями ученицъ поручено было мнѣ.

Въ 1874 году вышло «Положеніе о VIII-мъ, педагогическомъ, классѣ», изданное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. «Положеніе» это, не измѣнивъ установившихся практическихъ занятій ученицъ VIII-го класса Омской женской гимназіи, значительно измѣнило составъ преподаваемыхъ предметовъ и характеръ теоретическихъ занятій ученицъ: прежде всѣ ученицы изучали всѣ предметы, преподававшіеся въ VIII-мъ классѣ; съ выходомъ же «Положенія», каждая ученица, кромѣ общихъ предметовъ, должна была избирать для спеціальнаго изученія одинъ какой-нибудь учебный предметъ.

Примѣнительно къ изданнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія «Положеніямъ» были выработаны педагогическимъ Совѣтомъ Омской женской гимназіи «Правила, опредѣляющія учебныя занятія ученицъ VIII-го, педагогическаго, класса Омской женской гимназіи». «Правила» эти были утверждены генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и до сихъ поръ въ сущности служатъ руководствомъ при организаціи занятій ученицъ VIII-го класса. Эту организацію занятій ученицъ, установившуюся съ введенія въ дѣйствіе означенныхъ «Правилъ», мы и изложимъ.

При составленіи «Правилъ», опредѣляющихъ занятія ученицъ VIII-го, педагогическаго, класса, педагогическій Совѣтъ гимназіи руководствовался, съ одной стороны, «Положеніемъ о VIII-мъ классѣ», изданнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія (1874 г.), а съ другой — задачами и цѣлями этого класса. Задачи-же этого класса состоятъ: *а*) въ расширеніи и уясненіи въ ученицахъ знаній, необходимыхъ для хорошей учительницы и воспитательницы; *б*) выработкѣ въ нихъ умѣнья и охоты вести обученіе и воспитаніе дѣтей; *в*) ознакомленіи ихъ съ педагогикой и дидактикой, какъ наукой, освѣщающей и направляющей дѣло воспитанія и обученія дѣтей; *г*) пріученіи ихъ читать и понимать педагогическія сочиненія и возбужденіи въ нихъ интереса къ педагогическимъ вопросамъ; *д*) содѣйствіи развитію ихъ душевныхъ силъ и *е*) въ указаніи имъ пути къ самоусовершенствованію посредствомъ обученія и воспитанія другихъ («обучая—учимся»). Всѣ эти задачи сводятся къ одной существенной цѣли: выработать изъ ученицъ хорошихъ школьныхъ и домашнихъ учительницъ и воспитательницъ. Къ достиженію этихъ задачъ и этой цѣли направлены всѣ занятія ученицъ VIII-го класса.

Занятія ученицъ раздѣляются на *теоретическія* и *практическія*. Къ *теоретическимъ* занятіямъ относится прохожденіе положенныхъ учебныхъ предметовъ, а къ *практическимъ* относятся тѣ занятія,

которыя имѣютъ цѣлью выработать въ ученицахъ *умѣнье* вести обученіе и воспитаніе дѣтей.

Изъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ VIII-мъ классѣ, одни обязательны для всѣхъ ученицъ этого класса, другіе-же обязательны только для ученицъ, избравшихъ себѣ тотъ или другой учебный предметъ для спеціальнаго изученія.

Къ обязательнымъ для всѣхъ ученицъ учебнымъ предметамъ относятся: Законъ Божій, педагогика съ дидактикой и методикой, русскій языкъ и ариѳметика.

Значеніе этихъ учебныхъ предметовъ для каждой учительницы и воспитательницы очевидно. Каждой учительницѣ или воспитательницѣ необходимо ясно сознавать основы христіанской религіи, чтобы благотворно вліять на воспитаніе религіозно-нравственнаго чувства дѣтей. Кромѣ того, ей необходимо знать науку о правильномъ воспитаніи и обученіи дѣтей, т.-е. педагогику, дидактику и методику, такъ какъ безъ знанія этихъ предметовъ она лишена твердой почвы въ своей учебно-воспитательной дѣятельности. Затѣмъ, ей необходимо знать отечественный языкъ, такъ какъ на этомъ языкѣ обыкновенно совершается обученіе всѣмъ учебнымъ предметамъ и къ тому-же каждой учительницѣ или воспитательницѣ приходится въ своей жизни вести начальное обученіе дѣтей отечественному языку. Наконецъ, ей необходимо твердое знаніе ариѳметики, такъ какъ обученіе счету входитъ въ составъ каждаго элементарнаго обученія.

Законъ Божій преподаетъ лѣтъ 15 законоучитель учительской семинаріи о. Р. Выходя изъ той вѣрной мысли, что въ дѣлѣ религіознаго наставленія самое важное—воздѣйствовать на сердце учащихся, онъ старается своими разсказами дѣйствовать на чувство слушательницъ. Глубокія евангельскія истины онъ передаетъ имъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ тепло, что онѣ невольно проникаются духомъ христіанскаго ученія.

«Уроки законоучителя,—пишетъ одна изъ бывшихъ восьмиклассницъ,—такъ просты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ поучительны и занимательны, что мы недовольны бывали, когда звонокъ прерывалъ ихъ». Изъ всей программы гимназическаго курса законоучитель выбираетъ для прохожденія съ ученицами только тѣ отдѣлы, которые наиболѣе важны и необходимы для будущихъ воспитательницъ. Законоучитель преподаетъ также и методику Закона Божія, причемъ самъ пользуется методиками Соколова и Ширскаго, а также инструкціей по преподаванію Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ.

Съ главнѣйшими положеніями изъ общей педагогики и дидактики

ученицы ознакамливаются еще въ седьмомъ классѣ, на урокахъ педагогики. Въ восьмомъ, педагогическомъ, классѣ значительно расширяются и уясняются свѣдѣнія ученицъ по этимъ предметамъ. Усваиваемыя ученицами педагогическія свѣдѣнія являются выводомъ изъ психологическихъ или логическихъ законовъ, съ которыми онѣ тоже ознакамливаются. Способъ ознакомленія ихъ съ тѣмъ или другимъ отдѣломъ педагогики или дидактики зависитъ отъ характера этого отдѣла. Иногда преподаватель самъ излагаетъ ученицамъ отдѣлъ, подлежащій усвоенію ими, иногда онъ ставитъ имъ вопросы, рѣшая которые, онѣ уясняютъ себѣ нужныя педагогическія положенія, иногда-же онъ предлагаетъ имъ приготовить извѣстный отдѣлъ по руководству и затѣмъ, выслушивая заданный отдѣлъ, дѣлаетъ нужныя поясненія и дополненія. При прохожденіи педагогики и дидактики особенное вниманіе обращается на тѣ отдѣлы ихъ, которые имѣютъ наиболѣе важное практическое значеніе. Такъ, напр., при прохожденіи педагогики обращается особенное вниманіе на процессъ образованія представленій и понятій и на необходимость наглядности при обученіи, на ассоціаціи представленій и на значеніе ихъ при обученіи тому или другому учебному предмету, на проявленія дѣтскаго воображенія и на игры дѣтей, на религіозное и нравственное воспитаніе дѣтей и укрѣпленіе ихъ воли. При прохожденіи дидактики особенное вниманіе обращается на общія дидактическія положенія, на формы обученія и примѣнимость ихъ, на привлеченіе вниманія учащихся къ предмету обученія, на поддержаніе порядка въ школѣ и т. п.

Значительнымъ средствомъ къ расширенію педагогическихъ знаній ученицъ служатъ *педагогическіе рефераты*. Каждая ученица выбираетъ такую или иную педагогическую статью, усваиваетъ содержаніе ея и излагаетъ его въ присутствіи преподавателя и одноклассницъ. Послѣднимъ предоставляется возможность предлагать вопросы, касающіеся не вполнѣ понятаго ими. Окончивши свое изложеніе, ученица говоритъ тезисы или общія положенія, вытекающія изъ изложеннаго ею. Остальныя ученицы записываютъ эти тезисы въ свои тетради, что̀ ведетъ къ болѣе прочному усвоенію ими мыслей, изложенныхъ реферировавшей. Рефераты происходили обыкновенно еженедѣльно, по воскресеньямъ, отъ 12-ти до 2-хъ часовъ пополудни. Если-же почему-нибудь оказывалось неудобнымъ собираться по воскресеньямъ, то они происходили въ одинъ изъ буднихъ дней, въ урочный часъ. Какъ выборъ статей, такъ и изложеніе ихъ совершаются подъ руководствомъ преподавателя. Въ теченіе года обыкновенно отъ

40 до 50 педагогическихъ статей бываютъ предметомъ реферата ученицъ. Такое число прослушанныхъ педагогическихъ статей, при другихъ занятіяхъ по педагогикѣ, не можетъ не оказывать благотворнаго вліянія на расширеніе педагогическаго образованія ученицъ.

Не менѣе важнымъ средствомъ къ расширенію педагогическаго образованія ученицъ служитъ также рѣшеніе ими педагогическихъ вопросовъ или задачъ, предлагаемыхъ преподавателемъ. Задачи эти выбираются или изъ исторіи педагогики, или изъ рефератовъ ученицъ, или изъ практическихъ занятій ихъ съ дѣтьми, или вообще изъ практики школьной жизни. Каждой ученицѣ предоставляется возможность высказывать свое сужденіе о предложенномъ вопросѣ. При этомъ требуется, чтобы каждое высказанное сужденіе было надлежащимъ образомъ обосновано.

Не маловажнымъ условіемъ, способствующимъ расширенію педагогическихъ знаній ученицъ, служитъ также живой интересъ, съ которымъ онѣ относятся къ изученію педагогики. Добровольно поступивъ, по окончаніи гимназическаго курса, въ педагогическій классъ, онѣ вполнѣ серьезно и добросовѣстно относятся къ занятіямъ въ этомъ классѣ, сознавая личную пользу отъ усвоенія возможно большаго количества педагогическихъ свѣдѣній. Нерѣдко приходится слышать отъ родителей ученицъ педагогическаго класса, что ихъ дочери, если увидятъ педагогическую книгу, неминуемо прочитаютъ ее, если не всю, то хотя болѣе важные отдѣлы ея. Особенный интересъ ученицъ къ изученію педагогики выражается, между прочимъ, и тѣмъ, что, несмотря на значительный объемъ курса и серьезность окончательныхъ испытаній, которымъ подвергаются ученицы, въ теченіе минувшихъ двадцати лѣтъ ни одна изъ нихъ не получила на экзаменѣ менѣе четырехъ балловъ, а въ послѣдній (1893) годъ всѣ ученицы, въ числѣ 34-хъ, получили полный баллъ—пять.

На общихъ урокахъ по русскому языку, преподаватель, не выходя изъ предѣловъ прогимназическаго курса, стремится къ тому, чтобы ученицы какъ можно тверже и сознательнѣе усвоили и самостоятельно проработали этотъ курсъ, такъ чтобы каждая изъ нихъ не встрѣчала затрудненій при начальномъ обученіи дѣтей отечественному языку. При прохожденіи курса преподаватель придерживается обыкновенно тѣхъ-же пособій, какія употребляются въ младшихъ классахъ женскихъ гимназій или прогимназій. Такъ, напр., по грамматикѣ преподаватель послѣдовательно придерживался учебниковъ Кирпичникова, Говорова, Поливанова и Преображенскаго.

При повтореніи грамматическаго курса обращается вниманіе и на

методическую проработку его, такъ что ученица, отвѣчая урокъ по грамматикѣ, должна показать не только твердое знаніе того или другого грамматическаго отдѣла, но также и методическую проработку этого отдѣла, т.-е. должна показать, какъ она вела-бы проработку этого отдѣла съ учениками начальной школы или съ ученицами прогимназіи или младшихъ классовъ гимназіи.

Повтореніе грамматики сопровождается практическими упражненіями, направленными къ выработкѣ въ ученицахъ умѣнья не только самой пользоваться грамматическими правилами, но также и вести нужныя упражненія при обученіи дѣтей отечественному языку.

При прохожденіи съ ученицами общаго курса ариѳметики преподаватель стремится, чтобы каждое ариѳметическое правило было настолько отчетливо, сознательно усвоено ими, чтобы онѣ въ состояніи были безъ затрудненія вести обученіе дѣтей ариѳметикѣ. Кромѣ обстоятельнаго повторенія курса ариѳметики, преподаватель привлекаетъ ученицъ къ рѣшенію значительной части ариѳметическихъ задачъ, помѣщенныхъ въ лучшихъ нашихъ задачникахъ. Подобно преподавателю русскаго языка, онъ требуетъ не только прочнаго усвоенія ученицами учебнаго матеріала, но также и методической проработки этого матеріала. Ученица, излагая на урокѣ тотъ или другой отдѣлъ изъ ариѳметики, показываетъ, какъ она проработывала-бы этотъ отдѣлъ при обученіи дѣтей.

Для спеціальнаго изученія каждая ученица избираетъ или русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью, или математику, или исторію и географію, или-же новые языки. Случается, что ученица беретъ для спеціальнаго изученія два изъ названныхъ предмета; напр., русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и исторію съ географіей, или математику и новые языки. Но такое совмѣщеніе двухъ предметовъ для спеціальнаго изученія педагогическій Совѣтъ вообще не одобряетъ и допускаетъ лишь для болѣе даровитыхъ ученицъ: для основательнаго изученія одного учебнаго предмета требуется отъ ученицы много труда, такъ что избраніе ею для изученія двухъ предметовъ вредно вліяло-бы какъ на здоровье ея, такъ и на усвоеніе ею избранныхъ предметовъ.

Выборъ предметовъ для спеціальнаго изученія представляетъ для нѣкоторыхъ ученицъ затрудненіе. Хочется, напр., взять для изученія исторію съ географіей, но интересно также заняться изученіемъ отечественнаго языка съ словесностью. Выборъ предмета для спеціальнаго изученія затрудняется еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, педагогическій Совѣтъ постановилъ не до-

пускать учениц къ специальному изученію тѣхъ предметовъ, изъ которыхъ онѣ получили при окончаніи седьмого класса гимназіи менѣе четырехъ балловъ. Постановленіе это вошло въ силу и въ настоящее время ученица лишена возможности взять для специальнаго изученія предметъ, по которому въ ея аттестатѣ значится: «удовлетворительные» (успѣхи), а не «хорошіе» или «отличные», хотя-бы ея знанія по этому предмету были не ниже знаній по тѣмъ предметамъ, по которымъ она получила баллъ четыре или даже пять.

Немаловажное значеніе при выборѣ предмета для спеціальнаго изученія имѣетъ также личность преподавателя. Ученицы охотнѣе избираютъ для спеціальнаго изученія предметъ, преподаваемый дѣльнымъ, интересующимся учебнымъ предметомъ преподавателемъ, нежели предметъ, преподаваемый лицомъ, отбывающимъ свои уроки лишь изъ-за жалованья. Замѣчено, что съ перемѣной преподавателя по какому-нибудь предмету значительно измѣняется и число учениць, избирающихъ этотъ предметъ для спеціальнаго изученія. Вообще-же говоря, сравнительно бóльшее число учениць избираютъ для спеціальнаго изученія русскій языкъ съ словесностью, затѣмъ слѣдуетъ число учениць, избирающихъ для спеціальнаго изученія математику и сравнительно меньшее число учениць избираютъ остальные предметы.

Предметъ, избранный для спеціальнаго изученія, ученицы изучаютъ съ такою основательностью, чтобы быть въ состояніи успѣшно преподавать его въ женскихъ прогимназіи или четырехъ младшихъ классахъ гимназіи. Преподаватели, согласуясь съ «Положеніемъ о VIII-мъ классѣ», изданнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и выходя изъ той мысли, что для будущихъ учительницъ женскихъ прогимназій и младшихъ классовъ гимназій полезнѣе изучить учебный предметъ въ объемѣ, немного превышающемъ курсъ гимназіи, но изучить твердо, основательно, нежели изучить его въ обширномъ объемѣ, но, по ограниченности времени, безъ должной основательности,—обращаютъ вниманіе, чтобы каждое научное положеніе изучаемаго предмета было ученицами самостоятельно проработано и вполнѣ сознательно усвоено.

Ученицы избравшія для спеціальнаго изученія русскій языкъ и словесность, основательно проходятъ русскую грамматику (этимологію и синтаксисъ) въ связи съ церковно-славянской, теорію словесности и исторію литературы, останавливаясь болѣе подробно на новомъ періодѣ ея. Прохожденіе теоріи словесности и исторіи литературы сопровождается разборомъ и изученіемъ словесныхъ образцовъ, причемъ преподаватель останавливается преимущественно на тѣхъ об-

разцахъ, которые могутъ быть предметомъ объяснительнаго чтенія будущихъ учительницъ.

Спеціалистки по математикѣ повторяютъ, съ нѣкоторыми добавленіями, всѣ отдѣлы ея, проходимые въ женской гимназіи, причемъ обращается особенное вниманіе на обстоятельное усвоеніе ими ариѳметики и геометріи, какъ болѣе необходимыхъ для будущихъ учительницъ прогимназій и младшихъ классовъ гимназій.

По географіи и исторіи ученицы повторяютъ гимназическій курсъ, тоже съ нѣкоторыми добавленіями.

По новымъ языкамъ ученицы повторяютъ грамматику этихъ языковъ и практически упражняются въ болѣе полномъ усвоеніи ихъ.

При прохожденіи того или другого отдѣла учебнаго предмета ученицы исполняютъ письменныя работы, связанныя съ этимъ отдѣломъ. Такъ, напр., изучая по грамматикѣ о спряженіи русскихъ и славянскихъ глаголовъ, ученицы исполняютъ письменную работу на тему: «Образованіе флексій глаголовъ и отличіе древне-славянскихъ глагольныхъ формъ отъ русскихъ»; изучая по словесности о Карамзинѣ, ученицы пишутъ сочиненіе на тему: «Сентиментальное направленіе въ литературѣ и Карамзинъ, какъ представитель этого направленія»: проходя по ариѳметикѣ о десятичныхъ дробяхъ, ученицы исполняютъ письменную работу на тему: «Свойства десятичныхъ дробей»; повторяя на урокахъ географіи о поверхности и орошеніи Европейской Россіи, составляютъ сочиненіе на тему: «Вліяніе орографіи Европейской Россіи на орошеніе ея».

Составленіе сочиненій, связанныхъ съ проходимыми отдѣлами учебныхъ предметовъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ усвоенію этихъ отдѣловъ. Трудясь надъ сочиненіемъ, ученица умственно перерабатываетъ подходящее содержаніе изъ учебнаго предмета, приводитъ это содержаніе въ извѣстную систему, что и ведетъ къ болѣе прочному, обстоятельному усвоенію учебнаго предмета.

Однимъ изъ существенныхъ занятій ученицъ по предмету, избранному для спеціальнаго изученія, служитъ ознакомленіе съ лучшими элементарными руководствами и учебными пособіями по этому предмету. По указанію преподавателя, каждая ученица беретъ для разсмотрѣнія одинъ или два учебника и въ назначенный срокъ даетъ отчетъ въ ознакомленіи съ ними. Въ своемъ отчетѣ она излагаетъ планъ и объемъ учебника, пригодность его для такого или иного возраста учащихся или для такихъ или иныхъ учебныхъ заведеній, отличительныя особенности его въ сравненіи съ другими однородными учебниками, методическую проработку въ немъ учебнаго мате-

ріала, степень доступности ученикамъ изложенія, практическія упражненія, рекомендуемыя авторомъ, и указанія его, какъ пользоваться учебникомъ.

Разсмотрѣніе учебника съ означенныхъ точекъ зрѣнія оказываетъ несомнѣнную пользу для педагогическаго образованія ученицъ. Работая надъ разборомъ учебника, ученица пріобрѣтаетъ основаніе для сужденія объ элементарныхъ учебникахъ вообще. Если ей придется выбирать для начальнаго обученія учебникъ, то она въ нѣкоторой степени будетъ умѣлой въ этомъ дѣлѣ, будетъ знать, чего требовать отъ элементарнаго учебника.

Отчетъ по разсмотрѣнію учебника дается ученицей въ присутствіи одноклассницъ, такъ что послѣднія тоже ознакамливаются съ разсмотрѣннымъ учебникомъ. Если въ теченіе года данъ отчетъ по разсмотрѣнію, напр., десяти учебниковъ, то всѣ ученицы класса ознакамливаются съ этими десятью учебниками. Въ первые годы существованія педагогическаго класса отчетъ по разсмотрѣнію учебника давался устно, причемъ ученица могла имѣть передъ собой составленный ею конспектъ. Составленіе конспекта обратилось мало-по-малу въ писаніе сочиненія о разсматриваемомъ учебникѣ. Преподаватели не препятствовали такому перерожденію конспекта въ сочиненіе.

Попутно съ изученіемъ учебныхъ предметовъ ученицы изучаютъ методику обученія этимъ предметамъ. Методику обученія Закону Божію, грамотѣ, скорописанію, отечественному языку и ариѳметикѣ изучаютъ всѣ ученицы класса, ибо всѣ онѣ готовятся быть начальными учительницами означенныхъ предметовъ; методику-же географіи, исторіи и новыхъ языковъ изучаютъ только ученицы, избравшія эти предметы для спеціальнаго изученія. Ознакомленіе учениц съ методикой обученія грамотѣ, скорописанію и отечественному языку возложено на преподавателя педагогики; ознакомленіе-же ихъ съ методикой обученія остальнымъ предметамъ возложено на преподавателей соотвѣтственныхъ предметовъ.

При изученіи методики того или иного учебнаго предмета ученицы пользуются соотвѣтственнымъ учебникомъ. Такъ, напримѣръ, при изученіи методики ариѳметики ученицы пользовались сначала «Методикой» Евтушевскаго, которая была замѣнена методикой Шохоръ-Троцкаго, а эта послѣдняя, въ концѣ минувшаго десятилѣтія, замѣнена методикой Гольденберга. Кромѣ усвоенія учебника по методикѣ, ученицы, по предложенію преподавателя, ознакамливаются съ подходящими методическими статьями и даютъ отчетъ въ ознакомленіи съ ними.

Попутно съ прохожденіемъ методики, ученицы пишутъ урочныя сочиненія, связанныя съ проходимыми отдѣлами ея. Такъ, напр., при прохожденіи методики обученія грамотѣ онѣ пишутъ сочиненіе на тему: «Сущность звукового способа обученія грамотѣ»; при изученіи методики грамматики онѣ излагаютъ дидактическіе пріемы при обученіи грамматикѣ; при ознакомленіи съ наглядными пособіями, употребляемыми при обученіи ариѳметикѣ, онѣ пишутъ сочиненіе на тему: «Значеніе наглядности при обученіи ариѳметикѣ и наглядныя пособія, употребляемыя при обученіи ей», и т. п. Иногда письменная работа ученицъ состоитъ въ изложеніи проработки урока, согласно съ сообщенными имъ методическими положеніями.

Лучшимъ средствомъ къ усвоенію ученицами методики обученія тому или другому учебному предмету служатъ пробные уроки и разборъ ихъ на конференціяхъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Къ *практическимъ* занятіямъ ученицъ VIII-го класса относятся: а) писаніе періодическихъ сочиненій, б) исполненіе обязанности помощницы классной надзирательницы и, въ связи съ этимъ, наблюденіе за порученными имъ дѣтьми и составленіе отчета по наблюденію за ними, в) руководство играми дѣтей и составленіе отчета объ этомъ, г) присутствованіе на урокахъ въ начальной школѣ и младшихъ классахъ гимназіи и составленіе конспектовъ двухъ уроковъ, д) даваніе пробныхъ уроковъ и е) занятія на конференціяхъ.

а) Сочиненія ученицъ раздѣляются на *періодическія*, представляемыя ими въ установленные педагогическимъ Совѣтомъ сроки, и *урочныя*, связанныя съ обыкновенными урочными занятіями ихъ. О послѣднихъ сказано выше, а потому здѣсь изложимъ только о первыхъ.

Періодическія сочиненія составляются ученицами по педагогикѣ и методикѣ. Цѣль такихъ сочиненій—расширеніе и уясненіе знаній ученицъ по этимъ предметамъ. Для составленія требуемаго сочиненія ученица должна внимательно ознакомиться съ указанными ей педагогическими статьями, усвоить подходящій для сочиненія матеріалъ, расположить его въ надлежащемъ порядкѣ и затѣмъ изложить въ своемъ сочиненіи. Все это не можетъ не оказывать вліянія на расширеніе педагогическихъ знаній ея. Кромѣ того, составляя сочиненіе на педагогическую тему, она пріучается мыслить о педагогическихъ вопросахъ, что очень важно для дѣятельности учительницы и воспитательницы. Наконецъ, самое писаніе сочиненія не можетъ не оказать вліянія на выработку языка и слога пишущей, что тоже имѣетъ большое значеніе для будущей учительницы и воспитательницы. Каждая ученица обязана представить одно сочиненіе по педагогикѣ и одно

по методикѣ предмета, избраннаго ею для спеціальнаго изученія. До 1887 года ученицы представляли, кромѣ сочиненія по методикѣ, два сочиненія по педагогикѣ: одно въ первое полугодіе, а другое— во второе полугодіе учебнаго года. Но опытъ показалъ, что составленіе трехъ періодическихъ сочиненій, при многочисленности другихъ занятій, затруднительно для ученицъ, вслѣдствіе чего въ означенномъ году положено требовать отъ каждой ученицы только одно сочиненіе по педагогикѣ и одно по методикѣ. Сроки для подачи періодическихъ сочиненій точно опредѣлены педагогическимъ Совѣтомъ, причемъ онъ руководствовался, съ одной стороны, желаніемъ избѣгнуть скопленія письменныхъ работъ ученицъ, а съ другой—тѣмъ соображеніемъ, чтобы ученицамъ приходилось исполнять письменную работу лишь послѣ ознакомленія съ предметомъ, къ которому она относится. Такъ какъ ученицы выносятъ изъ VII-го класса извѣстный запасъ знаній по педагогикѣ, то поэтому сочиненіе по педагогикѣ исполняется ими въ первое полугодіе; сочиненіе-же по методикѣ—во второе полугодіе, послѣ ознакомленія съ методикой обученія учебному предмету. Сочиненіе по педагогикѣ представляется ученицами обыкновенно въ декабрѣ, а по методикѣ—въ мартѣ. Что касается дней подачи сочиненій, то они нѣсколько разъ измѣнялись педагогическимъ Совѣтомъ, по требованію обстоятельствъ. Такъ, напр., въ 1892 году былъ отсроченъ день подачи сочиненія по педагогикѣ къ концу декабря, вслѣдствіе поздняго начала учебнаго курса.

Прежде чѣмъ предложить ученицамъ темы для письменныхъ работъ, преподаватели представляютъ ихъ въ педагогическій Совѣтъ. По утвержденіи ихъ педагогическимъ Совѣтомъ, онѣ выдаются ученицамъ. Каждая ученица выбираетъ себѣ любую тему. Замѣна выбранной темы другою вообще не допускается, дабы устранить возникновеніе въ ученицахъ желанія замѣнить тему, лишь только представляется нѣкоторое затрудненіе при составленіи сочиненія на взятую уже тему.

Предлагая ученицамъ темы для сочиненія, преподаватель разъясняетъ имъ, что требуется отъ сочиненія на ту или другую тему, какъ слѣдуетъ приступить къ исполненію письменной работы, какія необходимо прочитать статьи или руководства для составленія сочиненія и т. п. Онъ иногда указываетъ планъ, по которому можетъ быть расположено содержаніе сочиненія. Послѣ такихъ разъясненій ученицы сознаютъ, что онѣ въ состояніи исполнить письменную работу и получаютъ охоту къ исполненію ея. Во время писанія сочиненія онѣ нерѣдко обращаются къ преподавателю за помощью или

разъясненіемъ, и онъ оказываетъ имъ нужную помощь или даетъ нужныя разъясненія.

Въ день, назначенный для подачи сочиненій, ученицы представляютъ ихъ начальницѣ, которая, собравъ всѣ сочиненія, передаетъ ихъ преподавателю. Такой порядокъ сдачи сочиненій установился издавна и въ значительной мѣрѣ гарантируетъ своевременное представленіе ученицами письменныхъ работъ. Только въ послѣдніе годы стало замѣчаться уклоненіе отъ этого порядка. Отсрочка подачи сочиненій вообще не допускается. Она можетъ быть разрѣшена ученицѣ по уважительной причинѣ, извѣстной начальницѣ гимназіи, которая, по своему положенію, конечно, можетъ оцѣнить уважительность причины, помѣшавшей ученицѣ своевременно исполнить и представить письменную работу.

Періодическія сочиненія ученицъ обыкновенно разбираются въ педагогическихъ конференціяхъ, причемъ въ разборѣ ихъ принимаютъ участіе, кромѣ ученицъ VIII-го класса и преподавателя педагогики, также иногда и преподаватели другихъ учебныхъ предметовъ. Передъ разборомъ каждаго сочиненія, его прочитываютъ преподаватель и нѣсколько ученицъ, по назначенію преподавателя. Въ часъ, назначенный для разбора сочиненія, ученица, написавшая его, передаетъ устно содержаніе его и называетъ источники, которыми она пользовалась. Кромѣ того, она прочитываетъ, по указанію преподавателя, отрывки изъ своего сочиненія; если-же сочиненіе небольшое, то прочитываетъ его вполнѣ. Такимъ образомъ всѣ ученицы знакомливаются съ содержаніемъ сочиненія, послѣ чего оно подвергается разбору. Сначала высказываютъ свои замѣчанія ученицы, читавшія сочиненіе, затѣмъ, по предложенію преподавателя, высказываютъ свои замѣчанія ученицы, прослушавшія его, и въ заключеніе излагаетъ свои замѣчанія преподаватель, который выражаетъ окончательную оцѣнку сочиненія; она записывается въ особо заведенную для того книгу. При разборѣ сочиненія обращается вниманіе на содержаніе его, на умѣнье писавшей воспользоваться матеріаломъ, почерпнутымъ изъ прочитанныхъ ею источниковъ, на слогъ и языкъ сочиненія и т. п.

б) Для исполненія обязанности помощницы классной надзирательницы, восьмиклассницы назначаются въ приготовительный и три младшіе класса гимназіи. Распредѣленіе ихъ по классамъ производится въ началѣ учебнаго года начальницей гимназіи, по соглашенію съ классными надзирательницами и преподавателемъ педагогики. При этомъ, по возможности, принимается во вниманіе и желаніе самихъ восьми-

классницъ быть помощницей классной надзирательницы въ томъ или другомъ классѣ. Удачное распредѣленіе помощницъ классныхъ надзирательницъ по классамъ гимназіи имѣетъ большое значеніе. Для такого распредѣленія приходится принимать во вниманіе какъ индивидуальныя особенности помощницъ классныхъ надзирательницъ, такъ и составъ тѣхъ классовъ, въ которые послѣднія назначаются для занятій. Кромѣ надзора за всѣмъ классомъ, каждой восьмиклассницѣ поручаются, для ближайшаго наблюденія и руководства, три или четыре ученицы, преимущественно изъ такихъ, которыя представляютъ затрудненіе въ учебномъ или воспитательномъ отношеніи. Слѣдя за поведеніемъ всѣхъ ученицъ класса, помощница классной надзирательницы обращаетъ особенное вниманіе на порученныхъ ея ближайшему наблюденію ученицъ. Она старается ближе узнать ихъ, понять причины ихъ нравственныхъ недостатковъ и содѣйствовать исправленію ихъ. Кромѣ того, она старается поднять успѣшность учебныхъ занятій своихъ ученицъ, разъясняя имъ непонятые ими уроки и указывая, какъ слѣдуетъ готовить тотъ или другой урокъ. Занятія помощницъ классныхъ надзирательницъ съ порученными ихъ заботливости ученицами оказывали послѣднимъ огромную пользу: тѣ дѣвочки, которыя подавали мало надежды къ успѣшному прохожденію курса, или которыя представляли значительныя затрудненія въ воспитательномъ отношеніи, благодаря заботливому участію помощницъ классныхъ надзирательницъ, поднимались въ своихъ учебныхъ занятіяхъ или исправлялись въ своемъ поведеніи. Начальство гимназіи и классныя надзирательницы почти ежегодно заявляли о благотворномъ вліяніи, оказываемомъ восьмиклассницами на порученныхъ ихъ наблюденію дѣвочекъ. Нерѣдко приходилось слышать отъ самихъ родителей выраженіе сердечной признательности за благотворное вліяніе, оказанное на ихъ дѣтей помощницами классныхъ надзирательницъ.

Ведя учебно-воспитательныя занятія съ порученными ихъ попеченію ученицами, восьмиклассницы вносятъ въ свою записную тетрадь замѣченныя ими индивидуальныя особенности ученицъ, болѣе важные случаи на урокахъ и во время перемѣнъ, педагогическіе пріемы, къ которымъ приходилось прибѣгать, и соображенія, которыми приходилось руководствоваться при такихъ или иныхъ случаяхъ. Въ опредѣленный срокъ онѣ представляютъ письменный отчетъ о своихъ занятіахъ съ порученными имъ дѣтьми. Отчетъ этотъ въ различное время имѣлъ, по требованію педагогическаго Совѣта, различную форму: то форму дневника, въ которомъ излагались болѣе замѣчательныя въ педагогическомъ отношеніи явленія въ школьной

жизни, то форму характеристики всего класса и нѣсколькихъ отдѣльныхъ ученицъ, то форму наблюденій надъ явленіями школьной жизни. Отчетъ каждой восьмиклассницы разбирается въ педагогической конференціи, при чемъ обращается вниманіе, насколько въ немъ выразились наблюдательность ученицы, пониманіе ею психическихъ проявленій дѣтей и умѣнье ея съ педагогическимъ тактомъ руководить дѣтьми. Въ разборѣ отчета принимаютъ участіе: преподаватель педагогики, начальница гимназіи и классная надзирательница, подъ руководствомъ которой восьмиклассница вела свои занятія съ порученными ей ученицами.

в) Съ перваго-же года существованія VIII-го, педагогическаго, класса ученицамъ его рекомендовалось организовать подвижныя игры дѣтей; но организація ихъ не входила въ число обязательныхъ занятій восьмиклассницъ. Только въ послѣдніе годы организація игръ ученицъ приготовительнаго и трехъ младшихъ классовъ гимназіи вошла въ число обязательныхъ занятій восьмиклассницъ. Игры устраиваются во время большой перемѣны и въ часы, не занятые уроками, въ зимніе дни—въ обширномъ залѣ, содержимомъ въ безукоризненной чистотѣ, такъ что пыли не бываетъ, весною-же и осенью, въ теплые дни—на гимназическомъ дворѣ.

Хотя всѣ восьмиклассницы должны принимать участіе въ играхъ дѣтей, но не всѣ онѣ могутъ одновременно распоряжаться играми. Явилась, такимъ образомъ, необходимость ежегодно выбирать одну изъ восьмиклассницъ, которая руководила-бы играми дѣтей, а остальныя помогали-бы ей въ дѣлѣ устройства игръ. Въ руководительницы выбирается такая ученица, которая по складу своего характера наилучшимъ образомъ можетъ руководить играми. Одновременно съ выборомъ распорядительницы выбираются двѣ кандидатки, которыя замѣняютъ ее, если она, по болѣзни или другой причинѣ, не въ состояніи быть въ гимназіи и руководить играми. Такъ какъ сами ученицы лучше знаютъ индивидуальныя особенности своихъ одноклассницъ, то къ выбору распорядительницы играми и кандидатокъ привлекаются сами восьмиклассницы. Распорядительница назначаетъ игру, распредѣляетъ въ ней роли, и всѣ подруги ея сознательно подчиняются ея распоряженіямъ. Игры выбираются преимущественно такія, въ которыхъ могутъ участвовать всѣ дѣти. Игры съ пѣніемъ и словами предпочитаются играмъ, въ которыхъ не приходится дѣтямъ ни пѣть, ни говорить. Каждая восьмиклассница обязана познакомиться съ имѣющимися въ гимназіи сборниками подвижныхъ игръ съ пѣніемъ. Ученицы младшихъ классовъ очень охотно принимаютъ

участіе въ общихъ играхъ. Вновь поступившія дѣвочки на первыхъ порахъ нѣсколько стѣсняются, но затѣмъ скоро примыкаютъ къ веселой и счастливой гимназической семьѣ—и стѣсненія какъ не бывало. Подвижныя игры служатъ для восьмиклассницъ также средствомъ къ изученію дѣтей и къ выработкѣ умѣнья обращаться съ ними, а для дѣтей онѣ являются однимъ изъ существенныхъ условій физическаго и душевнаго развитія. Дѣти очень дорожатъ устраиваемыми для нихъ играми. Лишеніе права участвовать въ общей игрѣ служитъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ наказаній, налагаемыхъ иногда начальствомъ заведенія на провинившуюся дѣвочку.

Нѣсколько разъ въ теченіе года восьмиклассницы даютъ отчетъ по руководству играми дѣтей. Въ немъ онѣ излагаютъ, какія игры устраивались въ отчетный періодъ, какія изъ нихъ особенно нравились дѣтямъ и какія представляли для нихъ менѣе интереса. Кромѣ того, онѣ излагаютъ, какъ отражались въ играхъ индивидуальныя особенности той или другой ученицы, какое вліяніе игры имѣли на взаимныя отношенія дѣтей и на отношенія ихъ къ восьмиклассницамъ, устраивавшимъ игры ихъ, и т. п. Каждая восьмиклассница должна быть готова въ опредѣленный срокъ дать отчетъ по руководству играми дѣтей. Но такъ какъ преподаватель педагогики не имѣетъ времени для выслушиванія отчета всѣхъ ученицъ, а потому онъ предлагаетъ лишь нѣсколькимъ ученицамъ дать отчетъ по руководству играми дѣтей. Отчетъ дается устно, но ученицѣ предоставляется право имѣть передъ собою заранѣе составленный конспектъ, по которому она и излагаетъ свой отчетъ. Остальныя ученицы, прослушавъ отчетъ подруги, дополняютъ его своими наблюденіями и выводами.

Въ теченіе года преподаватель педагогики и начальница гимназіи нерѣдко присутствуютъ при играхъ дѣтей, устраиваемыхъ восьмиклассницами, и такимъ образомъ видятъ на дѣлѣ, насколько та или другая восьмиклассница принимаетъ участіе въ устройствѣ игръ дѣтей.

Руководя играми въ стѣнахъ гимназіи или на гимназическомъ дворѣ, восьмиклассницы, живущія въ Александровскомъ пансіонѣ при гимназіи, устраиваютъ игры ученицъ-пансіонерокъ. Руководство этими играми тоже подлежитъ отчету.

г) Для ознакомленія съ ходомъ и пріемами обученія въ начальной школѣ и младшихъ классахъ гимназіи, восьмиклассницы присутствуютъ на урокахъ учителя начальной школы и учительницъ младшихъ классовъ гимназіи. Въ начальную школу онѣ ходятъ въ опредѣленные дни и часы, такъ что учитель школы знаетъ, къ какому

уроку прибудутъ восьмиклассницы, и къ этому уроку подбираетъ такой учебный матеріалъ, проработка котораго принесла-бы значительную пользу слушательницамъ. Въ первые годы существованія VIII-го класса, когда ученицъ въ немъ было не болѣе пятнадцати, всѣ онѣ одновременно посѣщали уроки въ начальной школѣ, но затѣмъ, съ значительнымъ увеличеніемъ числа ученицъ, для всѣхъ ихъ въ школѣ не было мѣста и ихъ стали водить въ школу группами. Уроки въ младшихъ классахъ гимназіи восьмиклассницы посѣщаютъ въ часы, свободные отъ занятій въ своемъ классѣ. Для показанія, насколько ученицы сознательно относятся къ посѣщаемымъ ими урокамъ, служатъ составляемые ими конспекты уроковъ. Каждая ученица обязана составить два конспекта уроковъ: одинъ по обученію грамотѣ или счету въ начальной школѣ, а другой—по предмету, избранному для спеціальнаго изученія—въ младшемъ классѣ гимназіи. Въ своемъ конспектѣ она, не вдаваясь въ критическую оцѣнку урока, должна изложить самый ходъ урока, съ объясненіемъ значенія всѣхъ пріемовъ, примѣненныхъ на урокѣ для сообщенія учащимся новаго свѣдѣнія или закрѣпленія въ сознаніи ихъ раньше сообщенныхъ имъ свѣдѣній. Кромѣ того, она должна указать, къ какимъ средствамъ прибѣгала учительница для поддержанія порядка въ классѣ и возбужденія вниманія учащихся, а равно и тѣ проявленія индивидуальныхъ особенностей дѣтей, которыя подмѣчены ею въ теченіе урока. Однимъ словомъ, она должна показать въ своемъ конспектѣ, что не только внимательно слѣдила за ходомъ урока, но и вникала въ значеніе каждаго дѣйствія на урокѣ и понимаетъ существенныя условія правильнаго веденія уроковъ по элементарному обученію.

Въ первыя двѣнадцать лѣтъ конспекты уроковъ прочитывались и оцѣнивались въ педагогическихъ конференціяхъ; но съ увеличеніемъ количества работъ на конференціяхъ, постановлено было прочитывать и оцѣнивать ихъ въ урочное время, именно: конспекты по начальному обученію—на урокахъ по педагогикѣ, а конспекты по спеціальнымъ предметамъ—на урокахъ по этимъ предметамъ. Къ оцѣнкѣ конспектовъ нерѣдко приглашаются учительницы, уроки которыхъ изложены въ конспектахъ.

д) Пробные уроки служатъ наиболѣе важнымъ средствомъ для подготовленія восьмиклассницъ къ дѣятельности школьной учительницы. Давая урокъ, восьмиклассница примѣняетъ на практикѣ дидактическія и методическія требованія, усвоенныя на урокахъ педагогики. Такъ какъ ученицы VIII-го класса приготовляются къ дѣятельности, съ одной стороны, начальной учительницы, а съ другой—учи-

тельницы гимназіи или прогимназіи, то и пробные уроки онѣ дають въ начальной школѣ и въ младшихъ классахъ гимназіи: въ начальной школѣ—въ первое полугодіе, въ гимназіи—во второе полугодіе учебнаго года. Въ первые три года существованія педагогическаго класса (до 1875 г.), состоялъ при женской гимназіи приготовительный классъ, въ который поступали дѣти, не начавшія еще обучаться грамотѣ. Въ этомъ классѣ восьмиклассницы давали, подъ руководствомъ преподавателя педагогики, пробные уроки по предметному обученію, по обученію грамотѣ и счету. Но затѣмъ, когда въ приготовительный классъ стали принимать дѣвочекъ, умѣющихъ уже читать, для пробныхъ уроковъ по обученію грамотѣ и счету восьмиклассницы стали ходить въ Ильинское начальное училище. Съ переходомъ гимназіи въ новое помѣщеніе пробные уроки были перенесены въ Воскресенское начальное училище, какъ болѣе близкое къ гимназіи.

Въ первое пятилѣтіе существованія педагогическаго класса каждая восьмиклассница давала въ теченіе года отъ 10 до 15 пробныхъ уроковъ. Но затѣмъ, съ постепеннымъ увеличеніемъ числа ученицъ VIII-го класса, число пробныхъ уроковъ ихъ стало постепенно уменьшаться, и въ настоящее время каждой ученицѣ приходится дать только 5 или 6 уроковъ. Педагогическій Совѣтъ сознаетъ этотъ недостатокъ, но, къ сожалѣнію, не находитъ средствъ устранить его.

Пока начальная школа не имѣла учителя, получившаго педагогическое образованіе, а гимназія—учительницъ, окончившихъ курсъ педагогическаго класса, пробнымъ урокамъ ученицъ предшествовали образцовые уроки преподавателя; но съ тѣхъ поръ, какъ начальная школа и гимназія обзавелись учителемъ и учительницами, получившими педагогическое образованіе, не представляется надобности въ образцовыхъ урокахъ преподавателя, такъ какъ ученицы посѣщаютъ образцовые уроки учителя или учительницы. Впрочемъ, передъ нѣкоторыми изъ такихъ уроковъ преподаватель педагогики все-таки бесѣдуетъ съ учителемъ, съ цѣлью облегчить послѣднему подготовку къ образцовому уроку.

Къ своему пробному уроку восьмиклассница должна внимательно подготовиться. Она спрашиваетъ у учителя или учительницы о матеріалѣ для предстоящаго урока и затѣмъ составляетъ подробную программу его. Въ этой программѣ она излагаетъ не только содержаніе урока, но и проработку его, т.-е. тѣ вопросы, которые она намѣрена предложить ученицамъ, и отвѣты, которые могутъ быть даны послѣдними. Кромѣ того, если она намѣрена разсказывать на урокѣ, то

помѣщаетъ въ программу свой разсказъ. Такимъ образомъ, практикантке представляется полная возможность проявлять, при составленіи программы, самодѣятельность и даже своего рода творчество. Преподаватели въ этомъ отношеніи не стѣсняютъ ученицъ и не требуютъ, чтобы программа каждаго урока была составлена по разъ данному шаблону. Составленную программу практикантка представляетъ преподавателю, который прочитываетъ ее и, нашедши удовлетворительной, разрѣшаетъ дать пробный урокъ. Нерѣдко составленная программа прочитывается ученицей на урокѣ въ VIII-мъ классѣ, причемъ остальныя ученицы этого класса принимаютъ участіе въ исправленіи программы. Случается также, что преподаватель предлагаетъ практиканткѣ изустно изложить весь ходъ предстоящаго урока. При этомъ подруги ея и самъ преподаватель дѣлаютъ указанія на тѣ мѣста намѣченнаго урока, которыя должны быть измѣнены. Такимъ образомъ, къ дѣлу исправленія составленной программы привлекаются всѣ ученицы VIII-го класса; подготовка къ уроку одной ученицы приноситъ существенную пользу и остальнымъ ученицамъ.

Основательно подготовляясь къ пробнымъ урокамъ, будущая учительница пріобрѣтаетъ навыкъ и умѣнье готовиться къ урокамъ, что очень важно для ея самоусовершенствованія.

На пробныхъ урокахъ присутствуютъ: преподаватель педагогики или того предмета, по которому дается урокъ, классная учительница и ученицы VIII-го класса, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отвлечены другимъ обязательнымъ для нихъ занятіемъ. Нерѣдко присутствуетъ на пробныхъ урокахъ также начальство гимназіи.

Во время своего пробнаго урока практикантка входитъ во всѣ права учительницы, и всѣ присутствующіе, равно какъ и дѣти, относятся къ ней, какъ къ настоящей учительницѣ. Никто не позволяетъ себѣ прервать ходъ пробнаго урока какимъ-нибудь замѣчаніемъ, хотя-бы дающая урокъ своимъ неудачнымъ пріемомъ вызывала таковое.

Данный пробный урокъ разбирается въ педагогической конференціи. При разборѣ сначала сама дававшая урокъ излагаетъ, какой матеріалъ она имѣла для своего урока, какую цѣль преслѣдовала на немъ и насколько достигла ее, какія встрѣчала затрудненія и какіе недостатки сама замѣтила на своемъ урокѣ. Вслѣдъ за дававшей урокъ дѣлаютъ свои замѣчанія подруги ея, затѣмъ учительница и въ заключеніе—преподаватель. Послѣдній высказываетъ окончательную оцѣнку разбираемаго урока. При разборѣ урока обращается вниманіе на цѣлесообразность веденія его, на пріемы, къ которымъ практикантка при-

бѣгала для сообщенія учащимся новыхъ свѣдѣній и закрѣпленія этихъ свѣдѣній въ ихъ памяти, на ея рѣчь, на привлеченіе къ работѣ всего класса, на поддержаніе порядка во время урока, на отношеніе дававшей урокъ къ учащимся и т. п. Каждое замѣчаніе, по возможности, мотивируется психологическими основаніями или установившимися педагогическими положеніями.

По окончаніи пробныхъ уроковъ въ начальной школѣ, а затѣмъ по окончаніи такихъ-же уроковъ въ гимназіи, ученицы, по предложенію преподавателя педагогики, составляютъ, въ видѣ классной работы, отчетъ о своихъ урокахъ. Въ своемъ отчетѣ каждая изъ ученицъ излагаетъ, какіе педагогическіе выводы она сдѣлала изъ своихъ пробныхъ уроковъ, какую пользу вообще принесли ей эти уроки, какія затрудненія она встрѣчала на урокахъ и т. п. Составляя подобный отчетъ, каждая ученица, такъ сказать, умственно обозрѣваетъ свои уроки, уясняетъ себѣ дидактическія требованія, которымъ должны удовлетворять уроки, и сильнѣе запечатлѣваетъ въ своемъ сознаніи тѣ пріемы и дѣйствія, которые составляютъ достоинство уроковъ.

Кромѣ пробныхъ уроковъ, даваемыхъ въ присутствіи преподавателя и другихъ членовъ конференціи, ученицы VIII-го класса иногда заступаютъ, по назначенію начальства гимназіи, мѣсто отсутствующаго учителя или учительницы и занимаются съ дѣтьми или прохожденіемъ курса впередъ, или повтореніемъ и закрѣпленіемъ пройденнаго. Случалось, что, по болѣзни учительницы, восьмиклассницѣ приходилось заступать ея мѣсто болѣе мѣсяца, и учительница и начальство гимназіи оставались довольны успѣхами, сдѣланными въ классѣ восьмиклассницей, заступавшей мѣсто болѣвшей учительницы.

е) Для разбора и оцѣнки всѣхъ практическихъ занятій восьмиклассницъ были установлены въ первый-же мѣсяцъ послѣ открытія педагогическаго класса *педагогическія конференціи*. Еженедѣльно, въ субботу или четвергъ, въ 6 часовъ пополудни, собирались въ гимназическій залъ всѣ ученицы VIII-го класса, преподаватель педагогики, другіе преподаватели VIII-го класса, начальница гимназіи и очень часто главный инспекторъ училищъ Западной Сибири. Охотно посѣщали конференціи также учителя и учительницы гимназіи, не преподающіе въ VIII-мъ классѣ. Занятіями въ конференціяхъ руководилъ преподаватель педагогики. При разборѣ каждой работы сначала высказывали свои замѣчанія ученицы VIII-го класса, потомъ учительницы и преподаватели и въ заключеніе—преподаватель педагогики. Послѣдній, кромѣ того, обобщалъ всѣ высказанныя до него замѣчанія.

Съ увеличеніемъ числа ученицъ, оказалось невозможнымъ разбирать въ конференціяхъ всѣ ихъ практическія работы, вслѣдствіе чего въ 1884 году постановлено было разбирать въ конференціяхъ только пробные уроки, сочиненія по педагогикѣ и отчеты по исполненію обязанности помощницы классной надзирательницы. Остальныя-же работы ученицъ, именно: отчеты по изученію элементарныхъ учебниковъ, сочиненія по методикѣ и конспекты уроковъ положено разбирать на урокахъ по соотвѣтственнымъ предметамъ. Съ теченіемъ времени, когда стало скопляться значительное число пробныхъ уроковъ по спеціальнымъ предметамъ и разборъ ихъ отнималъ очень много времени, положено было образовывать отдѣленія конференціи— для разбора пробныхъ уроковъ по спеціальнымъ предметамъ. Отдѣленія эти составляются изъ преподавателя учебнаго предмета, учительницы и ученицъ, избравшихъ одинъ и тотъ-же предметъ для спеціальнаго изученія. Каждой конференціи ведется протоколъ, прочитываемый въ слѣдующей конференціи. Протоколы составляются ученицами по установленной очереди. Каждый протоколъ является своего рода педагогическимъ сочиненіемъ, связаннымъ съ практическими занятіями ученицъ. Кромѣ протоколовъ, составляемыхъ ученицами, окончательная оцѣнка каждой разобранной практической работы заносится преподавателемъ въ особую книгу, служащую основаніемъ для сужденія въ концѣ учебнаго года о достоинствѣ практическихъ занятій ученицъ.

Педагогическія конференціи приносили очень большую пользу педагогическому образованію ученицъ. Въ этихъ конференціяхъ ученицы обогащались массой педагогическихъ знаній, пріучались разсуждать о педагогическихъ вопросахъ и выражать свои сужденія въ точной словесной формѣ; кромѣ того, онѣ пріучались къ самообладанію, уваженію чужихъ мнѣній и провѣркѣ своихъ мыслей мыслями другихъ лицъ. Конференціи приносили пользу также учителямъ и учительницамъ, особенно въ первые годы существованія педагогическаго класса. Нѣкоторые учителя и учительницы неоднократно заявляли, что они съ удовольствіемъ присутствуютъ въ конференціяхъ, сознавая пользу, получаемую отъ нихъ. «Уча—учимся». Въ конференціяхъ каждый свободно высказываетъ свое мнѣніе о поставленномъ вопросѣ, стараясь доказать это мнѣніе данными, взятыми изъ психологіи, педагогики или-же изъ собственной практики. Серьезное отношеніе къ дѣлу и педагогическій тактъ не позволяютъ никому говорить безъ надлежащей обдуманности. Обмѣнъ мнѣній способ-

ствуетъ расширенію педагогическаго кругозора участвующихъ въ конференціяхъ.

Въ концѣ учебнаго года ученицы VIII-го класса подвергаются испытанію—письменному и устному. Тому и другому онѣ подвергаются по педагогикѣ и по предмету, избранному для спеціальнаго изученія. По остальнымъ-же предметамъ онѣ подвергаются только устному испытанію. Испытаніе производится экзаменаціонной коммиссіей въ полномъ ея составѣ.

При окончательной оцѣнкѣ успѣшности восьмиклассницъ принимаются во вниманіе какъ практическія и теоретическія занятія ихъ въ теченіе учебнаго года, такъ и полученныя ими отмѣтки на экзаменѣ. Ученицы, удовлетворительно исполнявшія въ теченіе года всѣ свои работы и получившія въ окончательномъ среднемъ выводѣ не менѣе 4 по педагогикѣ и предмету, избранному для спеціальнаго изученія, и не менѣе 3 по остальнымъ предметамъ, удостаиваются званія домашней наставницы или домашней учительницы, въ чемъ и выдается имъ дипломъ изъ управленія учебнымъ округомъ

Изложивъ организацію теоретическихъ и практическихъ занятій ученицъ VIII-го класса Омской женской гимназіи, слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ, неминуемо возникающій въ сознаніи читателя: какой-же результатъ двадцатилѣтней жизни и дѣятельности означеннаго класса? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ нахожу умѣстнымъ привести буквально отрывокъ изъ моей рѣчи, произнесенной въ день торжественнаго акта женской гимназіи, совпавшаго съ окончаніемъ двадцатипятилѣтія существованія гимназіи (1888 г.). Слушателями рѣчи были высшія мѣстныя власти, директора, преподаватели и учительницы омскихъ учебныхъ заведеній и лица, дочери которыхъ обучались или обучаются въ женской гимназіи. При такихъ обстоятельствахъ невозможно было говорить безъ основанія, голословно. Вотъ отрывокъ изъ этой рѣчи:

«Омскій педагогическій классъ въ продолженіе своего существованія обогатилъ обширную Сибирь 268 *) домашними учительницами и наставницами. Такое пріобрѣтеніе для края, конечно, очень цѣнно. Значительное число домашнихъ учительницъ и наставницъ сейчасъ же по окончаніи курса принялись за педагогическую дѣятельность въ учебныхъ заведеніяхъ Сибири и Туркестана. Нѣкоторыя изъ нихъ прослужили уже въ учебныхъ заведеніяхъ 14—15 лѣтъ **) и съ успѣ-

*) Теперь уже 403.

**) Въ настоящее время уже 20 лѣтъ.

хомъ продолжаютъ еще свою педагогическую дѣятельность. Благодаря существованію педагогическаго класса, женскія прогимназіи и гимназіи давно уже не чувствуютъ недостатка въ подготовленныхъ учительницахъ и воспитательницахъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ краѣ чувствовался еще сильный недостатокъ въ подготовленныхъ учительницахъ, и учебное начальство затруднялось въ подысканіи лицъ для замѣщенія должности начальницъ и учительницъ въ женскихъ прогимназіяхъ, преобразованныхъ изъ школъ второго разряда. Когда въ 1873 году сдѣланъ былъ выпускъ окончившихъ курсъ омскаго педагогическаго класса, то большинство изъ нихъ назначены были на должность начальницъ въ прогимназіяхъ, а остальныя заняли мѣста учительницъ въ гимназіи или прогимназіяхъ. Слѣдующіе два-три выпуска могли еще получить мѣста въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Но съ каждымъ годомъ вакантныхъ мѣстъ становилось все меньше и меньше. Не имѣя возможности получить мѣсто въ гимназіи или прогимназіи, окончившія педагогическій классъ стали принимать на себя обязанность учительницы въ городскихъ начальныхъ школахъ; но въ послѣдніе годы и въ начальныхъ школахъ рѣдко бываютъ свободныя мѣста. И вотъ значительное число дѣвицъ, окончившихъ курсъ педагогическаго класса, ищетъ себѣ труда въ частныхъ домахъ: обучаетъ дѣтей, подготовляя ихъ въ среднеучебныя заведенія. И нужно замѣтить, что родители охотно поручаютъ обученіе своихъ дѣтей учительницамъ, окончившимъ курсъ омскаго педагогическаго класса, чѣмъ, конечно, краснорѣчиво заявляютъ свое мнѣніе о подготовкѣ къ педагогической дѣятельности окончившихъ этотъ классъ.

«Ознакомившись въ педагогическомъ классѣ со способами и пріемами раціональнаго обученія, учительницы примѣняютъ эти способы и пріемы при своей педагогической дѣятельности. И кто исчислитъ, сколько тѣмъ сберегается труда учащихся, ихъ энергіи, сколько устраняется мукъ и слезъ! Извѣстно, напр., съ какимъ трудомъ давалось изученіе грамоты въ старину, когда обучали по способу *бе-а=ба*, *ве-а=ва*. Едва-ли кто изъ изучавшихъ грамоту по этому способу въ состояніи забыть, съ какимъ усиліемъ и съ какими слезами она далась ему. Спросите-же теперь юношей или дѣвицъ, какъ они выучились грамотѣ, и вы навѣрно получите отвѣтъ: «Какъ-то само собою далось, играя,—легко». Или еще: извѣстно, съ какимъ трудомъ въ прежніе годы давалось учащимся изученіе грамматики, сколько требовалось отъ нихъ усилія памяти для изученія ея. Въ настоящее-же время, благодаря разумности веденія обученія, уче-

ники и ученицы усваиваютъ ее легко, сознательно, дѣлая выводы изъ наблюденія надъ собственною рѣчью. Вотъ что значитъ примѣненіе разумныхъ способовъ обученія!

«Дѣятельностью дѣвицъ, окончившихъ курсъ омскаго педагогическаго класса, на педагогической аренѣ въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ далеко еще не исчерпывается польза, приносимая означеннымъ классомъ странѣ. Главная польза заключается въ томъ умственномъ и нравственномъ капиталѣ, который каждая образованная женщина вноситъ въ ту среду, въ которую она вступаетъ. Эта польза до того велика, что она съ трудомъ поддается какому-нибудь измѣренію. Въ самомъ дѣлѣ, кто измѣритъ ту пользу, то благо, которое вноситъ въ семью каждая мать или жена, получившая общее и спеціально-педагогическое образованіе и доброе нравственное воспитаніе?

«Принося пользу школѣ и семьѣ, педагогическій классъ тѣмъ самымъ приносилъ и приноситъ пользу и цѣлому обществу, способствуя цивилизаціи и облагораживанію его. Великое дѣло цивилизаціи и облагораживанія общества школой незамѣтно для поверхностнаго наблюдателя; но оно существуетъ. Подобно тому, какъ мы не замѣчаемъ роста дерева, а заключаемъ о немъ лишь послѣ сравненія величины этого дерева въ два момента, отдѣленные значительнымъ промежуткомъ времени; такъ точно мы непосредственно не замѣчаемъ цивилизующаго вліянія школы на общество, но можемъ заключить объ этомъ вліяніи лишь изъ сравненія степени цивилизаціи даннаго общества въ различные періоды его жизни. Кто изъ омскихъ старожиловъ не скажетъ, что цивилизація, культура города Омска въ послѣднія два десятилѣтія значительно подвинулась. Старожилы помнятъ, напр., что̀ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время мы видимъ линію каменныхъ домовъ и магазиновъ. Подъемъ цивилизаціи въ городѣ вызвалъ улучшеніе внѣшняго вида его; а подъему цивилизаціи, безспорно, способствовала женская гимназія. Далѣе, въ настоящее время въ Омскѣ нерѣдко случается услышать научное сообщеніе въ Географическомъ Обществѣ, случается услышать публичную лекцію, случается побывать на народномъ чтеніи. А возможно-ли все это было лѣтъ 15—20 тому назадъ? Затѣмъ, въ Омскѣ въ настоящее время существуютъ драматическое, медицинское, географическое и другія Общества. А возможно-ли было существованіе ихъ лѣтъ 20—25 тому назадъ? Наконецъ, по свидѣтельству старожиловъ, привычки, потребности, прово-

жденіе досужаго времени въ настоящее время нѣсколько отличаются отъ того, что можно было видѣть четверть вѣка тому назадъ...

«Итакъ, цивилизація, культура Омска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлой страны несомнѣнно подвинулись впередъ; а въ этомъ движеніи не послѣднюю роль играла Омская женская гимназія вообще и педагогическій ея классъ въ особенности. Вспомнимъ, что Омская женская гимназія и Сибирскій кадетскій корпусъ долгое время были единственными среднеучебными заведеніями въ странѣ въ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Эти заведенія по-истинѣ могутъ считать себя первыми распространителями въ странѣ свѣта знанія; они-же проложили путь къ открытію позже явившихся въ Омскѣ среднеучебныхъ заведеній—мужской гимназіи, учительской семинаріи и техническаго училища»...

Къ приведенному прибавимъ, что ученицы сами сознаютъ пользу, приносимую VIII-мъ, педагогическимъ, классомъ и очень охотно поступаютъ въ него. Обыкновенно, всѣ ученицы, окончившія курсъ VII-го класса, подаютъ прошеніе о принятіи ихъ въ VIII-й, педагогическій, классъ. Имѣя въ виду поступить въ этотъ классъ, онѣ очень усердно занимаются по педагогикѣ уже въ VII-мъ классѣ. Кромѣ того, въ омскій педагогическій классъ нерѣдко поступаютъ дѣвицы, окончившія курсъ въ другихъ гимназіяхъ, напр., Красноярской, Иркутской. Мало того, въ число ученицъ VIII класса поступаютъ такія дѣвицы, которыя пріобрѣли уже въ другихъ заведеніяхъ званіе домашней наставницы или учительницы. Значительное число такихъ ученицъ доставило Тобольское женское училище, состоящее въ вѣдѣніи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Очевидно, что эти дѣвицы поступали въ VIII-й классъ не ради правъ, а ради пріобрѣтенія педагогическихъ знаній.

Таковы, въ сущности, результаты жизни и дѣятельности омскаго педагогическаго класса. Классъ этотъ дѣлалъ столько и такъ, сколько и какъ могъ. Въ будущемъ онъ долженъ дѣлать больше и лучше, ибо имѣетъ за собою опытъ предшествовавшихъ лѣтъ. Но для того, чтобы его дѣятельность была неизмѣнно плодотворной, необходимо: а) чтобы для преподаванія въ немъ приглашаемы были лучшія педагогическія силы; б) чтобы преподающіе были проникнуты живымъ интересомъ къ педагогическому дѣлу и педагогическимъ вопросамъ; в) чтобы дѣятельность всѣхъ преподавателей была объединяема. Рознь въ педагогическомъ дѣлѣ вредна. Объединяющимъ началомъ могутъ служить педагогическія конференціи, руководимыя

лицомъ, обладающимъ педагогической подготовкой (предсѣдателемъ въ конференціи можетъ быть директоръ или начальница гимназіи); г) чтобы въ ученицахъ постоянно возбуждаемъ былъ живой интересъ къ педагогическому дѣлу; д) чтобы предоставляема была ученицамъ возможность давать побольше пробныхъ уроковъ, особенно по начальному обученію, для чего слѣдуетъ открыть при гимназіи приготовительный классъ, въ который принимались-бы дѣвочки, не начавшія еще обучаться грамотѣ; е) чтобы для преподаванія въ младшихъ классахъ гимназіи были опредѣляемы лучшія учительницы, уроки которыхъ могли-бы служить образцомъ для восьмиклассницъ.

При удовлетвореніи этимъ требованіямъ педагогическій классъ будетъ продолжать приносить пользу для края и общества.

К. Ельницкій.

БЕСѢДЫ О ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ.

Бесѣда шестая.

Учебникъ.—Ходъ преподаванія.—Пробные уроки.

Вопросъ объ учебникѣ есть одинъ изъ роковыхъ вопросовъ методики школьной географіи. Отъ содержанія и методичности учебника зависитъ въ высокой степени успѣхъ самаго преподаванія, но, не смотря на это, авторы методикъ географіи большею частью высказываются по этому вопросу нерѣшительно, а иногда и совсѣмъ его обходятъ. Среди германскихъ педагоговъ не достигнуто соглашенія даже по такому примитивному вопросу: нуженъ-ли, вообще, учебникъ для школьнаго курса географіи въ народной школѣ, или нѣтъ? Дерпфельдъ, Торауеръ, Ничке и другіе высказываются за учебникъ, а Диттесъ, Гресслеръ и Леманъ противъ него. Вопросъ о пользѣ учебника при преподаваніи географіи *вообще* рѣшается, какъ намъ кажется, положительно, и притомъ довольно легко. Мы выше видѣли, что учебныя пособія, какъ-бы они ни были богаты, не могутъ дать содержанія для всего курса. Карта и картина даютъ матеріалъ для топографіи и отчасти физіономики страны и даже ея населенія, но онѣ не могутъ съ достаточною ясностью выразить климата ея и народной дѣятельности. Сверхъ всего этого, ученики нуждаются въ ясномъ, точномъ и послѣдовательномъ изложеніи географіи данной мѣстности, и этой нуждѣ долженъ удовлетворить учебникъ. При разработкѣ урока въ классѣ нужно стремиться къ тому, чтобы ученики съ помощью учебныхъ пособій и при посредствѣ учителя сами составляли описанія типическихъ мѣстностей, но нельзя требовать, чтобы всѣ ученики въ классѣ запомнили весь разработанный учебный матеріалъ. Для домашняго повторенія урока необходимъ учебникъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что наши учебныя пособія не представляютъ еще полнаго аппарата, необходимаго для преподаванія географіи въ

современномъ духѣ. Учебныя карты приходится ограничивать, такъ какъ, большею частью, топографическій матеріалъ, находящійся на нихъ, слишкомъ изобиленъ и безполезенъ въ школьномъ курсѣ; наглядныя представленія, по недостатку подходящихъ картинъ, замѣняются описаніями, которыя должны быть помѣщаемы въ учебникахъ. Два извѣстныхъ педагога Германіи: Бетхеръ *) и Мацатъ **) требуютъ для учениковъ краткихъ руководствъ. Первый думаетъ, что послѣднія должны служить для упроченія въ головахъ учениковъ только топографическаго матеріала. Мацатъ указываетъ на неудобство для учениковъ учебниковъ, которые настолько подробны, что ихъ можно читать (lesbares Lehrbuch), какъ книгу для чтенія. Конечно, трудно сказать что-нибудь опредѣленное въ общихъ положеніяхъ о географическихъ учебникахъ, которые должны представлять видоизмѣненія сообразно съ тѣмъ, для какого учебнаго заведенія они предназначаются: для городской школы, гимназіи, реальнаго училища, учительской семинаріи, коммерческаго училища и т. д. Тѣмъ не менѣе, можно указать на нѣкоторыя требованія, обязательныя для каждаго учебника, если только онъ предназначенъ служить пособіемъ для географическаго курса въ рукахъ учениковъ. Что касается до объема, то мы не можемъ согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ нѣмецкихъ педагоговъ. При излишней краткости изложенія выступаетъ сама собою на первый планъ обильная географическая номенклатура, и учебникъ превращается въ сухой перечень названій, соотвѣтствующихъ частнымъ географическимъ фактамъ, безъ всякой связи съ живыми представленіями. Такой номенклатурный учебникъ представляетъ почти непреодолимую трудность при заучиваніи. Мы, напротивъ того, полагаемъ, что въ основаніи изложенія географическаго матеріала должны стоять описанія географическихъ фактовъ, позволимъ себѣ сказать — индивидуумовъ, къ которымъ присоединяются названія для возбужденія ассоціаціи представленій и закрѣпленія въ памяти ученика связи общихъ фактовъ съ частными.

Считаемъ не лишнимъ, для большей наглядности, привести описаніе одной и той-же страны (Ломбардской равнины) изъ двухъ учебниковъ, одного—номенклатурнаго, другого—генетическаго. 1) «Ломбардская низменность окружена на западѣ и сѣверѣ Альпами Западными (Лигурійскія, Приморскія, Коттійскія, гдѣ М. Визо 11.821 ф., Грайскія, гдѣ М. Сенисъ 11.058 ф., Савойскія, гдѣ Монбланъ 14.807 ф.),

---

*) Böttcher, Die Methode des geograph. Unterrichts.

**) Die zeichnende Erdkunde.

Центральными (Пенинскія, гдѣ М. Роза 14.278 ф., Лепонтинскія, Адулярскія, Ретійскія съ вѣтвью Ортлесомъ 12.026 ф.) и частью Ю.-В. Альпъ (Каринтійскія, гдѣ Триглавъ 8.803). Изъ рѣкъ, протекающихъ по Ломбардской низменности и впадающихъ въ Адріатическое море, болѣе значительны По и Эчъ. По беретъ начало у подошвы горы М. Визо. Лѣвые притоки его—Дора-Ринарія, Дора-Балтеа (начало ихъ въ Западныхъ Альпахъ), Тичино, проходящая черезъ озеро Лаго Маджоре, Адда, проходящая черезъ оз. Комо (начало ихъ въ Центральныхъ Альпахъ), и Минчіо, вытекающая изъ оз. Гарда; изъ правыхъ притоковъ—Треббія (начало въ Апеннинахъ). Эчъ (Ададжъ) протекаетъ по Ломбардской низменности, параллельно р. По» *). Въ приведенномъ описаніи на 19 строкъ печатнаго текста приходится 31 названіе, но притомъ нисколько не выясняется физическій характеръ страны. 2) «Итальянская низменность, называемая также Ломбардскою, есть почти горизонтальная равнина, нѣсколько покатая къ Адріатическому морю, берега котораго здѣсь состоятъ изъ топей, болотъ, луговъ и мелкихъ береговыхъ озеръ. На З. и С. эту низменность окружаютъ Альпы своими крутыми южными склонами, на Ю. Апеннины, на В.—Адріатическое море. Окружающія горы, особенно снѣжныя Альпы, даютъ этой низменности обильное орошеніе: по ней протекаетъ По со всѣми своими притоками: Дора-Ринарія, Дора-Балтеа, Тичино и оз. Лаго Маджіоре, Адда съ оз. Камо, Минчіо съ оз. Гарда, Эчъ и многія береговыя рѣчки. Рѣки Ломбардіи приносятъ съ горъ много песку и илу, которые, отлагаясь въ руслѣ на всемъ теченіи, повышаютъ ложбину, а накопляясь въ устьяхъ, образуютъ мели и низкіе острова. Благодаря этимъ наносамъ, море у береговъ превращается въ твердую землю. Городъ Адрія, лежавшій, во время римлянъ, у самаго моря, теперь лежитъ въ двухъ миляхъ отъ него. Вообще вся Ломбардская низменность по своему происхожденію ничто иное, какъ бывшій морской заливъ, засыпанный наносами съ Альпъ и Апеннинъ. Большіе разливы рѣкъ отъ весенняго таянья снѣга въ горахъ побудили жителей Ломбардіи выстроить высокія плотины вдоль рѣкъ и провести каналы для стока воды, для судоходства и орошенія полей. Своими плотинами Ломбардія напоминаетъ Китай и Голландію. Наносная почва Ломбардіи, удобряемая плодороднымъ иломъ, даетъ большіе урожаи» **). На сколько послѣднее описаніе живо и правдиво, настолько первое сухо и мертвенно; насколько

*) Лыткинъ, Учебникъ всеобщей географіи. Европа. 1890 г.

**) Янчинъ, Краткій учебникъ географіи. Курсъ III. Европа. 1891.

одно легко, такъ сказать, само собою укладывается въ памяти, настолько другое затруднительно для заучиванія учениками.

Послѣднее обстоятельство совершенно понятно и вытекаетъ само собою изъ способа изложенія. Въ изложеніи г. Лыткина мы видимъ полное пренебреженіе методическими основами и въ особенности генезисомъ, при которомъ одинъ фактъ естественно вытекаетъ изъ другого и прочно ассоціируется съ нимъ. Не можемъ также не упомянуть о неумѣстности, при описаніи низменности, приводить названія и высоты вершинъ сосѣднихъ горъ.

Итакъ, основаніемъ для изложенія учебнаго матеріала въ руководствахъ для географіи мы должны принять ассоціацію и генезисъ фактовъ. Не слѣдуетъ также пренебрегать сравненіемъ географическихъ данныхъ. Конечно, сравнивать постоянно и во что-бы то ни стало—не имѣетъ смысла. Нѣкоторыя сравненія требуютъ изложенія такихъ подробностей, которыя несовмѣстны съ краткостью учебнаго руководства. Но, во всякомъ случаѣ, сравненія, когда представляется къ тому возможность, составляютъ также превосходный пріемъ для выясненія особенностей данной мѣстности. Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ сравненіяхъ, говоря о постановкѣ школьнаго курса географіи. Посредствомъ сравненій мы легкимъ и интереснымъ путемъ переходимъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; сравненіе уясняетъ понятія, обостряетъ умъ и пробуждаетъ въ ученикахъ интересъ къ ученію, оно облегчаетъ выводъ общихъ географическихъ положеній, освобождаетъ обученіе географіи изъ тисковъ голаго упражненія памяти и возводитъ нашъ предметъ на высоту образовательнаго.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ частностямъ, имѣющимъ рѣшительное вліяніе на объемъ, содержаніе и весь строй учебника.

Намъ кажется, что содержаніе учебника должно имѣть отношеніе и нѣкоторую зависимость отъ географическаго матеріала учебныхъ картъ. Многое, что можетъ быть прямо взято и усвоено изъ атласа, не должно находиться въ текстѣ учебника. Совершенно излишне въ учебникѣ, напр., слѣдующее описаніе: «Теченіе Вислы начинается въ предѣлахъ Австрійской имперіи на сѣверномъ склонѣ Карпатовъ. Ниже Кракова она течетъ по долинѣ между сѣверными отраслями Карпатовъ и южными склонами Сандомирскихъ горъ и служитъ здѣсь границею русскихъ и австрійскихъ владѣній. Встрѣтивъ отрасли Люблинскихъ горъ, рѣка поворачиваетъ на сѣверъ и течетъ въ этомъ направленіи по Польской равнинѣ до подошвы южнаго склона Прибалтійской гряды, которая заставляетъ Вислу повернуть на сѣверо-

западъ». И такъ далѣе *). Приведенное нами описаніе представляетъ не болѣе, какъ перефразировку карты и совершенно излишне въ учебникѣ. При разработкѣ урока и чтеніи карты очень полезно требовать такія описанія отъ учениковъ, но, помѣщенныя въ учебникѣ, они составляютъ въ немъ ненужный балластъ.

Что все содержаніе учебника должно быть правильно изложено, вѣрно и согласно съ современнымъ состояніемъ науки—это разумѣется само собою. Тѣмъ не менѣе практика показываетъ, что въ этомъ отношеніи остается желать многаго. Въ «Лѣтописяхъ школьной географіи» (Zeitschrift für die Schulgeographie) находится запасъ такъ-называемыхъ «унаслѣдованныхъ прегрѣшеній» (Erbsünden), т.-е. ошибокъ, которыя много лѣтъ повторяются и перепечатываются въ нѣмецкихъ учебникахъ. Среди русской педагогической литературы также сильно распространены застарѣлыя ошибки, проходящія через 30 и болѣе изданій учебника одного и того-же автора. Примѣры застарѣлыхъ ошибокъ въ нѣмецкихъ учебникахъ: мысъ Матапанъ—южная оконечность Европы (вмѣсто м. Тарифы); *острова* Фарёръ, между тѣмъ какъ ёръ—значитъ острова; Кёленъ — цѣпь Скандинавскихъ горъ (не существуетъ); Пиринейскія горы имѣютъ проходы только на западномъ и восточномъ концѣ (Клёденъ насчитываетъ 39 проходовъ); полуостровъ есть часть суши, съ *трехъ* сторонъ окруженная водою. Сюда-же относится смѣшеніе понятій градусовъ широты съ параллельными кругами и градусовъ долготы съ меридіанами. Перечислять ошибки русскихъ учебниковъ географіи—значитъ «infandum renovare dolorem». Замѣтимъ только, что въ нѣкоторыхъ нашихъ доморощенныхъ учебникахъ въ теченіи четверти вѣка и болѣе перепечатываются давно отброшенныя наукой объясненія происхожденія вѣтровъ и морскихъ теченій. Авторамъ такихъ учебниковъ остается припомнить примѣръ изъ одной старинной латинской грамматики: humanum est errare, vero nisi insipientis perseverare in errare!

Изложеніе учебнаго матеріала должно быть ясно и написано легкимъ языкомъ. Всякаго рода вводныя и дополнительныя предложенія усложняютъ усвоеніе и затрудняютъ пониманіе, также какъ и употребленіе словъ, не объясненныхъ ранѣе.

Наиболѣе затруднительнымъ представляется соотвѣтственное потребностямъ курса *ограниченіе учебнаго матеріала*. Высказанный

*) Пуликовскій, «Отечественная географія для русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній». 1873.

выше принципъ генезиса въ изложеніи значительно облегчаетъ задачу составителя учебника и даетъ въ большей части случаевъ возможность исключить тѣ частные факты, которые не могутъ быть пріурочены къ основнымъ общимъ фактамъ и ассоціированы между собой.

Этимъ положеніемъ исключается возможность примѣненія къ дѣлу преподаванія такъ-называемыхъ описательныхъ учебниковъ, составители которыхъ руководствовались интересомъ (подчасъ довольно сомнительнымъ) сообщаемыхъ ими фактовъ и вставляли въ географическій учебникъ свѣдѣнія изъ весьма различныхъ областей знанія, а также всевозможныя диковинки. Въ одной изъ такихъ книгъ *), между прочимъ, приводятся слѣдующіе quasi-интересные факты: «По дорогѣ изъ Руана въ Гавръ лежитъ небольшой округъ Ивето, съ городомъ того-же имени, и который, какъ говорятъ, составлялъ нѣкогда особое королевство. Въ наше время округъ этотъ имѣетъ другого рода интересъ: въ деревнѣ Аллювиль, недалеко отъ города Ивето, сохранился дубъ, которому считаютъ лѣтъ 800. Несмотря на такую старость, дубъ производитъ еще плоды, а въ пустомъ, но необыкновенно толстомъ стволѣ его устроена сельская часовня, имѣющая болѣе сажени въ діаметрѣ и посвященная въ 1696 году à Notre-Dame de la Paix...» Тирадами, подобными приведенной, переполнена вся книга, изъ которой мы взяли этотъ примѣръ. Въ настоящее время описательные учебники не содержатъ такихъ подробностей. *Диковинки* и *замѣчательности* сообщаются кратко, но отъ этого дѣло не выигрываетъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ **).

«Въ кантонѣ (Бернъ) замѣчательны: *Интерлакенъ*—сборное мѣсто путешественниковъ (?), долина Лаутербрунненъ съ водопадомъ Штаубахомъ (т.-е. пыльный ручей, потому что вся вода, при паденіи, разлетается въ пыль) и долина Гриндельвальдъ съ ледникомъ, спускающимся такъ низко, что рядомъ съ нимъ зеленѣютъ поля и растутъ плодовыя деревья». «Городъ Киль, извѣстный лучшею въ Пруссіи гаванью; военный портъ. Кильская салакушка—кильки». Не касаясь правильности объясненія слова «килька», мы представляемъ себѣ ученика гдѣ-нибудь въ Тифлисѣ или Иркутскѣ, никогда не слыхавшаго ни о килькахъ, ни о салакушкѣ. Неужели преподаватель *долженъ* объяснять ученику эти *замѣчательности?* «(Парижъ) раздѣляется на три части: La Cité на островахъ, La Ville на правомъ берегу

---

*) Вержбиловичъ, Учебная книга географіи. 1862.

**) Смирновъ, Учебная книга географіи. Европа. 29-е исправленное изданіе. 1888.

Сены, L'Université на лѣвомъ. Самая красивая La Ville; въ ней Лувръ съ музеемъ; Тюйлери—бывшая резиденція государей; Пале-Ройяль съ блестящими магазинами — сборное мѣсто парижанъ (?); улица Риволи—лучшая во всемъ Парижѣ; Елисейскія поля и Застава Звѣзды. Въ L'Université: Инвалидный домъ и при немъ церковь со знаменами и гробницею Наполеона I; Ботаническій садъ, Марсово поле. Въ La Cité—древній готическій соборъ Богоматери». Изъ этихъ трехъ выдержекъ достаточно ясно, какъ относятся авторы современныхъ описательныхъ учебниковъ къ описанію замѣчательностей. Должно замѣтить, что все приведенное нами напечатано крупнымъ шрифтомъ, который нужно считать обязательнымъ. Теперь подумаемъ только, сколько придется употребить преподавателю времени на разработку номенклатурнаго описанія Парижа, чтобы у дѣтей осталось въ памяти что-нибудь, кромѣ названій. Да и къ чему все это нужно русскимъ дѣтямъ? Изъ сказаннаго ясно, въ чемъ заключается главный недостатокъ описательныхъ учебниковъ. Отсутствіе раціональной системы описанія географическихъ фактовъ проявляется въ нихъ также повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же фактовъ по нѣскольку разъ. Такъ, г. Неаполь упоминается въ одномъ учебникѣ въ описаніи Италіи *) *семь* разъ, Генуа и Ливорно по *четыре* раза.

При описаніи Австро-Венгріи на двухъ сосѣднихъ страницахъ (52 и 53) повторена одна и та-же тирада: «Изъ предметовъ обрабатывающей промышленности, первое мѣсто занимаютъ мебель и инструменты хирургическіе и музыкальные; также платье разнаго рода и вообще принадлежности туалета; все отличается вкусомъ и дешевизной; особенно славится ими Вѣна, соперникъ Парижа». На слѣдующей страницѣ: «Вѣна... Платье, разныя туалетныя принадлежности, мебель, хирургическіе и музыкальные инструменты...» Очевидно, что подобный способъ изложенія вводитъ какую-то разбросанность въ распредѣленіе учебнаго матеріала и допускаетъ совершенно неидущіе къ дѣлу факты, какъ, напр., замѣчательности городовъ чисто внѣшняго характера, замѣчанія изъ исторіи и естественныхъ наукъ—все это въ видѣ простого набора свѣдѣній, которыя только отягощаютъ память и заучиваются для того, чтобы снова быть забытыми. Къ свѣдѣніямъ, совершенно излишнимъ въ учебникѣ, относятся также подробности политическаго раздѣленія, описанія границъ. Цыфры, обозначающія высоты и числа, выражающія пространство страны и количество населенія, должны быть приводимы

*) Ibidem.

со строгимъ выборомъ. Лучше указать высоты горныхъ проходовъ, чѣмъ вершинъ. Число жителей въ городахъ берется только для столицъ главныхъ государствъ. Для русскихъ городовъ слѣдуетъ упомянуть цыфру населенія въ большихъ, имѣющихъ болѣе 100 тысячъ жителей, пунктахъ.

Сельскія поселенія, особенно развившіяся вслѣдствіе увеличенія торговли и промышленности, также должны быть упомянутыми съ цыфрою населенія (Бутурлиновка, Александровка, Великое и друг.). Приводить большое количество цыфръ уже потому безполезно *), что дѣти совершенно не въ состояніи ихъ запомнить, такъ какъ эти цыфры являются отдѣльными фактами, не находящимися въ связи съ другими. Полезнѣе привести цыфры, обозначающія плотность народонаселенія, и то только въ сравненіи одна съ другой и указаніемъ причинъ неравномѣрнаго распредѣленія населенія по поверхности земного шара.

Не всѣ части курса географіи должны быть изложены съ одинаковою степенью подробности. Важнѣйшій отдѣлъ этого курса составляетъ отечественная географія, и основательное ея усвоеніе есть вѣнецъ географическихъ познаній учениковъ. Чѣмъ далѣе находится страна отъ Россіи, тѣмъ короче должно быть ея описаніе.

Такимъ образомъ. изъ европейскихъ государствъ съ большею подробностью должны быть описаны: государства Балканскаго полуострова, Австро-Венгрія и Германія, а изъ азіатскихъ: Турція, Персія, Авганистанъ, Китай, Корея и Японія, Изъ государствъ американскихъ нужно поставить на первомъ мѣстѣ Соединенные Штаты; Австралія и Африка излагаются въ общихъ чертахъ и номенклатура ихъ должна быть, поэтому, ограничена.

Особое вниманіе должно быть обращено на физическую географію, потому что она составляетъ основаніе для связи между географическими фактами и вообще для изученія географіи, а также и наилучшіе образующіе моменты для ума. Математическая и политическая географія должны быть выражены въ школьномъ курсѣ слабѣе. Изъ первой должно быть взято то, что необходимо для пониманія карты и нѣкоторыхъ физическихъ явленій, а также тѣ наиболѣе наглядные и выдающіеся факты на небесной сферѣ, которые необходимы для общаго образованія. Къ такимъ вопросамъ относятся: видъ земли и географическая сѣтка, движенія земли, звѣздное небо, главнѣйшія созвѣздія и планеты.

*) Въ учебникѣ Лыткина приведено 1.188 цыфръ въ одной части (Европа), изъ которыхъ 103 года историческихъ событій.

Достоинство учебника географіи въ высшей степени зависитъ отъ способа его изложенія. Географическіе элементы не должны стоять отдѣльно и отвлеченно, но разсматриваются какъ живые и оживляющіе члены цѣлой страны. Не слѣдуетъ основывать описаніе поверхности земли ни на политическихъ, ни на статистическихъ данныхъ: всѣ эти элементы должны составлять одно цѣлое съ физическими свойствами и представлять *общую картину* мѣстности, въ которой извѣстныя отдѣльности проявляются на столько, на сколько онѣ имѣютъ значенія въ общемъ описаніи. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому, что въ учебникѣ въ основаніи изложенія учебнаго матеріала должны быть положены *географическіе индивидуумы*, соотвѣтствующіе сравнительно небольшимъ естественнымъ областямъ. Эти области соединяются въ большія пространства или, можно сказать, высшіе индивидумы, которые суть ничто иное, какъ части свѣта. При описаніи какъ тѣхъ, такъ и другихъ слѣдуетъ ограничиваться наиболѣе выдающимися отличіями естественныхъ областей. Особенно это нужно имѣть въ виду при общемъ описаніи частей свѣта. При этомъ слѣдуетъ сообщать только такія данныя, которыя *вообще* характеризуютъ части свѣта. Сюда относятся: географическое положеніе, горизонтальное разчлененіе, общее распредѣленіе формъ поверхности, насколько это нужно для выясненія климатическихъ данныхъ; свойства рѣкъ и раздѣленіе ихъ на покатости. Если покатости совпадаютъ съ климатическими областями, то рѣки пріурочиваются къ этимъ покатостямъ, напримѣръ, въ Азіи. Изъ рѣкъ выбираются главнѣйшія. Въ зависимости отъ климатическихъ областей излагаются характерныя особенности растительнаго и животнаго міра. Народонаселеніе части свѣта, его составъ не находится въ зависимости отъ природы страны. Разселеніе народовъ зависѣло отъ историческихъ причинъ, которыя въ элементарномъ курсѣ географіи могутъ быть указаны только въ общихъ чертахъ. Поэтому вопросъ о составѣ народонаселенія стоитъ почти совершенно внѣ связи съ предшествовавшими географическими фактами.

Послѣ общаго описанія части свѣта слѣдуетъ описаніе отдѣльныхъ частей ея. При обозрѣніи Европы, ее разсматриваютъ по государствамъ, но государства, въ свою очередь, дѣлятся на естественныя области и страны, которымъ слѣдуетъ давать полное описаніе. Удобно описывать природу страны по покатостямъ, съ которыми часто совпадаютъ естественныя области. Это легко сдѣлать для Западной Европы, но не столь легко для Россіи. Прежде всего Россію необходимо раздѣлить на четыре культурно-историческія области: Евро-

пейскую Россію, Кавказъ, Туркестанскій край и Сибирь. Европейская Россія представляетъ довольно разнообразныя по природѣ мѣстности, если брать окраины. Финляндія и Крымъ, Печорскій край и Малороссія представляютъ значительныя отличія, но переходы между этими крайностями до того постепенны, что мы считаемъ невозможнымъ выдѣлять упомянутыя страны при общемъ описаніи. Поверхность, климатъ и растительность должны быть разсматриваемы въ учебномъ курсѣ въ общемъ очеркѣ для всей Европейской Россіи. Отличія отдѣльныхъ частей выступаютъ особенно ясно при описаніи растительныхъ областей, климата и водовмѣстилищъ. При описаніи климата нужно дать понятіе о положеніи изотермъ на картѣ Европейской Россіи, а также взять среднія температуры за годъ, іюль и январь для одного изъ ея западныхъ, среднихъ и восточныхъ пунктовъ, указать на различіе среднихъ температуръ отъ такихъ-же температуръ одного или двухъ пунктовъ Западной Европы, а также на разницу амплитудъ. Курсъ географіи Россіи проходится въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ въ среднемъ (четвертомъ) классѣ, такъ что ученики могутъ усвоить то, что будетъ сказано объ изотермахъ. Для болѣе ранняго курса ученіе объ изотермахъ слишкомъ отвлеченно. Спеціальное описаніе Европейской Россіи должно быть составлено также по культурно-историческимъ областямъ, только менѣе обширнымъ. Такія культурно-историческія области представляютъ группы губерній, сосѣднихъ по своему положенію, отличающихся отчасти природой, отчасти населеніемъ и его промышленностью, а также историческою судьбою. Эти области слѣдуютъ.

I. Сѣверная Россія дѣлится на

А. Крайній сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи.

Губерніи: 1) Архангельская и 2) Вологодская.

Б. Озерная и древне-новгородская область.

Губерніи: 3) Олонецкая, 4) Петербургская, 5) Новгородская и 6) Псковская.

II. Сѣверо-западная окраина Россіи.

В. Великое княжество Финляндское.

Г. Балтійскія губерніи: 7) Эстляндская, 8) Лифляндская и 9) Курляндская.

Д. Привислянскій край.

III. Западная и южная Россія.

Е. Литовское полѣсье.

Губерніи: 10) Виленская, 11) Ковенская и 12) Гродненская.

Ж. Смоленско-бѣлорусское полѣсье.

Губерніи: 13) Смоленская, 14) Витебская, 15) Могилевская и 16) Минская.

З. Малороссійская не-степная область.

Губерніи: 17) Кіевская, 18) Полтавская, 19) Волынская, 20) Подольская, 21) Черниговская и 22) Харьковская.

И. Новороссія. Губерніи: 23) Херсонская, 24) Екатеринославская, 25) Таврическая и 26) Бессарабская.

IV. Внутренняя и Восточная Россія.

І. Московская промышленная и верхне-волжская область.

Губерніи: 27) Московская, 28) Владимірская, 29) Нижегородская, 30) Ярославская, 31) Тверская и 32) Костромская.

К. Внутреннее не-степное пространство.

Губерніи: 33) Курская, 34) Орловская, 35) Калужская, 36) Тульская, 37) Рязанская, 38) Тамбовская и 39) Воронежская.

Л. Волжская низовая черноземная область.

Губерніи: 40) Казанская, 41) Симбирская, 42) Пензенская, 43) Саратовская и 44) Самарская.

М. Юговосточная донско-каспійская степная область.

Губерніи: 45) Донская область, 46) губерніи Ставропольская, 47) Астраханская, 48) Земля Букеевской орды и 49) Уральская область.

Н. Уральская страна. Губерніи: 50) Пермская, 51) Вятская, 52) Уфимская, 53) Оренбургская.

Кавказъ, какъ страна, расположенная по обѣ стороны громаднаго хребта, представляетъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ нѣсколько естественныхъ областей, которыя должны быть описаны отдѣльно, именно: Предкавказье, область горъ Большого Кавказа, долина Ріона, долина Куры и Малый Кавказъ.

Въ Туркестанскомъ краѣ легко намѣчаются три области: горы, пустыни и оазы. Сибирь также естественно распадается на западную, восточную и Амурскій край. Кромѣ физическаго и политическаго описанія большихъ культурно - историческихъ областей Россійской Имперіи, необходимо сообщить ученикамъ краткій очеркъ промышленности и торговли, и притомъ отдѣльно для Европейской Россіи съ Кавказомъ, Туркестана и Сибири. Безъ такого общаго очерка ученики не будутъ имѣть достаточно яснаго представленія о народной дѣятельности. Правда, при описаніи отдѣльныхъ группъ губерній слѣдуетъ упоминать о дѣятельности ихъ населенія, но такія свѣдѣнія слишкомъ разрозненны и не даютъ общаго понятія

о вопросѣ. Внѣевропейскія части свѣта должны быть изложены гораздо короче, чѣмъ Европа и Россія. Мы уже упоминали, что степень подробности опредѣляется въ этомъ случаѣ близостью къ Россіи. Азія должна занимать половину всего учебника и на нее должно быть обращено главнѣйшее вниманіе. Эта часть свѣта, благодаря положенію центрально-азіатскаго нагорья, очень удобно дѣлится на пять естественныхъ областей: центральное нагорье, Сибирь, Восточную Азію, Остъ-Индію и Западную Азію. Страны муссоновъ, т.-е. Остъ-Индія, Китай и Маньчжурія, заключающія 7/8 всего населенія этой части свѣта, и въ особенности Китай, пограничный съ Россіей, въ описаніи отдѣльныхъ частей Азіи должны стоять на первомъ мѣстѣ. Центрально-азіатское нагорье, какъ поприще изслѣдованія русскихъ путешественниковъ, тоже должно занимать въ учебникѣ не послѣднее мѣсто. Затѣмъ слѣдуютъ Авганистанъ, Персія и Турція. Въ остальныхъ частяхъ свѣта должно быть выдвинуто физическое описаніе, при чемъ Южная Америка должна быть отдѣлена отъ Сѣверной и Океанія отъ Новой Голландіи. Изъ политическихъ отдѣловъ при описаніи этихъ частей свѣта должны быть описаны: Марокко, Алжиръ, Тунисъ, Египетъ, Абиссинія, Конго и Капландъ въ Африкѣ; англійскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, Соединенные Штаты, Мексика. При описаніи южно-американскихъ государствъ нужно раздѣлить ихъ на двѣ группы: 1) лежащія въ области Андъ—съ преобладаніемъ горнозаводской промышленности и 2) лежащія на покатости къ Атлантическому океану съ преобладаніемъ земледѣлія и скотоводства. Въ Австраліи, кромѣ англійскихъ колоній Новой Голландіи, слѣдуетъ дать описаніе одной или двухъ группъ острововъ Океаніи. Мы не будемъ останавливаться на содержаніи учебника для курса повторительнаго, потому что его содержаніе должно вполнѣ соотвѣтствовать содержанію курса, о чемъ было сказано выше. Что касается до различныхъ дополненій учебника, какъ-то: вопросовъ для повторенія, задачъ, таблицъ, то мы допускаемъ возможности только послѣднихъ. Полезно давать въ учебникахъ повторительныя таблицы для сравненія однородныхъ географическихъ фактовъ въ различныхъ странахъ. Эти таблицы должны содержать сравненія природы, населенія и его дѣятельности. Такимъ сравненіямъ могутъ подлежать части свѣта, страны и государства каждой части свѣта, группы государствъ, болѣе или менѣе однородныя по своей природѣ, какъ, напримѣръ, страны средиземной области, государства средней Европы, пространства Россіи и т. д. Вопросы и, такъ-называемыя, задачи относятся вполнѣ къ дидактическимъ

пріемамъ и совершенно излишни въ учебникѣ. Соединеніе учебника съ атласомъ и картинами есть вопросъ современный. За границей мы уже видимъ довольно удачные примѣры такихъ учебниковъ (Беницъ и Конко, Зейдлицъ), да и у насъ уже появились попытки осуществить эту идею (Воронецкій, Раевскій). По принципу, лежащему въ основаніи такихъ учебниковъ, дать вмѣстѣ съ текстомъ и атласъ и картины, они, конечно, вызываютъ полнѣйшее сочувствіе; но цѣли своей такіе учебники достигнутъ только тогда, когда карты, къ нимъ прилагаемыя, будутъ такими-же, какъ и карты атласовъ, а выборъ картинъ не будетъ случайнымъ, но, напротивъ того, будетъ представлять методическій подборъ. До сихъ поръ мы не можемъ сказать этого про существующіе учебники. Въ заключеніе статьи объ учебникахъ мы позволимъ себѣ резюмировать сказанное въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Изложеніе въ учебникѣ географіи должно быть ассоціирующимъ, генетическимъ и, по возможности, сравнительнымъ.

2. Номенклатура въ учебникѣ географіи должна быть сокращена до минимума. Съ одной стороны, она должна ограничивать (дополнять!) картографическую номенклатуру атласа; съ другой стороны, названія, соозначающія извѣстные факты, должны быть помѣщаемы въ учебникѣ только для освѣщенія общихъ фактовъ.

3. Всѣ факты въ учебникѣ географіи должны быть согласны съ современными требованіями этой науки. Это особенно касается объясненій въ отдѣлѣ метеорологіи.

4. Описанія, предлагаемыя въ учебникѣ, должны представлять преимущественно картины естественныхъ областей или странъ (Länder).

5. Соединеніе хорошаго атласа и методическаго набора географическихъ картинъ съ текстомъ учебника является весьма желательнымъ.

До сихъ поръ мы разсматривали въ отдѣльности тѣ элементы школьной географіи, которые составляютъ необходимую обстановку преподаванія этого предмета. Къ этимъ элементамъ относятся: глобусъ, карта, картина, черченіе и, наконецъ, учебникъ. При разсматриваніи всѣхъ этихъ данныхъ въ отдѣльности мы старались, по возможности, опредѣлить участіе ихъ въ дѣлѣ преподаванія. Посмотримъ теперь, какъ слѣдуетъ сочетать эти отдѣльности, т.-е. какъ вести преподаваніе. Для того, чтобы быть понятыми какъ слѣдуетъ, считаемъ долгомъ оговориться, что мы будемъ имѣть въ виду курсъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Преподаваніе въ тѣхъ классахъ, гдѣ проходятся приготовитель-

ный и основной курсы географіи, т.-е. въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, должно быть ведено такъ, чтобы все, касающееся урока, было выяснено ученикамъ и, по возможности, выучено ими. Это достигается классной разработкой урока и повтореніемъ пройденнаго въ классѣ, что производится совмѣстною работою учениковъ и учителя. Работа учениковъ заключается въ отыскиваніи по атласу всѣхъ картографическихъ элементовъ, составляющихъ топографическій матеріалъ урока. Для того, чтобы ученики въ дѣйствительности читали карту, они должны отмѣчать найденные факты на репетиціонныхъ картахъ, причемъ лучше, если эти послѣднія содержатъ, кромѣ очерка и сѣтки, также границы и рѣки. Тогда остается подъ нумеромъ отмѣтить названіе, а черченіе ограничивается только нанесеніемъ направленія горъ и постановкой городовъ. Весь этотъ процессъ сильно возбуждаетъ самодѣятельность учениковъ и служитъ къ точному и сильному запечатлѣнію въ памяти ихъ всей номенклатуры и топографіи. Такимъ образомъ усваиваются границы, устройство поверхности, рѣки и города, т.-е., такъ сказать, скелетъ урока. Дѣло облегчается, если преподаватель самъ чертитъ по готовой сѣткѣ и контуру все нужное, употребляя для этой цѣли или классную доску, или большой листъ бумаги. Для выясненія физическихъ свойствъ страны, его народонаселенія, промышленности слѣдуетъ прибѣгнуть къ разсказу или, по возможности, къ бесѣдѣ съ учениками. Въ младшихъ классахъ, какъ въ первомъ, второмъ и даже третьемъ, полезно прочитывать описанія отдѣльныхъ странъ по учебнику, чтобы для учениковъ не осталось ничего темнаго и необъясненнаго въ руководствѣ, съ которымъ они остаются наединѣ при домашнемъ приготовленіи уроковъ. Въ дополненіе къ тексту учебника нужно иногда прочитывать отрывки изъ географической хрестоматіи. Чтеніе производится учениками. Большую пользу приносятъ, при выясненіи физическихъ отличій данной области, приспособленныя къ курсу картины. При правдивомъ, генетическомъ описаніи учебника картины завершаютъ дѣло наглядности преподаванія. Въ четвертомъ классѣ, гдѣ физическія и умственныя силы учениковъ болѣе развиты, преподаватель можетъ, для выясненія текущихъ вопросовъ географическаго курса, вести болѣе продолжительный разсказъ, чѣмъ въ младшихъ классахъ. Не слѣдуетъ при этомъ забывать возраста учениковъ и ни въ какомъ случаѣ не читать лекціи, а прерывать разсказъ и вызывать учениковъ для повторенія сказаннаго.

Отъ времени до времени, по мѣрѣ накопленія топографическаго матеріала, слѣдуетъ производить картографическія экстемпораліа.

При этомъ ученики отмѣчаютъ все касающееся пройденнаго отдѣла въ классѣ наизусть. Это необходимо для окончательнаго упроченія въ памяти учениковъ самаго труднаго и сухого отдѣла географическаго курса. Урокъ начинается повтореніемъ пройденнаго, причемъ ученикъ вызывается къ картѣ, на которой, во время разсказа, онъ долженъ указать всѣ картографическіе факты, относящіеся къ уроку. Стѣнная карта *непремѣнно* должна быть нѣмою, иначе усвоеніе топографіи значительно затруднится, что, конечно, помѣшаетъ отчетливому знанію курса. Намъ приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, что нѣмая карта затрудняетъ учениковъ и требуетъ отъ нихъ якобы непосильнаго напряженія. Мы должны заявить, что никогда не встрѣчались съ этимъ обстоятельствомъ на практикѣ. Если, при первомъ ознакомленіи съ картою, на стѣнѣ передъ глазами учениковъ виситъ нѣмая карта, если чтеніе карты происходитъ послѣдовательно и отчетливо, ученики освоиваются съ нею чрезвычайно легко, и эта легкость сохраняется на все продолженіе курса.

Представимъ теперь примѣры уроковъ на различныхъ ступеняхъ обученія географіи.

I. Урокъ изъ курса приготовительнаго. Тема: *устройство географической сѣтки на глобусѣ.* Ученики имѣютъ понятіе о дѣленіи круга на градусы, о движеніяхъ земли, а слѣдовательно, о земной оси и полюсахъ. Пособіе: черный глобусъ съ начерченной на немъ географической сѣткой.

Преподoватель ставитъ на глобусѣ двѣ или три точки мѣломъ, такъ что ихъ можно было бы видѣть всѣмъ ученикамъ. Послѣ этого онъ вращаетъ глобусъ около оси, по возможности, скорѣе и спрашиваетъ, какія линіи опишутъ начерченныя точки при поворачиваніи глобуса?

Ученикъ. Круги. Точки поверхности глобуса опишутъ при его вращеніи круги.

Преподаватель. Сохраняютъ-ли эти точки при вращеніи глобуса одно и то же разстояніе другъ отъ друга?

Ученикъ. Сохраняютъ. Точки глобуса остаются при его вращеніи въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга.

Преподаватель Круги, имѣющіе одинаковое разстояніе другъ отъ друга на всемъ своемъ протяженіи, называются параллельными кругами. Итакъ, какіе круги произойдутъ при вращеніи глобуса вокругъ оси?

Ученикъ. Параллельные круги.

Преподаватель. Какіе-же круги называются параллельными?

Ученикъ. Параллельными кругами называются такіе, которые во

всѣхъ своихъ точкахъ находятся на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга.

Преподаватель. Сколько произойдетъ на поверхности глобуса параллельныхъ круговъ при вращеніи его?

Ученикъ. Столько, сколько находится точекъ.

Преподаватель. А сколько точекъ?

Ученикъ. Много. Очень много.

Преподаватель. Можно сосчитать?

Ученикъ. Невозможно.

Преподаватель. Слѣдовательно, сколько точекъ?

Ученикъ. Безчисленное множество.

Преподаватель. Слѣдовательно, и параллельныхъ круговъ также безчисленное множество.

Преподаватель. Посмотрите теперь на глобусъ. Можно-ли сосчитать начерченные на немъ параллельные круги?

Ученикъ. Можно.

Преподаватель (вызываетъ ученика къ глобусу). Сосчитайте, сколько всѣхъ параллельныхъ круговъ, начерченныхъ сплошными, не точечными линіями?

Ученикъ (считаетъ). 19.

Преподаватель. Находятся-ли они на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, или нѣтъ? Чтобы узнать это, измѣримъ циркулемъ разстояніе двухъ ближайшихъ круговъ другъ отъ друга.

Ученикъ прикладываетъ циркуль къ глобусу и беретъ разстояніе между параллелями и сравниваетъ эти разстоянія.

Преподаватель. Что у насъ получилось?

Ученикъ. Всѣ разстоянія между ближайшими параллелями равны.

Преподаватель. Сколько такихъ разстояній находится между обоими полюсами.

Ученикъ (считаетъ) 18.

Преподаватель. А сколько градусовъ находится по полукругу между двумя полюсами?

Ученикъ. 180°.

Преподаватель. Сколько-же градусовъ находится между двумя ближайшими параллелями по кругу, идущему отъ одного полюса къ другому?

Ученикъ. 10°.

Преподаватель. Обратимъ вниманіе на параллель, начерченную болѣе широкой полоской, чѣмъ другія параллели. Измѣримъ, на какомъ разстояніи она находится отъ обоихъ полюсовъ. Одинаковое-ли

число 10-ти-градусныхъ разстояній находится между этой параллелью и полюсами?

Ученикъ (считаетъ). Одинаковое. По 9-ти разстояній отъ каждаго полюса.

Преподаватель. По скольку-же градусовъ?

Ученикъ. По 90°.

Преподаватель. Эта параллельная линія, лежащая на одинаковомъ разстояніи между обоими полюсами, называется экваторомъ. Итакъ, какой кругъ называется экваторомъ?

Ученикъ. Экваторомъ называется кругъ, находящійся на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ.

Преподаватель. Посмотримъ, какую величину имѣетъ экваторъ сравнительно съ другими параллелями. Обведемъ экваторъ шнуркомъ и отрѣжемъ ровно столько, сколько нужно, чтобы охватить экваторъ. (Ученики съ помощью учителя производятъ эту работу). Сравнимъ длину шнурка съ длиною другихъ параллелей. Что оказывается?

Ученикъ. Шнурокъ длиннѣе всякой другой параллели.

Преподаватель. Слѣдовательно, что-же мы скажемъ про длину экватора?

Ученикъ. Онъ длиннѣе всякой другой параллели.

Преподаватель. Узнаемъ теперь длину экватора земного шара. Запишемъ въ тетради (пишетъ на доскѣ). Одинъ градусъ земного экватора равняется почти 105 верстамъ или 15 геогр. милямъ. Можно-ли узнать длину всего экватора?

Ученикъ. Можно. Нужно помножить 105 на 360.

Преподаватель. Сдѣлаемъ эту задачу. (Всѣ ученики дѣлаютъ умноженіе). Сколько получилось?

Ученикъ. 37.800 верстъ.

Преподаватель. Положимъ, что кругомъ земли по экватору проведена желѣзная дорога. Поѣздъ проходитъ около 38 верстъ въ часъ. Во сколько времени онъ обойдетъ землю по экватору?

Ученикъ. Почти въ 1.000 часовъ.

Преподаватель. Сосчитаемъ во сколько сутокъ?

Ученикъ. 41 сутки и 16 часовъ.

Преподаватель. Параллели принято считать отъ экватора къ полюсамъ. На экваторѣ ставятъ цифру 0. Параллель, отстоявшую на 1° отъ экватора, обозначаютъ единицей. Слѣдовательно, какую цыфру мы поставимъ на параллели, отстоящей отъ экватора на 10°?

Ученикъ. Цыфру 10.

Преподаватель. Поставимъ мѣломъ цыфры на каждой параллели. (Ученикъ ставитъ цыфры). Какую цыфру поставимъ на полюсѣ?

Ученикъ. Цыфру 90.

Преподаватель. Какъ мы назовемъ полушарія, которыя отдѣляются экваторомъ?

Ученикъ. Сѣверное и южное.

Преподаватель. По скольку параллельныхъ круговъ будетъ находиться въ каждомъ полушаріи, если проводить ихъ черезъ 10°?

Ученикъ. По 8 параллельныхъ круговъ.

Преподаватель. Какіе параллельные круги замѣчаете вы еще на глобусѣ.

Ученикъ. Еще находятся 4 параллельныхъ круга, обозначенные точками.

Преподаватель. Въ какія стороны лежатъ они отъ экватора?

Ученикъ. Два къ сѣверу и два къ югу.

Преподаватель. На какомъ разстояніи отъ экватора находятся эти круги?

Ученикъ. Два, которые ближе къ экватору, лежатъ между 20-ми и 30-ми параллелями. Другіе два лежатъ между 60-ми и 70-ми параллелями.

Преподаватель. Точнѣе сказать: первые находятся на разстояніи 23 съ половиною градусовъ отъ экватора, а вторые на 66 съ половиною градусовъ. Кругъ, лежащій на 23 съ половиною градуса къ сѣверу отъ экватора, называется тропикомъ Рака или сѣвернымъ тропикомъ, другой—тропикомъ Козерога или южнымъ. Тропики названіе не русское; по русски это значитъ поворотные круги. Свое имя они получили оттого, что при измѣненіи изо дня въ день полуденной высоты солнца, оно для жителей земли, находящихся на тропикѣ, будетъ въ полдень находиться надъ головами только однажды въ годъ. Въ сѣверномъ полушаріи это будетъ 9-го іюня, а въ южномъ 9-го декабря. Послѣ высота солнца будетъ уменьшаться.

Ученики по вызову учителя повторяютъ имъ сказанное. При этомъ припоминается положеніе земной оси во время сѣвернаго лѣта и глобусъ ставится такъ, чтобы ученикамъ было видно наклоненіе оси сѣвернымъ полюсомъ къ солнцу.

Преподаватель. Полярные круги ограничиваютъ вокругъ полюса такое пространство, гдѣ въ теченіи самаго длиннаго дня солнце не заходитъ. На самомъ полярномъ кругѣ солнце не заходитъ одинъ разъ въ годъ—на сѣверѣ 9-го іюня, а на югѣ 9-го декабря.

Ученики повторяютъ.

Преподаватель. Какія еще линіи или круги входятъ въ составъ географической сѣтки, кромѣ параллельныхъ круговъ?

Ученикъ. Другія линіи перекрещиваются съ параллельными кругами.

Преподаватель. Сравнимъ ихъ по длинѣ съ экваторомъ. (Сравниваютъ посредствомъ шнурка). Который кругъ длиннѣе: экваторъ или любой изъ тѣхъ, которые съ нимъ пересѣкаются?

Ученикъ. Экваторъ имъ равенъ.

Преподаватель. Эти круги называются меридіанами. Половина меридіана отъ полюса до полюса называется полуденной линіей, потому что всѣ ея точки имѣютъ въ одинъ и тотъ-же моментъ самое высокое стояніе солнца надъ горизонтомъ (полдень).

Ученики повторяютъ объясненное преподавателемъ.

Преподаватель. Сколько полуденныхъ линій проведено на глобусѣ?

Ученикъ (считаетъ). 36.

Преподаватель. Слѣдовательно, черезъ сколько градусовъ проведены полуденныя линіи?

Ученикъ. Черезъ 10^0.

Преподаватель. Откуда мы начнемъ счетъ меридіановъ?

Ученикъ. Отъ какого-нибудь меридіана.

Преподаватель. Такой меридіанъ называется первымъ и на немъ ставится цифра 0. Въ какія стороны можно отсчитывать меридіаны, начиная отъ перваго?

Ученикъ. Къ востоку и западу.

Преподаватель. До какого числа можно считать меридіаны, обходя кругомъ экватора?

Ученикъ. До 360.

Преподаватель. Съ какими меридіанами совпадаетъ 360-ый.

Ученикъ. Съ первымъ.

Послѣ этого преподаватель предлагаетъ слѣдующіе вопросы для повторенія: что такое параллельные круги; всѣ-ли они равны; который изъ нихъ больше всѣхъ; откуда считаютъ ихъ; что такое тропики и полярные круги; ихъ разстояніе отъ экватора и полюса; что такое полуденныя линіи и какъ ихъ считаютъ?

II. Урокъ изъ курса отечественной географіи.

Тема: Московская промышленная область Европейской Россіи.

Ученики прошли общій физическій очеркъ Европейской Россіи, сѣверныя губерніи и озерную страну.

Пособіе для урока: стѣнная карта Европейской Россіи Линберга; атласъ Линберга; репетиціонная карта съ обозначеніемъ рѣчной сѣтки и губерній.

Преподаватель. Разсмотримъ теперь промышленную область Европейской Россіи, называемую также центральнымъ и мануфактурнымъ пространствомъ, такъ какъ ея населеніе, рядомъ съ земледѣліемъ,

занимается мануфактурной промышленностью разнаго рода и такъ какъ она торгуетъ съ другими губерніями Россіи почти исключительно мануфактурными товарами. Губерніи, принадлежащія къ этой области, суть: Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Владимірская, Московская, Калужская, Тульская и Рязанская. Найдемъ эти губерніи въ атласѣ и обозначимъ на репетиціонной картѣ. Что мы знаемъ объ этой области изъ общаго описанія Россіи? Прежде всего, чѣмъ замѣчательно положеніе этихъ губерній въ Европейской Россіи?

Ученикъ. Онѣ лежатъ въ самой рединѣ Европейской Россіи.

Преподаватель. Для развитія какой народной дѣятельности удобно срединное положеніе мѣста въ государствѣ?

Ученикъ. Для торговыхъ сношеній.

Преподаватель. А еще? Припомнимъ положеніе Мадрида, Рима?

Ученикъ. Центральное положеніе удобно для учрежденія столичнаго города.

Преподаватель. Какой столичный городъ находится въ промышленной области?

Ученикъ. Москва.

Преподаватель. Да, Москва. Она называется первопрестольною столицею, потому что съ давнихъ поръ была столицею Россійскаго государства и мѣстопребываніемъ многихъ великихъ князей и царей. Только при Петрѣ Великомъ столица была перенесена въ Петербургъ. Теперь Москва представляетъ самый значительный пунктъ по мануфактурной промышленности и торговлѣ во всей Россіи. Что извѣстно вамъ объ устройствѣ поверхности центральнаго пространства?

Ученикъ. Въ западныхъ и югозападныхъ частяхъ пространства находится среднерусская возвышенность.

Преподаватель. Какія губерніи она занимаетъ?

Ученикъ. Западныя части Тверской и Московской и вполнѣ губерніи Калужскую и Тульскую.

Преподаватель. Какое поэтому общее направленіе покатости и гдѣ лежатъ самыя низкія мѣста?

Ученикъ. Общее направленіе покатости на востокѣ, а самыя низкія мѣста въ Рязанской и сѣверной части Нижегородской и Костромской.

Преподаватель. Какая возвышенность начинается въ Нижегородской губерніи?

Ученикъ. Въ южной части Нижегородской губерніи начинается приволжская возвышенность.

Преподаватель, Какія главныя рѣки и замѣчательные ихъ притоки?

Ученикъ. Волга и правый ея притокъ Ока. Кромѣ того, съ правой

стороны впадаютъ въ Волгу Вазуза и Которосль, а съ лѣвой: Селижаровка изъ озера Селигеръ, Тверца, Молога, Шексна, Кострома, Унжа и Ветлуга. Въ Оку впадаютъ справа Зума и Упа, а слѣва Жиздра, Угра, Москва и Клязьма.

Преподаватель. Всѣ эти рѣки болѣе или менѣе судоходны, исключая Упы, которая не судоходна по причинѣ запрудъ, которыя на ней встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Какія рѣчныя и искуственныя водныя системы начинаются отъ Волги?

Ученикъ. Три искуственныхъ водныхъ системы: Вышневолоцкая, Тихвинская и Маріинская.

Преподаватель. Изъ этихъ системъ имѣетъ большое значеніе только Маріинская. Провозъ хлѣба и другихъ товаровъ съ Волги къ Петербургу по Тихвинской и особенно, по Вышневолоцкой системѣ замѣняется провозомъ по желѣзнымъ дорогамъ: Николаевской, Рыбинско-Бологовской и Новоторжской. Волга становится судоходной для большихъ судовъ только отъ впаденія рѣки Шексны, поэтому при устьи послѣдней, именно въ городѣ Рыбинскѣ, происходитъ перегрузка хлѣба и другихъ товаровъ съ большихъ судовъ, число которыхъ за все время навигаціи доходитъ до 2.000, на малыя, которыхъ бываетъ до 8.000. Отмѣтимъ г. Рыбинскъ на репетиціонной картѣ. Какой городъ находится при впаденіи рѣки Оки въ Волгу?

Ученикъ. Нижній-Новгородъ.

Преподаватель. Отмѣтимъ его на картѣ. Этотъ городъ замѣчателенъ своею ярмаркою, которая можетъ быть названа самой обширной не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Эта ярмарка называется также Макарьевской, потому что она была прежде далѣе къ востоку, на лѣвомъ берегу Волги, у монастыря св. Макарія, куда была переведена изъ Казани. Здѣсь Волга поворачиваетъ на югъ къ Каспійскому морю, которое лежитъ въ Азіи. Поэтому здѣсь, на рубежѣ Европы и Азіи, около впаденія Оки, въ бассейнѣ которой находятся самыя промышленныя губерніи, образовался европейско-азіатскій торгъ или Нижегородская ярмарка. Повторимъ, что сказано о значеніи Рыбинска и Нижняго-Новгорода. (Ученики повторяютъ). Часть рѣки Волги, отъ Твери до Нижняго-Новгорода, оживлена движеніемъ судовъ болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая ея часть. Здѣсь замѣтно не только взводное судоходство (противъ теченія), какъ въ нижнемъ ея теченіи, но также и сплавное (по теченію). Какая почва въ Московской области? Разсмотримъ почвенную карту Европейской Россіи (атласъ Линберга, таб. 18-я. Изд. 3-е). Въ какія губерніи заходитъ черноземная полоса?

Ученикъ. Черноземъ находится только къ югу отъ Волги и Оки,

т.-е. въ губерніяхъ: Нижегородской, Рязанской, Тульской. Въ остальныхъ губерніяхъ почва песчаная и глинистая.

Преподаватель. Можетъ-ли, поэтому, земледѣліе обезпечивать жизнь крестьянъ московской области въ этихъ мѣстахъ? Конечно, нѣтъ. Съ давнихъ поръ народъ обратился здѣсь къ различнаго рода промысламъ. Стали уходить въ столичные и другіе города на черную работу, стали выдѣлывать разный простой товаръ для крестьянскаго употребленія. Потомъ открылись фабрики и заводы, благо сбытъ произведеній отсюда удобенъ и лѣсу еще достаточно, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытъ здѣсь каменный уголь. Какая часть русскаго народа населяетъ этотъ край?

Ученикъ. Великоруссы.

Преподаватель. Это русское племя отличается смышленостью и способностью на всякое дѣло, что также вліяетъ на развитіе промышленности въ московской области. Итакъ, какія причины заставили развиться промышленность въ центральной области Россіи?

Ученикъ. Центральное положеніе, удобное для сношеній и сбыта произведеній; неплодородная почва; обиліе лѣса; дѣятельность и способность населенія.

Преподаватель. Въ черноземныхъ частяхъ области съ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ и здѣсь промышленность развита гораздо меньше. Разсмотримъ теперь распространеніе различныхъ отраслей мануфактурной промышленности (атласъ Линберга, табл. 19-я и 20-я). Въ какихъ губерніяхъ развито хлопчатобумажное производство?

Ученикъ. Во всѣхъ, за исключеніемъ Калужской и Тульской.

Преподаватель. Гдѣ это производство развито особенно сильно?

Ученикъ. Въ Московской и Владимірской.

Преподаватель. На сколько милліоновъ производятъ эти губерніи хлопчатобумажныхъ издѣлій?

Ученикъ. Московская губ. на 90 милл., а Владимірская на 80.

Преподаватель. Первая отличается болѣе обработкой и выдѣлкой хлопчатобумажныхъ тканей на фабрикахъ, а во второй развито также кустарное производство, и притомъ въ большихъ размѣрахъ. Въ Московской губерніи эта промышленность развилась въ Бронницкомъ уѣздѣ, а во Владимірской—въ Шуйскомъ, по р. Тезѣ. Обозначимъ на репетиціонной картѣ наиболѣе замѣчательный пунктъ по выработкѣ хлопчатобумажныхъ тканей — Иваново-Вознесенскъ. Фабриканты Шуйскаго уѣзда раздаютъ кустарнымъ рабочимъ хлопчатобумажную пряжу, а послѣдніе ткутъ изъ нея миткаль, который получаетъ на фабрикахъ дальнѣйшую обработку. Этимъ промысломъ занимаются въ уѣздѣ въ 70-ти деревняхъ и селахъ. Работу кустари

оставляютъ для полевыхъ работъ или, во всякомъ случаѣ, для сѣнокоса.

Въ какихъ губерніяхъ развилась обработка льна, т.-е. производство холста и полотенъ?

Ученикъ. Въ губерніяхъ Владимірской, Костромской и Ярославской.

Преподаватель. Отмѣтимъ, какъ болѣе замѣчательные пункты фабричнаго производства полотна: село Великое въ Ярославской губерніи, Вагуча и Плёсъ въ Костромской. Гдѣ находится шерстяное и шелковое производство?

Ученикъ. Только въ Московской губ.

Преподаватель. Гдѣ встрѣчается кожевенное производство?

Ученикъ. Въ Московской, Тверской и Нижегородской.

Преподаватель. Въ Тверской губерніи развито также приготовленіе обуви. Село Кимры на Волгѣ приготовляетъ много сапоговъ и башмаковъ. Приготовленіе обуви замѣчательно также въ Торжкѣ и Осташковѣ. Отмѣтимъ эти города.

Преподаватель. Производство металлическихъ вещей также довольно распространено, хотя далеко не въ такой степени, какъ ткацкое. Въ Тверской губерніи существуетъ гвоздарное производство, а также производство косъ, серповъ, топоровъ (Осташковъ). Въ Тульской губерніи, именно въ самой Тулѣ, находится казенный ружейный заводъ, фабрика мѣдной посуды (самовары, кофейники, тазы и др.), а также обширное кустарное производство этого товара. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губ., существуютъ казенные желѣзодѣлательные заводы. Наконецъ, въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, въ большихъ селахъ Павловѣ и Ворсмѣ производится кустарная выдѣлка замочнаго товара и всякаго рода ножей (Завьяловъ). Здѣсь крестьяне совсѣмъ не занимаются земледѣліемъ и обратились исключительно къ своему мастерству. Отмѣтимъ на картѣ Тулу, Ворсму и Павлово. Кромѣ этого, замѣтимъ спеціальное производство, которое находится въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи. Въ нѣсколькихъ селеніяхъ близъ Озера процвѣтаетъ мастерское огородничество. Отсюда выходятъ огородники для занятій своею спеціальностью въ столицы и другіе города. Въ религіозномъ отношеніи замѣчательны: Троицко-Сергіева лавра въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. Знаменитая въ историческомъ отношеніи лавра, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Сергія Радонежскаго, ежегодно привлекаетъ десятки тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ концовъ Россіи. При лаврѣ возникъ большой городъ, Троицкій посадъ, замѣчательный изготовленіемъ громаднаго количества дѣтскихъ игрушекъ. Въ

Тверской губерніи замѣчателенъ монастырь Нилова пустынь, гдѣ покоятся мощи св. Нила Столбенскаго. Обозначимъ эти двѣ мѣстности на картѣ. Въ заключеніе скажемъ о Москвѣ. Кромѣ указаннаго торговаго ея значенія, она замѣчательна, какъ городъ мануфактурный. Москва не только производитъ различные предметы торговли, но придаетъ окончательную обработку товарамъ, привозимымъ изъ окрестныхъ фабричныхъ мѣстностей. Центральное торговое и мануфактурное значеніе ея вполнѣ уясняется на картѣ тѣми желѣзными дорогами, которыя связываются въ ней, какъ въ узлѣ. Сколько желѣзныхъ дорогъ сходятся въ Москвѣ?

Ученикъ. Шесть.

Преподаватель. Въ какія стороны направляются эти желѣзныя дороги?

Ученикъ. 1) На сѣверо-западъ въ Петербургъ; 2) на сѣверо-востокъ черезъ Троицкій посадъ и Ярославль на Вологду; 3) на юго-востокъ въ Рязань и оттуда главная линія черезъ Воронежъ и Ростовъ на Владикавказъ, а три боковыхъ линіи ведутъ къ пристанямъ Волги; 4) на югъ черезъ Тулу, Орелъ и Харьковъ въ Крымъ; 5) на востокъ въ Нижній-Новгородъ и, наконецъ, 6) на западъ въ Смоленскъ.

Преподаватель. Такимъ образомъ, Москва связана непосредственно желѣзными путями со всей Россіей, исключая крайняго сѣвера. Обозначимъ перечисленныя желѣзныя дороги въ предѣлахъ московской области. Кромѣ всего этого, Москва представляетъ важный пунктъ исторической жизни Русскаго государства. Всякій истинно-русскій человѣкъ съ именемъ Москвы соединяетъ представленіе о всѣхъ важныхъ и роковыхъ моментахъ исторіи нашего отечества. Въ московскомъ Кремлѣ, высокой, огороженной каменною стѣною, центральной части Москвы, находятся древніе соборы и царскія палаты, сохранившіяся отъ прежнихъ временъ. Рядомъ съ Кремлемъ, на исторической Красной площади, находится памятникъ Минину и Пожарскому, спасшимъ Москву отъ враговъ въ смутное время.

Въ заключеніе бесѣды прибавимъ, что на вопросы, предложенные при изложеніи пробныхъ уроковъ, нельзя смотрѣть, какъ на окончательные и единственно возможные. Вѣроятно, примѣняясь къ ученикамъ даннаго класса, на практикѣ пришлось-бы эти вопросы измѣнить и дополнить или раздѣлить на два и болѣе. Слѣдуетъ всегда примѣняться къ развитію и знаніямъ учениковъ.

А. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Художественное чтеніе въ начальной школѣ.

Возникшій въ послѣднее время и въ литературѣ вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ цѣлесообразно и плодотворно наполнить досугъ крестьянина, что противопоставить вліянію кабака, давнымъ-давно интересовалъ собою лицъ, близко стоящихъ къ народу, и многіе изъ нихъ, по мѣрѣ своихъ силъ. старались и стараются «оздоровить» деревенскіе досуги. Одни работаютъ въ этомъ направленіи практически, другіе-же—теоретически. Мы меньше всего склонны умалять значеніе работы послѣднихъ, такъ какъ для того, чтобы развязать руки практическимъ дѣятелямъ, вопросъ этотъ долженъ получить болѣе или менѣе точный и обоснованный отвѣтъ.

Всѣ, вѣроятно, согласятся съ тѣмъ, что для нравственнаго благоустройства деревенской жизни, для того, чтобы отдыхъ отъ тяжелаго труда былъ дѣйствительно цѣлительнымъ отдыхомъ, необходимо ввести въ эту жизнь эстетическій элементъ. Проводниковъ для этого уже теперь насчитывается довольно много: любительскіе хоры, литературные вечера, чтенія съ туманными картинами, театръ и т. д. Между прочимъ, было указано, какъ на одно изъ средствъ эстетическаго вліянія на деревенскую жизнь, и на «приготовленіе чтецовъ изъ народа» (В. Острогорскій, «Образованіе», 1892 г., № 3). Прибавимъ съ своей стороны, что это дѣйствительно могущественное средство. Но какъ и гдѣ приготовлять такихъ чтецовъ? не устраивать-же для нихъ особыхъ институтовъ или чего-нибудь подобнаго? Очевидно, обязанность приготовленія чтецовъ должна быть возложена на народную школу, и ей должны быть предъявлены соотвѣтственныя требованія. Насколько осуществимы эти требованія—объ этомъ мы скажемъ ниже, а пока обратимъ вниманіе на то, какими чтецами располагаютъ современныя деревня и школа.

Въ отдѣлахъ хроники разныхъ періодическихъ изданій уже давно стали появляться сообщенія и замѣтки о даваемыхъ по деревнямъ театральныхъ представленіяхъ. Почти каждая такая замѣтка указы-

ваетъ въ заключеніе на выдающійся успѣхъ этихъ представленій. Кромѣ того, намъ нерѣдко приходилось читать, что между мѣстными актерами не мало попадалось порядочныхъ декламаторовъ, пользовавшихся въ то-же время репутаціей хорошихъ чтецовъ. Намъ извѣстно одно селеніе, гдѣ частенько устраивается, неоффиціально, по домашнему, нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ, на которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является молодой крестьянинъ, прекрасный чтецъ. Аналогическій примѣръ былъ приведенъ, года два назадъ, въ одной изъ книжекъ «Начальнаго учителя». Пишущему эти строки приходилось заглядывать во многія народныя школы, и въ нихъ, на ряду съ довольно-таки плохими, встрѣчались иногда очень талантливые чтецы. Учителя по большей части уже не обращали на нихъ вниманія, такъ какъ считали ихъ уже переросшими программу народной школы и дорожили ими настолько, насколько они являлись поддержкой для своихъ наставниковъ во время инспекторскихъ ревизій. Все это показываетъ, что уже въ настоящее время по нѣкоторымъ деревнямъ можно встрѣтить вполнѣ удовлетворительныхъ чтецовъ, что есть таковые и по школамъ, обѣщающіе впослѣдствіи, при частыхъ упражненіяхъ, сдѣлаться мастерами своего дѣла. Снабженная необходимыми пособіями и толково руководимая, эта будущая «интеллигенція» деревни легче, чѣмъ кто-либо, можетъ осуществить на дѣлѣ всѣ хорошія стремленія въ указанномъ направленіи. Именно такъ и должно быть: чтобы та или другая потребность народа была наилучше удовлетворена, необходимо всѣ нужныя средства для ея удовлетворенія передать въ руки самого народа. Явилась въ деревнѣ потребность въ хорошемъ чтецѣ—значитъ и нужно найти этого чтеца въ самой-же деревнѣ, приготовить изъ членовъ той-же самой среды, для которой онъ понадобился. Какъ раньше было замѣчено, кое-гдѣ уже попадаются такіе «чтецы изъ народа» и для народа (не значитъ-ли это, что школа уже дѣлаетъ свое дѣло?), но вся суть въ томъ, что ихъ черезчуръ еще мало—капля въ морѣ.

Сказавъ, что обязанность приготовленія хорошихъ чтецовъ должна-бы быть возложена на народную школу, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны обсудить вопросъ, можетъ-ли эта послѣдняя взяться за такое дѣло. Приготовить хорошаго чтеца—это еще не значитъ научить читать только выразительно; а между тѣмъ, уже одна выразительность и сознательность чтенія стόятъ начальной школѣ многихъ трудовъ. Какъ извѣстно, на ней лежитъ прямая обязанность научить своихъ питомцевъ Закону Божію, письму и счету. При тѣхъ средствахъ, которыя находятся въ распоряженіи теперешней начальной школы (разу-

мѣемъ—школу сельскую), при курсѣ ученія только въ три зимы, и такая задача уже должна показаться всякому далеко не легкой. Поэтому, возлагая на народную школу новую тяготу, нужно указать и на тѣ средства, при помощи которыхъ она могла-бы возможно лучше справиться съ нею. По нашему мнѣнію, въ этомъ случаѣ на помощь преподавателямъ народныхъ школъ должна придти прежде всего педагогика, а именно методика начальнаго обученія отечественному языку.

Бѣглость, *сознательность* и *выразительность*—вотъ какихъ качествъ требуетъ современная методика отъ чтенія и при этомъ указываетъ тѣ періоды времени, когда достиженіе того или другого изъ этихъ качествъ должно сдѣлаться главною заботой учителя. Бѣглость, собственно первая ея ступень—плавное, непринужденное чтеніе текста, должна стоять на первомъ планѣ послѣ того, какъ ученикъ уже перестал нараспѣвъ растягивать слова. Требованія сознательности и выразительности чтенія здѣсь ограничиваются тѣмъ, что преподаватель старается о посильной передачѣ прочитаннаго своими словами, въ сомнительныхъ случаяхъ—спрашиваетъ ученика о значеніи прочитанныхъ имъ отдѣльныхъ словъ и предложеній, объясняетъ значеніе непонятаго и заставляетъ выговаривать слова какъ можно яснѣе и отчетливѣе. Но главная забота все-же должна состоять въ томъ, чтобы у учениковъ выработался навыкъ къ болѣе или менѣе бѣглому чтенію, столь необходимому при дальнѣйшихъ занятіяхъ. Сообразно съ этимъ ведутся и упражненія. Заручившись такимъ важнымъ средствомъ, какъ бѣглое чтеніе, преподаватель сосредоточиваетъ затѣмъ свое вниманіе на другой сторонѣ чтенія—сознательности, и заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы мысль ученика поспѣвала и даже нѣсколько предупреждала произносимыя слова, такъ сказать, подсказывала ихъ. Тутъ уже требуется подробный пересказъ прочитаннаго, ведутся бесѣды и т. д. Выразительность чтенія на этой ступени обученія заключается въ томъ, что ученики ясно отчеканиваютъ каждое слово, не проглатывая, какъ говорится, окончаній, читаютъ, сообразуясь, по возможности, со знаками препинанія. Затѣмъ, когда ученики уже пріобрѣли навыкъ въ бѣгломъ и сознательномъ чтеніи, нужно пріучить ихъ читать *выразительно*. Поэтому, не упуская изъ виду уже пріобрѣтенныхъ качествъ, преподаватель упражняетъ учениковъ въ чтеніи съ интонаціей, съ правильной постановкой логическаго ударенія, словомъ, вниманіе сосредоточивается на *художественности* чтенія. Человѣкъ, *только умѣющій* читать, конечно, удовлетворяетъ лишь своимъ потребностямъ, тогда какъ че-

ловѣкъ, хорошо, художественно читающій, несомнѣнно можетъ глубоко влiять на своихъ слушателей. Такимъ образомъ, задача школы въ данномъ случаѣ сводится къ тому, чтобы научить ученика читать такъ, чтобы его было *пріятно* слушать. Если-бы потребовались авторитетныя подтвержденія сказаннаго, то намъ достаточно было-бы привести аргументы Легувэ, который въ своей книгѣ «Чтеніе, какъ искусство» считаетъ необходимымъ ввести искусство чтенія въ число искусствъ, преподаваемыхъ въ школѣ. Еще рѣшительнѣе настаиваетъ на этомъ г. Коровяковъ, авторъ книги «Искусство выразительнаго чтенія». Преподаванію чтенія, какъ искусства, онъ приписываетъ значеніе художественно-литературное, общественно-моральное и общественно-педагогическое. Обученіе выразительно-художественному чтенію развиваетъ языкъ дѣтей, отъучаетъ отъ безсмысленнаго задалбливанія, облегчаетъ первоначальное обученіе, обогащаетъ учениковъ литературными свѣдѣніями и т. д. Въ крестьянскомъ обществѣ уже, очевидно, стали признавать все преимущество такого чтенія передъ чтеніемъ, такъ сказать, дьячковскимъ. Имѣвшимъ сношенія съ деревней, конечно, извѣстенъ терминъ, какимъ обозначаютъ крестьяне хорошее, вразумительное, иной разъ поистинѣ художественное чтеніе; они называютъ его *прозрачистымъ*. И кто въ деревнѣ умѣетъ читать *прозрачисто*, у того нѣтъ недостатка въ слушателяхъ и почитателяхъ. Съ какою гордостью и уваженіемъ иной разъ отзывается отецъ о хорошо читающемъ сынѣ и съ какимъ истиннымъ наслажденіемъ внимаетъ по вечерамъ его чтенію! Много можетъ сдѣлать хорошая книга, но еще больше можетъ сдѣлать она при помощи хорошей передачи ея содержанія, при помощи художественнаго чтенія. Попробуемъ-же указать тѣ средства, при помощи которыхъ народная школа можетъ содѣйствовать осуществленію указанной цѣли.

Звуковой методъ, какъ извѣстно, сильно облегчилъ обученіе грамотѣ. Выучить читать нынѣ такъ-же легко, какъ напечатать книгу въ сотняхъ экземпляровъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшая разработка методовъ обученія чтенію шла нѣсколько односторонне: много заботились о достиженіи полнаго пониманія читаемаго, что̀, разумѣется, очень важно, и очень мало работали по отношенію къ внѣшней сторонѣ чтенія, хотя и предъявляли по этому предмету очень строгія требованія. Особенно это ясно видно на хрестоматіяхъ или книгахъ для чтенія. Составители ихъ, нерѣдко очень опытные педагоги, съ большой тщательностью подбираютъ и располагаютъ матеріалъ для чтенія такъ, чтобы содержаніе статей соотвѣтствовало постепенному развитію пониманія ученика,—что, повторяемъ, очень важно и раціо-

нально; но они вовсе не обращаютъ вниманія на *форму* статей, такъ какъ, вѣроятно, не придаютъ значенію ея для выработки внѣшнихъ качествъ чтенія. А между тѣмъ форма той или другой статьи, т.-е. какимъ языкомъ она написана—состоитъ-ли она изъ легкихъ, короткихъ предложеній, или изъ трудно усвояемыхъ періодовъ, проза-ли это, или стихи. монологъ или діалогъ—все это имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ выработки навыка къ художественному чтенію. Что касается практики чтенія, то мы уже указывали его степени—сознательность, бѣглость и выразительность. Сравнивая эти степени съ вышеуказанными видами рѣчи, нетрудно замѣтить между ними нѣкоторое естественное соотвѣтствіе. Нельзя не видѣть, что для пріученія къ сознательному чтенію необходимо, соблюдая постепенность, выбирать несложныя повѣствованія, состоящія изъ короткихъ предложеній. Для выработки бѣглости чтенія такія статьи уже не подходятъ, такъ какъ частыя остановки на точкахъ поминутно прерывали-бы читающаго, нарушали-бы плавность чтенія. Поэтому нужна рѣчь плавная, гдѣ чтецу можно-бы было развернуться, напр., описанія Гоголя. Выразительности чтенія много способствуетъ многократное чтеніе стихотвореній. Стихотворная мѣрная рѣчь можетъ считаться самымъ подходящимъ матеріаломъ при выработкѣ выразительности чтенія. Остается еще діалогическая форма рѣчи или, лучше сказать, *драматическая*; ее-то мы и предназначаемъ какъ *спеціальный матеріалъ для упражненія въ художественномъ чтеніи.* Считать драматическую форму рѣчи за наиболѣе соотвѣтственную при такихъ упражненіяхъ насъ заставляютъ многія причины. Прежде всего, надо обратить вниманіе на то, что значитъ научить или выучиться читать выразительно-художественно? Это значитъ пріобрѣсти искусство передавать содержаніе читаемаго настолько жизненно, настолько правдиво, что слушатели получали-бы полную иллюзію. Драма, какъ наивысшая форма воспроизведенія жизни въ словѣ (беремъ только эту сторону), самымъ тѣснымъ образомъ связана съ дѣйствительностью. Слѣдовательно, при чтеніи драматическаго произведенія легче всего и всего естественнѣе проявить чтецу жизненность и правду, т.-е. читать художественно. Но тутъ нужно еще обратить вниманіе на исключительную сторону дѣла. Научить ученика читать выразительно-художественно трудно потому, что трудно удобопонятно объяснить ему смыслъ этого чтенія. Учитель говоритъ, напр., «читай, какъ говоришь», и думаетъ, что онъ этимъ что-нибудь уяснилъ. Старательный ученикъ начинаетъ читать какое-нибудь описаніе природы и придаетъ своему голосу такія интонаціи, употребляемыя,

правда, при разговорѣ, которыя въ данномъ случаѣ портятъ чтеніе до безобразія. Учитель принимается самъ читать, но и этимъ уясняетъ дѣло только до извѣстной степени. Если статью иного содержанія ученикъ начнетъ читать, слѣдуя примѣру учителя, то его чтеніе выйдетъ крайне неестественнымъ: оказывается, что тутъ нужно читать иначе. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы хорошо прочитать какое-нибудь описаніе или повѣствованіе, необходимо попасть въ тонъ автора, что для ученика, конечно, непосильно. Но посмотрите, какъ легко распутывается этотъ гордіевъ узелъ при чтеніи какого-нибудь драматическаго отрывка. Здѣсь авторъ ничѣмъ не заявляетъ о себѣ, передъ читающимъ фигурируютъ лишь выведенныя имъ на сцену личности, общій характеръ которыхъ становится до извѣстной степени понятнымъ послѣ немногихъ усилій. Читающій долженъ передать рѣчи дѣйствующихъ лицъ или только одного лица насколько возможно жизненно, правдиво. Что-же это значитъ—передать правдиво? можетъ спросить или подумать ученикъ. Учителю при этомъ уже не придется особенно затрудняться и отвѣтъ его можетъ быть вполнѣ удовлетворительнымъ и понятнымъ: читай такъ, какъ если-бы все описанное было правда, происходило на самомъ дѣлѣ, и ты былъ-бы на мѣстѣ дѣйствующаго лица—съ такимъ-же характеромъ и при такихъ-же обстоятельствахъ. Ученикъ наблюдалъ уже много разнообразныхъ сценъ въ жизни—мирныхъ и бурныхъ, печальныхъ и веселыхъ, пріятныхъ и непріятныхъ; онъ хорошо знаетъ, въ какихъ формахъ проявляется при этомъ душевное состояніе человѣка и какъ мѣняется его рѣчь сообразно перемѣнамъ настроенія. Такимъ образомъ, въ головѣ ученика между знакомой дѣйствительностью и читаемой драматической сценой легко устанавливается связь, помогающая ученику правильно понять требованія учителя. Выяснивъ такимъ образомъ на указанномъ матеріалѣ, что значитъ читать художественно, и поупражнявъ учениковъ въ такомъ чтеніи, учитель лишь послѣ этого только можетъ съ успѣхомъ перейти, преслѣдуя то-же качество чтенія, къ поэтическимъ разсказамъ и художественнымъ описаніямъ.

Въ начальныхъ училищахъ, какъ только ученики начнутъ читать до извѣстной степени бѣгло и сознательно, весь центръ тяжести переносится почти исключительно на такъ-называемое объяснительное чтеніе. На основаніи вышеизложенныхъ причинъ, мы присоединяемъ къ объяснительному чтенію еще упражненія въ художественномъ чтеніи и рѣшается это сдѣлать только потому, что указываемое нами средство ручается за полную возможность и легкость осуществленія

нашей мысли. Повѣствованія и описанія—вотъ матеріалъ для объяснительнаго чтенія, драматическіе отрывки—для художественнаго *). Такимъ образомъ, этимъ дѣленіемъ устанавливается полное сооотвѣтствіе между матеріаломъ и той цѣлью, къ которой направлена работа надъ нимъ. Связь эта вполнѣ естественна, а потому при обученіи выразительно-художественному чтенію всего полезнѣе держаться ея. Можно даже сказать болѣе рѣшительно: не только полезнѣе, но и прямо-таки необходимо, такъ какъ только это методическое средство, обезпечивая физическую возможность, можетъ ручаться за успѣхъ дѣла. Самыя значительныя физическія и умственныя затрудненія преодолѣваются при наличности интереса къ дѣлу и совмѣстнаго общаго труда, порождающаго общее оживленіе. При обыкновенномъ чтеніи, которое теперь ведется въ начальныхъ училищахъ, интересъ къ читаемому рѣдко проявляется у учениковъ, развѣ ужъ попадется что-нибудь особенно занимательное. Что-же касается совмѣстнаго труда, то все дѣло тутъ ограничивается тѣмъ, что одинъ изъ учениковъ читаетъ вслухъ, а всѣ остальные слѣдятъ за читающимъ по своимъ книжечкамъ, стараясь поправлять его погрѣшности. Само собой понятно, что если тутъ и есть совмѣстная работа, то она крайне незначительна. Обыкновенно, лучшіе ученики слѣдятъ за читающимъ лишь для того, чтобы заявлять о его ошибкахъ, остальные-же нерѣдко вовсе не слѣдятъ. Слѣдовательно, на оживленіе класса при такомъ чтеніи нечего и разсчитывать. Иное приходилось намъ замѣчать при чтеніи драматическихъ отрывковъ. Новизна и привлекательность такого рода чтенія, конечно, сейчасъ-же давали о себѣ знать самымъ желательнымъ образомъ. Но кромѣ того, при этомъ являлось на лицо такое могучее средство, какъ совмѣстная работа многихъ учениковъ. Роли выбраннаго драматическаго отрывка раздавались отдѣльнымъ ученикамъ, вслѣдствіе чего третья или четвертая часть учениковъ работала сообща, прочіе-же слѣдили за чтеніемъ, ожидая своей очереди. Вниманіе при этомъ по необходимости было возбуждено, такъ какъ ученику не приходится дожидаться, когда ему скажутъ: «читай», «довольно» и проч.; онъ самъ внима-

*) До сихъ поръ эту роль выполняли и выполняютъ басни. Но ими можно пользоваться лишь за неимѣніемъ лучшаго. Въ моральномъ отношеніи нельзя не признать отчасти справедливыми замѣчаній Руссо относительно басни; въ практическомъ-же отношеніи онѣ неудобны тѣмъ, что по большей части мало драматичны, всегда содержатъ посторонній элементъ: указаніе на лицо говорящее, слова автора; онѣ черезчуръ коротки, большинство изъ нихъ неинтересны для дѣтей вслѣдствіе явнаго намѣренія автора морализировать и т. д.

тельно слѣдитъ за чтеніемъ товарища, безъ чего и невозможно вести подобнаго рода упражненія. Но, конечно, приступая къ нимъ, ученики уже должны обладать въ достаточной степени бѣглостью и правильностью чтенія, такъ какъ все вниманіе учителя и учениковъ должно быть направлено на достиженіе художественности чтенія.

Выше мы сказали, что при чтеніи драматическихъ отрывковъ ученикъ легко пойметъ, что значитъ читать художественно; но кромѣ того, читая совмѣстно, каждый изъ читающихъ будетъ давать тонъ своему товарищу и тѣмъ помогать ему удачнѣй выражаться, т.-е. извѣстный тонъ, напр., вопроса долженъ будетъ самъ по себѣ вызвать соотвѣтственный тонъ отвѣта. Дѣти легче понимаютъ другъ друга, чѣмъ взрослыхъ; поэтому при чтеніи драматическихъ сценъ, если одинъ ученикъ понялъ учителя, то онъ становится непосредственнымъ проводникомъ этого пониманія и для своихъ товарищей, что не имѣетъ такого значенія и силы при чтеніи иныхъ родовъ и видовъ художественныхъ произведеній, потому что тамъ нѣтъ взаимодѣйствія между учащимися, не напрягается такъ сильно вниманіе ихъ и не возбуждается самодѣятельность. Тутъ, при чтеніи драматическихъ произведеній, не раздается обычныхъ возгласовъ: «начинать», «продолжать», «остановиться» и проч.; ученики сами все это видятъ въ книгѣ и знаютъ, малѣйшая невнимательность или несамостоятельность сейчасъ-же становится замѣтной, такъ какъ прерываетъ ходъ чтенія. Эта-же самодѣятельность, исключающая излишнее постороннее вмѣшательство, позволяетъ въ извѣстный промежутокъ времени прочитать больше и большему числу учениковъ. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что чтеніе драматическихъ сценъ (если можно, то и цѣлыхъ произведеній), по своему жизненному содержанію и возможности взаимодѣйствія многихъ учениковъ, должно внести жизненность, одушевленіе, подъемъ энергіи въ дѣтяхъ, которымъ нерѣдко приходится скучать отъ сухого преподаванія нѣкоторыхъ и безъ того скучныхъ предметовъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе послѣдняго года обученія можно приготовить хорошихъ чтецовъ, причемъ ни ученики, ни учитель не будутъ чувствовать особаго обремененія; наоборотъ даже, въ этихъ «лишнихъ» занятіяхъ они будутъ черпать силы для занятій, установленныхъ программой. А если это такъ, то требованіе, чтобы школа удовлетворяла возникшей потребности въ хорошихъ чтецахъ, не можетъ быть незаконнымъ.

Теперь приведемъ приблизительный примѣръ чтенія въ классѣ драматическихъ произведеній.

Въ видѣ самостоятельной работы, ученикамъ дается для внимательнаго прочтенія заранѣе выбранная сцена, напр., сцена въ корчмѣ изъ «Бориса Годунова» или ученіе Митрофанушки изъ «Недоросля». Предварительно учитель кратко разсказываетъ содержаніе пьесы, изъ которой заимствована выбранная для чтенія сцена (это обязательно въ томъ случаѣ, если сцена не имѣетъ самостоятельнаго значенія). Разсказъ этотъ имѣетъ въ виду ознакомить дѣтей съ дѣйствующими лицами и освѣтить характеры послѣднихъ. Такъ какъ такіе разсказы вполнѣ зависятъ отъ знаній и начитанности учителя, то и опредѣленныхъ рамокъ для нихъ нельзя установить, чего, впрочемъ, и не требуется. Необходимо только, положимъ, въ нашемъ второмъ примѣрѣ, сказать, кто такіе—Простакова, Митрофанъ, Кутейкинъ, Цыфиркинъ, съ какою цѣлью предпринимается знаменитый урокъ. Понятно, что учитель долженъ дать также объясненіе непонятныхъ словъ, что онъ и дѣлаетъ сейчасъ-же по прочтеніи дѣтьми сцены про себя. Во время такого чтенія дѣти замѣчаютъ непонятныя слова и выраженія, а окончивъ его, обращаются къ учителю за разъясненіями. Но ограничиться отвѣтами только на вопросы дѣтей нельзя, такъ какъ дѣти сплошь и рядомъ пропускаютъ безъ вниманія неясныя для нихъ выраженія; учитель долженъ хорошенько убѣдиться, все-ли понимаютъ ученики въ прочитанномъ ими. Когда, такимъ образомъ, пониманіе выбранной для чтенія сцены вполнѣ обезпечено, учитель распредѣляетъ роли между шестью и четырьмя учениками (въ нашихъ примѣрахъ). Для перваго чтенія вслухъ нужно выбирать лучшихъ чтецовъ: они легче справятся съ трудностями перваго чтенія и дадутъ образецъ для слабѣйшихъ товарищей. Но нужно принимать въ соображеніе и личное желаніе ученика взять ту или другую роль и по большей части удовлетворять такимъ желаніямъ. Затѣмъ чтеніе начинается. Ученики, разобравшіе роли, читаютъ, остальные внимательно слѣдятъ по книжкамъ. Съ внѣшней стороны учителю при этомъ почти вовсе нечего дѣлать: понуканія, указыванія, гдѣ остановиться и откуда начинать, кому перестать и кому продолжать и т. д.—вся эта скучная работа, мѣшающая въ особенности при упражненіяхъ въ выразительно-художественномъ чтеніи, въ данномъ случаѣ излишняя. Ученикамъ предоставлена полнѣйшая самостоятельность, возбуждающая вниманіе, ученики уже сами знаютъ, что имъ дѣлать, и заботятся только о томъ, какъ сдѣлать. Урокъ по необходимости идетъ плавно и оживленно. Однако учитель можетъ бездѣйствовать только съ внѣшней стороны,

про себя онъ взвѣшиваетъ достоинства и недостатки чтенія*), придумываетъ средства противъ ошибокъ и, при удобной остановкѣ, дѣлаетъ замѣчанія, заставляетъ прочитать извѣстное мѣсто вновь, даетъ образецъ хорошаго чтенія и т. д. Но онъ дѣлаетъ все это такъ, чтобы не нарушить плавности и гармоничности общаго хода чтенія. Но вотъ сцена прочитана. Тогда роли передаются другимъ ученикамъ, и все идетъ тѣмъ-же порядкомъ. Такимъ образомъ, одна сцена можетъ быть прочитана въ теченіе урока три-четыре раза, и всякій разъ ее читаютъ другіе ученики. Подъ конецъ сцена разсказывается кѣмъ-либо изъ учениковъ въ повѣствовательной формѣ. Что касается выбора сценъ, то тутъ необходимо имѣть въ виду: 1) доступность содержанія, 2) чисто литературный языкъ, 3) отсутствіе длинныхъ монологовъ и 4) достаточное число дѣйствующихъ лицъ (чѣмъ больше, тѣмъ лучше, потому что тогда есть возможность сразу привлечь къ дѣлу большее число учениковъ). Понятно, въ настоящее время преподавателю, который пожелалъ-бы воспользоваться изложенными совѣтами, не только не изъ чего выбирать пособій и руководствъ для указаннаго чтенія, но даже не на чѣмъ и остановиться. И если все-же мы сочли нужнымъ высказаться, то единственно въ надеждѣ, что гг. составители книгъ для чтенія впредь найдутъ небезполезнымъ присовокуплять къ обыкновеннымъ отдѣламъ своихъ книгъ отдѣлъ драматическихъ отрывковъ, которыми можно-бы было пользоваться при упражненіяхъ съ учениками въ выразительно-художественномъ чтеніи. Тогда, смѣемъ утверждать, трудъ преподавателя значительно облегчится, а почти невозможное до сихъ поръ дѣло—художественное чтеніе въ начальной школѣ—далеко подвинется впередъ.

И. Врн.

---

*) Искаженіе словъ читающимъ, по общезаведенному порядку, исправляется слѣдящими учениками.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Гигіена семьи. Въ 20-ти письмахъ. Д-ра Ф. Гебера. Перев. со 2-го нѣм. изданія Э. А. Русаковой. Спб. 1892 г. Ц. 50 к. 151 стр. in-8°.

Гигіена женщины. Д-ра медицины Маріи Тило. Перев. съ французскаго Э. А. Русаковой. Спб. 1892 г. Ц. 40 к. 119 стр. in-8°.

Мы соединили отзывы объ этихъ книжкахъ въ виду того, что онѣ, по содержанію своему, взаимно дополняютъ другъ друга. Къ тому-же онѣ переведены однимъ лицомъ и посвящены одной и той-же цѣли: популяризаціи свѣдѣній по гигіенѣ среди нашихъ женъ, матерей, сестеръ и дочерей. Обѣ книжки принадлежатъ къ серіи изданій такъ-называемой «Популярно-научной библіотеки», издав. г. Ф. Павленковымъ.

Увлекательно написанныя, письма д-ра Гебера касаются, главнымъ образомъ, общей гигіены человѣка, и если мы находимъ здѣсь также указанія, касающіяся спеціально гигіены дѣтей, то лишь въ видѣ небольшихъ отступленій. Только послѣднее, двадцатое, письмо трактуетъ объ одномъ изъ вопросовъ дѣтской гигіены, а именно—о вліяніи школы на здоровье дѣтей и о важнѣйшихъ требованіяхъ правильной школьной гигіены. Д-ръ Геберъ не раздѣляетъ господствующихъ теперь въ нашемъ и западно-европейскомъ обществѣ пессимистическихъ взглядовъ на школу, какъ на разсадникъ всевозможныхъ болѣзней и источникъ умственныхъ, нервныхъ и психическихъ страданій. Обвиненія, которыя въ такомъ изобиліи расточаютъ теперь противъ школы, онъ считаетъ въ значительной мѣрѣ преувеличенными и не оправдываемыми дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Что-же касается единичныхъ случаевъ умопомѣшательствъ и самоубійствъ среди учениковъ и ученицъ, то они встрѣчались и въ прежнія времена, когда еще не кричали повсюду о переутомленіи учащихся, но они проходили тогда безшумно и безслѣдно, потому что общественное вниманіе не было сосредоточено на этомъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе,

и д-ръ Геберъ признаетъ, что еще многое предстоитъ сдѣлать въ области школьной гигіены, чтобы устранить существующіе недостатки въ дѣлѣ обученія. Приглашая педагоговъ и врачей соединить свои усилія въ этомъ направленіи, авторъ возстаетъ противъ тѣхъ педагоговъ, которые въ стремленіи врачей изучить вліяніе устройства школы и преподаванія въ ней на здоровье учащихся видятъ ничѣмъ неоправдываемое вторженіе въ ихъ область. Вообще, д-ръ Геберъ старается удержать среди борющихся нынѣ теченій:—стараго, преслѣдующаго исключительно интересы обученія, и новаго, заботящагося, главнымъ образомъ, о сохраненіи физическаго здоровья учащихся,—нейтральное положеніе, не примыкая прямо ни къ той, ни къ другой изъ этихъ крайнихъ партій. Такъ, съ одной стороны, онъ возмущается заявленіемъ нѣкоего нѣмецкаго педагога, который напечаталъ въ одной очень распространенной нѣмецкой газетѣ, что онъ считаетъ не только позволительнымъ, но даже необходимымъ напрягать умственныя силы дѣтей до крайнихъ предѣловъ, и указываетъ на вредные результаты такого напряженія: тупость ума, полную антипатію ко всякой серьезной умственной дѣятельности въ дальнѣйшей жизни и пр. Но, съ другой стороны, д-ръ Геберъ обращаетъ вниманіе читателей на громадныя требованія, предъявляемыя школѣ современнымъ обществомъ, и трудность выполнить ихъ съ тѣмъ матеріаломъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло нынѣшнимъ преподавателямъ. Льготы по воинской повинности, преимущества служебныя и иныя, которыя приноситъ съ собою дипломъ высшаго учебнаго заведенія, заставляютъ всѣхъ стремиться отдавать дѣтей въ среднія уч. заведенія, искусственно увеличивая количество учащихся на счетъ ихъ качества. Лишенные наслѣдственной привычки къ умственному труду и не обладающіе той силой умственной энергіи, которая дается лишь мозговой работой цѣлаго ряда поколѣній, многіе изъ учениковъ современной гимназіи неспособны усвоить массы даваемыхъ имъ знаній и, въ тщетныхъ усиліяхъ воспринять ихъ, переутомляются и бываютъ вынужденными оставить учебное заведеніе до окончанія курса. Относительно обременительности домашнихъ работъ Геберъ стоитъ на точкѣ зрѣнія педагоговъ новѣйшей формаціи. Онъ находитъ, что даже и трехъ часовъ времени для приготовленія уроковъ на дому слишкомъ много, такъ какъ въ такомъ случаѣ у ученика не остается свободнаго времени для отдыха и движенія на свѣжемъ воздухѣ. По его мнѣнію, требуются только лучшіе методы обученія и разумное веденіе училищнаго дѣла, чтобы достигнуть тѣхъ-же результатовъ при наименьшемъ обремененіи учениковъ домашними работами. Если къ тому еще уменьшать число школьныхъ

часовъ для дѣтей младшаго возраста, удлиннятъ свободные промежутки между отдѣльными уроками (перемѣны) и если будутъ обращать побольше вниманія на умственныя и физическія силы каждаго ученика, то требованія гигіены къ школѣ будутъ, по мнѣнію Гебера, совершенно исчерпаны въ томъ, что касается самаго ученія.

Въ вопросѣ о физическомъ здоровьѣ учениковъ авторъ «Гигіены семьи» также не раздѣляетъ всѣхъ обвиненій, которыя сыпятся теперь на школу. Не малую роль въ большой заболѣваемости учащихся играютъ, по его мнѣнію, дурныя условія домашней жизни дѣтей. Въ развитии двухъ главныхъ школьныхъ болѣзней: близорукости и искривленіяхъ позвоночника—виновата не только школа, но и семья. Если-бы родители обращали побольше вниманія на условія освѣщенія, при которыхъ дѣти занимаются дома, если-бы, напримѣръ, они наблюдали, чтобы свѣтъ падалъ на нихъ всегда съ лѣвой стороны, если-бы въ каждой семьѣ имѣлись гигіеническія скамейки, столы и стулья для занятій учащихся дѣтей, если-бы, кромѣ того, взрослые члены семьи слѣдили постоянно за тѣмъ, чтобы дѣти хорошо сидѣли и правильно держались за своими столами, то никогда не могло-бы получиться такихъ печальныхъ результатовъ, какіе теперь констатированы въ отношеніи двухъ упомянутыхъ страданій училищной статистикой. Преувеличенными считаетъ также Геберъ нападки на школу, какъ на разсадникъ заразительныхъ болѣзней среди дѣтей. Во многомъ виновны здѣсь сами родители, которые посылаютъ въ школу больныхъ корью и коклюшемъ, посылаютъ братьевъ и сестеръ дѣтей, заболѣвшихъ дифтеритомъ, скарлатиною и другими подобными заразными болѣзнями.

Д-ръ Геберъ, однако, не обѣливаетъ и школы. Плохое отопленіе, дурная вентиляція, сквозные вѣтры, устраиваемые часто въ классахъ, антигигіеническое устройство отхожихъ мѣстъ, отсутствіе особыхъ помѣщеній для храненія верхняго платья—все это служитъ причиною частыхъ заболѣваній дыхательныхъ органовъ, насморковъ, катарровъ и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ явленій можно было-бы устранить, если-бы своеволію учениковъ и учителей, распоряжающихся отапливаніемъ печей и открываніемъ оконъ и форточекъ, положенъ былъ предѣлъ контролемъ директора заведенія. Недостаточная величина классныхъ комнатъ сравнительно съ числомъ учениковъ и происходящая отъ того порча воздуха имѣютъ слѣдствіемъ хроническія головныя боли (мигрени) и частыя кровотеченія изъ носа. Плохое освѣщеніе классовъ, нецѣлесообразное устройство школьныхъ скамеекъ и употребленіе грифельныхъ досокъ, требующихъ сильнаго напряженія зрѣнія, не мало способствуютъ развитію близорукости и

искривленій позвоночнаго столба. Но за послѣднія десятилѣтія школа сдѣлала громадные успѣхи въ дѣлѣ гигіеническаго устройства училищныхъ зданій и классныхъ комнатъ. Остается еще ждать обязательнаго и повсемѣстнаго пріобрѣтенія гигіеническихъ школьныхъ скамеекъ, усиленія занятій гимнастикою и введенію полезныхъ для физическаго развитія игръ на свободномъ воздухѣ, напримѣръ, игры въ мячъ. Авторъ сильно нападаетъ на существующіе въ настоящее время такъ-называемыя игорныя школы или игорные классы, куда родители посылаютъ малолѣтнихъ дѣтей только для того, чтобы они не мѣшали имъ дома. Отъ преждевременной дрессировки дѣти становятся возбужденными, нервными и, вообще, страдаютъ физически и умственно. Въ общемъ, авторъ чуждъ современнаго пессимистическаго взгляда на будущее школы,—напротивъ, онъ смотритъ на него съ довѣріемъ, ожидая дальнѣйшаго прогресса въ этой области.

Большая часть остальныхъ писемъ д-ра Гебера посвящена вопросамъ питанія организма, затѣмъ разобраны въ отдѣльности каждое изъ внѣшнихъ условій, оказывающихъ вліяніе на здоровье человѣка: воздухъ, теплота, холодъ, сырость, свойства почвы, на которой построено его жилище, а затѣмъ и само жилище; наконецъ, образъ его жизни и занятій. Не заботы также вліяніе одежды, обуви, постели и купанья.

Всѣ эти вопросы нашли себѣ мѣсто также и въ «Гигіенѣ женщины» Маріи Тило, но лишь въ болѣе сокращенномъ видѣ. О нихъ авторъ этой книги трактуетъ на первыхъ 40 страницахъ. Остальная-же часть книги посвящена гигіенѣ ребенка, дѣвушки, замужней женщины, матери и старухи. Для каждаго изъ перечисленныхъ періодовъ жизни женщины преподаны особыя наставленія о томъ, какъ сохранить здоровье и избѣжать заболѣваній; описанію и леченію дѣтскихъ болѣзней отведена особая глава. Читательница найдетъ въ книжкѣ г-жи Тило самые разнообразные совѣты по гигіенѣ: и относительно образа жизни въ томъ или иномъ возрастѣ, и одежды, и обуви, и развлеченій и пр. «Гигіена женщины» должна-бы сдѣлаться настольной книжкой у каждой мало-мальски образованной женщины.

Переводъ обоихъ названныхъ сочиненій сдѣланъ г-жею Русаковой очень удовлетворительно и читается легко. Намъ остается только пожелать, чтобы такія изданія, какъ «Гигіена семьи» и «Гигіена женщины», находили обширный кругъ читателей и, въ особенности, читательницъ, которыя, при желаніи и умѣніи, могли-бы многое сдѣлать для улучшенія условій жизни всей семьи вообще и дѣтей по преимуществу.

Г. В.

Календарь и настольная книжка для матерей и хозяекъ на 1894 г. Годъ II-й, Одесса, 1893 г. Изданіе *М. Кауфмана* и *Д. Богданова*. Стр. 138. Ц. 20 к.

Собственно календарная часть книги занимаетъ всего около 24 страницъ, затѣмъ, отъ стр. 27 до 138-й, помѣщены: статья по гигіенѣ дитяти и матери, совѣты относительно помощи въ несчастныхъ случаяхъ, косметика, о распознаваніи поддѣлокъ и недоброкачественности продуктовъ, замѣтки о пищѣ, квартирѣ, уходѣ за часами, лампами и цвѣтами, списокъ дѣтскихъ книгъ, о мытьѣ, чисткѣ и выведеніи пятенъ, о предохраненіи отъ порчи продуктовъ и различныхъ предметовъ, разнаго рода совѣты. Наибольшое мѣсто въ календарѣ (стр. 27—57) отведено «краткому очерку гигіены дитяти и матери». Повторяя кратко тѣ свѣдѣнія и совѣты, съ которыми читательницы, интересующіяся вопросами этого отдѣла гигіены, могутъ болѣе обстоятельно ознакомиться по имѣющимся на русскомъ языкѣ популярнымъ книжкамъ, очеркъ этотъ все-таки далеко не безполезенъ, такъ какъ знакомствомъ съ гигіеною у насъ могутъ похвалиться очень немногіе. Желательно только, чтобы подобнаго рода свѣдѣнія излагались съ большею систематичностью и, по крайней мѣрѣ, правильнымъ русскимъ языкомъ. Глава объ «образѣ жизни беременной» начинается совѣтомъ: «если женщина привыкла къ извѣстному образу жизни и чувствуетъ себя при немъ хорошо, то она *должна продолжать вести его и во время беременности*» (29). Изъ дальнѣйшихъ совѣтовъ слѣдуетъ, конечно, что беременная женщина не должна танцовать, бѣгать, не должна дѣлать никакихъ сильныхъ движеній, не носить корсета, туго стянутыхъ юбокъ и подвязокъ для чулокъ, носить блузы, пеньюары и т. д.,—однимъ словомъ, совершенно измѣнить свой образъ жизни, слѣдовать совершенно особенному режиму. Предполагая, вѣроятно, что въ числѣ читательницъ «Очерка» могутъ встрѣтиться также дамы изъ «пьющихъ», авторъ его совѣтуетъ таковымъ во время беременности избѣгать употребленія «горячительныхъ напитковъ (пуншъ, крѣпкій чай съ ромомъ, коньякъ, грогъ и т. д.)» (стр. 29). Едва-ли также авторъ правъ, утверждая, что у колыбели новорожденнаго мать и окружающіе его интересуются прежде всего празднымъ вопросомъ «на сколько онъ (новорожденный) въ состояніи крѣпостью своего организма *преодолѣть все, что ему можетъ приготовить судьба*» (37). Статья о косметикѣ (стр. 62—75), составленная по соч. Монэна «Гигіена женской красоты», должна-бы отличаться большею опредѣленностью совѣтовъ. «Чтобы избѣжать *морщинъ* (,) нужно одинаково избѣгать какъ *особенной печали, такъ и*

чрезмѣрной смѣшливости при радости и устранить худобу тѣла» (65). А для устраненія худобы совѣтуется, между прочимъ, «обратить *особенное* вниманіе на слѣдующую діэту (sic): *пока выноситъ желудокъ*—набивать его жирными тѣлами, страсбургскими пирогами, свининой во *всѣхъ* ея видахъ» (64).—«Что-же касается разныхъ притираній, то они *совершенно недѣйствительны* для уничтоженія морщинъ», говорится на стр. 65, а на 67 стр. указывается такое средство «противъ морщинъ»: «взять розовой воды — 200 гр., густого миндальнато молока—50 гр., сѣрнокислаго глинозема—4 гр. Смѣшать и, когда глиноземъ разварится», и т. д. На стр. 72 говорится противъ употребленія помады («помады—это *скверныя* мази, легко горкнущія, оставляющія на головѣ нечистый осадокъ» и т. д.), однако тутъ-же рекомендуется бриліантинъ. На стр. 74 дается совѣтъ не красить волосы: «кромѣ важныхъ неудобствъ и вредныхъ послѣдствій подобной окраски, она сама по себѣ не придаетъ цѣны красотѣ, такъ какъ послѣдняя состоитъ въ *неподдѣльности отдѣльныхъ частей тѣла*». Однако, на той-же самой страницѣ, въ числѣ «средствъ для волосъ» рекомендуется: «*Краска для волосъ.* Настаивать въ теченіи 10 дней 10 частей сока изъ зеленой шелухи орѣховъ и т. д.— Окрашенные этой смѣсью волосы кажутся черными или почти черными» (74). «Не довѣряйте элексирамъ и порошкамъ» (для зубовъ) говорится на 69 стр., а на слѣдующей дается рецептъ элексира для чистки зубовъ. Такихъ противорѣчій въ Календарѣ не мало и, конечно, они не увеличиваютъ его достоинствъ. Какъ понять, напр., такимъ образомъ изложенный совѣтъ: «Одной изъ лучшихъ зубныхъ *рѣдкостей* (?) (какъ по своей полезности, такъ и *потому*, что рѣдко представляетъ какія-либо неудобства) является водный растворъ бертолетовой соли съ прибавкою настойки катеху или нѣсколькихъ капель мятнаго масла, или растворъ борной кислоты (1½ чайныхъ ложки на стаканъ воды съ добавленіемъ 10 мятныхъ капель)»?.. Отдѣлъ «распознаваніе поддѣлокъ и недоброкачественности продуктовъ» (стр. 75—83)—наиболѣе полезный въ Календарѣ, тѣмъ болѣе, что при этомъ отдѣлѣ указана и литература по этому вопросу.

Остальные отдѣлы, поименованные въ началѣ нашей замѣтки, могутъ болѣе или менѣе быть полезными для матерей и хозяекъ.

Въ началѣ Календаря составитель говоритъ: «Изданіе Календаря для матерей и хозяекъ на 1893 г. удостоилось такого успѣха, какого оно, по справедливости, не заслуживало. Этотъ успѣхъ можно объяснить лишь тѣмъ, что въ подобной книжкѣ наши женщины давно уже нуждались». Съ этою самооцѣнкою нельзя не согласиться.

К. М.

По роднымъ краямъ. 1. *Валаамская обитель.* (Поѣздка на Валаамъ). *А. Бахтіарова.* Съ 3 рис. Спб. 1893 г. Изданіе Г. Куковѣрова. Стр. 32. Ц. 10 к.

Брошюрка эта заслуживаетъ вниманія, главнымъ образомъ, потому, что является первою въ предполагаемомъ рядѣ изданій. На оберткѣ ея напечатано слѣдующее, не совсѣмъ грамотное заявленіе г. Куковѣрова, полагающаго, повидимому, что у русскаго человѣка много *родныхъ краевъ*: «Подъ заглавіемъ «*По роднымъ краямъ*» предполагается выпустить нѣсколько книжекъ для народнаго и *школьнаго* чтенія, знакомящихъ (sic) читателей со *своимъ* (ихъ?) отечествомъ и его замѣчательными въ какомъ-бы то ни было отношеніи мѣстностями». Первая книжка болѣе правильно названа въ скобкахъ «Поѣздкою на Валаамъ», такъ какъ въ ней нѣтъ систематическаго описанія Валаамской обители, и потому она не можетъ служить путеводителемъ по этой обители. Это просто наброски туриста, посѣтившаго Валаамъ и передавшаго свои мимолетныя впечатлѣнія на скорую руку. Изъ 30 страницъ текста около 8 страницъ занимаютъ замѣтки по пути, напр., такого рода: «нельзя сказать, чтобы берега Невы, особенно въ началѣ пути, были живописны; убогія деревушки, купавшіеся мальчишки и закоптѣлыя трубы заводовъ не давали никакой пищи воображенію и не радовали взора» (6). Напечатана брошюрка хотя и чистенько,—кромѣ рисунковъ,—но не вполнѣ исправно (см., напр., стр. 18, стр. 2), попадаются въ ней и такія выраженія, какъ «сводный потолокъ» (стр. 22), «разводка рыбы» (24) и т. п.

Описаніе поѣздки автора на Валаамъ было предварительно напечатано, кажется, въ духовномъ иллюстрированномъ журналѣ «Русскій Паломникъ» и, вѣроятно, было прочтено не безъ интереса его подписчиками, но для отдѣльнаго изданія, предназначеннаго «для народнаго и школьнаго чтенія», описаніе это нуждалось-бы въ болѣе тщательной литературной отдѣлкѣ. Цѣна брошюрки высока; нынѣ подобнаго рода изданія обыкновенно пускаются въ продажу по 5 или по 3 коп., и даже дешевле. **К. М.**

К. Д. Ушинскій. Его жизнь и педагогическая дѣятельность. Біографическій очеркъ М. Л. Песковскаго. Изд. Павленкова. Цѣна 25 к. (съ портретомъ).

Русская педагогія еще въ долгу предъ памятью Ушинскаго, полной біографіи котораго до сихъ поръ у насъ не имѣется, а потому очеркъ г. Песковскаго отчасти пополняетъ этотъ пробѣлъ, но только

отчасти. Авторъ очерка самъ заявляетъ, что «послѣ смерти Ушинскаго осталось много рукописей и корректурныхъ оттисковъ статей, не появившихся въ свѣтъ; но этотъ интересный матеріалъ еще не собранъ, не обработанъ. Точно также не собраны, не разработаны и письма покойнаго къ разнымъ выдающимся педагогическимъ дѣятелямъ русскимъ и иностраннымъ. Статьи Ушинскаго въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ газетахъ, безъ его подписи до сихъ поръ остаются въ неизвѣстности». Къ этому можно добавить, что у насъ еще нѣтъ и полной историческо-педагогической оцѣнки его практическихъ реформъ въ области женскаго воспитанія (которыхъ болѣе касается г. Песковскій), и его учебныхъ и ученыхъ литературныхъ трудовъ, начиная съ азбуки и первой книги для чтенія и кончая громаднымъ критическо-педагогическимъ сочиненіемъ—Антропологіей, къ сожалѣнію, не оконченнымъ.

Правда, г. Песковскій прекрасно воспользовался наиболѣе доступнымъ біографическимъ матеріаломъ, каковы: *Д. Д. Семенова*—бывшаго сослуживца покойнаго, и *А. В. Фролкова*, состоявшаго одно время его личнымъ секретаремъ, *разсказы* и воспоминанія его родныхъ и друзей и, наконецъ, *собственныя сочиненія* Ушинскаго, всегда искреннія, задушевныя, въ которыхъ свободно вылились всѣ его завѣтныя убѣжденія, надежды и желанія, его глубокое религіозное чувство, его любовь къ народу и къ отечеству вообще. И надо отдать справедливость, что, за скудостью внѣшнихъ фактовъ для біографіи, г. Песковскій весьма умѣло, мастерски воспользовался сочиненіями самого Ушинскаго для характеристики его свѣтлой личности, то восторженной, то глубоко страдающей, то бурно протестующей противъ темныхъ сторонъ русской жизни и русскаго воспитанія. Много блестящихъ отрывковъ приводится въ очеркѣ г. Песковскаго, и нравственная личность нашего незабвеннаго педагога живо выступаетъ предъ нами и обаятельно дѣйствуетъ на читателя. Видно, что самъ біографъ горячо полюбилъ своего героя и самъ увлекается имъ до обожанія. Такъ именно дѣйствовалъ Ушинскій и при жизни на тѣхъ, кто ближе сходился съ нимъ и ближе узнавалъ его: недаромъ онъ пользовался полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ императрицы Маріи Александровны, спасшей его отъ преслѣдованій его литературныхъ и служебныхъ враговъ...

Эта искусная обрисовка нравственной личности Ушинскаго заставляетъ простить его біографу нѣкоторую неполноту его очерка, за недостаткомъ доступныхъ матеріаловъ. Такъ, нѣжинскій періодъ жизни и профессорской дѣятельности покойнаго остается еще слишкомъ тем-

нымъ. Причины его отставки, вызванной, какъ самъ покойный разсказывалъ, его гегеліанскими воззрѣніями при изложеніи философіи права, еще совершенно неясны. Хорошо было-бы, пока не поздно, сдѣлать предложенія его нѣжинскимъ сослуживцамъ и слушателямъ разсказать объ этомъ съ полною, историческою правдивостью, такъ какъ для этого уже настаетъ исторія... Отношенія Ушинскаго къ *Н. И. Пирогову* и барону *Н. А. Корфу*, съ которыми онъ былъ вполнѣ солидаренъ, также не выяснены. Не видно также, какъ много былъ обязанъ покойный *В. К. Пфелю*, нынѣ почетному опекуну, оказывавшему ему энергическую поддержку въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи. Замѣчательныя письма Ушинскаго къ покойной Государынѣ Императрицѣ тоже остаются въ неизвѣстности. При описаніи послѣднихъ минутъ его жизни у біографа его пропущенъ такой фактъ, какъ искренняя исповѣдь и пріобщеніе Св. Тайнъ,—фактъ, столь естественный, столь даже неизбѣжный при глубокой религіозности Ушинскаго, а между тѣмъ такой пробѣлъ можетъ подать поводъ еще живымъ литературнымъ и служебнымъ врагамъ его продолжать свои клеветы на него...

Не сдѣлано г. Песковскимъ хотя краткой оцѣнки и такихъ крупныхъ по своему значенію произведеній Ушинскаго, какъ его «Родное слово» и «Опытъ педагогической Антропологіи»; но этотъ пробѣлъ въ значительной степени извинителенъ, такъ какъ этой оцѣнки нѣтъ и въ нашей педагогической литературѣ. Послѣдней еще предстоитъ разъяснить, почему первое изъ этихъ произведеній, несмотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ оффиціальныхъ сферъ, разошлось въ числѣ 100 изданій, т.-е. болѣе чѣмъ *милліона* экземпляровъ, научивъ милліоны русскихъ дѣтей *сознательному* чтенію и письму. Секретъ этого безпримѣрнаго у насъ явленія заключается, конечно, въ томъ, что книга эта (вѣрнѣе—двѣ первыя ея части) отвѣчаетъ какъ чисто-русскимъ, такъ и общечеловѣческимъ потребностямъ дѣтскаго развитія, а потому и приходится одинаково по вкусу и крымскимъ татарамъ,—о чемъ упоминаетъ и г. Песковскій,—и закавказскимъ армянамъ, и костромскимъ православнымъ крестьянамъ, и донскимъ казакамъ-раскольникамъ. Внеси Ушинскій въ эту книжку преобладающій конфессіональный элементъ, о чемъ хлопочутъ у насъ нѣкоторые усердствующіе педагоги,—и она стала-бы отталкивать иновѣрческихъ и инородческихъ дѣтей отъ русской школы, призванной къ сближенію и ассимилированію всѣхъ чуждыхъ и даже враждебныхъ русскому народу элементовъ. Исключительный конфессіонализмъ русской школы и русской книги можетъ только вызвать такое-же движеніе

и въ иновѣрческихъ сферахъ, что вмѣсто объединенія ведетъ къ разъединенію.

Антропологія Ушинскаго была задумана и отчасти составлена въ то печальное время, когда наплывъ разныхъ иноземныхъ, преимущественно нѣмецкихъ и англійскихъ философскихъ и педагогическихъ теорій до того расшаталъ русскую школу и русское воспитаніе, что вызвалъ памятный протестъ гр. Л. Н. Толстого, возставшаго противъ всякой педагогіи и предлагавшаго начать съ отрицанія всякихъ системъ, всякихъ методъ, всякой дисциплины. Ушинскій былъ далекъ отъ подобныхъ крайностей. Хотя онъ также всегда стоялъ за самобытность русскаго воспитанія и русской школы, но въ то-же время признавалъ, что «человѣчество жило для насъ не даромъ», и что мы должны пользоваться его наукой и его опытами, но лишь выбирая то, что примѣнимо къ нашему національному характеру и къ нашимъ современнымъ потребностямъ. И вотъ Ушинскій, желая дать прочныя религіозно-нравственныя основы русскому воспитанію, подвергъ самой безпощадной критикѣ всѣ крайнія, а въ особенности матеріалистическія теоріи нѣмецкихъ и англійскихъ психологовъ; но не успѣлъ сдѣлать прямыхъ выводовъ отсюда примѣнительно къ воспитанію. Но выводы эти сами собою являются въ умѣ каждаго мыслящаго читателя его труда. Таково историческое значеніе этихъ капитальныхъ сочиненій, о которыхъ наше общество, судя по числу ихъ изданій, сдѣлало благопріятный приговоръ раньше всякихъ біографовъ, критиковъ и историковъ.

Мы увѣрены, что прекрасный, увлекательно написанный очеркъ г. Песковскаго скоро потребуетъ второго изданія; а потому совѣтывали-бы, насколько возможно, пополнить его пробѣлы и приложить изображеніе прекраснаго надгробнаго памятника Ушинскаго въ Кіевѣ, снятаго фотографомъ-любителемъ г. Вараввой. Будетъ время, когда мы будемъ имѣть, кромѣ этого надгробнаго памятника, еще и *общественный*, который поставитъ русское общество своему первому педагогу-реформатору, и когда составится тотъ *Музей Ушинскаго*, устройство котораго такъ горячо предлагаетъ его почтенный біографъ.

Л. Гарскій.

Изданія для народа: 1) «Летные», разсказъ о жизни сибирскихъ бѣглыхъ. Д. Мамина-Сибиряка. Изд. Муринова, цѣна 10 коп.

Своеобразная, полная всевозможныхъ приключеній и нерѣдко самаго глубокаго трагизма жизнь бѣглыхъ каторжниковъ даетъ благодарный матеріалъ нашимъ художникамъ-беллетристамъ. Очерки: «Со-

колинецъ» В. Короленка и «Иванъ Непомнящій» Немировича-Данченка относятся именно къ такимъ произведеніямъ, которыя будятъ въ читателѣ лучшія чувства по отношенію къ отверженнымъ, выброшеннымъ за бортъ жизни «несчастненькимъ», какъ мѣтко характеризуетъ преступниковъ нашъ народъ. У читателя невольно, само собою слагается убѣжденіе, что нѣтъ такого человѣка, у котораго утратилось-бы все человѣческое, что подъ грубою оболочкою каторжника часто бьется такое мягкое и нѣжное сердце, такое состраданіе къ слабымъ и беззащитнымъ, которое ясно указываетъ, что злое начало, толкнувшее человѣка на путь преступленія, лежитъ не въ немъ самомъ, а въ той обстановкѣ, въ той непроглядной тьмѣ невѣжества, среди которой жило и дѣйствовало до момента преступленія громадное большинство обитателей каторги. Къ такимъ произведеніямъ должны быть отнесены и «Летные» Мамина-Сибиряка. Героемъ разсказа является «летный» Иванъ Несчастной-Жизни. Названіе это, придуманное имъ самимъ, какъ нельзя болѣе опредѣляетъ всю совокупность обстоятельствъ, въ силу которыхъ Иванъ изъ честнаго и добраго крестьянина превращается въ каторжника. Несложны эти условія. Въ дѣтствѣ Иванъ привязался къ сверстницѣ своей Феклистѣ. Дѣтская привязанность съ годами переходитъ въ сильное чувство. Но воля старшихъ въ семьѣ оказалась сильнѣе ихъ взаимной привязанности, и Феклиста была повѣнчана съ Егоромъ, старшимъ братомъ Ивана. Тяжело было Ивану, но онъ молчалъ и старался избѣгать Феклисты, хотя сдѣлать это было и трудно. На счастье или на несчастье, подвернулась рекрутчина, и Корневымъ (семья Ивана) приходилось выставлять солдата, а на очереди былъ Егоръ. Вся семья взвыла; у Феклисты уже было двое ребятишекъ. Крѣпко задумался Иванъ надъ нежданной бѣдой и порѣшилъ идти въ солдаты за Егора. Пятнадцать лѣтъ тянулъ онъ свою лямку и по выходѣ въ отставку снова вернулся на родину и поселился въ семьѣ брата. Сначала все шло хорошо, но потомъ кто-то намекнулъ Егору на прежнія отношенія Ивана къ его женѣ, и между братьями пробѣжала черная кошка; потомъ пошли упреки, ссора, драка... Въ результатѣ—убитый Егоръ и каторжникъ Иванъ. Конечно, легко могло случиться и обратное распредѣленіе ролей—дѣло простой случайности. Разсказъ начинается съ того момента, когда Иванъ, бѣжавъ съ каторги, пробирается къ себѣ на Уралъ, чтобы хотя издали, со стороны посмотрѣть и на родину, и на Феклисту. Больной, обезсилѣвшій во время долгаго пути, Иванъ, наконецъ, у цѣли своего путешествія—на Татарскомъ островѣ (на р. Исети), какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ на берегу

раскинулось его родное село. Съ Иваномъ вмѣстѣ пробираются на родину два товарища по несчастью. Яркими красками изображены въ разсказѣ тѣ опасности и невзгоды, которыя приходится переносить путникамъ во время длиннаго пути среди необъятной сибирской тайги. Начиналась весна, и Иванъ съ товарищами рѣшаетъ провести наступающее лѣто на островѣ, такъ какъ мѣстные крестьяне не преслѣдуютъ бѣглыхъ и даже отчасти дорожатъ ими, какъ дешевыми работниками. Скоро «летные» становятся въ деревнѣ своими людьми. Деревенская дѣтвора свободно пробирается на островъ и завязываетъ съ ними тѣсную дружбу. Иванъ ласкаетъ и нѣжитъ дѣвочку Феклисты, съ послѣдней у него происходятъ также частыя свиданія, и когда наступила страда, онъ усердно работаетъ на ея полосѣ. Подъ конецъ лѣта населеніе острова увеличивается, на немъ появляется Дунька, такая-же бѣглая, какъ и остальные трое, но только еще болѣе несчастная: она готовится быть матерью. Надо представить себѣ всю совокупность неблагопріятныхъ условій, чтобы понять ужасъ ея положенія. Но судьба какъ будто сжалилась надъ ней, и больная находитъ въ лицѣ Ивана самаго искренняго и нѣжнаго друга. «Когда появился на свѣтъ ребенокъ, Иванъ просидѣлъ у огонька цѣлую ночь, не смыкая глазъ. Въ немъ самомъ происходило что-то такое необыкновенное, чего онъ еще никогда не испытывалъ—ему и жутко было, и какъ-то легко, и что-то такое хорошее теплилось у бездомнаго бродяги на самомъ днѣ его души, именно то свѣтлое человѣческое чувство, котораго не въ состояніи вытравить никакая каторга. Вотъ здѣсь, почти у него на глазахъ, родился новый человѣкъ, и бродяга смутно сознавалъ все величіе свершившагося акта природы: новая жизнь теплилась въ балаганѣ, какъ блуждающій огонекъ...» Появленіе Дуньки на островѣ произвело настоящее волненіе среди деревенскихъ бабъ. Трудно объяснить, чѣмъ было вызвано это волненіе, но только въ результатѣ его было то, что Ивану грудью пришлось отстаивать безопасность Дуньки, когда добрая половина мужиковъ, подстрекаемыхъ бабами, явилась на островъ, чтобы раздѣлаться съ Дунькой. Это было послѣднее, въ чемъ проявилось доброе сердце Ивана,—дни его были сочтены. На деревнѣ случился пожаръ, Ивана обвинили въ поджогѣ, и дѣло кончилось страшнымъ деревенскимъ самосудомъ: Ивана бросили въ пламя пожара, а чтобы онъ не вырвался изъ пламени, его придавили тяжелой слегой.

Оставляя въ сторонѣ художественность разсказа, мы останавливаемъ вниманіе читателя на внутреннихъ гуманизирующихъ достоинствахъ, которыми изобилуетъ разсказъ. Книжный складъ Муринова

дѣлаетъ большую услугу простому читателю, выпуская въ свѣтъ такое прекрасное произведеніе. Жаль только, что цѣна ея (10 коп.) нѣсколько высока для бюджета деревенскаго читателя.

2) № 12, «*Сестра Катерина*», разсказъ объ одной доброй англичанкѣ. 3) № 13, «*А. Г. Разумовскій*», историческій разсказъ *Д. П. Миллера*. Изданіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

Обѣ книжки служатъ продолженіемъ той серіи народныхъ изданій, которую предприняло Харьковское Общество грамотности *). Первая изъ нихъ (№ 12) знакомитъ читателя съ біографіей знаменитой леди Марсденъ, посвятившей свою жизнь на служеніе бѣднымъ и больнымъ, въ особенности прокаженнымъ. Толково составленная, написанная простымъ, яснымъ языкомъ, книжка довольно ярко обрисовываетъ личность этой замѣчательной англичанки; кромѣ того, она знакомитъ читателя съ тѣми поистинѣ ужасными условіями, въ которыхъ живутъ прокаженные въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области. Будучи пригодна для всякаго возраста, книжка эта, несомнѣнно, найдетъ самый широкій кругъ читателей.

Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать про вторую изъ названныхъ книжекъ (№ 13, «А. Г. Разумовскій»). Сынъ бѣднаго, часто запивавшаго казака Розума, Алеша изъ простого деревенскаго пастуха, благодаря своему хорошему голосу, красивой наружности и счастливой случайности, становится придворнымъ пѣвчимъ, а затѣмъ возвышается и до степени перваго сановника при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны. Такая головокружительная быстрота въ достиженіи матеріальныхъ благъ героя разсказа дѣйствуетъ сильно на фантазію читателя, заставляя его витать въ области воздушныхъ замковъ, и почти совсѣмъ не затрогиваетъ мысли и чувства. Какъ положительныя качества Разумовскаго, въ разсказѣ отмѣчена его личная доброта по отношенію къ близкимъ родственникамъ и землякамъ, причемъ проявленіе заботъ по отношенію къ послѣднимъ иногда служило въ ущербъ общегосударственнымъ интересамъ. Вообще, внутреннее содержаніе книжки довольно блѣдно. Если къ этому еще прибавить, что книжка написана тяжелымъ языкомъ (смѣсь малороссійскаго съ великорусскимъ), то, несомнѣнно, придется признать ее однимъ изъ слабыхъ изданій Харьковскаго Общества грамотности.

4) «*Янко музыкантъ*», разсказъ Генриха Сенкевича. Изданіе «Русской Мысли». Цѣна 1 коп.

*) Разборъ книжекъ, изданныхъ Обществомъ ранѣе, см. въ «Русской Школѣ» 1893 г., январь, стр. 190.

Это одинъ изъ тѣхъ маленькихъ, чудныхъ, проникнутыхъ грустной поэзіей разсказовъ, которые хватаютъ за сердце даже людей совсѣмъ не сентиментальныхъ. Слабый, хилый десятилѣтній Янко страстно любитъ музыку. Онъ слышитъ ее всюду—въ лѣсу, въ полѣ, въ саду. На скрипку, которую ему удалось увидѣть въ корчмѣ, онъ смотритъ, какъ на священную вещь, къ которой грѣшно прикоснуться. Изъ желанія внимательнѣе разсмотрѣть эту священную вещь, онъ пробирается тайкомъ въ барскій домъ. Его принимаютъ за вора. Судья приговариваетъ его къ розгамъ, а сторожъ, исполнитель приговора, поусердствовалъ не въ мѣру, и бѣдный Янко поплатился жизнью. И дѣтьми, и взрослыми разсказъ прочтется съ захватывающимъ вниманіемъ. Языкъ разсказа прекрасный. **Н. Тулуповъ.**

«Оловянный утюжокъ». Разсказы изъ жизни единственнаго сына. *Юліаны Юингъ.* Съ англійскаго. Съ 12-ю рисунками. Спб. Изданіе Суворина. 1893 г. 252 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Роль «оловяннаго утюжка» въ разсказахъ ограничивается слѣдующимъ. Единственный сынъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, скучаетъ въ одиночествѣ и мечтаетъ о томъ, какъ было-бы хорошо имѣть сестру-подругу. Однажды онъ встрѣчаетъ въ лавкѣ двухъ прелестныхъ дѣвочекъ, покупающихъ себѣ игрушечные оловянные утюжки. Образъ одной изъ дѣвочекъ особенно ярко врѣзывается въ память мальчика; онъ покупаетъ себѣ такой-же утюжокъ и, играя имъ, постоянно вспоминаетъ дѣвочку, которую встрѣтилъ въ лавкѣ. Много лѣтъ спустя, уже взрослыми людьми, мальчикъ и дѣвочка снова встрѣчаются, узнаютъ другъ друга, благодаря тому, что разговоръ заходитъ объ оловянномъ утюжкѣ, и въ концѣ-концовъ дѣлаются мужемъ и женой. Эта исторія оловяннаго утюжка довольно искусственно пристегнута къ разсказамъ, которые сами по себѣ очень недурны и интересны, въ особенности тѣ главы, въ которыхъ разсказывается о дѣтствѣ героя. Правдиво и художественно изображена въ нихъ внутренняя жизнь и міросозерцаніе маленькаго одинокаго ребенка; живы и симпатичны фигуры героя, его отца, няни, кузины Полли и безсловеснаго товарища мальчика—собаки; трогательна любовь мальчика къ матери и сестрѣ, умершей черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, любовь отца къ осиротѣлому сыну и привязанность няни къ чужому ребенку. Изложено это все очень живо и читается вначалѣ съ большимъ интересомъ; интересъ этотъ, однако, ослабѣваетъ по мѣрѣ чтенія: чѣмъ дальше, тѣмъ образы дѣйствующихъ лицъ становятся

блѣднѣе, изложеніе эпизодичнѣе. Кончается вся исторія нѣсколькими свадьбами, оставляя рецензента въ недоумѣніи, для какого возраста назначаетъ авторъ свое произведеніе и что хотѣлъ сказать имъ? Объ этомъ нельзя не пожалѣть тѣмъ болѣе, что, судя по первымъ главамъ, можно было ожидать совсѣмъ иного.

Издана книга изящно и содержитъ 12 рисунковъ.

---

1. **Малымъ ребятамъ.** Книжка третья. Разсказы и стихи. Изданіе *Сытина*. Цѣна $1^1/_2$ к.

2. **Сборникъ разсказовъ.** Умирающій левъ. № 120. Изд. *Сытина* Цѣна 3 к.

3. **Три клада,** или Никита и его дочери. Изд. «*Правда*». В. И. № 50. Цѣна 3 к.

Первое изъ названныхъ изданій, какъ видно изъ заглавія, предназначается для маленькихъ дѣтей. «Третья книжка» этого изданія такъ-же хорошо составлена, какъ и первыя двѣ, о которыхъ въ свое время нами уже былъ данъ отзывъ. Заключая въ себѣ очень хорошо подобранный матеріалъ для чтенія, она вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Въ ней помѣщены три стихотворенія Плещеева («Въ бурю», «Птичка», «Человѣкъ и пташка») и 6 разсказовъ. Лучшій изъ разсказовъ—«Кусокъ хлѣба» (авторъ не названъ). Это повѣсть изъ дѣтской жизни на тему «Ласковое слово все сломитъ». Героиня повѣсти—несчастная, заброшенная сирота—никогда не слышитъ ничего, кромѣ брани; всѣ ее бьютъ за воровство, бранятъ за приставанія; только одинъ такой-же сирота мальчикъ пожалѣлъ ее, накормилъ и приласкалъ ее; и эта ласка совершенно измѣнила дикарку: она перестала жить подачками и воровствомъ, стала работать, по примѣру своего маленькаго покровителя, и сдѣлалась привѣтливою и доброю ко всѣмъ окружающимъ. Всѣ остальные разсказы написаны на подобныя-же темы о любви къ ближнамъ и ко всякой твари Божіей; всѣ они хороши и по содержанію, и по языку, и вполнѣ пригодны для чтенія ребенку какъ изъ интеллигентной семьи, такъ и изъ среды народа.

Второе изъ поименованныхъ изданій представляетъ собою также сборникъ разсказовъ (всѣхъ 4) на ту-же тему о любви и о состраданіи ко всему живущему. Но выполненіе этой прекрасной темы въ первыхъ двухъ разсказахъ «Сборника» значительно ниже, чѣмъ въ первомъ изъ названныхъ сборниковъ: слишкомъ густы краски, слишкомъ растянуты описанія страданія животныхъ. Особенно неудаченъ

первый разсказъ—«Сивка» (Гюи-де-Мопассана), весь состоящій изъ описанія страданій и смерти стараго коня, котораго всячески мучилъ и въ концѣ-концовъ уморилъ голодною смертью злой мальчишка, приставленный для ухода за несчастнымъ животнымъ. Почти въ такой-же степени неудаченъ и разсказъ Немировича-Данченка «Умирающій левъ»,—разсказъ о страданіяхъ и смерти льва, изнывающаго въ клѣткѣ звѣринца. Такіе разсказы могутъ возбудить въ дѣтяхъ не состраданіе къ животнымъ, а только брезгливое чувство и скуку. Остальные два разсказа Сборника: «На волю» Баранцевича и «Праздникъ Анюты» Хирьякова несравненно лучше двухъ первыхъ, и ради нихъ можно рекомендовать «Сборникъ» для чтенія дѣтей средняго возраста. Это повѣсти изъ жизни бѣдныхъ дѣтей въ столицѣ. «На волю»—хочется бѣдному Яшѣ, привезенному изъ деревни и отданному въ «мальчики» въ магазинъ модныхъ вещей. Яша только и мечтаетъ о волѣ и деревнѣ, и потому особенно сочувствуетъ птичкамъ въ клѣткахъ, и тратитъ свой единственный гривенникъ на то, чтобъ выпустить на волю несчастнаго больного пухляка. Тяжелая жизнь и душевное состояніе бѣднаго мальчика, попавшаго въ чуждую ему и неуютную обстановку столичной жизни, описаны живо и производятъ желательное впечатлѣніе. Такое-же чувство состраданія возбуждаетъ и маленькая Анюта въ разсказѣ Хирьякова. Анютѣ тяжко живется у вдовца отца, гдѣ ее некому приласкать; но дѣвочка не ожесточается отъ этой жизни и остается сердечнымъ и добрымъ ребенкомъ, для котораго истинный праздникъ пріютить и пригрѣть какую-нибудь заброшенную тварь Божію.

Послѣдняя изъ разбираемыхъ книжекъ заключаетъ въ себѣ сказку въ стихахъ В. И. Водовозова «Три клада», перепечатанную изъ «Дѣтскаго сборника», изданнаго В. Лесевичемъ, о содержаніи котораго на страницахъ «Русской Школы» уже былъ данъ отзывъ (см. «Русская Школа» 1892 г., № 2-й, стр. 155).

Нельзя не пожелать успѣха названнымъ книжечкамъ, особенно первой изъ нихъ «Малымъ ребятамъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не выразить сожалѣнія, что въ такого рода изданія вносятся произведенія исключительно беллетристическія, и что въ нихъ почти совсѣмъ не встрѣчается статей, изъ которыхъ юные читатели могли-бы почерпнуть какія-либо свѣдѣнія объ окружающей ихъ природѣ.

Матченко, Учебникъ сравнительной географіи шестаго класса реальныхъ училищъ. Второе изданіе. Кіевъ, 1892 г.

По учебнымъ планамъ реальныхъ училищъ, въ VI классѣ полагается курсъ сравнительной географіи, причемъ, кромѣ пройденныхъ въ общемъ курсѣ свѣдѣній, полагается дополнять курсъ соотвѣтственно возрасту и познаніямъ учащихся и излагать его сравнительно. Весь курсъ распадается на общій, занимающій не болѣе трети всего учебнаго года, и курсъ географіи Россіи сравнительно съ главнѣйшими государствами Европы. По своему составу, учебникъ г. Матченка соотвѣтствуетъ этому раздѣленію, но объемъ обѣихъ частей не находится въ указанномъ учебными планами равновѣсіи. Всего въ учебникѣ 204 страницы, и изъ нихъ на общую часть отдѣлено 90 страницъ, т.-е. почти половина всего учебнаго матеріала. Такое расширеніе общей части придаетъ ей болѣе самостоятельности и удаляетъ на второй планъ собственно русскую географію. Первая часть представляетъ слѣдующіе отдѣлы: распредѣленіе суши и положеніе частей свѣта, устройство поверхности, береговое развитіе, острова, океаны, климатъ, гидрографія, растительность, животное царство и человѣкъ. Это—главные отдѣлы, которые, въ свою очередь, раздѣляются на болѣе мелкія части, и притомъ не всегда удачно. Такъ, напр., климатъ отдѣленъ отъ орошенія (атмосфернаго) и между этими двумя отдѣлами вставлено астрономическое раздѣленіе суши по поясамъ, съ обозначеніемъ числа квадратныхъ миль, принадлежащихъ къ каждому поясу.

Самая слабая сторона учебника это именно то, чѣмъ онъ долженъ отличаться, т.-е. *сравнительность* изложенія. Желая расположить факты по канвѣ примѣрной программы, авторъ втискиваетъ ихъ въ извѣстныя рубрики, и часто только сопоставляетъ ихъ, не пользуясь даже сравненіями, прочно установившимися въ наукѣ. Сверхъ того, замѣтно сильное вліяніе идей Риттера и не всегда ясное и отчетливое пониманіе того, о чемъ идетъ рѣчь. Уже первая вступительная фраза отчасти доказываетъ послѣднее. Авторъ говоритъ: «между природой и человѣкомъ существуетъ тѣсная связь, обусловливающая собой развитіе и процвѣтаніе народовъ. Отсюда (?) предметомъ географіи или (?) сравнительнаго землевѣдѣнія служитъ изображеніе (!) физической природы земного шара въ связи съ жизнью и дѣятельностью людей». Начать съ того, что природа не всегда служитъ развитію людей, а иногда угнетаетъ ихъ. Во всякомъ случаѣ, изъ этой связи человѣка съ природой не логично выводить положеніе о сущности географіи и отожествлять понятіе о послѣдней съ понятіемъ о

сравнительномъ землевѣдѣніи. Въ руководствѣ г. Матченка неточности и неправильности разсѣяны повсюду. Часто, напр., употребляется слово *земля* вмѣсто *суша*. На стр. 3-й, говоря о протяженіи материковъ, авторъ приводитъ гипотезу Пешеля и увѣряетъ, что природа по направленію параллельныхъ круговъ представляетъ *всѣ удобства* для передвиженій и сношеній народовъ. Очевидно, что здѣсь авторъ хватаетъ черезъ край. На страницѣ 5-й сказано, что «слѣдуетъ наблюдать его (рельефъ страны) не сверху, а сбоку, т.-е. въ профиль (поперечный разрѣзъ суши)». Такимъ образомъ, поперечный разрѣзъ является сбоку. На стр. 6-й, описывая рельефъ суши, авторъ указываетъ, что «наиболѣе пригоднымъ для культурной жизни служитъ тотъ рельефъ, въ которомъ *преобладаніе низменностей гармонируетъ съ горными цѣпями*». Что хотѣлъ выразить этимъ авторъ—трудно понять, особенно ученику. На страницѣ 7-й, при перечисленіи горъ въ Африкѣ, упоминается несуществующая цѣпь Лупата, долгое время украшавшая собою текстъ учебника Смирнова. На стр. 9-й совершенно неправильно сравниваются рельефы Африки и Азіи. «Азія, какъ и Африка, болѣе возвышены на юго-востокѣ и понижаются на сѣверѣ и западѣ, образуя *общій* наклонъ на сѣверо-западъ». На стр. 11-й помѣщена ничего не означающая фраза: «плоскогорій въ Европѣ *почти нѣтъ*». На стр. 15-й упомянута несуществующая Урало-балтійская гряда, которая «*выбрасываетъ* полуостровъ Ютландію» (?!). На стр. 16-й приводится сомнительное положеніе, что «измѣненіе въ рельефѣ страны ведетъ за собою измѣненія въ береговомъ очертаніи». Было-бы трудно перечислить всѣ ошибки и неточности книги г. Матченка, такъ какъ для этого потребовалось-бы слишкомъ много мѣста, и было-бы безполезно, такъ какъ приведенныя выдержки вполнѣ подтверждаютъ наши слова. Признаніе существованія горъ Лупата и Урало-балтійской гряды указываетъ на незнакомство автора съ современной географической литературой, а также и на тотъ фактъ, что онъ находится отчасти подъ вліяніемъ устарѣлыхъ учебниковъ. Слогъ въ руководствѣ недостаточно точный и выдержанный, и поэтому неудобенъ для чтенія и усвоенія даже ученикамъ шестого класса. Сверхъ того, изложеніе учебника постоянно прерывается ссылками на пройденное въ общемъ курсѣ. Говоря о горахъ какой-нибудь части свѣта, авторъ не дѣлаетъ выбора, а прямо говоритъ въ скобкахъ: назвать ихъ, или перечислить важнѣйшія изъ нихъ, и т. д. Такія ссылки служатъ, конечно, только для усиленія номенклатуры и увеличенія объема курса. При изложеніи учебнаго матеріала авторъ забываетъ, что ученики реальныхъ училищъ шестого класса уже прошли курсъ есте-

ственной исторіи, имѣютъ понятіе о гидростатикѣ и съ начала шестого класса проходятъ отдѣлъ о теплотѣ. Поэтому, ученіе о климатѣ можетъ быть изложено серьезнѣе, чѣмъ въ общемъ курсѣ, а главное—здѣсь должно быть положено въ основаніе сравненіе среднихъ температуръ и указаніе на причины распредѣленія теплоты и влаги на поверхности земли. Климатическія отличія частей свѣта, вытекающія изъ предыдущаго, должны быть изложены короче. У г. Матченка дѣло поставлено наоборотъ. Среднія температуры приведены только для трехъ пунктовъ и ничего не сказано о распредѣленіи водяныхъ осадковъ въ научномъ отношеніи. При описаніи климатовъ отдѣльныхъ частей свѣта авторъ приводитъ общія опредѣленія этихъ климатовъ, ничего не говорящія уму и не опредѣляющія дѣйствительныхъ фактовъ. Такъ, по мнѣнію автора, въ Азіи климатъ *разнообразно-континентальный*, а въ Америкѣ *разнообразно-морской*: Африка обладаетъ климатомъ *жаркимъ-сухимъ*. Такія странныя названія для обозначенія климатовъ громадныхъ пространствъ совершенно не годятся для старшаго возраста учениковъ. Послѣдніе весьма легко поймутъ основанія для раздѣленія частей свѣта на климатическія области и не будутъ называть континентальнымъ климатомъ климатъ бассейна рѣки Конго, а морскимъ—климатъ плоскогорья Уты, какъ это слѣдуетъ изъ слишкомъ общихъ характеристикъ, приведенныхъ нами изъ книги г. Матченка. Что касается до географіи Россіи, то мы уже указали на то, что авторъ отвелъ для нея въ учебникѣ менѣе мѣста, чѣмъ то слѣдовало по объему книги. Вслѣдствіе изложенія географіи Россіи по рубрикамъ, а не по естественнымъ областямъ, отличія послѣднихъ плохо выясняются. Только одна Европейская Россія, ядро русскаго государства, по развитію своей торговой и промышленной дѣятельности можетъ идти въ сравненіе съ промышленными и образованными государствами свѣта, и это нужно было-бы оттѣнить, приводя болѣе данныхъ по физической и промышленной географіи западно-европейскихъ государствъ. Цыфры необходимы во многихъ случаяхъ, конечно, не для заучиванія ихъ, а для того, чтобы имѣть основаніе для сравнительныхъ выводовъ. Выводы, возможные въ курсѣ средняго учебнаго заведенія, такъ просты, что легко могутъ быть сдѣланы учениками при помощи учителя, и это составитъ очень интересную классную работу. Учебникъ долженъ заключать удачныя сопоставленія, служащія для выясненія вопроса. Въ учебникѣ г. Матченка нѣтъ цѣлаго, отдѣльнаго описанія Европейской Россіи—оно ведется параллельно съ описаніемъ частей Азіатской Россіи. Также отсутствуютъ или находятся въ незначительномъ

количествѣ данныя, касающіяся промышленности главныхъ западно-европейскихъ государствъ. Намъ кажется, что и культурно-историческія области Россіи должны быть разсмотрѣны болѣе подробно, чѣмъ это сдѣлано у Матченка, который отдѣлилъ для этого менѣе страницы своего учебника. Въ заключеніе, на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ и соображеній, мы имѣемъ право сказать, что курсъ географіи для VI-го класса реальныхъ училищъ требуетъ болѣе научной обработки, чѣмъ это мы находимъ въ учебникѣ г. Матченка, причемъ необходимо воспользоваться тѣми свѣдѣніями изъ физики и естествовѣдѣнія, которыя имѣются у учениковъ.

А. Соколовъ.

Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы. Составленъ по Гельвальду, Даніелю, Кледену, Реклю, Супану и другимъ источникамъ. Азія, Африка, Америка и Австралія (100 рисунковъ въ текстѣ). С.-Петербургъ, 1893 г.

Этотъ новый учебникъ географіи, составитель котораго не рѣшился повѣдать міру свое имя, принадлежитъ къ числу входящихъ въ послѣднее время въ моду картинныхъ учебниковъ. Выборъ картинъ, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ. Нѣтъ почти ни одного типичесваго ландшафта, указывающаго на характеръ мѣстности, и картины состоятъ почти исключительно изъ типовъ людей, сценъ изъ жизни и видовъ городовъ. Всѣ картины незначительной величины и напечатаны довольно небрежно. Нѣкоторыя картины не даютъ никакого представленія о предметѣ, и потому излишни. Къ такимъ относятся: голодъ въ Остъ-Индіи, Занзибаръ, передвиженія въ Андахъ. Что касается до содержанія книги, то хотя составитель указываетъ на цѣлый рядъ именъ извѣстныхъ географовъ, служившихъ ему источниками, но повсюду можно доказать прямое заимствованіе или даже просто переводъ изъ извѣстнаго учебника Зупана (Supan, Lehrbuch der Geographie), такъ что всѣ несомнѣнныя достоинства учебника не могутъ быть отнесены на счетъ составителя *).

А. Соколовъ.

---

*) Рецензія на учебникъ Зупана находится во II т. «Ежегодника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

В. Зелинскій. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. М. 1892 г. Ц. 50 к.

Г. Зелинскій выступаетъ съ цѣлымъ «систематическимъ и алфавитнымъ» «указателемъ при разстановкѣ знаковъ препинанія». Прежде всего онъ предлагаетъ «Необходимыя условія и законы при устномъ выраженіи мыслей». Здѣсь сообщается, что безъ паузъ и «физически невозможна устная рѣчь (такъ какъ намъ необходимо «пополнять наши легкія воздухомъ»); что паузы указываютъ «слушающему нашу рѣчь лицу границы между отдѣльными мыслями» и пр. Не выходя, въ сущности, изъ предѣловъ общихъ мѣстъ, подобныя предваренія, однако, умѣстны въ учебникѣ. Но далѣе оказывается, что мы обязательно придерживаемся «пріостановокъ голоса въ звуковой рѣчи» на три лада: «малая пауза», когда логическая связь мыслей «близка и очевидна»; «большая пауза», когда «отношеніе и связь» мыслей «не такъ *ясно*», и еще «пауза средней продолжительности». Г. Зелинскій, очевидно, большой любитель систематизаціи и классификаціи, и потому, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, онъ дѣлитъ знаки препинанія на разнообразныя рубрики. Вниманіе читателя невольно привлекается второй группой знаковъ препинанія, а именно—знаками восклицательнымъ и воспросительнымъ, многоточіемъ и тире, «ихъ,—говоритъ авторъ,—называютъ риторическими знаками препинанія, потому что эти знаки, указывая на паузы различной продолжительности и въ то-же время выражая тонъ рѣчи (модуляцію голоса) лица говорящаго, употребляются въ рѣчи, построенной риторически, т-е. такой письменной рѣчи, которая состоитъ изъ ряда предложеній, выражающихъ различныя болѣе или менѣе сильныя чувства лица говорящаго». Здѣсь, прежде всего, не довольно точно толкуется понятіе о «риторической» рѣчи, а затѣмъ и вообще выдѣленіе особой «риторической группы знаковъ препинанія» представляется нѣсколько натянутымъ. Далѣе авторъ образуетъ «эпизодическую» группу знаковъ препинанія, говоря: «Скобки и ковычки въ письменной рѣчи не служатъ показателями въ строгомъ смыслѣ ни логико-грамматическаго отношенія между предложеніями, ни интонаціи голоса: онѣ имѣютъ свое спеціальное назначеніе... выдѣлять слова и предложенія въ рѣчи»... Излишество рубрикъ мѣшаетъ автору и тамъ, гдѣ классифицированіе его отличается меньшею искусственностью. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое за обобщеніе: «скобки и ковычки... не служатъ показателями... ни *логико*-грамматическаго отношенія... ни *интонаціи голоса*»? Развѣ можно «выдѣлять» безъ логики, и будто выдѣляемое не *интонируется голосомъ?* Съ 12 до 114 стр. у автора идетъ «систематическое изложеніе

употребленія знаковъ препинанія». Сообщается цѣлая масса правилъ, подчасъ чрезвычайно мелочныхъ и даже необоснованныхъ логически. Авторъ не полѣнился собрать обширный матеріалъ для примѣровъ; онъ приводитъ выдержки изъ сочиненій нашихъ лучшихъ художественныхъ классиковъ, поэтовъ, романистовъ и драматурговъ (очень обширные отрывки помѣщены изъ Гоголя, Л. Толстого, цѣлые монологи и явленія изъ Островскаго и пр.), изъ Бѣлинскаго, Буслаева, Грановскаго, С. Соловьева, а на ряду съ ними и другихъ авторовъ, далеко не авторитетныхъ. Въ концѣ книги приложенъ «Алфавитный указатель употребленія знаковъ препинанія» съ подробнымъ обозначеніемъ страницъ, параграфовъ, примѣровъ и примѣчаній. Указатель г. Зелинскаго изданъ во внѣшнемъ отношеніи весьма изящно. Авторъ, очевидно, положилъ не мало труда на составленіе книжки, а потому и цѣна ея должна быть признана добросовѣстной. Къ сожалѣнію, полезность этой брошюры представляется намъ нѣсколько сомнительной. Опытный учитель обойдется и безъ нея, пріучая учащихся пользоваться знаками препинанія путемъ практическихъ письменныхъ упражненій, учитель-же малоопытный не пріобрѣтетъ въ ней лучшаго руководителя, нежели другіе учебники, а ученика она можетъ только запугать чрезмѣрнымъ обиліемъ подраздѣленій и правилъ.

А. Н.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Съѣздъ филологовъ и педагоговъ въ Вѣнѣ.

24-го—27-го мая текущаго года въ Вѣнѣ состоялся 42-й съѣздъ нѣмецкихъ филологовъ и преподавателей (42 Versammlung deutscher Philologen u. Schulmanner). Общество нѣмецкихъ филологовъ и преподавателей основано въ 1837 г. и соединяетъ въ себѣ представителей науки и практики, профессоровъ университетовъ и преподавателей въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Съ одной стороны оно имѣетъ цѣлью споспѣшествованіе развитію филологической въ самомъ широкомъ значеніи этого слова науки, съ другой—разработку вопросовъ педагогики вообще и усовершенствованіе методики преподаванія въ частности. Общество распадается на нѣсколько отдѣленій. Самымъ многочисленнымъ и самымъ дѣятельнымъ изъ нихъ является, образовавшееся въ 1842 г., педагого-дидактическое отдѣленіе. Оно состоитъ изъ преподавателей. Но между практиками-педагогами и между людьми науки существуетъ, какъ это видно изъ отчетовъ съѣзда, въ настоящее время живое общеніе. Въ докладахъ ученыхъ отдѣленій съѣзда нерѣдко затрагиваются педагогическіе вопросы, а педагоги, въ свою очередь, опираются на выводы и требованія теоретической науки и стремятся приложить ихъ къ потребностямъ практическаго образованія.

Такое общеніе, особенно въ настоящее время, необходимо и вызывается самою жизнью. Съ одной стороны, современная наука оказываетъ громадные успѣхи и оказываетъ все большее и большее вліяніе на жизнь; съ другой—общество, не удовлетворенное настоящимъ устройствомъ образованія, — мы разумѣемъ главнымъ образомъ среднее образованіе,—волнуется, отовсюду слышатся выраженія недовольства, требованія перемѣнъ; педагоги, зачастую даже заурядные, сами сознаютъ или чувствуютъ ненормальность положенія, ищутъ выхода. Выходъ-же можетъ быть данъ только обращеніемъ къ выводамъ науки. И это сознается какъ представителями науки, такъ и людьми практики. Отсюда это живое общеніе, эти соглашенія между тѣми и другими. А достигнуть такого соглашенія нѣмецкимъ педагогамъ гораздо легче, чѣмъ, напр., нашимъ. Научный уровень преподавателей нѣмецкихъ среднеучебныхъ заведеній достаточно высокъ, между ними не мало лицъ, занимающихся учеными и педагогическими изслѣдованіями, и связь ихъ съ университетами, очагами нѣмецкой науки, всегда была жива и поддерживалась сверху. И хотя

на засѣданіяхъ съѣзда не было высказано ничего принципіально новаго,—новое на съѣздахъ обыкновенно и не высказывается,—но мнѣнія, изложенныя въ его докладахъ, обращаютъ на себя вниманіе, какъ проявленія того движенія, которое въ настоящее время замѣчается среди общества и среди педагоговъ, которое распространяется все болѣе и болѣе, въ будущемъ измѣнитъ самыя основы, не только пріемы образованія, и оказало уже болѣе или менѣе значительное вліяніе на постановку классическаго образованія почти во всѣхъ государствахъ Европы. Въ послѣднемъ отношеніи оно менѣе всего отразилось въ Германіи и Австріи. И до сихъ поръ оба эти государства—главная опора прежней системы средняго образованія и даютъ наибольшее количество защитниковъ классицизма. Но антиклассическая, если можно такъ выразиться, струя не составляетъ всего содержанія этого движенія. Оно глубже. Оно требуетъ пересмотра основаній и цѣлей воспитанія и образованія. Въ Германіи и Австріи оно выражается, между прочимъ, критикой гербартовскаго ученія, какъ извѣстно, впрочемъ, тѣсно связаннаго съ классицизмомъ.

Конечно, старое находитъ себѣ защитниковъ, но вѣнскій съѣздъ показываетъ, что сознаніе необходимости улучшеній и перемѣнъ именно въ указанномъ направленіи обоснованія на выводахъ науки уже достаточно распространено среди нѣмецкихъ и австрійскихъ педагоговъ и настолько сильно, что заставляетъ обращать на себя вниманіе нѣмецкихъ правящихъ сферъ. Отсюда сравнительно недалеко уже до постепеннаго проведенія его положеній въ нѣмецкое законодательство и въ нѣмецкую жизнь, а какъ всякая такая перемѣна отзывается на постановкѣ учебнаго дѣла у насъ — извѣстно достаточно.

Значеніе этого движенія очень ясно отражается въ нижеприводимомъ отрывкѣ рѣчи *) австрійскаго министра Гауча, которою онъ открывалъ съѣздъ и памятникъ Туну и сподвижникамъ Туна—Экенеру и Бонитцу.

Гаучъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее: «Попеченіе объ обученіи и о школахъ все больше и больше дѣлается предметомъ общихъ заботъ и взаимнаго соперничества всѣхъ государствъ. Въ этой отрасли управленія видятъ дѣйствительнѣйшее средство поднять внутреннія силы народа и удерживать ихъ на пути здороваго успѣха. Школьное дѣло нигдѣ не можетъ обособляться, если не хочетъ остаться позади. Сегодня здѣсь, завтра тамъ возникаетъ движеніе. О каждомъ нужно узнать, каждое разсмотрѣть, не пропустить ни одного. Но успѣхъ всякой отрасли образованія зависитъ прежде всего отъ успѣховъ науки и отъ возростанія искусства соотвѣтственнаго примѣненія выводовъ науки къ школьному дѣлу. Цѣлесообразнѣе всего и надежнѣе ожидать этого соглашенія между школой и наукой отъ васъ, отъ вашего собранія. При настоящемъ положеніи дѣла оно крайне необходимо для того, чтобъ устранить справедливыя жалобы на современное состояніе образованія и для того, чтобъ удержать связь между наукою и школою, столь цѣнную какъ для университетовъ, такъ и для среднеучебныхъ заведеній». Гаучъ того мнѣнія, что эта связь можетъ быть удержана только при сохраненіи классическихъ гимназій.

Переходимъ теперь къ изложенію самыхъ мнѣній, высказанныхъ въ до-

---

*) Эта рѣчь напечатана въ «Zeitschrift f. die Österreich. Gymnasien». 1893, вып. VI, стр. 481—484.

кладахъ съѣзда, причемъ первое мѣсто отведемъ тѣмъ изъ нихъ, которыя болѣе интересны съ указанной уже точки зрѣнія, а такими слѣдуетъ признать тѣ, которыя такъ или иначе, но связаны съ отрицаніемъ или критическимъ отношеніемъ къ системѣ Гербарта.

Докладъ Гёфлера *) отрицаетъ психологію Гербарта и требуетъ обоснованія педагогической науки на началахъ физіологической психологіи. Давъ краткій, но содержательный очеркъ развитія физіологической психологіи, начиная отъ Фехнера и до нашихъ дней, и выяснивъ значеніе ея законовъ. Гёфлеръ предлагаетъ тѣмъ, которые пожелали бы заняться этимъ дѣломъ, руководствоваться трудами Дёрпфельда (Denken u. Gedächtniss), Ланге (Apperception) и Штумпфа (Tonpsychologie). Приложеніе выводовъ психофизики къ педагогикѣ сопряжено, по мнѣнію Гёфлера, съ большими трудностями, но психофизическая метода существенно лучше гербартовской, заслуги и значеніе которой онъ, впрочемъ, не отрицаетъ. Принятіе мнѣнія Гёфлера поведетъ къ большимъ перемѣнамъ въ педагогикѣ.

Мартинакъ **) указалъ на значеніе, придаваемое нынѣ нравственному воспитанію, и познакомилъ слушателей съ воззрѣніями новыхъ писателей, какъ Рибо и особенно Гюйо, на вліяніе наслѣдственности и на способы воздѣйствія со стороны воспитателя на образованіе характера, укрѣпленіи воли и т. п., причемъ, говоря объ индивидуальности выразился въ томъ смыслѣ, что въ этомъ вопросѣ гербартовцамъ принадлежитъ честь почина, но въ настоящее время на ихъ точкѣ зрѣнія останавливаться нельзя.

Докладъ Цаунмюллера ***) цѣликомъ посвященъ былъ критикѣ системы Гербарта. Система эта давно уже вызываетъ возраженія, докладъ Цаунмюллера не представляетъ въ этомъ отношеніи ничего новаго, и всѣ недостатки и ошибки гербартовцевъ, о которыхъ говорилъ докладчикъ, очень хорошо и основательно, какъ замѣчаетъ Майхровичъ, указаны и разобраны Остерманомъ въ его книгѣ ****), появившейся еще въ 1888 г. И вообще на эту тему написано не мало. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ изложить здѣсь содержаніе цаунмюллеровскаго доклада. Гербартовское ученіе, говорилъ Цаунмюллеръ, господствовало въ теченіе 50 лѣтъ, заслуги его предъ педагогикой велики, но пора замѣнить гербартовскую систему болѣе разумной. Во-первыхъ, одностороння цѣль, ставимая воспитанію гербартовцами,—этическое развитіе. А между тѣмъ религіозное воспитаніе само по себѣ, помимо его воздѣйствія на этику, имѣетъ свое самостоятельное, особое значеніе. Но общее воспитаніе не должно имѣть въ виду однѣ только идеальныя цѣли, оно, особенно въ настоящее время, должно удовлетворять практическимъ требованіямъ. И хотя идеальныя цѣли нерѣдко сталкиваются съ практическими, но по существу и тѣ, и другія не принадлежатъ къ явленіямъ разныхъ порядковъ. Во-вторыхъ, гербартовская педагогика совершенно не заботится о физическомъ вос-

*) «Was die gegenwärtige Psychologie unserem Gymnasium sein u. werden könnte».

**) «Einige neuere Ansichten über Vererbung moralischer Eigenschaften u. die pädagogische Praxis».

***) «Kritik des Herbartischen Unterrichtssystem».

****) «Die hauptsächlichsten Irrthümer der Herbartschen Psychologie u. ihre pädagogischen Consequenzen». Oldenburg. 1888. Вообще антигербартовская литература достаточно многочисленна.

питаніи. Затѣмъ она вводитъ произвольную терминологію, нерѣдко ошибочную, напр., знаменитыя 5 formale Stufen совсѣмъ непрактичны и повели только къ введенію шаблоновъ, столь вредныхъ при преподаваніи. Наконецъ, гербартовцы неудачно выбираютъ и располагаютъ учебный матеріалъ и впадаютъ, особенно циллеровцы, въ преувеличенія при примѣненіи идеи концентраціи.

Эти антигербартовскія теченія направлены противъ основъ и пріемовъ его системы, но находятся, по нашему мнѣнію, въ связи съ теченіями, требующими измѣненія въ учебномъ матеріалѣ среднеучебныхъ заведеній. Критика основъ,—въ данномъ случаѣ, напр., цѣли воспитанія,—ведетъ часто къ критикѣ матеріала, и наоборотъ. А самъ Гербартъ, какъ извѣстно, былъ приверженцемъ классической системы и начиналъ обученіе съ Одиссеи, какъ сообщалъ объ этомъ Кербахъ на съѣздѣ въ докладѣ о педагогической семинаріи Гербарта.

Естественно-математическое отдѣленіе установило необходимость увеличенія въ австрійскихъ гимназіяхъ числа уроковъ физики съ 10 на 12 на томъ основаніи, что при 10 урокахъ пройти существующую программу нѣтъ возможности, а эта программа представляетъ собой minimum того, что необходимо знать образованному человѣку. Докладчикъ *), ректоръ Аугсбургской гимназіи, требовалъ этого увеличенія на счетъ латинскаго языка, отдѣленіе въ своемъ постановленіи дипломатично умолчало о латинскомъ языкѣ, хотя этихъ двухъ необходимыхъ часовъ больше взять не откуда. На съѣздѣ же, въ виду открытія памятника обновителямъ классической системы въ Австріи и въ виду классическихъ воззрѣній министра, высказываться прямо было неудобно.

Но, какъ не безъизвѣстно читателямъ, классицизмъ терпитъ большіе уроны. Въ Швейцаріи, въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Венгріи, во Франціи, въ Сербіи, наконецъ, въ самое послѣднее время, въ мѣстѣ его зарожденія (Rennaisance)—въ Италіи **) преподаваніе классическихъ языковъ потеряло свое прежнее значеніе или совсѣмъ, или въ болѣе или менѣе значительной степени. Факты эти, конечно, ободряющимъ образомъ дѣйствуютъ на противниковъ классицизма въ Германіи и Австріи и увеличиваютъ ряды ихъ сторонниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ защитники классицизма поневолѣ дѣлаются болѣе энергичными, и вездѣ, гдѣ и когда можно, выступаютъ въ защиту своихъ положеній. На съѣздѣ они выставили Улига изъ Гейдельберга, редактора журнала «Humanistische Gymnasium», Гартля изъ Вѣны, перваго редактора оффиціальнаго австрійскаго журнала «Zeitschrift für die Österreichische Gymnasien» и, наконецъ, самого австрійскаго министра барона Гауча. Всѣ трое говорили въ общихъ засѣданіяхъ съѣзда, а Гартель и Гаучъ въ присутствіи гостей и всѣхъ членовъ. Баронъ Гаучъ — жаркій защитникъ классической системы. Въ нынѣшнемъ году онъ выказалъ это въ засѣданіи австрійскаго парламента 4-го февраля въ отвѣтной рѣчи ***) посламъ Соколовскому, Габерману и Фурнье, требовавшимъ ослабленія преподаванія клас-

---

*) Докладъ: Einrichtung u. Methode des physikalischen Unterrichten Gymnasien.

**) Проектъ министра Мартини.

***) Напечатана въ «Z. f. d. Ost. Gymn.», 1893, вып. III, стр. 249—254.

сическихъ языковъ, и затѣмъ на съѣздѣ. Открытіе съѣзда было соединено съ открытіемъ въ стѣнахъ университета памятника Туну, Экснеру и Боницу *), совмѣстнымъ усиліямъ которыхъ университеты Австро-Венгріи обязаны пробужденіемъ научной жизни и нынѣшнимъ своимъ устройствомъ. То-же сдѣлано ими и для среднеучебныхъ заведеній. Гимназіямъ они дали ихъ современное классическое направленіе и въ свое время не мало, особенно Бонитцъ, потрудились надъ укорененіемъ своей системы. Они, такъ сказать, крестные отцы нынѣшняго австрійскаго классицизма. Рѣчи Гауча и Гартля произнесены при торжественной обстановкѣ, на открытіи памятника, и если рѣчь Гартля **), посвященная очерку и прославленію дѣятельности Туна и сотрудниковъ, была лишь косвенной защитой системы, то рѣчь Гауча—собственно первая, большая ея половина, о содержаніи второй сказано выше—была прямой защитой или оправданіемъ классицизма. И въ этомъ фактѣ, выражающемъ сознаніе необходимости считаться со своими противниками даже въ такихъ случаяхъ, мы опять-таки видимъ симптомъ усиленія антиклассическаго теченія. Доводы, высказанные Гаучемъ, общеизвѣстны и приводить ихъ не нужно. Любопытно развѣ то, что, по мнѣнію Гауча, классическое образованіе особенно необходимо Австріи, потому что она состоитъ изъ разноплеменныхъ частей, классицизмъ-же вырабатываетъ у своихъ питомцевъ способность проникать въ образъ чувствованій и мыслей иныхъ вѣковъ и иныхъ народовъ. Такія качества необходимы общественному дѣятелю Австріи. Затѣмъ, отказавшись отъ классицизма, Австрія, хотя и не сразу, не сейчасъ, но неизбѣжно отстанетъ отъ образованныхъ странъ Запада, отъ Англіи, отъ Франціи и т. д. Это спеціально-австрійскія доказательства цѣлесообразности классической системы ***).

---

*) Экснеръ (1802—1853)—съ 1831 г. профессоръ въ Пражскомъ университетѣ. Въ числѣ его слушателей находился графъ Тунъ, котораго онъ съумѣлъ сдѣлать горячимъ приверженцемъ замышляемыхъ имъ плановъ преобразованія средняго и высшаго образованія Австріи. Въ 1845—1847 гг. Экснеръ участвовалъ въ коммиссіи о реформѣ училищъ, но планы его не были приняты и онъ вернулся въ Прагу. Министерство Стадіона снова вызвало его въ Вѣну, а съ назначеніемъ его ученика Туна министромъ просвѣщенія, 22 августа 1848 г., планы его начали приводиться въ исполненіе съ лихорадочною поспѣшностью.

Бонитцъ (1814—1888) былъ призванъ въ Вѣну въ профессора классической филологіи, чтобы помогать проведенію плановъ Экснера и Туна. Ему принадлежитъ окончательная обработка плановъ Экснера (такъ называемый Organisationsentwurf) и на его долю выпалъ наибольшій трудъ при защитѣ этого организаціоннаго плана. Онъ принималъ участіе въ редактированіи «Zeits. f. d. Öst. Gym.», оказавшаго такіе услуги укрѣпленію организаціоннаго плана, и самъ писалъ въ немъ. Онъ не былъ австрійцемъ, какъ Экснеръ, и въ 1867 г. переѣхалъ въ Берлинъ. Въ 1882 г. принималъ участіе въ работахъ прусскаго министерства. Планъ 1882 г. разработанъ имъ.

Въ IV вып. Zeitsch. за 1893 г. помѣщена библіографія всего относящагося къ торжеству открытія имъ памятника. Болѣе всего интересна книга Франкфуртера «Graf Leo Thun-Hohenstein, Franz Exner u. Hermann Bonitz. Beiträge zur Geschichte der Österreichischen Unterrichtsreform». Wien, Hölder, 1893.

**) Напечатана въ «Z. f. d. Öst. Gymn.», 1893, вып. IV, стр. 484—502 и отдѣльно. Wien. 1893.

***) А вотъ спеціально-итальянское доказательство: молодежь, боровшаяся и погибавшая за единство Италіи, вышла изъ классическихъ гимназій. Аргументъ высказанъ въ итальянскомъ сенатѣ.

Докладъ Улига [1]) — сокращеніе его статей, помѣщенныхъ въ I, III и IV вып. 1891 г. редактируемаго имъ журнала и вышедшихъ потомъ отдѣльной книгой [2]). Улигъ разбиваетъ основныя положенія новаторовъ, а именно, что школа должна быть: 1) современной, 2) практичной, 3) народной. Онъ горячій защитникъ греческаго языка (27-го января текущаго года въ австрійскомъ рейхстагѣ послы Соколовскій и Габерманъ требовали уничтоженія греческаго языка) и остроумный, какъ находитъ «Zeitschrift für die Österreichische Gymn.», критикъ такъ называемой «Einheitschule».

Къ числу докладовъ, трактовавшихъ о среднемъ образованіи вообще, принадлежитъ также докладъ Лооса [3]) о необходимости болѣе практическаго приготовленія начинающихъ преподавателей среднеучебныхъ заведеній. Необходимость эта уже сознана Германіей, которая съ 1890 г. ввела у себя такъ называемыя гимназическія семинаріи, и Лоосъ ссылался на примѣръ Германіи. Австрійское министерство и австрійскіе педагоги работаютъ въ настоящее время надъ этимъ вопросомъ и, вѣроятно, черезъ годъ, а можетъ быть и скорѣе, Австрія устроитъ такія семинаріи у себя. Слѣдомъ за Германіей Австрія пошла также въ заботахъ о повышеніи археолого-классическаго образованія своихъ преподавателей. Устроены, какъ сообщалось на съѣздѣ, особые курсы, пока только въ Вѣнѣ, для пользованія курсами разрѣшены отпуски (съѣздъ просилъ о стипендіяхъ), на путешествія въ Грецію и Италію назначено по 10.000 г. ежегодно.

Перейдемъ теперь къ докладамъ по методикѣ отдѣльныхъ наукъ.

Докладъ Реннера [4]), читанный на соединенномъ засѣданіи археологическаго и педагогическаго отдѣленій, указывалъ на цѣнность пользованія монетами при преподаваніи исторіи. При той важности, которая придается въ настоящее время при преподаваніи этого предмета знакомству съ явленіями культуры, весьма важное значеніе имѣютъ изображенія изъ прежней жизни, но, конечно, изъ подлинной прежней жизни, а монеты несомнѣнно подлинный остатокъ этой жизни и даютъ исторію культуры отъ самыхъ древнихъ до нашихъ временъ. Каждая монета—сумма фактовъ, рисующихъ данную эпоху. Основываясь на ихъ отдѣлкѣ, вѣсѣ, цѣнности и т. д., можно давать существенныя объясненія о состояніи культуры даннаго времени, о процвѣтаніи или упадкѣ государства. Въ Вѣнѣ въ настоящее время изготовлены гальванопластическія коллекціи типичныхъ монетъ древняго міра. Сама мысль не нова, конечно, но важно то, что она начинаетъ примѣняться на дѣлѣ.

Стовассеръ [5]) обратилъ вниманіе преподавателей языковъ, которые до сихъ поръ, по его мнѣнію, пренебрегали этимъ средствомъ, на необходимость при преподаваніи такого словаря, въ которомъ сходились-бы и соединялись въ одно законченное цѣлое всѣ отдѣльныя нити, связывающія различныя отрасли даннаго предмета. Самъ Стовассеръ составляетъ такой латинскій словарь и показывалъ членамъ пробные листы. Мысль Стовассера принята съ одобре-

---

[1]) Gefahren u. Aufgaben des classischen Unterrichts in der Gegenwart.

[2]) Die Einheitschule mit lateinlosen Unterbau. Heidelberg, Winter, 1892. Отзывъ «Zeischr.», см. 1892, стр. 1029.

[3]) Probe oder Seminarjahr?

[4]) Wert der Münzkunde für den Unterricht an unseren Mittelschulen.

[5]) Его докладъ: Über die concentrierende Stellung des Worterbüches im Lateinunterrichte.

ніемъ и на словарь его слѣдуетъ обратить вниманіе. Пользу отдѣльныхъ къ каждому автору словарей и объясненій къ нимъ, какъ пагубно дѣйствующихъ на самодѣятельность учащихся, Стовассеръ отрицаетъ. Мысль не новая, но тоже заслуживающая вниманія.

Былъ также докладъ [1]) о психологической методѣ обученія языкамъ, преимущественно новымъ. Эта психологическая метода, основанная на выводахъ Лазаруса и Штейнталя [2]),—кто изъ филологовъ не знаетъ этихъ именъ?—отводитъ изученіе грамматики на второй планъ, главнымъ средствомъ обученія признаетъ систематическое чтеніе, а цѣлью ставитъ постепенное усвоеніе чутья даннаго языка.

Естественно, что на съѣздѣ филологовъ и педагоговъ, изъ коихъ большинство тоже филологи, большая часть докладовъ касалась преподаванія филологическихъ наукъ, а число докладовъ по естествовѣдѣнію было незначительно. Объ одномъ, касавшемся преподаванія физики, мы уже говорили, другой [3]) проводилъ идею о полезности генетической методы при преподаваніи ариѳметики и алгебры.

Кербахъ, редакторъ извѣстнаго изданія «Monumenta Germaniae Paedagogica» и журнала «Mittheilungen der Gesellschaft für deutsche Erziehung und Schulgeschichte», сообщилъ любопытныя подробности о педагогической семинаріи Гербарта въ Кенигсбергѣ въ 1810—1833 г. [4]), и о томъ, что общество исторіи нѣмецкаго воспитанія и образованія, издающее только-что упомянутые «Monumenta» и «Mittheilungen», приступило къ изслѣдованію исторіи нѣмецкаго образованія въ Австріи.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ съѣздѣ. На чтеніе доклада—какого-бы онъ ни былъ содержанія—полагалось 30 м., и предсѣдатели неуклонно слѣдили за точнымъ исполненіемъ этого правила. Поэтому докладчики не пытались пускаться въ краснорѣчіе или излишнія подробности; доклады были коротки и содержательны. То-же должно сказать и о преніяхъ. Самый-же съѣздъ состоялся при очень торжественной обстановкѣ. Члены, между прочимъ, были приглашены на раутъ во дворецъ, причемъ императоръ выказалъ обычную ему любезность, но особенно милостиво обошелся съ педагогами-поляками изъ Галичины, а при представленіи Левицкаго, одного изъ инспекторовъ средне-учебныхъ заведеній въ Галичинѣ, освѣдомлялся о малорусскихъ параллельныхъ классахъ [5]). Пріѣзжихъ изъ Галичины было около 50, а число всѣхъ членовъ достигало до 917. Кромѣ австрійцевъ, т.-е. нѣмцевъ, словинцевъ, чеховъ, поляковъ, тутъ были представители Германіи, Италіи, Венгріи, Румыніи и Сербіи. Послѣднія три страны входятъ въ сферу культурнаго вліянія Австріи и впервые представители этихъ странъ, а также

---

[1]) Über eine wissenschaftliche Begründung des sprachlichen Lehrverfahrens.

[2]) Отъ Лазаруса и Штейнталя идетъ и психологическое пониманіе процессовъ исторіи.

[3]) Bedeutung u. Methodik des Unterrichten in der allgemeinen Arithmetik u. Algebra.

[4]) Докладъ «Das pädagogische Seminar Herbarts im Königsberg» на основаніи записокъ, веденныхъ большею частью самимъ Гербартомъ. Записки будутъ помѣщены въ XII т. издаваемаго Кербахомъ собранія сочиненій Гербарта, и кромѣ того въ Mittheilungen.

[5]) Въ Галичинѣ 1 нѣм. и 1 малор. гимназія. Прочія—польскія. При двухъ изъ послѣднихъ—малорусскіе низшіе параллельные классы.

преподаватели славянскихъ учебныхъ заведеній Австро-Венгріи (въ томъ числѣ Хорватіи и Босніи) in corpore, такъ сказать, принимали участіе въ засѣданіяхъ съѣзда нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ. Это особенность 42-го вѣнскаго съѣзда, и нѣмецкіе педагоги обязаны этимъ старанію бар. Гауча. Пріемъ во дворцѣ, честь впервые, если не ошибаемся, оказанный со стороны монарха членамъ педагогическаго съѣзда, блескъ, роскошь и самое широкое гостепріимство—тоже особенности съѣзда. Въ этомъ отношеніи слѣдующій 43-й съѣздъ, назначенный на 1896 г. въ Кёльнѣ, во всякомъ случаѣ будетъ уступать съѣзду въ роскошной, веселой Вѣнѣ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что при написаніи этой замѣтки мы пользовались фактами статьи Майхровича, помѣщенной въ «Muzeum», 1893, вып. VI—VII, и рѣчами Гауча и Гартля, напечатанными въ «Zeits. f. d. Öst. Gym.» и нѣкоторыми другими замѣтками. М К.

Китайскіе экзамены.

Журналъ «Shang-Haï» сообщаетъ очень любопытныя подробности о послѣднихъ экзаменахъ, происходившихъ въ Китаѣ, для полученія степени Hsiu-ts'ai. Небезызвѣстно, какое громадное значеніе китайцы придаютъ званію ученаго: кандидатамъ, выдержавшимъ съ успѣхомъ экзаменъ (число такихъ лицъ въ Китаѣ вообще не велико), повсюду оказываются чрезвычайныя почести. Въ послѣдній разъ, о которомъ мы и говоримъ, между побѣдителями находился 17-ти-лѣтній мальчикъ и 76-ти-лѣтній старикъ. Послѣдній являлся соискателемъ полученной имъ, наконецъ, степени благодаря снисходительности сжалившихся надъ нимъ экзаменаторовъ съ 20 ти-лѣтъ. Какъ на курьезъ, можно указать на то, что въ послѣдней сессіи экзаменовъ китайскіе экзаменаторы въ первый разъ задали ариѳметическую задачу по европейскому образцу. Были предложены двѣ задачи. 1-я: Вычислить поверхность шара, имѣющаго 18 дюймовъ въ діаметрѣ. 2-я: Если нагрузить на корабль 8.000 бочекъ риса, стоимостью въ 13 таэловъ каждая, и за провозъ уплатить натурой, считая по $2^1/_2$ таэла за бочку, сколько нужно будетъ употребить рису для этой цѣли?—На экзаменъ явилось 10.000 человѣкъ и изъ нихъ только *одинъ* рѣшилъ эти задачи. А. О.

Народное образованіе въ латинскихъ странахъ Америки.

Послѣднія данныя, имѣющіяся о состояніи народнаго образованія въ латинской Америкѣ, показываютъ, что первое мѣсто занимаетъ въ этомъ отношеніи республика Урагвай.

Страна.	Населеніе.	Число учащихся.	% отнош.
Урагвай.	706.524	65.621	9
Коста-Рика	213.785	16.978	7,9
Аргентинская республика. .	3.894.995	245.608	6,5
Парагвай	270.000	15.180	5.6
Мексика.	11.000.000	517.200	4.7

Страна.	Населеніе.	Число учащихся.	% отнош.
Эквадоръ	1.200.000	56.126	4,6
Венецуэла	2.198.320	98.466	4,5
Чили	2.527.320	108.274	4,3
Никарагуа	317.187	13.660	4,3
Гватемала	1.349.233	50.000	3,7
Сальвадоръ	664.513	21.101	3,2
Бразилія	14.002.335	435.997	3,1
Гондурасъ	329.134	9.000	2,7
Перу	3.500.000	71.435	2
Колумбія	4.560.370	76.307	1,7
Санъ-Доминго	610.000	6.000	1
Боливія	2.300.000	12.000	0,5

(Revue internation. de l'enseign., Oct.).

А. О.

Хроника народнаго образованія.

Послѣдніе мѣсяцы ознаменовались цѣлымъ рядомъ значительныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ частными лицами на нужды народнаго образованія. Самымъ оригинальнымъ изъ нихъ является пожертвованіе оберъ-камергера Е. Д. Нарышкина. Этотъ ревнитель народнаго просвѣщенія устроилъ въ Тамбовѣ особое зданіе, предназначенное для аудиторіи народныхъ чтеній, библіотеки и музея и обошедшееся жертвователю около 100 тысячъ рублей. Имъ-же пожертвованы и самая библіотека, имѣющая около 10 тысячъ книгъ, и музей. Для поддержанія этихъ учрежденій Е. Д. Нарышкинъ пожертвовалъ 200 т. рублей, на проценты съ которыхъ и будутъ содержаться народныя чтенія, библіотека и музей. Къ этому капиталу неизвѣстный жертвователь присоединилъ 10 т. рублей, предназначенныхъ спеціально на нужды народныхъ чтеній. Для завѣдыванія основанными учрежденіями въ Тамбовѣ устроено особое Общество народныхъ чтеній, которое получило право организовать чтенія какъ въ самомъ Тамбовѣ, такъ и вообще въ Тамбовской губерніи.

Другое, еще болѣе крупное пожертвованіе, ставшее извѣстнымъ въ послѣднее время, сдѣлано покойнымъ генераломъ Селиверстовымъ, завѣщавшимъ разныя зданія и капиталъ въ 450 т. рублей въ пользу крестьянъ с. Румянцова, Симбирской губерніи. Но это пожертвованіе лишь въ незначительной части пойдетъ на нужды народнаго образованія, а главнымъ образомъ на разныя филантропическія предпріятія, какъ-то: пріюты для дѣтей родителей, уходящихъ на работы, заведенія для призрѣнія круглыхъ сиротъ, больницу съ амбулаторіей и т. д.

Заслуживаютъ особаго вниманія пожертвованія, сдѣланныя въ интересахъ народнаго образованія умершимъ 24-го мая нынѣшняго года Я. М. Невѣровымъ, бывшимъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Отказавъ въ своемъ завѣщаніи 9.000 р. на учрежденіе въ Московскомъ университетѣ стипендіи имени Т. Н. Грановскаго, 3.000 р. Ставропольской гимназіи на ученическій фондъ, 1.000 р. на учрежденіе въ Кубанской учительской семинаріи стипендіи имени его, Невѣрова, и 1.000 р. Обществу для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ,—Невѣровъ затѣмъ завѣщалъ 1.000 р. находящемуся во Владикавказѣ

Обществу распространенія образованія среди горцевъ Терской области, 28.000 р. на учрежденіе въ с. Муховкѣ, Воронежской губерніи, Бирюченскаго уѣзда, народной школы имени Н. В. Станкевича и 11.000 р. на устройство такой-же школы въ с. Верякушахъ, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда,—мѣстѣ рожденія Невѣрова.

Подобное-же пожертвованіе сдѣлано недавно умершимъ въ Харьковской губерніи врачемъ Ахшарумовымъ. Этотъ почтенный дѣятель, всю свою долгую жизнь посвятившій служенію ближнимъ и никому не отказывавшій въ помощи—какъ личной, такъ и матеріальной, завѣщалъ все свое состояніе—нѣсколько десятковъ тысячъ рублей — на распространеніе образованія, главнымъ образомъ, въ распоряженіе харьковскаго земства.

Весьма любопытнымъ является пожертвованіе симбирскаго жителя Лебедева. Г. Лебедева давно всѣ знали въ Симбирскѣ, какъ человѣка, ведшаго жизнь самаго отчаяннаго скупца. Онъ питался чуть не отбросами, ходилъ вѣчно заплатанный, жилъ въ крайне убогой обстановкѣ. Такой образъ жизни человѣка со средствами невольно возбуждалъ въ обществѣ далеко несочувственное отношеніе къ нему. Каково-же было общее удивленіе, когда узнали, что Лебедевъ всѣ свои средства—болѣе 60 тыс. рублей, скопленныя, благодаря своему образу жизни, принесъ въ даръ симбирскому городскому управленію для устройства профессіональнаго училища, въ которомъ обучали-бы дѣтей ремесламъ и огородничеству.

Въ Красноярскѣ купецъ Н. К. Переплетчиковъ завѣщалъ мѣстному Обществу попеченія о начальномъ образованіи 25.000 руб., мѣстному благотворительному Обществу 25.000 руб. и городской лечебницѣ 15.000 руб., а всего 65.000 рублей.

Отмѣтимъ еще два крупныхъ пожертвованія, сдѣланныя въ Москвѣ. А. С. Канцовъ устроилъ здѣсь школьное зданіе, обошедшееся въ 80.000 р., и пожертвовалъ капиталъ въ 110.000 руб. на содержаніе этой школы, которой присвоивается имя отца жертвователя, С. А. Канцова. Въ училищѣ помѣщаются пять классовъ, большая рекреаціонная зала, библіотека и квартиры учительскаго и служительскаго персонала. Другой благотворитель Н. И. Боевъ пожертвовалъ 130.000 р. на устройство училища для двухсотъ учениковъ.

Въ общей сложности, указанныя пожертвованія, ставшія извѣстными въ послѣдніе мѣсяцы, превышаютъ милліонъ рублей. Безъ сомнѣнія, многія другія пожертвованія, болѣе мелкія и не пріобрѣтающія общей извѣстности, по своей суммѣ, не уступаютъ перечисленнымъ. Возьмите любой отчетъ того или другого общества грамотности, любой воскресной школы, народныхъ чтеній, народныхъ библіотекъ, отчеты о состояніи начальныхъ училищъ и т. д. — вездѣ вы найдете многочисленныя пожертвованія — отъ копеекъ до тысячъ рублей. Повидимому, сознаніе обязательности для состоятельныхъ и интеллигентныхъ людей позаботиться о просвѣщеніи народа дѣлается все болѣе и болѣе распространеннымъ. Это еще болѣе подтверждается все чаще встрѣчающимися фактами личной безкорыстной работы въ области просвѣщенія народныхъ массъ.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ проявленій этой безкорыстной работы является созданіе народныхъ библіотекъ. Народная библіотека—еще недавно почти совсѣмъ неизвѣстное явленіе у насъ — теперь все болѣе и болѣе дѣлается обычнымъ явленіемъ жизни, и этимъ мы обязаны почти исключительно

частной инціативѣ. Здѣсь мы приведемъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ какъ вновь возникающихъ, такъ и уже существующихъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ учрежденіяхъ этого рода.

Въ Уфѣ устраивается при мѣстной городской библіотекѣ отдѣлъ народной библіотеки. Инціатива принадлежитъ П. А. Пашкину, пожертвовавшему на пріобрѣтеніе народныхъ изданій 200 р.

Саратовское губернское земство ассигновало 3.000 руб. на устройство публичныхъ сельскихъ библіотекъ. Въ настоящее время передъ особою коммиссіею саратовскаго губернскаго земства по народно-школьному дѣлу возбужденъ цѣлый рядъ ходатайствъ объ открытіи сельскихъ библіотекъ. Ходатайства эти идутъ отъ уѣздныхъ земскихъ управъ, земскихъ начальниковъ, учителей и попечителей народныхъ школъ, а также и отъ самихъ сельскихъ обществъ.

Въ с. Байтеряковѣ. Тетюшскаго уѣзда, Казанской губерніи, существуетъ при мѣстной земской школѣ такъ-называемая волостная библіотека. И вотъ какъ отзывается о ея вліяніи очевидецъ: «Берутъ книги преимущественно религіозно-нравственнаго, историческаго и отчасти литературнаго содержанія. Любовь къ чтенію, благодаря библіотекѣ, среди мѣстнаго населенія съ каждымъ годомъ возрастаетъ: увеличивается количество чтецовъ, увеличивается и сумма прочитываемыхъ ими книгъ».

При школѣ Норской мануфактуры, Ярославскаго уѣзда, съ августа прошлаго года открыта библіотека. устроенная для мѣстныхъ рабочихъ. Библіотека открывается три раза въ недѣлю, отъ 4 до 9 часовъ вечера. Срокъ пользованія книгами — недѣльный; одновременно рабочему дается не болѣе двухъ книгъ. Въ библіотекѣ имѣется болѣе 500 книгъ. Всѣхъ пользовавшихся книгами изъ библіотеки было 331 челов. Всѣхъ книгъ выдано 16.186. Такимъ образомъ, каждый подписчикъ библіотеки прочиталъ менѣе чѣмъ въ годъ около 50 книгъ, а каждая книга библіотеки перебывала въ среднемъ въ 30 рукахъ. Всего болѣе было взято книгъ литературнаго содержанія—7.263; затѣмъ духовно-нравственнаго—4.864, историческаго—3.159, по сельскому хозяйству—500 и т. д. Самыми любимыми книгами оказываются тѣ, содержаніе которыхъ почерпнуто изъ крестьянской жизни и вообще касается крестьянскаго быта.

Любопытныя свѣдѣнія сообщены «Саратовскими Губернскими Вѣдомостями» относительно народной библіотеки въ с. Вязовкѣ (Саратовской губерніи), о которой намъ приходилось уже говорить. Оказывается, что библіотека эта основана еще въ 1840 году и такимъ образомъ является едва-ли не старѣйшею сельскою библіотекою въ Россіи и старѣе даже огромнѣйшаго большинства нашихъ городскихъ библіотекъ. Библіотека эта основана мѣстнымъ священникомъ, о. Софинскимъ, на собранныя имъ пожертвованія. Помѣщалась библіотека сначала въ сторожкѣ, а затѣмъ въ страннопріимномъ домѣ, построенномъ стараніями того-же о. Софинскаго. Библіотека просуществовала до 1892 г., когда она была уничтожена пожаромъ. Теперь библіотека снова возобновлена. Дѣятельность библіотеки характеризуется слѣдующими данными: въ 1889 г. «получателей» книгъ было 715, въ 1890 г. — 1.495 и 1891 г.—1.504. Изъ послѣдняго числа около $^1/_3$ были дѣти до 14 лѣтъ; отъ 14 до 20 лѣтъ — около $^1/_5$ общаго числа; остальные были взрослые—свыше 20 лѣтъ.

Другой способъ распространенія хорошихъ книгъ въ народной средѣ—устройство книжныхъ складовъ—также обязанъ своимъ возникновеніемъ част-

ной иниціативѣ, безкорыстной работѣ людей, преданныхъ дѣлу народнаго просвѣщенія. Книжные склады, устроенные при рядѣ сельскихъ школъ Нижегородскимъ Обществомъ распространенія народнаго образованія, книжные склады Астраханской и Одесской коммиссій народныхъ чтеній, складъ Харьковскаго Общества грамотности, ярославскій книжный складъ и другія учрежденія этого рода, изъ которыхъ одни только-что возникли, а другія уже успѣли развить весьма широкую дѣятельность,—все это результатъ безкорыстной дѣятельности мѣстной интеллигенціи. Въ настоящее время иниціатива устройства подобныхъ книжныхъ складовъ, имѣющихъ цѣлью распространеніе въ народѣ хорошихъ книгъ, начинаетъ проявляться и въ глухихъ сельскихъ углахъ. Вотъ свѣжій примѣръ этого рода. Въ с. Шопшѣ, Ярославскаго уѣзда, открывается, по почину нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ жителей, книжный складъ при волостномъ правленіи, а затѣмъ предполагаютъ открыть волостную библіотеку. Для осуществленія этого дѣла была открыта подписка, которая и дала нужную сумму.

Безкорыстная работа интеллигенціи на пользу народнаго просвѣщенія проявляется далѣе въ устройствѣ народныхъ чтеній. Здѣсь умѣстно будетъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о народныхъ чтеніяхъ въ городѣ Ярославлѣ, которыя праздновали въ нынѣшнемъ году свое десятилѣтіе. Народная читальня была открыта въ Ярославлѣ 10 апрѣля 1893 года. Вначалѣ была установлена плата за входъ въ читальню: 10 коп. за первыя мѣста и 3 коп. за остальныя; но плата очень стѣсняла посѣтителей, и потому вскорѣ рѣшено было плату за входъ отмѣнить. Съ отмѣною платы число слушателей стало быстро возрастать и теперь, въ періодъ отъ Рождества до Пасхи, число ихъ доходитъ отъ 400 до 600 на каждомъ чтеніи. Въ теченіи 10 лѣтъ было прочитано 572 чтенія (по 216 брошюрамъ); изъ нихъ было 281 по духовному отдѣлу, 112 — по исторіи и 172 по другимъ отдѣламъ. На чтеніяхъ роздано безплатно слушателямъ до 24.000 брошюръ.

Еще однимъ изъ проявленій все той-же безкорыстной работы интеллигенціи служатъ воскресныя школы, число которыхъ все растетъ и растетъ. Здѣсь мы приведемъ свѣдѣнія о двухъ учрежденіяхъ этого рода, отчеты которыхъ за только-что истекшій учебный годъ нами уже получены.

Частная женская воскресная школа въ городѣ Минскѣ открыта всего 26-го февраля настоящаго 1893 года. Первые-же учебные дни число учащихся достигло 175; число это возрастало-бы и далѣе, если-бы, за недостаткомъ помѣщенія, не пришлось отказаться отъ дальнѣйшаго пріема. Соотвѣтственно этому сочувствію, которое школа встрѣтила въ массѣ населенія, она нашла сочувствіе и въ мѣстномъ обществѣ. Школа учреждена г-жами М. и Л. Камышанскими. Попечительницами школы являются княгиня Е. А. Трубецкая и А. В. Косичъ. Трудъ безплатнаго преподаванія и веденія отчетности по школѣ взяли на себя 25 лицъ. Общество отозвалось цѣлымъ рядомъ пожертвованій, составившихъ 290 р. деньгами, 869 экземпляровъ книгъ и много учебныхъ пособій разнаго рода. Дѣло ведется настолько успѣшно, что, несмотря на краткость учебнаго времени (съ 26-го февраля по 30-е мая — день прекращенія занятій — было всего 11 учебныхъ воскресеній), поступившія въ школу совершенно неграмотными успѣли пройти всю азбуку и ознакомиться съ числами первой сотни.

Женская воскресная школа въ Ставрополѣ-Кавказскомъ просуществовала уже 4 года. За это время она значительно усилила свою дѣятельность, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблички:

	Всего было учениц.	Сдѣлано ими посѣщеній.	Въ среднее учебное воскресенье было на лицо учениц.
Въ 1889—1890 учебномъ году	157	2.153	72
» 1890—1891 » »	194	3.438	101
» 1891—1892 » »	219	3.628	110
» 1892—1893 » »	251	4.253	137

Такимъ образомъ, въ 4-й годъ существованія школы, сравнительно съ первымъ, общее число учениц возрасло на 61%, число сдѣланныхъ ими посѣщеній школы—на 97% и число наличныхъ учениц въ среднее воскресенье на 90%. Это свидѣтельствуетъ какъ о количественныхъ, такъ и о качественномъ успѣхѣ школы; не только возрастаетъ число учащихся, но увеличивается и аккуратность посѣщенія ими школы.

Увеличивается и растетъ у насъ также и число обществъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствовать распространенію народнаго просвѣщенія, равно какъ и расширяется съ каждымъ годомъ ихъ дѣятельность. Въ непродолжительномъ времени списокъ подобныхъ обществъ долженъ пополниться еще однимъ—Ярославскимъ. Именно, лѣтомъ нынѣшняго года въ Ярославлѣ, по инициативѣ мѣстнаго губернатора, состоялось собраніе лицъ, предположившихъ учредить «Общество для содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній въ Ярославской губерніи». Собраніе это, разсмотрѣвъ проектъ устава Общества, постановило отпечатать этотъ уставъ и, разсмотрѣвъ замѣчанія на него, ходатайствовать объ его утвержденіи. По проекту устава, Общество должно обратить главное вниманіе на укрѣпленіе и развитіе знаній дѣтей и взрослыхъ, прошедшихъ уже начальную школу,—путемъ устройства по губерніи народныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній и т. п., а также заняться распространеніемъ въ народѣ практическихъ знаній путемъ устройства ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ школъ, образцовыхъ фермъ, питомниковъ и т. п. Пожертвованій въ пользу Общества ко времени перваго собранія его учредителей поступило 695 р. 40 к. Послѣднія 40 к. присланы изъ с. Большого, Угличскаго уѣзда, отъ имени крестьянскихъ дѣтей, письмо которыхъ, приложенное при деньгахъ, начинается словами: «мы, крестьянскія дѣти, научившіяся грамотѣ въ сельской школѣ, желаемъ читать, но книгъ не имѣемъ». Въ завѣдываніи этого Общества будетъ находиться и возникающій ярославскій центральный складъ народныхъ изданій, о которомъ намъ уже приходилось говорить на страницахъ «Русской Школы».

Другое Общество, о которомъ мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, работаетъ уже много лѣтъ. Это Общество распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи. Отчетъ этого Общества за 1892 годъ рисуетъ намъ положеніе дѣлъ его въ слѣдующемъ видѣ. Собственный капиталъ Общества къ 1 января 1893 г. составлялъ 2.345 р.; кромѣ капиталовъ, Общество обладаетъ имуществомъ цѣнностью въ 2.649 р. Членовъ въ Обществѣ состоитъ: 14 почетныхъ, 160 дѣйствительныхъ и 180 сотрудниковъ. Дѣятельность Общества за отчетный годъ состояла въ распространеніи полезныхъ книгъ въ народѣ путемъ продажи, въ устройствѣ школьныхъ библіотекъ, содержаніи библіотеки въ г. Нижнемъ-Новгородѣ, поддержаніи уличныхъ библіотекъ и устройствѣ народныхъ чтеній. Кромѣ того, голодный годъ побудилъ Общество заняться устройствомъ школьныхъ столовыхъ.

Продажа хорошихъ дешевыхъ книгъ производится Обществомъ какъ въ центральномъ складѣ въ Нижнемъ, такъ и въ отдѣленіяхъ склада, которыхъ въ 1892 г. было въ разныхъ мѣстахъ Нижегородской губерніи 166. Сравнительно съ 1891 г., число отдѣленій почти удвоилось. Отдѣленія устроены при сельскихъ училищахъ, учащіе которыхъ изъявляютъ желаніе завѣдывать отдѣленіями склада. Книги продаются самыя дешевыя—въ 1—2 коп., рѣдко въ 10—15 к. Такимъ путемъ ежегодно распродается нѣсколько десятковъ тысячъ книгъ. Затѣмъ Общество организовало въ 1892 г. девять школьныхъ библіотекъ и заказало книжнымъ магазинамъ еще три библіотеки. Кромѣ того, Общество организовало одну школьную библіотеку на средства частнаго лица и организуетъ *передвижную учительскую библіотеку* на средства, собранныя учителями и учительницами Нижегородской губерніи ради памяти бывшаго инспектора народныхъ училищъ М. В. Овчинникова. Далѣе, при центральномъ книжномъ складѣ Общества существуетъ библіотека, изъ которой пользуются книгами члены Общества и учащіе и учащіеся городскихъ училищъ Нижняго. Уличныя библіотеки, содержимыя Обществомъ, представляютъ собою 19 витринъ, развѣшанныхъ въ двѣнадцати наиболѣе людныхъ пунктахъ Нижняго-Новгорода. Въ витринахъ выставлялись картины съ текстомъ, преимущественно историческаго содержанія, разсказы Тургенева, Гоголя, произведенія Пушкина, Лермонтова и др. и, наконецъ, статьи научнаго содержанія. Картины и текстъ мѣнялись, приблизительно, черезъ 10 дней. Это очень остроумное учрежденіе, къ сожалѣнію, кажется, болѣе нигдѣ не примѣняемое, въ Нижнемъ имѣетъ большой успѣхъ, и возлѣ витринъ уличныхъ библіотекъ постоянно толпятся читатели и слушатели. Наконецъ, чтобы покончить съ дѣятельностью Нижегородскаго Общества распространенія начальнаго образованія, упомянемъ еще объ устройствѣ имъ народныхъ чтеній. Чтенія устраиваются Обществомъ въ двухъ аудиторіяхъ — въ самомъ Нижнемъ и въ Макарьевской части. Кромѣ того, Общество содѣйствовало устройству чтеній въ нѣсколькихъ школахъ и въ г. Сергачѣ.

Въ томъ-же Нижнемъ-Новгородѣ 1 февраля 1892 года открыло свои дѣйствія Общество для пособія учащимся въ начальныхъ народныхъ училищахъ Нижняго-Новгорода. Вышедшій отчетъ за первый годъ существованія Общество рисуетъ его дѣятельность весьма благопріятными чертами. Общество въ первый-же годъ собрало 3.978 р. Дѣятельность Общества въ первомъ году выразилась въ доставленіи нуждающимся учащимся одежды, обуви, книгъ и учебныхъ принадлежностей и взносѣ платы за ученье неимущихъ. Такими пособіями отъ Общества воспользовались 161 чел. По уставу дѣятельность Общества можетъ быть значительно болѣе разнообразна, какою она, безъ сомнѣнія, съ расширеніемъ средствъ Общества, и станетъ въ будущемъ. Именно, Общество, по уставу, можетъ оказывать помощь учащимся въ начальныхъ училищахъ доставленіемъ имъ одежды, обуви, бѣлья, книгъ и учебныхъ пособій, медицинской помощи, квартиры и даже стола, можетъ способнѣйшимъ изъ учащихся, въ случаѣ ихъ бѣдности, доставлять средства къ продолженію образованія въ мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, можетъ содѣйствовать устройству школьныхъ праздниковъ, торжественныхъ актовъ, ёлокъ, чтеній съ туманными картинами, образовательныхъ прогулокъ и т. д..

Несмотря на многочисленность проявленій частной инициативы въ области просвѣщенія народной массы, имѣющихъ мѣсто въ настоящее время, до сихъ

поръ многіе очень скептически относятся къ роли частныхъ лицъ и ихъ союзовъ въ данномъ дѣлѣ. Историческія условія воспитали въ насъ привычку ожидать всего отъ государства и мы и представить себѣ не можемъ, чтобы общественная самодѣятельность могла сыграть видную роль въ дѣлѣ просвѣщенія народа. Насъ не убѣждаетъ и примѣръ Запада, и въ особенности Америки, гдѣ добрая половина народно-просвѣтительныхъ учрежденій обязана своимъ существованіемъ общественной самодѣятельности, частной иниціативѣ, и гдѣ и государство расширило свою дѣятельность въ области народнаго образованія до существующихъ нынѣ размѣровъ именно подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ того, что было сдѣлано въ той-же области обществомъ. Однако, вопреки скептикамъ, жизнь дѣлаетъ свое дѣло, и наше общество съ каждымъ годомъ выдвигаетъ все бо́льшее и бо́льшее число лицъ, которыя несутъ на пользу просвѣщенія народныхъ массъ свой личный трудъ или свои матеріальныя средства.

Я. Абрамовъ.

Дѣятельность С.-Петербургскаго Комитета грамотности въ 1892 году.

(Отчетъ о дѣятельности состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ С.-Петербургскаго Комитета грамотности за 1892 годъ. Спб. 1893 г.).

Дѣятельность всякаго учрежденія стоитъ въ зависимости,—помимо внѣшнихъ условій, въ которыхъ ему приходится работать,—отъ размѣра интеллектуальныхъ силъ членовъ, его составляющихъ, и тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ. Матеріальныя средства Комитета растутъ крайне слабо. Лучшимъ опредѣленіемъ ихъ является размѣръ годового бюджета. По отчету 1885 года годовые расходы Комитета составляли 1.546 р. 58 к. Въ 1892 году—они равнялись 4.460 р. 49 к. Такимъ образомъ, за восемь лѣтъ расходы возрасли на 2.913 р. 91 к., т.-е. увеличились менѣе чѣмъ въ три раза. Общій капиталъ Комитета со всѣми его спеціальными и запасными суммами возросъ съ 11.386 р. до 24.549 р. Восемь лѣтъ — это такой срокъ для жизни Общества, что ростъ его средствъ въ подобномъ размѣрѣ надо признать крайне ничтожнымъ, указывающимъ, несомнѣнно, на малый интересъ русскаго общества къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ Комитетомъ. Ростъ числа членовъ за послѣдніе два, три года говоритъ какъ будто за то, что начинаетъ проявляться нѣкоторый интересъ къ Комитету. Въ 1885 г. Комитетъ имѣлъ всего 115 членовъ, тогда какъ къ концу 1892 года—членовъ въ Комитетѣ насчитывается уже 502 человѣка. Число членовъ особенно начало прибывать за послѣдніе два года: къ 1887 году число ихъ увеличилось за два года всего на 103 (218 челов.), въ 1888 году—прибыло 25 челов. (243 члена), въ 1889 году—6 челов. (249 член.), въ 1890 году—10 челов. (259 член.), въ 1891 году—109 челов. (368 член.) и въ 1892 году—поступило новыхъ членовъ 134 челов. (502 члена). Тѣмъ не менѣе, послѣдняя цыфра все-же поражаетъ своею крайней незначительностью, если принять во вниманіе, что учрежденій, подобныхъ Комитету, преслѣдующихъ цѣли народнаго образованія, крайне незначительное число въ Россіи. Если перечесть всѣхъ ихъ, то не на-

берется и тридцати. Это на всю необъятную Россію! А многія-ли изъ нихъ существуютъ не только по имени? Столица Россіи, центръ интеллигенціи и умственной жизни ея, выдѣляетъ изъ своей среды какую-то мизерную сотню, другую (изъ 502 членовъ многіе живутъ въ провинціи) людей, пожелавшихъ поработать на пользу вопроса такой первостепенной важности, какъ народное образованіе. Если возьмете на себя трудъ просмотрѣть списокъ фамилій членовъ Комитета, то вы будете печально удивлены, встрѣтивъ среди нихъ самое ничтожное количество именъ извѣстныхъ. Большинство писателей, даже профессіональныхъ педагоговъ, блистаетъ своимъ отсутствіемъ. Для всѣхъ нихъ, очевидно, вопросы народнаго образованія — чужіе вопросы, ихъ мало интересующіе. Ничѣмъ инымъ объяснить себѣ отсутствіе такихъ лицъ въ составѣ Комитета нельзя. Комитетъ грамотности не задается какими-либо узко-спеціальными цѣлями, могущими заинтересовать только спеціалистовъ, и всякій образованный человѣкъ, понимающій все громадное значеніе народнаго образованія и имѣющій желаніе поработать на пользу его, былъ-бы, конечно, какъ нельзя болѣе у мѣста въ средѣ членовъ Комитета. Малочисленность членовъ Комитета—явленіе крайне печальнаго характера, способное навести на удручающія мысли по поводу крайней слабости стремленій въ нашей интеллигенціи къ общественной иниціативѣ и дѣятельности.

Въ соотвѣтствіи съ средствами Комитета стоитъ и его дѣятельность, въ общемъ крайне скудная результатами. Первенствующее мѣсто въ ней занимаетъ безплатное снабженіе книгами бѣднѣйшихъ учрежденій, преимущественно школъ. Дѣятельность эта стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ матеріальными средствами Общества, ибо кромѣ «бѣднѣйшихъ» учрежденій изъ числа просвѣтительныхъ у насъ другихъ на Руси и нѣтъ. Крайняя нужда въ книгахъ сказывается повсюду и были-бы только средства, расширенію этой стороны дѣятельности нѣтъ предѣловъ. Однако, и эта сторона работы Комитета прогрессируетъ крайне слабо. Было время въ исторіи Общества, когда дѣло снабженія стояло шире, чѣмъ въ послѣдній даже годъ стоитъ. Въ первыя 10 лѣтъ дѣятельности Комитета, 1861—1871 гг., разослано 247 тысячъ томовъ, въ 1871 году было распространено 58 тысячъ томовъ, въ 1872 г.—83 тысячи, въ 1873 г.—90 тысячъ, въ 1877 г., когда Комитетомъ комплектовались госпитальныя библіотеки, даже 100 тысячъ томовъ. Съ 1878 г. дѣло разсылки книгъ начинаетъ уже значительно уменьшаться и цыфра разосланнаго упадаетъ до 15 тысячъ. Постепенно возрастая въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, цыфра эта доходитъ въ 1892 г. до 64 тысячъ экземпляровъ. Всего за время существованія Комитета безплатно имъ разослано до полутора милліона экземпляровъ. Цыфра, конечно, крайне ничтожная для 30 лѣтъ дѣятельности и десятка тысячъ верстъ ея района. Тѣмъ не менѣе, расходъ на этотъ предметъ поглощалъ въ 1892 году львиную долю всего бюджета Общества, составляя почти 80% его. Эта сторона дѣятельности Комитета крайне симпатична и ведется въ тѣхъ узкихъ границахъ, какія нами указаны, толково и, повидимому, съ большою любовью. Судя по отчету, приняты всѣ мѣры, чтобы каждая копейка дала возможность пріобрѣсти книгъ на двѣ: на бюджетъ въ 3.409 р. пріобрѣтено книгъ на 4.695 р. съ копейками, т.-е. съэкономлено на уступкахъ 1.285 р. 83 к. Такимъ образомъ, жертвовать на школы черезъ посредство Комитета даже очень выгодно: вынувъ изъ кармана рубль, каждый жертвователь будетъ знать, что принесъ пользы почти на 1 р. 40 к.

Только благодаря такимъ ухищреніямъ при покупкѣ книгъ удается на такія ничтожныя средства удовлетворить потребности въ книгѣ 392 учрежденія, преимущественно сельскія. Городскихъ учрежденій изъ всего этого числа только 26, которымъ досталось всего 8 съ небольшимъ процентовъ всего числа разосланныхъ книгъ (5.195 экз.). Изъ подробнѣйшей таблицы отчета видно, что главными по числу учрежденіями, снабженными книгами, являлись земскія школы: 115 школъ получили 20.556 экз. книгъ, картъ, картинъ и нотъ. Затѣмъ идутъ въ нисходящемъ порядкѣ министерскія школы, преимущественно въ неземскихъ губерніяхъ, которыя, въ числѣ 58-ми, получили 8.410 экз., церковно-приходскія и школы грамотности, первыхъ—45, вторыхъ—57, на долю тѣхъ и другихъ досталось 13.923 экз., 52 школы «неизвѣстнаго вѣдомства» получили 7.591 экз., 3 частныя школы—428 экз., 19 народнымъ библіотекамъ досталось 3.508 экз. Получили книги и 11 «частныхъ лицъ», ѣздившихъ въ провинцію для организаціи народныхъ столовыхъ въ голодавшихъ мѣстностяхъ. Районъ, захватываемый комитетской разсылкою книгъ, обнимаетъ 53 губерніи и области. Земскія губерніи занимаютъ главное мѣсто и поглотили почти 80% всего числа разосланныхъ книгъ. Окраины Россіи менѣе всего, если принять количество поступающихъ просьбъ за мѣру, ощущаютъ потребность въ книгѣ. Вся Азіатская Россія, напримѣръ, получила на свою долю ничтожныхъ 1.926 экземпляровъ. Голодъ 1891—1892 гг. отразился также въ значительной степени на этой функціи дѣятельности Комитета. Оскудѣніе мѣстныхъ средствъ заставило многія сельскія школы обратиться къ помощи Комитета и обычный размѣръ посылавшихся въ эти мѣстности книгъ увеличился сравнительно съ предшествующими годами болѣе, чѣмъ вдвое.

Данныя отчета констатируютъ и тотъ фактъ, что въ средѣ сельскихъ читателей изъ года въ годъ усиливается потребность въ книгахъ содержанія географическаго, естественно-историческаго, медицинскаго и, особенно, сельско-хозяйственнаго. Книги послѣдняго отдѣла составляютъ 5,40% всего числа разосланныхъ книгъ, тогда какъ въ 1887 г. онѣ составляли всего 2,80%.

Къ сожалѣнію, данныя отчета очень скудны свѣдѣніями о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя снабжались Комитетомъ книгами. Говоря приблизительно, Комитетъ съумѣлъ удовлетворить разосланными книгами около 27 тысячъ жаждущихъ познанія дѣтскихъ головокъ. Не будь этихъ книгъ, можно сказать навѣрное, жажда ихъ осталась-бы безъ удовлетворенія. На такое заключеніе наводятъ цыфры отчета, касающіяся матеріальнаго положенія школъ, снабженныхъ книгами. Общій бюджетъ 127 школъ, свѣдѣнія о которыхъ даетъ отчетъ, составляетъ 51.441 р., причемъ 53,6% этого бюджета покрывается непосредственно тѣми сельскими обществами, въ которыхъ находятся школы. Такимъ образомъ, средній бюджетъ такой школы составляетъ всего 403 р., а есть школы, годовой бюджетъ которыхъ не превышаетъ 68 р. 25 к.

Вторая отрасль дѣятельности Комитета—изданіе книгъ для народнаго чтенія—имѣетъ размѣры уже совершенно незначительные. Въ теченіе года выпущено всего два новыхъ названія книгъ (разсказъ С. В. Максимова «Голодовка и зимовка въ Новой Землѣ» и Н. А. Рубакина «Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы») въ 15 тысячахъ экземпляровъ и повторены изданія двухъ прежнихъ книгъ въ 30 тысячахъ экземпляровъ. Общій расходъ на эти четыре книжечки составилъ 3.241 р. Если привести въ параллель издательскую дѣятельность любого даже частнаго лица, дѣйствующаго на ограни-

ченныя средства единичными силами и успѣвающаго выпускать въ годъ 10—20 новыхъ названій, то издательская дѣятельность Комитета, работающаго на этомъ пути уже много лѣтъ, окажется крайне ничтожной. Послѣдній 1892 годъ въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. Вся предшествующая издательская дѣятельность Комитета шла не шибче: за 13 лѣтъ этой дѣятельности выпущено Комитетомъ всего 38 названій, или, въ среднемъ, по 3 названія въ годъ. Разсказомъ Н. А. Рубакина «О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы» Комитетъ началъ осуществлять цѣлую новую программу своей издательской дѣятельности, рѣшивъ выпускать въ свѣтъ для народнаго чтенія книги преимущественно по научнымъ отдѣламъ и прикладнымъ знаніямъ. Мысль изданія подобнаго характера книгъ надо признать чрезвычайно удачной, ибо въ народной литературѣ въ теперешнемъ ея состояніи отдѣлы научные въ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуютъ, тогда какъ отдѣлы беллетристики въ достаточной степени пополняются другими издательскими фирмами. Сбытъ изданій Комитета при той изъ ряду вонъ выходящей уступкѣ (30%), какую даетъ онъ книгопродавцамъ, идетъ успѣшно и въ теченіе года продано даже болѣе того количества, что выпущено, а именно 58 тысячъ экземпляровъ.

Въ средѣ Комитета работаетъ особая коммиссія по составленію систематическаго обзора русской народной учебной литературы. Коммиссія эта когда-то выпустила свой трудъ въ видѣ солидныхъ размѣровъ фоліанта и впослѣдствіи дополненія къ нему, гдѣ были разобраны и даны отзывы о тысячѣ различныхъ книгъ для школъ и народа. Съ тѣхъ поръ и понынѣ каждый годовой отчетъ аккуратно заноситъ на свои страницы заявленіе Совѣта Комитета объ имѣющемъ выйти «вскорѣ», или даже уже «печатающемся» трудѣ коммиссіи. Пока, однако, этими обѣщаніями все и ограничивается. Надо признать, что при такомъ, только въ десять лѣтъ разъ появляющемся трудѣ «обзора», теряется въ значительной степени смыслъ появленія этого труда. Цѣль «обзора»— дать руководство при выборѣ книгъ—требуетъ возможно болѣе частаго появленія этихъ «обзоровъ», хотя-бы и не въ видѣ солидныхъ фоліантовъ, а только лишь небольшихъ книжекъ, обнимающихъ своими рецензіями всѣ изданія за извѣстный періодъ времени.

Въ 1892 году, наконецъ, закончено дѣло, тянувшееся, за недостаткомъ средствъ, нѣсколько лѣтъ,—съ постройкой образцоваго зданія народной школы въ память 19 февраля 1861 года. Зданіе школы построено на совмѣстныя средства съ земствомъ Петербургскаго уѣзда въ с. Купчинѣ, въ 10 верстахъ отъ Петербурга, по линіи Царскосельской желѣзной дороги.

Коммиссія по вопросу о народныхъ развлеченіяхъ и народномъ театрѣ— ничего не сдѣлала, равно какъ и «коммиссія по присужденію большой золотой медали Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества». Другая золотая медаль, находящаяся въ распоряженіи Комитета, присуждена Совѣтомъ Комитета писателю г. Мамину-Сибиряку за его разсказъ «Зимовье на Студеной».

Общихъ собраній Комитета въ теченіе 1892 года было 9, на которыхъ были прочитаны различными лицами восемь докладовъ. Заглавіе ихъ даетъ понятіе о разнообразіи темъ, затронутыхъ авторами: «Отношеніе крестьянъ къ библіотекѣ и чтеніямъ съ туманными картинами», «Очеркъ народныхъ школъ въ Пронскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи», «О чешскихъ школахъ на Волыни», «О народно-школьномъ отдѣлѣ выставки 1891 года въ Прагѣ», «О народныхъ

книгахъ въ Германіи», «О частномъ починѣ въ народномъ образованіи во Франціи», «О конгрессѣ французской лиги обученія въ Парижѣ въ 1892 г.», «О школахъ въ голодающей мѣстности Воронежской губерніи». Всѣ эти доклады въ свое время реферировались на страницахъ «Русской Школы». Собранія Комитета привлекали публику исключительно интересомъ читаемыхъ докладовъ. Въ общемъ, на 9 собраніяхъ посторонней публики и членовъ Комитета перебывало около тысячи человѣкъ.

Упомянувъ о дѣятельности единственно дѣятельной коммиссіи Комитета по сбору пожертвованій и организаціи школьныхъ столовыхъ въ неурожайныхъ мѣстахъ, которая за $8^3/_4$ мѣсяца своего существованія успѣла собрать 11.851 р. и содержала въ 12 различныхъ губерніяхъ 66 школьныхъ столовыхъ, мы дадимъ полный перечень всѣхъ скудныхъ результатовъ дѣятельности Комитета за 1892 годъ.

Надо надѣяться, что обновленный въ своемъ полномъ составѣ Совѣтъ Комитета и окончаніе всѣхъ печальныхъ инцидентовъ, которыми ознаменовался во всѣхъ отношеніяхъ печальный 1892 годъ, вольютъ новую, болѣе жизненную струю въ дѣятельность Комитета и текущій 1893 годъ, авось, явится болѣе богатымъ по результатамъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ правы тѣ, которые каркаютъ, говоря, что русская интеллигенція неспособна на широкое общественное дѣло?! Вѣдь цѣли, преслѣдуемыя Комитетемъ, такъ широки, такого громаднаго, всеобъемлющаго государственнаго значенія, что во имя ихъ стоитъ сплотиться. А дѣла, самаго живаго, вопіющаго дѣла такъ много!.. Живъ Курилка, или умеръ Курилка? Д.

Рѣчь академика Лависса о новомъ направленіи французской школы.

Извѣстный французскій историкъ, членъ Французской академіи и профессоръ Сорбонны, Эрнестъ Лависсъ произнесъ недавно на открытіи занятій въ Ecole Monge (въ Парижѣ) прекрасную рѣчь, съ которой мы намѣрены познакомить читателей. Въ этой рѣчи нѣтъ внѣшняго блеска, нѣтъ красивыхъ фразъ, и тѣмъ не менѣе это блестящая рѣчь по своей глубинѣ, искренности и простотѣ, отличающей всякую истину. Онъ не говоритъ, въ сущности, ничего новаго, но въ его устахъ и старое дышетъ свѣжестью, онъ затрагиваетъ старые, но вѣчно юные вопросы и умѣетъ пролить на нихъ мягкій свѣтъ души преданной, любящей свое дѣло. Это чувство невольно передается читателю, онъ не можетъ не ощутить любви къ тому великому дѣлу, о которомъ говорилъ Лависсъ. Любовь, знаніе и трудъ—вотъ основы и средства всякаго истиннаго воспитанія, хочетъ сказать своей рѣчью Лависсъ.

Прежде чѣмъ перейти къ самой рѣчи, надо замѣтить, по какому поводу она была произнесена. Лависсъ былъ однимъ изъ первыхъ, требовавшихъ, чтобы начало уроковъ послѣ лѣтнихъ каникулъ ознаменовывалось всегда какимъ-нибудь праздникомъ, который-бы хотя нѣсколько смягчилъ печальную для дѣтей необходимость послѣ краткаго отдыха снова взяться за книгу. Ecole Monge (извѣстный частный лицей въ Парижѣ) пожелала осуществить эту

прекрасную мысль и пригласила Лависса открыть такой праздникъ. На этомъ-то праздникѣ и произнесъ Лависсъ слѣдующую рѣчь:

«Мм. гг.

«Съ большимъ удовольствіемъ я принялъ приглашеніе присутствовать на вашемъ праздникѣ открытія учебныхъ занятій. Это прекрасный обычай—собирать учениковъ и учителей въ началѣ и въ концѣ учебнаго года, и было-бы желательно, чтобы это дѣлалось отъ времени до времени и въ теченіи года. Учебное заведеніе не должно дѣлиться на этажи и квартиры, обитатели которыхъ знакомы между собою лишь настолько, что обмѣниваются поклонами при встрѣчѣ на лѣстницѣ. Такой домъ долженъ имѣть общій очагъ, у котораго всѣ живущіе въ немъ сознавали-бы свое единство, свои общія идеи и традиціи.

«Ecole Monge, хотя прошлое ея и не далекое, тѣмъ не менѣе имѣетъ свои традиціи. Это потому, что она была основана съ извѣстными намѣреніями, съ желаніемъ выполнить опредѣленное дѣло. Ея основатели думали, что народное воспитаніе не должно руководиться непреложными законами,—и если оно, послѣ великаго народнаго бѣдствія, продолжаетъ идти прежнимъ путемъ, или упускаетъ изъ вниманія медленность или быстроту—особенно большую въ наше время — потока жизни, который увлекаетъ общество, то оно воспитываетъ людей для эпохи, которой больше нѣтъ. Послѣдствія такой ошибки весьма велики: воспитаніе, которое игнорируетъ условія времени, выпускаетъ въ жизнь людей, совершенно чуждыхъ ей, совсѣмъ ея не знающихъ. И тогда оказывается, что правящіе классы, какъ ихъ принято называть, вовсе не правятъ. Да и, дѣйствительно, какъ они могутъ править, если они воспитаны въ духѣ царствованія Людовика XIV или даже Людовика-Филиппа?

«Ecole Monge пожелала внести въ дѣло воспитавія нѣчто новое, но что-же именно? Она стала отрицать принципы традиціоннаго воспитанія? Она подумала, что достаточно для открытія новой религіи сжигать то, чему поклонялись, и поклоняться тому, что сжигали? Все это легко, даже очень легко, но ни къ чему не ведетъ. Недостаточно измѣнить планы и программы, чтобы измѣнить весь умственный и нравственный строй. Вамъ извѣстны слова того неаполитанскаго короля, который, на предложеніе своего министра перемундировать армію въ новые цвѣта, отвѣтилъ:—«одѣньте ихъ въ красный, одѣньте ихъ въ зеленый цвѣтъ, они всегда будутъ бѣжать съ поля сраженія». Этому министру слѣдовало научить своихъ солдатъ не обращаться въ бѣгство.

«Точно также и намъ слѣдуетъ научить нашихъ учениковъ не бѣжать, я хочу сказать, идти прямо на встрѣчу трудностямъ жизни.

«Я далеко не пессимистъ, я люблю настоящее, люблю будущее, но мы-бы солгали вамъ, молодые друзья, если-бы обѣщали вамъ легкую жизнь. Все теперь трудно, и завтра будетъ еще труднѣе. Спросите человѣка любой профессіи, уже достигшаго зрѣлаго возраста, и вы услышите: «ахъ, торговля, это было когда-то прекрасное занятіе», или: «промышленность, какое это было превосходное дѣло сорокъ лѣтъ тому назадъ!» или: «земледѣліе, да, во дни моей юности...» И всѣ вмѣстѣ говорятъ они: а теперь, и т. д. Отъ представителей всѣхъ профессій, даже въ такъ-называемыхъ либеральныхъ вы услышите тѣ-же жалобы

и сѣтованія. Обращаясь къ тому, что мнѣ извѣстно, я долженъ сказать, что и въ Сорбоннѣ были лучшія времена, чѣмъ теперь.

«Жизнь литератора и артиста стала тяжела, какъ никогда. Сколько усилій и какія громадныя усилія нужно употребить для того, чтобы добиться успѣха! Подумайте о томъ трудѣ, который преодолѣваютъ всѣ эти символисты, мистики, декаденты. Нужна огромная энергія, чтобы стать хорошимъ декадентомъ. И даже самая либеральная изъ всѣхъ—профессія ничегонедѣланія тоже портится. Если будетъ продолжаться паденіе доходовъ съ земель и капиталовъ, то не окажется надобности въ динамитѣ или въ законахъ для борьбы съ рантье, онъ самъ исчахнетъ отъ анеміи.

«Вмѣстѣ съ профессіями усложняются и увеличиваются также обязанности человѣка. Въ нашей демократіи, въ этомъ конфликтѣ идей, интересовъ и страстей, въ ту минуту, когда Франція начинаетъ, наконецъ, заботиться о своемъ народномъ образованіи, нужно обладать серьезными добродѣтелями, чтобы быть истиннымъ гражданиномъ.

«Поэтому, если мы хотимъ воспитать юношество для будущаго, которое его ожидаетъ, мы должны прежде всего укрѣпить въ немъ способность къ труду, возбудить и воспитать его энергію. И основатели вашей школы именно поставили себѣ задачей воспитать энергичное поколѣніе.

«Мы обязаны двумъ частнымъ школамъ, вашей и эльзасской (Ecole alsacienne), громадной услугой, оказанной физическому воспитанію. Людямъ моего времени оно было неизвѣстно, даже по имени. Я очень хорошо знаю, что меня обвиняли въ слишкомъ мрачномъ изображеніи прошлаго, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что я не фантазирую, я только вспоминаю то, что было, и передо мной съ поразительной ясностью встаетъ время моей школьной жизни. День начинался въ душныхъ, узкихъ и низенькихъ дортуарахъ, гдѣ одна за другой тѣснились наши кровати; затѣмъ, еще не очнувшись какъ слѣдуетъ отъ сна, мы шли на уроки, которые длились цѣлый день съ небольшими перерывами для отдыха, безъ всякихъ игръ; мы прогуливались по двору стройными группами; одна группа шла отъ одной стѣны къ другой въ одну сторону, другая—въ другую. Эти рекреаціи заставляли сожалѣть объ урокахъ: на нихъ все-таки было лучше. Прогулки, состоявшія въ нелѣпомъ хожденіи попарно по улицамъ Парижа, заставляли насъ предпочитать оставаться въ четвергъ безъ отпуска. Что вамъ еще сказать о тогдашнихъ порядкахъ? По утрамъ у умывальниковъ происходила толкотня, умывались нѣсколькими каплями воды, съ трудомъ добытыми (потому что умывальниковъ было очень немного), никакихъ купаній, ванны только четыре раза въ году, передъ отпусками домой, и то одна для четырехъ мальчиковъ.

«Въ результатѣ, конечно, крайняя неподвижность и неопрятность. Мы читали о подвигахъ древнихъ атлетовъ, объ олимпійскихъ торжествахъ: это замѣняло намъ гимнастику, точно такъ-же, какъ спартанскія купанья въ Европѣ замѣняли намъ настоящее купанье. У меня надолго осталось дурное воспоминаніе объ этомъ времени. И не только здоровье страдало отъ такого воспитанія, не одно тѣло терпѣло отъ его недостатковъ. Да и что такое, наконецъ, одно тѣло? Абстракція, которая реализируется смертью. Воспитаніе не полно и не достигаетъ своей цѣли, если оно не имѣетъ въ виду всего человѣческаго существа. Оно все страдаетъ, если неглижируется одна какая-нибудь его часть.

«Впрочемъ, теперь нѣтъ надобности защищать выигранное дѣло. Я-бы хотѣлъ только васъ поздравить, господа, съ тѣмъ, что вы подали добрый примѣръ продолжительныхъ рекреацій на чистомъ воздухѣ, игръ для пріобрѣтенія силы и ловкости, и всякихъ другихъ физическихъ упражненій. Вы поняли, что *физическое воспитаніе есть также нравственное воспитаніе*. Да и дѣйствительно, можетъ-ли называться мужчиной тотъ, кто неуклюжъ и неловокъ, задыхается отъ того, что побѣжитъ, тотъ, для кого рѣка — неприступная преграда, лошадь—чудовище, кому кулакъ всякаго негодяя внушаетъ уваженіе, для кого шпага—орудіе, котораго не слѣдуетъ трогать, потому что оно колетъ, и, наконецъ, тотъ, кого всякое препятствіе или опасность можетъ смутить и испугать. Мужество—дѣло трудное, и оно убійственно для тѣхъ, у кого нѣтъ привычки и способности къ мужеству, у кого нѣтъ хладнокровія, зоркаго глаза, быстрой рѣшимости, силы и ловкости.

«Но, господа, и въ умственномъ воспитаніи также надо обращаться къ энергіи. Франція всегда имѣла очень хорошихъ учителей, я сохранилъ почти о всѣхъ моихъ учителяхъ память благодарнаго ученика. Я много работалъ, но вообще въ старшихъ классахъ у насъ было немного прилежныхъ учениковъ. Остальные смотрѣли на насъ свысока. Между ними было много умныхъ и милыхъ мальчиковъ. Я знаю и теперь еще нѣкоторыхъ изъ нихъ, они всѣ сдѣлали очень хорошую карьеру.

«Теперь они гораздо богаче меня и часто съ удовольствіемъ мнѣ напоминаютъ, что они были послѣдними въ классѣ. Я очень хорошо понимаю, что они хотятъ этимъ сказать, они находятъ въ этомъ какъ-бы удовлетвореніе и думаютъ, что на насъ оправдалось евангельское изреченіе: «первые будутъ послѣдними, а послѣдніе будутъ первыми». Но я не думаю, чтобы нужно было дурно учиться, чтобы затѣмъ разбогатѣть. Въ моей жизни бываютъ радости, великія и благородныя, которыя то-же составляютъ богатство, и я сожалѣю, что мои счастливые товарищи лишены этихъ радостей. А между тѣмъ я убѣжденъ, что имъ можно было дать хорошее умственное воспитаніе.

«Но не одно множество учениковъ мѣшало нашимъ учителямъ овладѣть нашимъ вниманіемъ и привлечь къ себѣ наши души. Наши учителя, какъ мнѣ кажется, были слишкомъ magistri, которые съ высоты своей каѳедры читали свои лекціи или, если это были уроки географіи и исторіи, произносили рѣчи. Это была старинная учительская метода, начало которой относится къ той эпохѣ, когда власть съ высоты каѳедры обращалась къ послушной аудиторіи. Результатомъ ея, конечно, было инертное отношеніе ученика и скука въ классѣ. И если я сказалъ, что я много работалъ, то я долженъ прибавить, что я еще больше скучалъ. Нынѣ мы всѣ согласны въ томъ, что учитель долженъ умѣть заинтересовать весь классъ, пріучить своихъ учениковъ разсуждать, мыслить и привести ихъ къ знанію путемъ труда и усилій. Идеальнымъ классомъ можно было-бы назвать такой, который все время переходитъ отъ одного открытія къ другому. Не пренебрегайте только неспособными. Настоящій учитель всегда боится быть непонятымъ слабыми учениками; онъ больше всего этого опасается и старается проникнуть въ самые ограниченные умы. Я знаю, что здѣсь были приложены большія усилія, чтобы достигнуть въ классѣ дѣятельности всѣхъ учениковъ. У васъ ученики подраздѣлены на небольшія группы, въ которыхъ учителя работаютъ вмѣстѣ съ учениками. Вы пришли къ заключенію, что почти нѣтъ учениковъ, абсолютно неподдающихся воспитанію, и что лучшій стимулъ

для ума—это удовольствіе проникать, узнавать и радость понимать, уразумѣть, сопровождающаяся всегда небольшой гордостью преодолѣннымъ усиліемъ. Несомнѣнно, господа учителя, вы не разъ, проникая въ сердца вашихъ учениковъ, замѣчали, что вы ихъ недостаточно знали, что вы ошибались, приписывая имъ знанія, которыхъ они не имѣли и которыхъ они не могли имѣть. Очень часто я самъ замѣчалъ, при преподаваніи исторіи, что самыя простыя вещи, или тѣ, которыя я считалъ такими, были неизвѣстны дѣтямъ, и я дѣлалъ ошибку, беря ихъ за исходный пунктъ своихъ объясненій; они меня не понимали по моей-же собственной винѣ. Снимемъ съ себя мантію величія и спустимся съ высоты каѳедры. Нужно спуститься къ пониманію учениковъ, или, лучше сказать, найти въ себѣ это пониманіе, быть въ одно и то-же время учителемъ и ученикомъ, пріобрѣсть, словомъ, даръ двойственности. Въ этомъ чрезвычайная трудность нашей профессіи, и я даже думаю, что въ этомъ и состоитъ наша профессія. Примѣняя всѣ эти плодотворные методы, что мы въ сущности дѣлаемъ? Мы повинуемся закону нынѣшняго времени, который я назову закономъ утилизаціи. Современная наука извлекаетъ изъ природы все полезное и все, что можетъ служить человѣку на пользу. Есть развѣ еще что-нибудь, что̀-бы ни къ чему не служило? Но позвольте мнѣ сказать, потому что это мое глубокое убѣжденіе, что намъ остается еще многое сдѣлать на всѣхъ ступеняхъ образованія и что мы можемъ этого достигнуть, утилизируя французскій умъ, столь живой, столь ясный, и въ то-же время покорный и столь способный къ усидчивому труду. Но пока уже достаточно того, что можно отмѣтить успѣхи въ системѣ нашего обученія. Мнѣ кажется также, что мы лучше понимаемъ дисциплину. Но тутъ реформа еще болѣе трудна, ибо приходится часто бороться со многими очень сильными традиціями и считаться съ необходимостью поддерживать порядокъ въ нашихъ большихъ лицеяхъ. Но вы уже доказали, что физическія упражненія и система общей дѣятельности оказываютъ счастливое вліяніе на ученическіе нравы. Откуда-же происходитъ главная трудность достигнуть съ дѣтьми точной дисциплины? Это происходитъ отъ того, что мы насилуемъ ихъ природу. Это противъ ихъ природы—запирать ихъ въ четырехъ стѣнахъ, лишать ихъ движеній, учить ихъ всему, чему мы ихъ учимъ. Давая имъ, какъ мы это теперь дѣлаемъ, игры, упражненія, движенія, заставляя ихъ находить удовольствіе въ разумномъ систематическомъ трудѣ, мы создаемъ имъ характеръ, который приведетъ ихъ къ послушанію. Но нужно также научить ихъ обдумывать свои поступки, какъ и свои мысли.

«Мы сами на себя не надѣемся въ этой области нравственнаго воспитанія. Подъ предлогомъ, что нравственность прирождена, или что она есть предметъ проповѣди, мы надѣемся на добродѣтельность хорошихъ натуръ и отчаиваемся въ дурныхъ. Конечно, не слѣдуетъ по всякому поводу читать нравоученія, не слѣдуетъ проповѣдывать, но нужно говорить всегда, когда это полезно. Есть очень простыя слова, простота которыхъ не должна, однако, насъ удерживать отъ ихъ произнесенія. Мы не имѣемъ права подразумѣвать самое главное, какъ мы это часто дѣлаемъ во Франціи, въ странѣ, гдѣ говорятъ больше всего, и меньше всего то, что необходимо.

«Хорошій учитель умѣетъ найти дорогу къ сердцу и къ уму. Онъ ставитъ себѣ за правило не отчаиваться въ исправленіи какого-бы то ни было характера, и онъ достигаетъ поразительныхъ результатовъ: иной злой, гадкій, угрюмый, упрямый, злонамѣренный мальчикъ точно ждетъ, чтобъ его взяли за руку

и направили на хорошую дорогу. Я не хочу сказать, что нѣтъ неизлечимыхъ субъектовъ, но ихъ немного. Здѣсь, какъ и при воспитаніи ума, необходима правильная исходная точка. У нашей молодежи есть весьма благородное чувство справедливости и способность правильно понимать честь. Вотъ вамъ и исходная точка для нравственнаго направленія учениковъ.

«Однако, воспитаніе оканчивается только подготовленіемъ къ свободѣ, что и даетъ только пониманіе отвѣтственности, которая лежитъ на каждомъ человѣкѣ. Но возможна-ли эта подготовка въ нашихъ большихъ лицеяхъ? Нужно, чтобы это было возможно. Мы уже уничтожили нѣкоторыя рамки, въ которыя ученики были нѣкогда замкнуты. Мы подвергли критикѣ существовавшія привычки и порядки и увидѣли, что они не имѣютъ больше raison d'être: напримѣръ, молчаніе за столомъ, которое имѣло свой смыслъ въ то время, когда садились къ столу, чтобы слушать чтеніе. Чтеніе уничтожили, но требованіе молчанія надолго еще сохранилось. О, привычки, какъ ихъ слѣдуетъ остерегаться! Онѣ продолжаютъ жить, когда ихъ происхожденіе давно забыто, и подобны сухимъ листьямъ, которые лежатъ на дорогахъ, которыхъ не подметаютъ. Необходимо, чтобы отъ времени до времени наши старыя дороги обвѣвались свѣжимъ вѣтромъ.

«Намъ еще многое остается сдѣлать для улучшенія нашей дисциплины. Нельзя примѣнять одинъ и тотъ-же режимъ къ маленькимъ и къ взрослымъ ученикамъ; наоборотъ, чѣмъ старше становится ученикъ, тѣмъ больше слѣдуетъ ослабить надзоръ за нимъ. Взрослые знаютъ, что трудиться полезно, и часто они видятъ въ перспективѣ, что имъ предстоитъ еще долго трудиться. Поэтому они могутъ понять призывъ къ чувству долга. Вы знаете, какъ они гордятся своими едва пробивающимися усами. Воспользуемтесь этой гордостью, чтобы заставить ихъ вести себя не такъ, какъ пристойно маленькимъ дѣтямъ.

«Надо вамъ сказать, что я боюсь вліянія режима постояннаго надзора, этого вѣчнаго послушанія, за которымъ по большей части кроется внутренняя недисциплинированность; мнѣ внушаетъ опасеніе эта невозможность поступать дурно, которая совершенно отнимаетъ заслугу у хорошихъ поступковъ; я не понимаю этой пессимистической предубѣжденности противъ самостоятельныхъ желаній, какъ будто они всѣ въ самомъ корнѣ дурны. Когда ученикъ выходитъ изъ школы и становится студентомъ, режимъ строгаго надзора и постоянной регламентаціи рѣзко смѣняется полной независимостью и свободой. Но развѣ мы подготовили его къ этой свободѣ, развѣ мы предохранили его отъ ея опасностей?

«Мнѣ приходятъ на память слова, сказанныя мнѣ въ этомъ году однимъ молодымъ англичаниномъ, носящимъ знаменитое имя и занимающимъ значительное политическое положеніе. Онъ сдѣлалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, чтобы поговорить со мной о школьныхъ вопросахъ. Разставаясь со мной, онъ мнѣ сказалъ: «не думайте, что я ученый; у насъ, въ Англіи, въ колледжахъ учатъ только тому, что можетъ быть полезно въ жизни». Сколько прекрасной гордости англичанина въ этихъ скромныхъ словахъ! Конечно, мой собесѣдникъ не промѣнялъ-бы знаній, которыя даетъ наша школа, на науку жизни, которую онъ выноситъ изъ англійской школы. Онъ-бы мнѣ сказалъ, что Англія нуждается въ людяхъ положительныхъ, привыкшихъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ людяхъ съ независимымъ и рѣшительнымъ характеромъ, что ей нужны такія люди для ея торговли, для ея промышленности, для ея

политики. Для своей политики она нуждается въ людяхъ, которые-бы имѣли смѣлость чего-нибудь желать и сохранили-бы ее даже тогда, когда сдѣлаются министрами.

«Господа, все, что мы сдѣлали для улучшенія нашего общественнаго воспитанія, это лишь начало необходимыхъ реформъ. Передъ нами долгое будущее, полное труда и усилій. Мы, конечно, достигнемъ цѣли. Было-бы несправедливо упрекать нашъ университетъ*) въ медленности: такой сложный организмъ не можетъ и не долженъ ускорить своего развитія. Никогда наше учебное дѣло въ рукахъ университета не было лучше управляемо, чѣмъ теперь, никогда у него не было состава лучшаго, болѣе ученаго, болѣе свободомыслящаго, болѣе исполненнаго прекраснѣйшихъ стремленій, чѣмъ теперь. Нѣтъ больше того духа господства и корпоративной зависти, въ чемъ такъ часто его прежде упрекали. Университетъ съ удовольствіемъ видитъ, какъ внѣ его основываются частныя заведенія, какъ, напримѣръ, ваше; онъ интересуется экспериментами, которые въ нихъ дѣлаются: они служатъ ему провѣркой его собственныхъ начинаній. Въ благодарность за услуги, оказанныя вами, университетъ васъ включилъ въ свою организацію, но сохранилъ за вами полную свободу и автономію. Вы пользуетесь ею для постояннаго и разумнаго исканія того лучшаго, которое себѣ поставилъ цѣлью университетъ. Онъ не подчиняетъ васъ своему вліянію; онъ предоставляетъ вамъ то передовое мѣсто, которое вы съумѣли занять». А. О.

С.-Петербургское Общество содѣйствія физическому развитію.

Сознаніе необходимости физическаго воспитанія юношества все сильнѣе и сильнѣе проявляется съ каждымъ годомъ за границей, выражаясь въ стремленіяхъ правительства и общества сдѣлать все возможное для правильной его постановки. Въ Германіи и Франціи (въ Англіи физическое развитіе всегда стояло на высокой степени) существуетъ масса обществъ, ставящихъ себѣ цѣлью распространеніе тѣлесныхъ упражненій, физическаго труда, издаются спеціальные журналы и газеты, посвященные этимъ вопросамъ (въ одной Германіи — 8 журналовъ), во многихъ учебныхъ заведеніяхъ введена раціональная гимнастика, ведутся физическія упражненія и игры, во всемъ этомъ принимаетъ дѣятельное участіе какъ школа, такъ и семья. Только у насъ это движеніе нашло себѣ весьма слабый отголосокъ; по прежнему наши дѣти лишены чистаго воздуха, свободныхъ движеній и непринужденныхъ игръ. Поэтому съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ отрадное явленіе—открытіе новаго Общества содѣйствія физическому развитію. Общество это имѣетъ цѣлью: а) разрабатывать вопросы, относящіеся къ физическому воспитанію и образованію, въ видахъ установленія правильнаго взгляда родителей и воспитателей на этотъ предметъ; б) практически содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, физическому развитію дѣтей и молодыхъ людей обоего пола. Съ этою цѣлью Общество намѣрено: 1) устраивать физическія упражненія и игры; 2) устраивать помѣщенія для занятій физическими играми, арены и сады для игръ, катки, купальни и т. п.; 3) устраивать публичныя состязанія въ физиче-

*) Не надо забывать, что подъ французскимъ Université подразумѣвается совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній Франціи.

скихъ упражненіяхъ и играхъ; 4) устраивать и содѣйствовать организаціи загородныхъ прогулокъ учащихся подъ руководствомъ наставниковъ и опытныхъ лицъ; 5) устраивать курсы садоводства, огородничества, плаванія, гимнастики, фехтованія, танцованія, гребли, ѣзды на велосипедахъ, стрѣльбы въ цѣль, верховой ѣзды и проч. Общество устраиваетъ систематическіе курсы для подготовки руководителей физическихъ упражненій и игръ, публичныя лекціи и бесѣды по этому предмету, издаетъ различныя руководства и сочиненія, касающіяся физическаго воспитанія.

Таковы симпатичныя цѣли новаго Общества, которое взялось за осуществленіе столь насущной и важной задачи, какъ физическое развитіе дѣтей. Надо надѣяться, что Обществу удастся установить правильный взглядъ родителей и воспитателей на предметъ физическаго воспитанія, т.-е., что родители и воспитатели выкажутъ должный интересъ къ такому дѣлу, какъ здоровье ихъ-же дѣтей, надо надѣяться, что всѣ русскіе люди придутъ на помощь этому благому дѣлу, которому посвящаетъ свою дѣятельность новое Общество, окажутъ ему матеріальную поддержку, столь существенную для всякаго дѣла, а даннаго въ особенности.

Первое засѣданіе Общества происходило 14-го сентября. Оно было посвящено выбору членовъ. Избрано было около 60 человѣкъ *). Затѣмъ присутствовавшіе члены избрали предсѣдателя Общества и Правленіе. Предсѣдателемъ Общества избранъ статсъ-секретарь К. К. Гротъ, а ученымъ секретаремъ П. Ф. Лесгафтъ. Правленіе состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя Правленія А. Н. Макарова (директоръ Педагогическаго музея), его товарища — В. Д. Сиповскаго (директоръ училища глухонѣмыхъ и редакторъ журнала «Образованіе») и членовъ: А. Д. Бутовскаго, д-ра С. Ѳ. Богдановскаго, д-ра А. С. Виреніуса, д-ра В. Г. Дехтерева, І. І. Кенига (директоръ Анненскаго училища), А. Ѳ. Остроградскаго (инспекторъ училища глухонѣмыхъ)—онъ-же казначей Общества—и секретаря Правленія д-ра С. А. Острогорскаго. Членскіе взносы и пожертвованія принимаются въ Педагогическомъ музеѣ (Соляной городокъ) ежедневно отъ $12^1/_2$ до $3^1/_2$ час. дня и въ училищѣ глухонѣмыхъ (Гороховая, 18) отъ 8 ч. утра до 5 ч. дня.

Второе засѣданіе Общества состоялось 10-го октября. Въ этомъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ К. К. Грота, на усмотрѣніе Общаго Собранія были предложены слѣдующіе доклады Правленія: 1) объ устройствѣ на Фонтанкѣ, у Соляного городка, катка для безплатнаго пользованія учащимися городскихъ школъ и дѣтьми гг. членовъ. На устройство катка, на пріобрѣтеніе коньковъ и креселъ понадобится около 900 р. (предположительно). Таковой суммы въ кассѣ Общества еще не имѣется, но можно думать, что она соберется. 2) Правленіе вошло въ сношенія съ различными учрежденіями о предоставленіи Обществу залъ для устройства игръ и гимнастики для дѣтей. Общество уже получило въ пользованіе по воскреснымъ днямъ (отъ 12 до $3^1/_2$) манежъ Адмиралтейства, гдѣ и будетъ произведенъ первый опытъ устройства дѣтскихъ игръ. 3) Правленіе Общества проектируетъ устройство курсовъ для подготовленія руководителей физическихъ упражненій. Курсы предполагаются двухгодовые; преподаваніе будетъ распадаться на теоретическую и практическую часть. Читаться будутъ слѣдующіе пред-

---

*) Дѣйствительные члены вносятъ 5 р. ежегодно или 50 р. единовременно’ члены-соревнователи—3 р. ежегодно или 30 р. единовременно.

меты: анатомія, химія, механика, гигіена. Число учебныхъ часовъ въ недѣлю—15. На курсы принимаются лица, получившія среднее образованіе. За слушаніе курсовъ будетъ взиматься незначительная плата, кажется, 10 руб. въ годъ. Руководить курсами и читать часть предметовъ будетъ проф. Лесгафтъ, который предложилъ свои услуги безвозмездно. Правленію извѣстно около 50 лицъ, желающихъ слушать устраиваемые Обществомъ курсы.

Всѣ эти предложенія Правленія, конечно, были приняты Общимъ Собраніемъ, выразившимъ свою благодарность проф. Лесгафту за его безкорыстное предложеніе. Собраніе закончилось выборомъ новыхъ членовъ (около 60).

Какъ читатели могутъ заключить изъ вышеприведеннаго краткаго отчета, новое Общество серьезно и энергичто приступаетъ къ выполненію принятой на себя задачи. Но помимо непосредственной дѣятельности, которая выразится въ устройствѣ игръ, катковъ, курсовъ, Общество можетъ много сдѣлать, взявъ на себя во многихъ случаяхъ инициативу или руководство. Такъ, напримѣръ, кажется намъ, было-бы полезно, если-бы Общество оффиціально обратилось къ директорамъ гимназій С.-Петербурга съ предложеніемъ устраивать въ воскресные дни игры и физическія упражненія для учащихся въ ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, или пригласило-бы гг. директоровъ для совмѣстнаго обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя должны и могутъ быть приняты для лучшей постановки физическаго развитія учащихся. У насъ часто замѣчается недостатокъ инициативы, а при отсутствіи ея не примѣняются даже и тѣ средства, которыми мы располагаемъ, поэтому было-бы важно, чтобы Общество взяло на себя инициативу тамъ, гдѣ оно не можетъ оказать своего непосредственнаго содѣйствія.

А. О.

Сельско-хозяйственные курсы народныхъ учителей.

Письмо въ редакцію.

Въ этомъ году мнѣ пришлось побывать на лѣтнихъ сельско-хозяйственныхъ курсахъ народныхъ учителей С.-Петербургской губерніи, которые были открыты въ іюлѣ на частной мызѣ по Шлиссельбургскому тракту. Домъ, въ которомъ помѣщаются «курсы», деревянный, двухъ-этажный, довольно обширный и вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію во всѣхъ отношеніяхъ. Въ верхнемъ этажѣ, въ четырехъ комнатахъ—спальни, въ пятой — общая столовая. Тамъ-же наверху кухня и проч. Въ нижнемъ этажѣ—квартира завѣдывающаго курсами и большой залъ, въ которомъ происходитъ чтеніе лекцій и нѣкоторыя практическія занятія — прививка растеній и т. п. На «курсахъ» около 40 учителей-курсистовъ, *три надзирателя*, инспекторъ и нѣсколько человѣкъ прислуги. На мызѣ работа кипитъ съ утра до вечера.

Домъ стоитъ почти на самомъ берегу Невы. Видъ съ терассы за рѣку прекрасный. Изъ лѣсу стыдливо выглядываетъ нѣкогда славный аристократическій, а нынѣ принадлежащій петербургскому трактирщику «дворецъ», съ затѣйливыми башнями, верандами и проч. По Невѣ впередъ и обратно снуютъ пароходы, барки и т. п., окрестность оглашается пароходными свистками, эхо таинственно вторитъ съ различныхъ сторонъ,—есть гдѣ взору отдохнуть и душѣ успокоиться.

Но, не смотря на прелести окружающей природы, меня, конечно, больше

всего интересовали «курсы» и, главнымъ образомъ, сами «ученики» (при открытіи занятій всѣмъ собравшимся учителямъ было заявлено, что они учителя лишь въ своихъ школахъ, но здѣсь, на курсахъ — *они только ученики*), которые явились сюда вслѣдствіе приглашенія со стороны земскаго и учебнаго начальства «по доброй волѣ»... И дѣйствительно: всѣ курсисты, въ числѣ которыхъ есть и семейные пожилые бородачи, ведутъ себя скромно, тихо, какъ подобаетъ благонравнымъ ученикамъ, надъ которыми при этомъ стоятъ три надзирателя... Учителя-ученики народъ все простой, симпатичный; серьезно погружены въ свое скромное, но серьезное дѣло и полны надеждъ и упованій. Есть, конечно, и «разбитые», но такихъ немного и они стараются воодушевиться. Работаютъ съ 6 часовъ утра до 12 и съ 4 часовъ дня до вечера. Раздѣленные на нѣсколько группъ, они поочередно занимаются теоріей и практикой—слушаютъ лекціи, прочитываютъ руководства и работаютъ въ саду и на огородѣ. Многіе чрезвычайно устаютъ, но всячески стараются не отставать отъ болѣе выносливыхъ и привычныхъ къ тяжелому деревенскому труду. Но такихъ «втянувшихся» въ тяжелый трудъ, само собою разумѣется, немного. Хотя большинство происходитъ изъ бѣднаго класса и есть изъ крестьянскаго сословія, но всѣ они слишкомъ обезсилены школой, пребываніемъ въ семинаріи и проч., а при недостаточномъ питаніи (на «курсахъ» порціи *крайне ограничены*), потраченныя силы не возстановляются и работники-учителя чувствуютъ себя неудовлетворенными. Съ одной стороны, жажда познаній, пригодныхъ для сельской жизни народнаго учителя, а съ другой—суровый трудъ и недостатокъ пищи—все это не даетъ того спокойствія, которое необходимо въ занятіяхъ. Но курсисты терпятъ и несомнѣнно вынесутъ всякія невзгоды не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. А вотъ будущее-то это и наводитъ на грустныя размышленія о положеніи учителя, который призванъ нести «факелъ просвѣщенія» въ темную среду народа. Оказывается, что, организуя въ нѣсколькихъ губерніяхъ *сельско-хозяйственные* курсы для народныхъ учителей, земства до сихъ поръ не позаботились объ отводѣ для училищъ необходимаго количества земли, на которой народный учитель могъ-бы примѣнять свои скромныя знанія и каковую могъ-бы эксплуатировать въ свою пользу, принимая во вниманіе скудное содержаніе и проч.

— Скажите пожалуйста, господа, есть-ли у кого-нибудь изъ васъ при школѣ хоть небольшой клочекъ земли для того, чтобы можно было примѣнить свои знанія, которыя вы пріобрѣтете на курсахъ? — спросилъ я курсистовъ.

— Почти никто не имѣетъ,—отвѣтили учителя-ученики.

И такъ почти вездѣ въ Россіи, за немногими исключеніями. Полагаемъ, что комментаріи излишни. Несомнѣнно, идея курсовъ для народныхъ учителей—прекрасная, курсы могутъ надѣлить ихъ нѣкоторыми теоретическими и практическими свѣдѣніями, но нужно обставить прежде всего дѣло такъ, чтобы добытыя тяжелымъ трудомъ и лишеніями знанія не пропадали напрасно и отъ нихъ получился-бы хоть какой-нибудь результатъ, а не нуль...

Намъ могутъ замѣтить, что учитель, обладая извѣстными теоретическими и практическими свѣдѣніями въ области сельскаго хозяйства, можетъ распространить ихъ въ средѣ народа и подѣлиться своими знаніями съ учениками школы... Но все это однѣ пріятныя мечты. Извѣстно, съ какимъ недовѣріемъ крестьяне относятся ко всякимъ теоретическимъ разсужденіямъ,

они требуютъ всегда практическихъ, осязательныхъ *доказательствъ*—и это вполнѣ естественно: крестьянинъ не вѣритъ на слово, онъ преклоняется только предъ очевидными фактами въ трудномъ, хотя и не хитромъ дѣлѣ веденія сельскаго хозяйства Учителя, много лѣтъ находившіеся въ деревняхъ и имѣвшіе дѣла съ крестьянами, положительно утверждаютъ, что никакія разсужденія не могутъ убѣдить ихъ до тѣхъ поръ, пока они не подкрѣплены *доказательствами на опытѣ*... И это хорошо извѣстно каждому интеллигентному человѣку, который сталкивался съ народомъ и старался «просвѣтить» крестьянина.

Что-же касается учениковъ сельской школы, т.-е. крестьянскихъ дѣтей, то и послѣдніе немного вынесутъ изъ краснорѣчивыхъ «объясненій» учителя, если учитель не будетъ имѣть возможности *разъяснить имъ на дѣлѣ*. Да, къ тому-же, крестьянскія дѣти оставляютъ школу для «хозяйственныхъ работъ» весной и возвращаются въ нее осенью, т.-е. все время каникулъ, когда учитель свободенъ отъ чисто школьныхъ занятій, дѣти занимаются непосредственно тѣмъ дѣломъ, о которомъ учитель можетъ только говорить... Ясно, стало быть, что прежде всего сельскія школы должны быть надѣлены землей и сами народные учителя обставлены надлежащимъ образомъ въ матеріальномъ отношеніи. Многіе указываютъ на то, что если сельскому учителю дать землю, то тогда пострадаютъ школьныя занятія, ибо учитель будетъ отвлекаться собственнымъ хозяйствомъ... Но всѣ эти указанія бездоказательны и только тормазятъ дѣло. Вѣдь и работы учителя по сельскому хозяйству будутъ начинаться въ то время, когда ученики оставляютъ школы и принимаются помогать родителямъ въ ихъ тяжеломъ трудѣ. Сельскому учителю необходима прежде всего земля, а затѣмъ и сельско-хозяйственные курсы, пользы которыхъ во всякомъ случаѣ никто отрицать не станетъ.

И. Радецкій.

Ф. К. Неслуховскій.

(По поводу 50-лѣтія его педагогической дѣятельности *).

Францъ Карловичъ *Неслуховской* родился 23-го декабря 1818 года. Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1843 г., онъ въ этомъ-же году, 30-го сентября, поступилъ на службу въ Старооскольское уѣздное училище учителемъ исторіи и географіи, и съ тѣхъ поръ въ теченіи *50 лѣтъ* продолжается его непрерывная педагогическая дѣятельность.

Первыя девять лѣтъ Францу Карловичу пришлось работать съ дѣтьми мелкихъ чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ и лишь изрѣдка съ крестьянскими. Среда—далеко неинтеллегентная, но работалось легко даже при тяжелой уѣздной обстановкѣ сороковыхъ годовъ: энергія молодости и вѣра въ идею добра и общественной пользы поднимали духъ талантливаго преподавателя. При занятіяхъ географіей и исторіей съ совершенно неподготовленными дѣтьми Францъ Карловичъ уже тогда сознавалъ необходимость въ наглядныхъ пособіяхъ; но какія-же пособія могли быть въ Старооскольскомъ уѣздномъ училищѣ въ ту эпоху? И вотъ, по словамъ самого юбиляра, голова ученика или картофелина замѣняютъ глобусъ; одинъ изъ трехъ классовъ изображаетъ Римскую имперію,

---

*) Рѣчь І. Д. Смирнова, сказанная на обѣдѣ 16-го октября преподавателей Николаевскаго кавалерійскаго корпуса въ честь юбиляра.

другой—германцевъ, третій—гунновъ; картина переселенія народовъ принимала характеръ шумнаго передвиженія въ классѣ и становилась для дѣтей совершенно наглядной. Такого рода педагогическіе пріемы штатный смотритель находилъ *«неприличными»*, дѣлалъ даже замѣчанія по этому поводу ретивому преподавателю, но тотъ не унимался... Уже въ то время Францъ Карловичъ пытался вырваться изъ хотя и безусловно полезной, но нѣсколько однообразной сферы чисто учебной дѣятельности, пробовалъ освѣжиться «*научной*» работой, вздумалъ было заняться *изученіемъ мѣстныхъ архивовъ*, но штатный смотритель не согласился даже *ходатайствовать* о допущеніи Франца Карловича къ такого рода работамъ, такъ какъ архивы считались въ то время недоступными для частныхъ лицъ, и подобнаго рода занятія, по мнѣнію не только смотрителя, но и директора училищъ, могли лишь отвлекать преподавателя отъ его прямыхъ обязанностей...

Съ 1852 года сфера дѣятельности Франца Карловича нѣсколько расширяется: онъ былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ Воронежскую гимназію. Воронежъ въ то время справедливо причислялся къ наиболѣе культурнымъ губернскимъ городамъ Россіи. Кромѣ гимназіи, въ немъ находились кадетскій корпусъ и семинарія. Общество преподавателей было довольно многочисленное, но, къ сожалѣнію, именно въ гимназіи это общество не отличалось симпатичными чертами: большинство преподавателей были питомцы семинарій и стараго Педагогическаго института, достаточно выдрессированные для учительствованія; прежде всего они были *чиновниками отъ педагогіи*, а *не людьми живого дѣла*; съ университетскими они не сходились, въ заведеніи шла глухая борьба, господствовала интрига. Гимназія представляла, въ сущности, не учебное заведеніе, а какое-то присутственное мѣсто, въ которомъ царилъ канцеляризмъ, и естественно, что Францъ Карловичъ благословлялъ ту минуту, когда оставилъ Воронежъ, сохранивъ свѣтлыя воспоминанія только о немногихъ симпатическихъ личностяхъ, подобныхъ Де-Пуле (преподаватель кадетскаго корпуса).

Въ 1859 году, іюня 4-го, Францъ Карловичъ переведенъ былъ въ Курскую гимназію, о пребываніи въ которой у него сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія; притомъ это была эпоха всеобщаго оживленія русскаго общества и особеннаго подъема педагогической дѣятельности. Директоръ оказался человѣкомъ просвѣщеннымъ и всецѣло преданнымъ дѣлу. Преподаватели—все воспитанники университета—работали съ страстнымъ увлеченіемъ на пользу молодежи. Устроились публичныя лекціи, въ которыхъ принялъ живое участіе и Францъ Карловичъ: онъ прочиталъ двѣ лекціи: 1) «Историческое значеніе авантюристовъ» и 2) «Біографія Карла де-Нассау». Общество такъ сочувственно отнеслось къ этимъ лекціямъ, что сборъ съ нихъ далъ возможность *положить основаніе женской гимназіи*.

Въ 1861 году, марта 10-го, Францъ Карловичъ назначенъ былъ инспекторомъ классовъ въ Тамбовскую гимназію и началъ давать уроки исторіи въ Тамбовскомъ Александринскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а въ 1865 г., въ маѣ, въ этомъ-же институтѣ получилъ мѣсто инспектора классовъ, съ оставленіемъ во всѣхъ прежнихъ должностяхъ. Въ Тамбовѣ мы встрѣчаемъ Франца Карловича уже въ центрѣ тамошняго педагогическаго кружка, лицомъ вліятельнымъ не только въ сферѣ учебной, но и общественной: историческій татьянинъ день не обходился безъ его дѣятельнаго участія (хотя Францъ Карловичъ и не москвичъ) и тысячи рублей сбирались при его содѣйствіи на общественныя благотворительныя дѣла. Въ 1868 году, за выслугой 25-ти-лѣт-

няго срока учебной службы и по *особымъ* обстоятельствамъ, касаться которыхъ нахожу теперь неумѣстнымъ, Францъ Карловичъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Петербургъ. Частная педагогическая его дѣятельность, однако, не прерывалась ни на одинъ моментъ и въ тѣ шесть лѣтъ, которыя онъ находился въ отставкѣ... Съ 1874 года мы видимъ уже его въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ — воспитателемъ и преподавателемъ. Съ 1878—1879 уч. г. Францъ Карловичъ работаетъ среди насъ. Признаемся, что въ самомъ началѣ его учебной дѣятельности въ корпусѣ не разъ, конечно, многимъ изъ насъ случалось проговариваться и задавать вопросъ: «не старъ-ли онъ?.. Вѣдь 60 лѣтъ...» Но подобные праздные вопросы быстро замолкли. Предъ нами была личность энергичная, бодрая, всюду проявляющая свою неустанную дѣятельность: онъ составляетъ дополнительныя записки для учениковъ, онъ вырабатываетъ особые конспекты, весьма своеобразные и цѣнные, по курсу общей исторіи среднихъ вѣковъ въ связи съ русской; онъ придалъ такое развивающее значеніе историческимъ картамъ, заставляя учениковъ самихъ осмысленно составлять ихъ, что вызвалъ въ свое время невольное удивленіе къ подобному методическому пріему знаменитаго доктора исторіи—бывшаго военнаго министра графа Милютина. «Ничего подобнаго нигдѣ я не видывалъ,—высказалъ графъ Милютинъ, осматривая разъ въ классѣ эти ученическія карты и выслушавъ отвѣты учениковъ Франца Карловича.—«И какая это полезная работа для воспитанниковъ»,—прибавилъ онъ, оставляя классъ.

Всегда на своемъ посту, всегда живой и оживляющій другихъ, всегда слѣдящій за наукой и учебной литературой, этотъ сѣдовласый старецъ является для многихъ изъ насъ, съ одной стороны, укоромъ нашей слишкомъ ранней умственной дремотѣ, съ другой—невольно насъ молодитъ; онъ какъ-бы говоритъ: «смотрите, вѣдь нѣкоторые изъ васъ въ сыновья мнѣ годитесь, и уже ослабѣваете, а я работаю и мыслю и, слѣдовательно, живу полной жизнью». «Такъ поживемъ-же и мы», думается невольно всякому при видѣ юношеской энергіи Франца Карловича...

Подобно великимъ англійскимъ старикамъ, Францъ Карловичъ на склонѣ лѣтъ усиливаетъ свою умственную производительность: между 60-ю и 70-ю годами своей трудовой жизни, будучи преподавателемъ въ нѣсколькихъ заведеніяхъ и въ то-же время воспитателемъ (т.-е. и *дежуря* чуть-ли не по два раза въ недѣлю), онъ находитъ время, именно въ эти-то преклонные годы, для занятій также и литературною дѣятельностью. Намъ извѣстны слѣдующія его статьи: 1) «Домикъ моего дѣдушки», 2) «Біографія Шайнохи», 3) «Домна Розанда», 4) «Воспоминанія о Костомаровѣ», 5) «Адамъ Мицкевичъ въ Россіи», и затѣмъ нѣсколько мелкихъ критическихъ статей (о «Военной хрестоматіи» г-на Абазы и пр.).

Всѣ эти работы, помѣщенныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и въ «Русской Мысли» и обнаруживающія положительно недюжинный литературный талантъ и историческую эрудицію, написаны тѣмъ 70-лѣтнимъ «*юношей*», юбилей котораго мы чествуемъ. И Францъ Карловичъ, сколько намъ всѣмъ извѣстно, въ дѣятельности своей не останавливается: онъ готовитъ еще къ печати работу и по прежнему продолжаетъ свои учебныя занятія. Такъ выпьемъ-же за здоровье этого «*молодого старика*», бодрящаго насъ всѣхъ, какъ хорошее старое вино, осушимъ бокалы за продолженіе его неустанной дѣятельности, за счастье его дѣтей и внуковъ! **І. Смирновъ.**

Указатель иностранной педагогической литературы.

Geschichte der Pädagogik mit Charakterbildern hervorragender Pädagogen und Zeiten, von *J. Böhm*, mit 100 Abbild. 2 Aufl. 2 B. 9 M. Книга эта состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, посвященныхъ жизни и дѣятельности замѣчательнѣйшихъ педагоговъ. Всѣ эти очерки, тѣсно между собой связанные, составляютъ одно цѣлое и даютъ прекрасную картину исторіи педагогики. Авторъ съ большимъ умѣньемъ и тщательностью воспользовался лучшими источниками; изложеніе повсюду ясное, выборъ отрывковъ изъ различныхъ педагогическихъ сочиненій сдѣланъ въ большинствѣ случаевъ удачно, критическая оцѣнка педагогическихъ теорій вѣрна. Издана книга хорошо и недорого *).

Ueber die Einbildungskraft und ihre Bedeutung für den Unterricht, von *G. Märkel* 2 Aufl. 64 S. 1 M. Содержаніе этой книжки слѣдующее: A. Сила воображенія съ психологической точки зрѣнія. 1. Сущность и виды ея. 2. Ея проявленія. 3. Ея отношеніе къ другимъ тѣлеснымъ и душевнымъ силамъ. 4. Болѣзненныя ея проявленія. B. Сила воображенія съ педагогической точки зрѣнія. Авторъ держится взглядовъ Вундта. Изложеніе его иллюстрировано массой примѣровъ. Книжка весьма интересна.

Der Beginn der Schulpflicht. — Ein Beitrag zur Erörterung dieser Frage von *O. Janke* 1 M. Вопросъ о началѣ обязательности обученія представляется весьма интереснымъ, тѣмъ болѣе, что онъ не получилъ однообразнаго разрѣшенія въ различныхъ странахъ. Авторъ съ большимъ стараніемъ собралъ матеріалъ по лучшимъ источникамъ и всесторонне освѣтилъ вопросъ. Такъ, въ первой части онъ говоритъ объ обязательности обученія съ педагогической, гигіенической и экономической точекъ зрѣнія. Во второй идетъ рѣчь о требованіяхъ, отсюда вытекающихъ. Изложеніе просто и ясно.

Ueber Apperzeption. Eine psychologisch-pädagogische Monographie von *K. Lange*. 4 Aufl. 242 S. 3 M. Книга эта содержитъ въ себѣ: I. Ученіе объ апперцепціи (сущность и виды ея, условія и значеніе ея развитія) II. Теорія апперцепціи въ отношеніи ея къ педагогикѣ, (Выборъ и систематизація учебнаго матеріала, изслѣдованіе, расширеніе и примѣненіе запаса наблюденій ребенка и т. д.). Авторъ только слишкомъ расширяетъ понятіе апперцепціи и напрасно все старается ею объяснить. Но, не взирая на этотъ недостатокъ, книга Ланге, иллюстрированная массой прекрасныхъ примѣровъ, заслуживаетъ вниманія по своему богатому и хорошо разработанному содержанію.

Individualismus und Socialismus in der pädagogischen Entwickelung unseres

*) Рецензіи, подъ которыми не обозначенъ источникъ, откуда онѣ взяты, составлены по только что вышедшему Pädagogischer Jahresbericht von 1892, herausg. von Albert Richter. 45-er Jahrgang.—Leipzig. 10 M.

Jahrhunderts, von *R. Rissmann*. 48 S 60 Pf. Gotha. Эта брошюра представляетъ весьма интересное и очень поучительное изложеніе двухъ крайнихъ направленій въ педагогикѣ, особенно получившихъ развитіе со временъ Коменскаго. Она заслуживаетъ вниманія.

Pädagogik im Grundriss von *Prof. W. Rein*. 2 Aufl. 184 S. 80 Pf. Stuttgart. Извѣстный авторъ, сторонникъ Гербарто-Циллеровской педагогики, даетъ въ краткой и весьма ясной формѣ изложеніе практической и теоретической педагогики. Въ концѣ книги приложенъ указатель педагогической литературы. Книга заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Издана она хорошо и очень дешево.

Die Litteratur der Schulhygiene. Kritischer Bericht von *Otto Janke*. 54 S. 60 Pf. Литература по школьной гигіенѣ значительно разрослась въ послѣдніе годы, такъ что критическій обзоръ ея представляется весьма интереснымъ. Авторъ говоритъ о старыхъ сочиненіяхъ по гигіенѣ лишь вкратцѣ, но подробно останавливается на всѣхъ позднѣйшихъ. Всѣ книги, сопровожденныя обстоятельными рецензіями, раздѣлены на группы, смотря по содержанію, такъ что въ этомъ обзорѣ легко оріентироваться.

Der geographische Unterricht nach den Grundsätzen der Ritterschen Schule historisch und methodologisch beleuchtet von *Hermann Oberländer*. 5 verm. Aufl., herausg. von *L. Gabler*. 325 S. 4 M. Нѣтъ книги, которая-бы могла въ этой области сравниться по своимъ достоинствамъ съ книгой Оберлендера. Она знакомитъ читателя со всѣмъ, что сдѣлано по методикѣ географіи. Книга распадается на двѣ чрезвычайно богатыя содержаніемъ части: исторія методики географіи и изложеніе основъ сравнительной географіи. Къ настоящему пятому изданію прибавленъ прекрасно составленный указатель географической литературы (на 50 стр.). Указатель этотъ, представляющій краткія рецензіи о содержаніи и достоинствахъ каждой книги, можетъ быть весьма полезенъ учителю.

(Paedag. XVI, 1).

Das Turnen im Hause—Leibesübungen zur Förderung der Gesundheit für Jung und Alt. von *K. Beerwald* und *G. Bauer*. 3 M. Эта книга имѣетъ въ виду исключительно практическія цѣли и предназначается для здоровыхъ людей обоего пола и всякаго возраста, желающихъ поддержать свое здоровье упражненіями, легко выполнимыми при обыкновенной домашней обстановкѣ. Послѣ вступительныхъ общихъ замѣчаній, авторъ въ послѣдовательномъ порядкѣ называетъ различныя физическія упражненія. Всѣ они сопровождаются подробными, ясными иллюстрированными рисунками, объясняющими какъ ихъ вести. Книжка заслуживаетъ живѣйшей рекомендаціи. (Cornelia, 1).

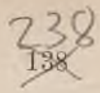
Systematische Darstellung der Pädagogik Pestalozzi's von *A. Vogel*. 2 Aufl. Hannover. 3 M. 80 Pf. Многимъ гораздо больше извѣстна жизнь Песталоцци, чѣмъ его сочиненія. Отчасти причиной тому является неясность, съ которой Песталоцци выражалъ свои мысли. Поэтому можно съ удовольствіемъ указать на книжку Фогеля, прекрасно знакомящую съ сочиненіями Песталоцци. Авторъ распредѣлилъ матеріалъ своей книги по слѣдующимъ отдѣламъ: 1. Сущность человѣческой природы. 2. Задача и цѣль воспитанія. 3. Необходимость воспитанія. 4 и 5. Образованіе различныхъ силъ человѣческой природы (нравственная, умственная, физическая). 6. Факторы воспитанія. Систематическое распредѣленіе мыслей Песталоцци облегчаетъ знакомство съ ними, умѣлая группировка матеріала содѣйствуетъ лучшему пониманію системы Песталоцци. Поэтому книгу эту можно рекомендовать всякому учителю: онъ найдетъ въ ней много интереснаго.

(Volksschulfr., 27).

Der Bildungswert der Geschichte, von *Georg Stoeckert*. 46 S. 1 M. Berlin. Книжка эта заслуживаетъ вниманія всѣхъ учителей исторіи. Авторъ начинаетъ съ объясненія того, что составляетъ содержаніе исторіи, затѣмъ переходитъ къ выясненію задачи современной исторической науки и, наконецъ, говоритъ о различныхъ историческихъ способахъ изслѣдованія и о томъ, какъ можетъ быть достигнуто истинное историческое образованіе.

(Gymnasium, 19).

Herbart oder Pestalozzi? Eine kritische Darstellung ihrer Systeme von *A. Vogel*. Hannover. 2 M. 40 Pf. 2 Aufl. Авторъ даетъ сначала краткій обзоръ

и критику метафизическаго ученія Гербарта. Затѣмъ идетъ критическое разсмотрѣніе основныхъ психологическихъ воззрѣній Гербарта и Песталоцци, далѣе — изложеніе ихъ педагогическихъ взглядовъ. Заключеніе составляетъ критическое сравненіе обоихъ педагоговъ. Авторъ—сторонникъ теорій и воззрѣній Песталоцци, и хотя даетъ безпристрастный обзоръ теоріи Гербарта, но не всегда достаточно ее оцѣниваетъ. Тѣмъ не менѣе, это прекрасная книжка, свидѣтельствующая объ основательномъ знакомствѣ автора съ своимъ предметомъ. Она читается съ большимъ интересомъ и трактуетъ о столь важныхъ вопросахъ педагогики, что заслуживаетъ общаго вниманія. (Volksschulfr., 27).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Съ доставкою въ Самарѣ. 6 р.	ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА	Съ пересылк. въ др. города 7 р.

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ

на 1894 годъ.

(Изданія годъ одиннадцатый).

Въ 1894 году «Самарская Газета» будетъ издаваться, какъ и въ прежніе годы, по слѣдующей программѣ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства (по оффиціальнымъ источникамъ); 2) Телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства», ПОЛУЧАЕМЫЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА; 3) Руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ и проявленіямъ жизни г. Самары и Самарской губ.; 4) Самарская хроника; 5) Внутреннія извѣстія: сообщенія корреспондентовъ изъ разныхъ городовъ, посадовъ и селъ Самарской и другихъ губерній, извѣстія изъ другихъ газетъ; 6) Иностранныя извѣстія; 7) Беллетристика: романы, повѣсти, разсказы, очерки въ стихахъ и прозѣ; 8) Сельское хозяйство; 9) Критика и библіографія; 10) Смѣсь; 11) Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія о положеніи Самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ рынковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; 12) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

САМАРСКАЯ ГАЗЕТА, имѣя основной своей задачей—служить интересамъ Самарскаго края, слѣдя за его общественно-экономическою жизнью, даетъ также своимъ читателямъ статьи по общегосударственнымъ вопросамъ и знакомитъ съ выдающимися событіями въ Россіи и за границей.

САМАРСКАЯ ГАЗЕТА обращаетъ особенно вниманіе на состояніе хлѣбныхъ рынковъ. Независимо отъ сообщеній о торговыхъ оборотахъ мѣстнаго Самарскаго рынка, редакція печатаетъ свѣдѣнія о всѣхъ крупныхъ торговыхъ рынкахъ и ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ помѣщаетъ торговыя телеграммы «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства» о состояніи СПБ. фондовой и хлѣбной биржи.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. Л. Бостромъ, Е. А. Буланина, Р. Е. Вольскій, Орестъ Г. (псевдонимъ), Е. М. Ещинъ, В. О. Португаловъ, г. Пончь (псевдонимъ) и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

Съ доставкою въ Самарѣ. На годъ 6 р. На 1/2 года 4 р. На 1 мѣсяцъ 1 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города. На годъ 7 р. На 1/2 года 5 р. На 1 мѣсяцъ 2 р.

Иногородніе подписавшіеся на 1894 годъ въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года получаютъ газету со дня подписки до 1 января 1894 года безплатно.

На 1/2 года. 4 р.	Подписка принимается: въ САМАРѢ: 1) въ главной конторѣ редакціи, на Дворянской ул., въ д. Соколова; 2) въ редакціи, по Воскресенской ул., д. Новиковой; въ УФѢ — въ Уфимскомъ отдѣленіи конторы «Самарской Газеты»; въ СЫЗРАНИ—въ магазинѣ Калачева и книжномъ магазинѣ Мерлина; въ БУЗУЛУКѢ—въ библіотекѣ Матвѣева; въ ОРЕНБУРГѢ—въ книжномъ магазинѣ Михайловой.	На 1/2 года. 5 р.

Редакторъ-издатель *И. П. Новиковъ.*

1—3.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1894 ГОДЪ.

Въ «**Ученыхъ Запискахъ**» помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету. обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія**: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

«**Ученыя Записки**» выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

1—3

Съ 1894 года будетъ выходить при журналѣ «ИГРУШЕЧКА», а также и по отдѣльной подпискѣ, особое педагогическое изданіе

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ".

Цѣль изданія—содѣйствовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей до-школьнаго возраста.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ воспитанію и образованію дѣтей. Практическія указанія и совѣты по уходу, воспитанію и элементарному обученію дѣтей Обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч. Обзоръ выдающихся книгъ по первоначальному воспитанію. Отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтскихъ садовъ и проч. Рисунки. Чертежи.

Хотя для выполненія своей задачи редакція заручилась сотрудничествомъ компетентныхъ лицъ изъ медицинскаго и педагогическаго міра, но она хорошо сознаетъ всю трудность предпринимаемаго дѣла, которое возможно успѣшно выполнить только при дружномъ сочувствіи и поддержкѣ лицъ, интересующихся воспитаніемъ дѣтей, поэтому надѣется, что матери и всѣ лица, близко стоящія къ дѣтямъ, не оставятъ ее цѣнными указаніями, совѣтами и сообщеніями отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій изъ дѣтской жизни.

Посвятивъ себя интересамъ воспитанія, редакція намѣрена сдѣлать свой органъ истиннымъ другомъ семьи, потребности и нужды которой всегда найдутъ откликъ въ журналѣ.

Въ трудахъ редакціи примутъ участіе: Д-ръ **С. П. Верекундовъ.** Д-ръ **А. С. Виреніусъ. В. П. Воленсъ.** Д-ръ **Гориневскій. С. И. Иванова** (женщ.-врачъ). **О. Ю. Каменская** (женщ.-врачъ). Проф. **П. Ф. Лесгафтъ. М. М. Манассеина.** Д-ръ **И. В. Маляревскій. Е. Х. Маляревская** (женщина-врачъ). **А. Х. Образцова. Викторъ Острогорскій. А. Н. Паевская** (женщина-врачъ). **І. И. Паульсонъ. Д. Д. Семеновъ. М. М. Соколова.** Проф. **И. Р. Тархановъ** и другіе.

Изданіе «**НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ**» будетъ выходить 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ), книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На педагогическое изданіе „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ"

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи.	3 руб.	За границу. 5 руб.
Вмѣстѣ съ журналомъ «Игрушечка» и одной безплатной преміей	5 »	7 »
Съ журналомъ «Игрушечка», съ особымъ отдѣломъ «Для Малютокъ» и двумя безплатными преміями.	7 »	9 »

Адресъ редакціи: *С.-Петербургъ, Фурштадтская ул., д. 44,* куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВѢРОВА.

1—3

«Польза и развлеченіе»—таковъ девизъ нашего изданія.

Годъ V изд. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ** V годъ изд.

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписной годъ съ 1 ноября 1893 года по 1 ноября 1894 года.

Въ наступающемъ году журналъ **«ПРИРОДА И ЛЮДИ»** сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшія себѣ симпатіи читающей публики, т.-е. по прежнему, наряду съ занимательными романами, повѣстями и разсказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по разнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ **1894** подписномъ году журналъ **«ПРИРОДА И ЛЮДИ»** дастъ своимъ подписчикамъ:

52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА.** Каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6 — 8 большихъ статей, не считая мелкихъ, и 6 — 10 художественныхъ рисунковъ. Такимъ образомъ, по истеченіи года составится большой изящный томъ, содержащій болѣе 800 стр. и украшенный до 500 рисунковъ.

12 **КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.** Книги будутъ выходить ежемѣсячно, въ размѣрѣ отъ **120 до 160 стран. каждая,** на хорошей глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями. Въ нихъ будутъ помѣщены избранныя сочиненія популярно-научнаго или практическаго характера. Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ въ нѣсколько разъ **превышаетъ подписную** цѣну на журналъ **«ПРИРОДА И ЛЮДИ»,** такъ что при большомъ количествѣ подписчиковъ издатель имѣетъ возможность дать

БЕЗПЛАТНО

столь цѣнное приложеніе, которое будетъ выходить подъ общимъ названіемъ

ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ наступающемъ году будутъ даны слѣдующія книги «Полезной библіотеки»:

1) **Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ** — Г. Парвиля. Перев. А. Лякидэ, подъ редакціею проф. *С. Глазенапа.*
2) **Научныя развлеченія** — д-ра *В. Буринскаго.*
3) **Подъ водою** — Л. Фигье. Перев. подъ редакціею и съ дополненіями *П. Лебедева.*
4) **Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ** — проф. Ф. Эсмарха. Пер. подъ ред. д-ра *С. Груздева.*
5) **Первые обители Москвы**—большой разсказъ изъ жизни первобытнаго человѣка *Г. Полозова.*
6) **Самоучитель фотографіи**—Ф. Дилайе. Перев. подъ редакц. *Е. Буринскаго.*
7) **Рыболовъ-любитель**—*Ѳ. Пескова.*
8) **Пять внѣшнихъ чувствъ** — Л. Фигье. Перев. подъ ред. д-ра *Ю. Малиса.*
9) **Электричество въ домашнемъ быту**—*В. Тюрина.*
10) **Жизнь земли** (Популярная геологія)—профессора *Ф. Пуше.*
11) **Домашній обиходъ** (Сборникъ полезныхъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства) — *Ф. Груздева.*
12) **Чудеса гипнотизма**—д-ра *Ю. Малиса.*

«Журналъ для всѣхъ и обо всемъ».

Подобнаго содержанія не имѣетъ ни одинъ изъ русскихъ журналовъ, за исключеніемъ нашего.

Такое содержаніе дѣлаетъ наше изданіе единственнымъ въ русской печати.

«Польза и развлеченіе»—таковъ девизъ нашего изданія

ВЪ №№ ЖУРНАЛА ВЪ НАСТУПАЮЩЕМЪ ГОДУ БУДУТЪ НАПЕЧАТАНЫ: **«Храмъ науки»**—большой романъ изъ университетской жизни *I. Ясинскаго*; **«Новая жизнь»**—большой романъ изъ области будущаго *А. Лемана*; **«Аріасвати»**—фантастическій романъ *Н. Соколова;* **«Черная душа»** (исторія одного пограничнаго разбойника)—разсказъ *Ѳ. Тютчева*; **«Мститель»** (изъ жизни нашихъ среднеазіатскихъ окраинъ)—разсказъ *В. Губаревичъ;* **«Морфинистка»**—разсказъ *А. Зарина;* **«Мірскія диковинки»**—рядъ разсказовъ *В. Желиховской;* **«Лиллипуты»** (тайны микроскопическаго міра)—научный романъ *А. Бленара;* разсказы проф. *Н. Вагнера*, *Н. Каразина* и *Д. Мамина-Сибиряка*; **«Жертвы моря»** (разсказы изъ исторіи крушеній судовъ нашего военнаго флота)—*Моряка* (псевд.); **«Тайны алхиміи»**—очерки *Н. Павловича*; **«Письма изъ Африки»**—*Г. Сенкевича*; **«Страна чудесъ»** и **«Въ царствѣ рулетки»**—разсказы изъ путешествій *С. Дмитревскаго*; **«Лазуревый гротъ»**—очеркъ *С. Донскаго*; **«Орочони»** (вымирающее племя)—этнографическій очеркъ *А. Максимова*; **«Изъ песковъ Судана»**—очерки послѣдняго путешествія д-ра *А. Елисѣева*; **«Очерки изъ путешествія по Абиссиніи»**—извѣстнаго путешественника *В. Машкова;* **«Семь церквей Апокалипсиса»**—*В. Желиховской;* **«Столицы міра»**—разсказы *С. Донскаго*; **«Плеяды»** и **«Сатурнъ, его кольца и спутники»**—очерки проф. *С. Глазенапа;* **«Друзья человѣка»**—большой очеркъ д-ра зоологіи *А. Никольскаго;* **«Ящерицы, плачущія кровавыми слезами»**—*В. Максимова*; **«Чтеніе мыслей»**—*П. Соловьева*; **«Воля»**—*П. Успенскаго*; **«Черезъ сто лѣтъ»**—очерки *В. Битнера*; **«Живая машина»**—очеркъ *I. Ясинскаго*; рядъ популярныхъ біографій русскихъ ученыхъ и путешественниковъ, очерки изъ астрономіи, зоологіи, ботаники, метеорологіи, физической географіи, минералогіи, геологіи, физики, химіи, медицины, технологіи, по сельскому и домашнему хозяйству, по отдѣлу **«Наука и забава»**, извѣстія о новѣйшихъ путешествіяхъ, изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ; полезные совѣты и рецепты: фокусы и забавы и пр., и пр. Большинство статей иллюстрировано изящными рисунками.

ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ОТДѢЛѢ принимаютъ участіе художники: *Казанцевъ В. Г.*, *Каразинъ Н. Н.*, акад. *Кившенко А. Д.*, *Піотровичъ С. К.*, акад. *Самокишъ Н. С.*, *Самокишъ-Судковская Е. П.*, *Соколовскій Э. К.* и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ «ПРИРОДА И ЛЮДИ» СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 12 КНИГЪ «ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ»:

Безъ доставки **4** рубля, съ доставкой и пересылкой **5** руб., заграницу **8** рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 февраля **1** руб. и къ 1 мая все остальныя.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся, за 1891, 1892 и 1893 гг. осталось небольшое количество экземпляровъ, цѣна которыхъ въ брошюрованномъ видѣ, со всѣми приложеніями,—4 руб. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 рублей. Пересылка съ наложеннымъ платежемъ по вѣсу и разстоянію.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «ПРИРОДА И ЛЮДИ», С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Редакторъ д-ръ **С. Груздевъ.**—Издатель **П. Сойкинъ.**

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый **безплатно.** 1—3.

«Журналъ для всѣхъ и обо всемъ».

Подобнаго содержанія не имѣетъ ни одинъ изъ русскихъ журналовъ, за исключеніемъ нашего.

Такое содержаніе дѣлаетъ наше изданіе единственнымъ въ русской печати.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесленной Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ** сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать **БЕЗПЛАТНО** отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ спеціальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ. Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) матеріала за крайне дешевую цѣну.

Редакція имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ за границей въ большихъ промышленныхъ центрахъ, получаетъ отъ нихъ лучшіе образцы новѣйшихъ издѣлій и множество рисунковъ съ описаніями.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО** всевозможное **СОДѢЙСТВІЕ** по различнымъ справкамъ, также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно съ **НАЛОЖЕННЫМЪ** платежомъ.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» въ теченіе истекшихъ 9-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того **ОБИЛІЯ** полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) **50 №№ ВЪ ГОДЪ**, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ. 2) **СТО** листовъ приложеній (замѣняющихъ преміи къ «Ремесленной Газетѣ»), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ **СВЫШЕ 20 р. с.** 3) Изящно иллюстрированный календарь. 4) Сверхъ того, каждому годовому подписчику будетъ выслана **СПРАВОЧНАЯ КНИГА ПО РАЗЛИЧНЫМЪ РЕМЕСЛАМЪ.**

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла..

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: **6 руб. въ годъ** съ перес. и доставкой (за лаются полгода 4 р.).

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Ремесленной Газеты» со всѣми приложеніями за 1886 г. по **10** р., а за 1887, 1889, 1890, 1891, 1892 и 1893 г. (безъ книгъ) по 5 р. высыпо первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Экземпляры за 1885 и 1888 гг. всѣ разошлись.

«Ремесленная Газета» ОДОБРЕНА Учен. Комит. Мин. Нар. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ — мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва. Долгоруковская ул., домъ № 71.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ

МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Программа:

1. Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству.

2. Статьи по общественной и частной гигіенѣ, анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гигіена. Аптечное дѣло.

3. Статьи по земской медицинѣ.

4. Исторія медицины.

5. Переводные статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій.

6. Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ.

7. Врачебная хроника и смѣсь.

8. Врачебно-бытовые вопросы.

9. Народная медицина. Врачебныя замѣтки.

10. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ.

11. Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой. . . . . . 5 руб.
для фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ 3 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ *К. Л. Риккера;* въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

1—3

Крюковскаго. «Паяцы», муз. др. въ 2 д. Леонковалло, перев. Г. Арбенина. «Первый балъ», ком. въ 1 д. Ф. Корша. «По ошибкѣ», ком. въ 1 д., перев. съ итал. Е. В. Кашперовой «Приглашеніе на вальсъ», ком. въ 1 д. А. Дюма (отца). перед. А. Крюковскимъ. «Пятое число», Ком. въ 1 п. П. Невѣжина. «Сердцеѣдъ», ком. въ 3 д. Е. Балуцкаго, перед. Е. Бабецкаго. «Тревожные дни», ком. въ 4 д. соч. Н. Вильда и проч. и проч. При библіотекѣ имѣется также и музыкальный отдѣлъ: оркестровки русскихъ и иностранныхъ оперъ и опереттъ, клавираусцуги, отдѣльныя шансонетки, музыкальные сборники водевильныхъ куплетовъ, а также собраніе сценъ и разсказовъ для литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Заказы исполняются почтою, наложеннымъ платежемъ. Каталогъ библіотеки, желающимъ, высылается безплатно.

Разрѣшенное Правительствомъ, со взносомъ залога въ Государственное Казначейство,

ПЕРВОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО

ДЛЯ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЫ

Е. Н. РАЗСОХИНОЙ.

Москва, Тверская улица домъ, Сушкина.

Посредничество по ангажементамъ и заключенію контрактовъ между гг. антрепренерами и гг. артистами, какъ драматическими, такъ равно оперными, и опереточными, а также приглашеніе на гастроли извѣстныхъ гг. артистовъ. Сообщеніе всевозможныхъ справокъ и свѣдѣній, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ театральному дѣлу вообще. Пріемъ всякаго рода объявленій и заявленій какъ отъ гг. антрепренеровъ, артистовъ, такъ равно и отъ дирекцій театровъ, городскихъ управъ и проч. лицъ и учрежденій.

Подробная программа дѣятельности и условія Агентства желающимъ высылаются **безплатно.** 2—3.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

Русскій сельскій календарь на 1894 г.

Въ календарѣ помѣщены, кромѣ общекалендарныхъ свѣдѣній, свѣдѣнія для переселенцевъ и статьи по отдѣламъ: 1. **Сельско-хозяйственный** (Работы на каждый мѣсяцъ)—Полевое травосѣяніе.—Садоводство.—Пчелиный уставъ (какъ водить прибыльно пчелъ).—Что дѣлать противъ пожаровъ (несгораемыя крыши и т. под.).—2. **Ремесленный** (Витье веревокъ.—Гончарное дѣло).—3. **Лѣчебный** (Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при холерѣ.—Скотолѣченіе.)—4. **Общеобразовательный** (Сельскія читальни). — Предсказанія погоды (популярная метеорологія).—О солнцѣ, лунѣ, землѣ и звѣздахъ).—5. **Нравственный** (Бесѣды о сельской жизни.—Бесѣды о пьянствѣ.—Были и разсказы о милосердіи и самоотверженіи).

Въ календарѣ помѣщены списки полезныхъ книгъ по сельскому хозяйству, ремесламъ и производствамъ.—Въ приложеніи карта Европ. Россіи и Сибири. Ц. 25 коп. Выписывающіе изъ книжнаго магазина Конусова (Москва, у Страстнаго монастыря) и Сытина (Москва, Никольская, д. Славянскаго базара) платятъ 30 коп. съ пересылкой. Оптомъ—у Сытина (Москва, у Ильинскихъ воротъ) за сотню 15 руб. 2—3.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ: Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика, т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера, кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой. При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступка и кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.